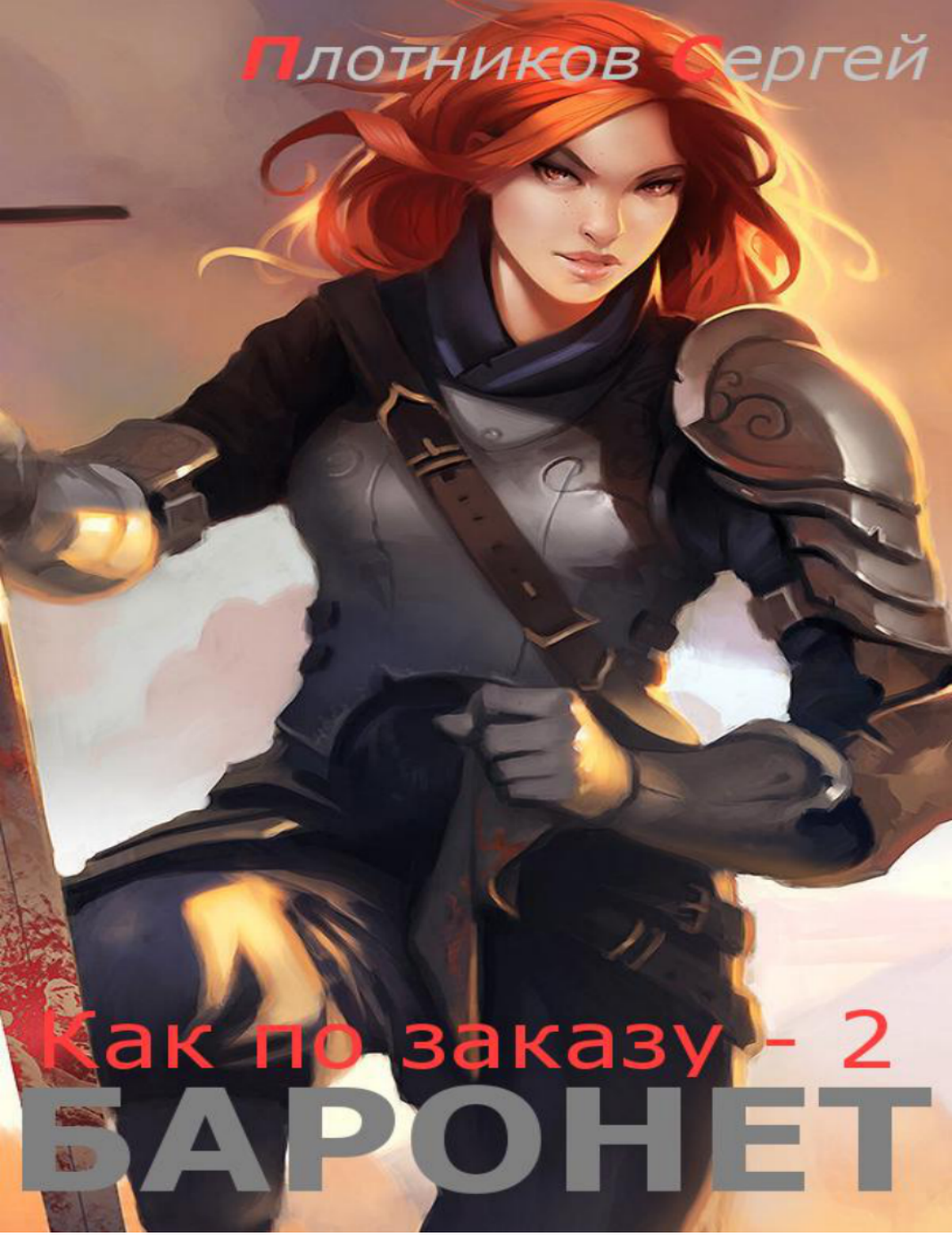

Плотников Сергей
Как по заказу - 2
БАРОНЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Если уж и попадать в фэнтези, то уж точно не безвестным бродягой без роду-племени или вынужденным от зари до зари работать в поле крестьянином, верно? Нет уж, в новый мир — только благородным. И как минимум — бароном! Что-что? Не хочешь вникать в проблемы и разбирать тяжбы крестьян, отбиваться от наглых соседей, собирать налоги для герцога и короля и фальшиво улыбаться новоявленным родственникам? А тебя никто и не спрашивает. Сам ведь захотел в попаданцы — теперь изволь соответствовать!

- Сергей Плотников
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Сергей Плотников
Баронет

Пролог

Остроумно. А я всё гадал: как должна выглядеть граница Великой Свободной Республики Лид? Одно дело запретить для неграждан посещение своей территории, кроме нескольких небольших международных анклавов вроде города Нессария, и совсем другое — добиться исполнения этого запрета. Современные развитые земные государства далеко не всегда с этим удовлетворительно справляются, что уж говорить о местных. Даже учитывая повсеместное использование рабского труда, постройка столь протяжённой каменной стены или затянулась бы на пару столетий, или потребовала мобилизации абсолютно всех граждан вместе с их разумной собственностью лет эдак на пятнадцать без выходных и отпусков. Собственно, доказано китайцами: они свою Великую Стену длиной почти в двадцать тысяч километров строили без малого девятнадцать столетий! Разумеется, как я и думал, теневые правители Лида ввязываться в столь масштабный мега-проект, который и после окончания строительства повиснет на экономике государства тяжёлым грузом, нужным не посчитали. Да и зачем, когда есть уже проверенные, «бесплатные» для Повелителей Жизни методы. Магия и химеры.

Редкие столбы, на вершинах которых едва угадываются светящиеся только для магов точки контрольных амулетов — с такого расстояния не разобрать, каких именно, но из логики следует, что сигнальные. А внизу — широкая полоса жухловатого по зимней поре газона и изредка попадающиеся на ней меланхоличные чёрные чешуйчатые «коровы». И всё, граница на замке. Конечно, должны быть ещё и какие-нибудь заставы: в конце концов, амулеты надо заряжать и подновлять, и вообще, контроль нужен на всякий случай. Но именно что на «всякий». В том, что чешуйчатые рукотворные монстры способны выследить (в том числе и по запаху), найти, догнать, убить и сожрать трупы нарушителей (последнее — чтобы пограничники не перенапряглись с уборкой) лично у меня даже тени сомнения не возникло: видел этих «травоядных» милашек в деле. От такой охраны границы и армии вторжения серьёзно не поздоровится — не то что отдельным нарушителям, желудочный сок им пухом.

Я, насмотревшись на *такую* границу, уже наполовину ожидал, что отличная республиканская дорога просто в каком-то месте пересекает газонную полосу и продолжается дальше разбитой грязной грунтовкой королевского тракта. Ну а что, граждане и их рабы, все поголовно несущие магические Печати

магии жизни и так пройдут, а остальным всё равно не положено. Но нет. Контрольно-пропускной пункт всё-таки был. Построенный в полном соответствии с местными реалиями, разумеется: квадрат стен с воротами. В распахнутые створки которых и ныряла дорога — и наверняка выходила через другие такие же с противоположной стороны.

Ну что ж. За шесть с половиной месяцев мне вполне удалось освоиться в республике, более-менее встроиться в местную жизнь — и уже испытать на себе все её прелести. Как то: стать рабовладельцем, едва не сдохнуть под копытами кабана-мутанта, стать профессиональным охотником на монстров, едва не сдохнуть в клыках нарийского тигра, найти быстрый и, главное, дешёвый способ стать полноценным магом Жизни, едва не сдохнуть, растворившись в суперкислоте неведомо как забравшейся далеко на юг гидры… Ну, вы поняли. Самое время посмотреть, как тут живут «за ленточкой». Правда, учитывая тенденцию, можно спрогнозировать возможные попытки проткнуть меня копьём, мечом или застрелить из арбалета — нравы в странах-соседях Лида иногда жуть как просты. Но я на этот случай подстраховался, о да.

* * *

Наверное, вам уже стало ясно: я тот самый типичный герой-попаданец, про которых на Земле написаны, нарисованы и напечатаны тонны макулатуры. Маг могучей стихии Жизни, отважный истребитель монстров, самый настоящий дворянин, да не какой-нибудь, а почти барон с собственным гербом. А ещё герой любовного фронта аж с тремя красавицами-рабынями в «гареме»! Что, завидно? Тоже так хотите? Вот и я когда-то мечтал… И получил на свою голову, блин. Ровно то, что хотел. Впрочем, смотрите сами.

Для начала магия жизни на поверку оказалась невероятно сложной штукой, полноценно пользоваться которой можно было только досконально зная полтора десятка медицинских дисциплин вроде анатомии, физиологии, нейробиологии и других «логий». Которых я, естественно, на Земле не знал — был-то я не врачом и не биологом, а менеджером по продажам… Как будто этого мало, стихию внутри себя нужно было для начала отыскать, заставить слушаться и выполнять необходимые действия — а потом долго и нудно «качать контроль». Местные учатся такому с самого детства, проводя долгие годы рядом с наставником, а мне повезло попасть в тело восемнадцатилетнего

одарённого, но не обученного обалдуя. Памяти предшественника мне практически не досталось, так что судить о степени магической начальной подготовки баронета Арна мне было сложно. Вот с оружием Бертран-младший явно когда-то тренировался: кое-что из приёмов владения копьём мне удалось «вспомнить», но сущие мелочи. А вот на шпагу навыки тела вообще не отзывались, как и на многое другое. И вообще создавалось впечатление, что восемнадцатилетний гражданин за предыдущие семнадцать лет более-менее освоил только дворянский этикет. Ну, как говорится, на безрыбье… эх. Если бы к этим навыкам можно было хотя бы получить доступ по желанию, а не спонтанно из-за сложившейся ситуации… Ладно, проехали.

Что там дальше? Отважный истребитель монстров? Есть такое дело. В смысле, выбора, чем заняться в жизни у меня просто не было. Или копьё в руки и вали в сторону Шрама, или… тоже вали, только из республики, без копейки денег за душой и уже навсегда. Учитывая, что за границами Лида царит приправленное магией средневековье, перспектива показалась мне так себе. Пришлось зарабатывать на жизнь методичным разделыванием магических мутантов на ценные ингредиенты, из которых Повелители Жизни клепают, как на конвейере, новых чешуйчатых бурёнок и прочих полезных созданий вроде моей кобылы Вспышки. Учитывая, что в доноры годятся исключительно только что убитые без прямого использования магии твари, подобный заработок представляет из себя что-то вроде вдумчивой игры в русскую рулетку: почему-то твари добровольно идти под нож ну никак не хотят. И никакая экипировка, никакая команда поддержки не будут полной гарантией безопасности, что лично мне местная маго-фауна уже трижды наглядно продемонстрировала. В последний раз буквально на днях, что очень помогло быстро принять решение о временной передислокации подальше от Границы зоны дикой магии и поближе к переходящему по наследству поместью.

Собственное баронство! Как звучит, а? Впрочем, учитывая количество родичей Арна разной степени дальности родства (один доброжелатель просветил, ага), без проблем здесь не обойдётся. Но одно я могу сказать наверняка: они точно не умеют плеваться разъедающей всё и вся супер-кислотой на два с хвостиком километра. То есть милые, в сущности, люди! Наверное, с ними даже договориться будет можно. Разговаривать с потенциальными клиентами я хорошо умею, и мне очень даже есть что родичам предложить. Прямо настроение поднимается, когда я думаю о занятии, не связанном с постоянным риском для жизни и разделкой истекающих кровью и кое-чем ещё менее

приятным трупов чудовищ. А уж моё оставшееся на родной планете кресло старшего менеджера теперь вообще предел мечтаний. Никакого риска, не нужно как одержимому добывать с болью и кровью новые знания… и чего мне дома не хватало? Разве что пресловутого гарема.

Рона. Фирониэль. Эльфийка, которую даже близко нельзя подпускать к луку или сковороде, зато можно доверить самое главное. Моя остроухая радость и прелесть. Пожалуй, не будь её, не знаю, смог бы я смириться с этим миром? Смог в конце концов принять его, найти себе цель в жизни? А ещё Рона помогла мне найти и выбрать из толпы «мяса» Машу, второго и последнего близкого мне здесь человека. Именно ради них я собираюсь прыгнуть выше головы: стать магом, выучиться на Повелителя Жизни. Ведь только так здесь можно с гарантией обезопасить от всяких там превратностей судьбы себя и свою семью. Если уж мне фактически досталась вторая жизнь, я намеревался хотя бы в ней получить то, что не смог достичь в первой.

* * *

— Предупреждать будете, уважаемая? — с любопытством спросил я у разумной химеры в знакомой форме. Именно в такой вот комплект одежды и брони, напоминающий экипировку земного полицейского-спецназовца без шлема (с поправкой на местные материалы), были облачены стражники-республиканцы в южных кварталах города-университета. Хм. Надо полагать — это и есть форма лидовских погранцов. Логично, если подумать: кому как не им охранять спокойствие граждан и контролировать иностранцев в международном анклаве?

— Куда ж я денусь-то? — притворно вздохнула девушка, шевельнув своими выдающимися ушами. Снежно-белый мех с чёрными точками и закруглённые концы. Привет, ещё один монстр, которого я не знаю… и не узнаю, если повезёт. — Гражданин. Пройдя под сводами внешних ворот, вы покидаете территорию гарантированного действия республиканского закона. На территории королевств вы действуете исключительно на свой страх и риск и в той же мере подвержены исполнению актов местного правопорядка, что и любой другой иностранец.

— Да уж в курсе, — хмыкнул я, через плечо кинув взгляд на Машу. Избыточно тяжёлый, по охотничьим меркам, доспех — дочка кузнеца позволила себе снять только шлем — при каждом движении всадницы россыпью разбрасывал вокруг себя солнечные зайчики. Ещё бы: если нужно, в элементы брони теперь можно

было смотреться, как в зеркало. Перед отправлением я отдал вещи в мастерскую, где сняли матовый лак и в прямом смысле навели на металл блеск. Разумеется, в таком виде Марише про охоту на монстров можно было забыть, зато любому идиоту на дороге сразу становилось понятно: благородный господин едет. Благородный и хорошо вооружённый: Милка легко тянула не только свою наездницу, но и целый арсенал из двух арбалетов, двух копий и «кабаньего» меча. Насколько мне удалось разузнать ситуацию насчёт дорожных неприятностей в королевствах — связываться с такими вот самоходными крепостями идиотов находилось мало. Что среди разбойников, что среди других благородных.

— Если вы всё же решили продолжить путь, — явно повторяя заученный текст, следом за мной оглядела мою спутницу пограничница. — То вам следует помнить: многие за пределами Лида относятся к жителям республики предвзято. Однако, факт действительного гражданства не может быть достоверно установлен никем, кроме других граждан и их собственности, а также прошедших полный курс обучения магов жизни.

В этом я тоже успел убедиться самостоятельно: свечение магии других Стихий для моего восприятия было недоступно, и наоборот тоже было верно. Это при том, что магию одного вида можно было без особых проблем (зато с потерями) трансформировать в любую другую. Отчего, например, я прекрасно мог различить изготовленные в Лиде бытовые амулеты на основе контроля Воздуха или Воды — «заправлялись» они всё равно преимущественно доступной абсолютно любому гражданину Жизнью… Занятно, впрочем, другое: пограничница не взывает к чувству национальной гордости, а наоборот, чуть ли не прямым текстом советует не светить свою «прописку». Надо полагать — прямая рекомендация «сверху», и, заодно, тот самый редкий для культурных традиций Лида, а потому весьма ценный *добрый совет*. Впрочем, я и не собирался буром переть как мажор-рабовладелец.

— Ещё что-нибудь? — на всякий случай переспросил я, вытаскивая из чересседельной сумки свёрток. Энергичное движение руками — и вот мои плечи украшает плащик, сделанный по той же выкройке, что и у Маши. Вот только цвет серо-стальной и посередине вышит герб: красная булава, перекрещенная с дубовой ветвью. Довольно простой герб, без всяких финтифлюшек вроде обрамления из листьев, цветов, звёзд и прочих символов, по которым словно по госномеру автомобиля можно узнать кучу дополнительной информации о владельце. Вот если стану из баронета полноценным владетельным бароном,

выбив манор в наследство — тогда придётся дошивать понизу герба зелёный фон, например…

— Не забывайте вовремя вносить налоговые отчисления, — со смаком спустила меня из эмпирей геральдики прямо лицом в дорожную грязь химера, заставив непроизвольно поморщиться. Как тут забудешь… — Один пропущенный взнос — и ваша недвижимость будет передана в собственность полиса…

Да-да, а без собственности ты в течении месяца перестаёшь быть гражданином. Не смог за месяц найти и оплатить новую недвижимость в одном из городов? Блокировка печати и пожизненная депортация. Кстати, городское имение с тёплым сортиром могут отобрать и по другим причинам: из-за слишком сильно облупившегося фасада, например. Или потому, что владелец не соизволил оставить раба следить за недвижимостью, а заодно работать индикатором того, что достопочтенный гражданин не откинул на чужбине копыта. Дом милый дом, мать его. Хотя по сравнению с местным вариантом магического рабства даже такие правила — всё равно цветочки.

* * *

Все живущие на территории республики разумные — или граждане-рабовладельцы, или их рабы. Если Платон когда-то считал, что для успешного построения демократии достаточно всего трёх невольников на душу населения, то здесь на одного гражданина приходится не менее десятка единиц подобного имущества. Именно на их труде, а ещё на железобетонно исполняемых законах и зиждется продвинутое и тщательно лелеемое благополучие Лида. Не само по себе зиждется, разумеется, а по воле теневых правителей.

Повелители Жизни, кстати говоря, не пафосное название правящего клана или там тайного общества, религиозного ордена какого-нибудь, а — вот представьте — *научного течения*. Не столь уж давно, по местным меркам, маги именно этой научной школы решили, что пора, пожалуй, применить свои теоретические наработки на практике. Взяли — и применили. Так применили, что у местных корольков волосы так дыбом встали, что аж сидеть на тронах неудобно стало. Желание уничтожить внезапно возникшего ненормального по меркам привыкших к средневековым порядкам аристократов государство-соседа поначалу было нестерпимым, как резь в носу перед чиханием. Вот только учёные, — а наука в этом мире, по понятным причинам, неотделима от магии, — на удивление хорошо подготовились не

только в плане контроля поведения рабов. Политики и вояки, поначалу скрипя зубами, вынуждены были отложить свои амбиции в дальний ящик… а потом очень быстро втянулись во взаимовыгодные товарно-денежные отношения.

Лид не только надёжно затыкает собой немалую часть границы Шрама, но и непрерывно поставляет на местный «мировой рынок» великолепных химер. Что в плане боевой эффективности представляет из себя «лошадь», способная за четыре секунды с места в карьер выдать около семидесяти километров в час по пересечённой местности, я получил представление на собственном опыте, «играя» в пятнашки-догонялки с тигром-мутантом. И я до сих пор жив, а вот меховой ковёр-переросток давно превратился в звонкие монеты. Для понимания: несколько вот таких вот камуфляжной расцветки «котиков» когда-то за два дня полностью уничтожили приграничное королевство Нария. Обычные, даже прекрасно обученные бойцы просто ничего не смогли противопоставить чудовищам. А неделю назад Вспышка с трудом, но всё-таки смогла вытащить меня из-под удара гидры — милой магической зверушки, которая тигров кушает на завтрак. И это — неразумная ездовая химера. Представляете, что могут творить вот эти милые, полностью разумные и способные пользоваться оружием девочки-пограничницы в чёрно-чешуйчатых «бронях»? Кстати, разумное живое оружие с прелестно выглядящими меховыми ушками — единственный класс химер, к экспорту благоразумно запрещённый.

Впрочем, республике и её хозяевам скорее всего не помогли бы ни магия, ни супер-армия, если бы денежный поток в полном объёме оседал в карманах её граждан. Завоевали бы, не считаясь с потерями, по трупам бы прошли — только добраться до накопленных ценностей. Однако Лид не только крупный экспортер, но и не менее крупный импортёр. Возможность в любой момент обменять собственных подданных на звонкую монету — вот что, как мне кажется, отлично примирило благородных с существованием «неправильного» государства.

Выезжать в случае чего за счёт подконтрольной черни — это давняя и любимая забава феодалов. Правда, обычно речь идёт только о всевозможных налогах в том или ином виде. Неурожай, война, свадьба старшего сына или любимой доченьки? Нехай крестьянин горбатится, его труд всё оплатит. После появления на карте этого мира республики стало возможно и от вконец разорившегося и озлобившегося живого актива заодно избавиться — что несложно, ибо на своих землях любой барон сам себе и

прокурор, и судья, и свод законов в придачу. Печатям всё равно, кто под них попадает: висельник-убийца ли, мирный землепашец, ловкий мошенник или воин-ветеран. Результат всегда один: ещё один послушный лот на рынке рабов. То, что добрые дворяне и банды разбойников-людоловов до сих пор не переселили половину континента на территорию Лида — заслуга исключительно низкой закупочной цены (ещё бы, с таким-то предложением!) на заготовки под будущих невольников. Не отбивается рентабельность сколь-либо дальней принудительной транспортировки людей.

* * *

…Кроме плаща я не забыл экипироваться и другими статусными вещами. Это по дорогам республики я мог сколько влезет рассекать без оружия, а в королевствах дворянин без железки у пояса — нонсенс. Особо желательно, чтобы «железка» выглядела как можно дороже, потому что благородный без понтов, спеси и желания померяться и тем и другим с окружающими — это ещё больший нонсенс. Так что теперь перевязь мне оттягивала изящная, с узким хищным клинком и сложной, изукрашенной декоративными насечками гардой шпага.

Клинок вообще-то изначально предназначался как раз для Маши — аксессуар подобрали специалисты нессарийского салона красоты к её новому модному «гвардейскому» мундиру. Впрочем, местные традиции предписывают сюзерену *обеспечивать* своим вассалам оружие и снаряжение за свой счёт, но никак не дарить — потому моё решение забрать шпагу себе было вполне в духе местных традиций. Нужно будет — просто отдам опять, а пока пусть у меня на боку болтается. К сожалению, именно что болтается — в моей руке это довольно-таки опасное и сложное в освоении холодное оружие ощущалось чужеродным куском металла, пусть и с удобной рукоятью. Увы, похоже мой предшественник за все свои восемнадцать лет жизни так и не сподобился взять ни одного урока владения этим обоюдоострым шампуром.

Гораздо охотнее, чем шпагу, я бы повесил на пояс магический метатель — штуку вроде пистолета, способную пулять какой-нибудь атакующей магией прямого действия вроде огненных шаров или молний. Вот это были бы всем понтам понты — показатель не только статуса, но и очень, очень хорошего достатка. Увы, подобное оружие производилось буквально поштучно где-то в далёком горном анклаве на западе континента

и стоило совершенно баснословных денег — примерно как полторы ушастые пограничницы. То есть было не по карману от слова «совсем».

Оставалось утешаться тем, что «закачанное» в мою правую руку и подключённое к Печати гражданина магическое плетение позволяло без всяких костылей и исключительно за счёт собственной магии довольно неплохо швыряться молниями… Точнее, один-два полноценных и смертельно опасных на небольшом расстоянии разряда я точно мог выдать. Проверено на медведях во время охотничьих рейдов — в смысле, обычных, не изменённых. Топтыгины ближе к середине осени усиленно отжирались к зимней спячке и потому без зазрения совести спешили наведаться к людям, решившим приготовить нечто вкусненькое на костре. Впрочем, гораздо чаще встроенный чарошокер я использовал как зажигалку — костёр там разжечь, фитиль коктейля Молотова подпалить… м-да. Определённо, есть множество вещей, о которых, когда они останутся в прошлом, я точно не буду вспоминать с ностальгией. Осталось только до этого светлого момента дожить. С другой стороны, я за тем и еду — приблизить насколько возможно наступление сего знаменательного мига.

— Уважаемая, а лично от себя какие-нибудь рекомендации и советы можете дать? — справившись с норовящей перекрутиться перевязью, поинтересовался я у как раз закончившей изображать из себя живой справочник по законодательству Лида химеры.

— От себя? — кажется, мне удалось удивить стражницу вопросом. — Хм… ну, вообще могу. Советую не останавливаясь миновать Торжище и сразу двигаться к Кривым Рожкам у королевского тракта.

— Что еще за «торжище» такое? — напрягся я.

Разумеется, перед тем как куда-то ехать, я заглянул в любезно предоставленную купцом Рахманом карту. Заглянул, посмотрел — и купил все доступные листы вместе с тубусом для их хранения. Дорогая покупка — ручная работа, декоративные завитушки в оформлении, надписи «тутъ обiтаютъ чудовища» и все дела. В королевствах, отправляясь куда-то, было принято заказывать перерисовку, но я решил не мелочиться. Лучше уж я переплачу, чем случайно выйдя за границы скопированной зоны окажусь в «нигде». Опять же, пригодится, когда я разберусь со свалившимся на голову наследством и поеду-таки к своему будущему наставнику по магии. Надеюсь, его личность к тому моменту как раз определится…

— Торжище — это нелегальное поселение, — словно говоря

про что-то незначительное, сообщила ушастая собеседница. — Пытались устроиться прямо за внешними воротами, но мы доходчиво объяснили этим… людям, что так делать не нужно. С третьего раза. И обгоревшие завалы заставили самостоятельно убрать. Теперь Торжище располагается в двух километрах к западу по дороге.

— Нелегальность этого Торжища проявляется в том, что его на картах нет? — посетило меня пока ещё смутное озарение. — Название ведь неспроста такое «говорящее», я правильно понимаю?

— Напрямую платят королевским картографам и мытарям, вот и нет, — кивнула в ответ на второй вопрос девушка.

Ага. Ясно-понятно. Можно к гадалке не ходить — я и так теперь знаю, что там увижу.

— Может, нам вообще стороной это место объехать, сразу выйти на тракт? — на всякий случай всё-таки переспросил я. Мало ли…

— Просто не останавливайтесь, и всё.

Ага. Ну спасибо за *добрый* совет. Что ж. Добро пожаловать в благородные, гражданин Арн!

Глава 1

— Я поеду с тобой!

— Рона, — я взял эльфийку за руку и нежно погладил по запястью. — Помнишь, ты мне сама рассказывала, как в королевствах относятся к эльфам? В лучшем случае как к рабам, а в худшем…

— Надену ошейник, — без тени сомнения перебила меня девушка.

Я непроизвольно поморщился. Рабство на территории государств-монархий тоже было — в смысле, не просто закрепощение крестьян с запретом покидать земли феодала, а «настоящее», хардкорное. В основном такое явление практиковалось в южных землях: вдали от Шрама и его опасностей, среди плодородных чернозёмов, дающих по два урожая в год. Там у благородных было существенно больше средств и возможностей развлекаться по-всякому и гораздо меньше причин отрываться от этого занимательного процесса. Именно южанами была придумана следующая ступень низведения разумного до состояния бесправной вещи и её символ — металлический клёпаный ошейник без замка. К носящим подобный атрибут по умолчанию следовало относиться как к чему-то бездушному — а потому совершенно не беречь. То есть, например, использовать для каторжного труда в шахтах, на земляных работах — ну и так далее, включая, судя по смутным слухам, зачем-то необходимые тамошним магам человеческие жертвоприношения[1].

К счастью, идея с немагическим рабством Белой Церкви, с их любимой риторикой о добровольном и радостном подчинении черни дворянству пришлась совсем не ко двору. Клирики закономерно усмотрели в «изобретении» ошейников попытку «нелицензионного» копирования успехов республики Лид (с которой, сами, разобраться не могли) и моментально полезли наводить свои порядки. Влияния светлых на юге, правда, всё-таки не хватило, чтобы подобную практику пресечь целиком и полностью, но оказалось достаточно, чтобы с ногами влезть в процесс. В итоге, в ошейники преимущественно заковывали только осуждённых преступников и только с санкции святош — этакая полезная для общества альтернатива казни. Исключение допускалось ровно одно: нелюди. Вот их можно было превращать в вещи без оглядки на закон и мораль самостоятельно, и использовать любым способом. Думаю, не нужно уточнять, что ждало в *таком* рабстве молодых и красивых эльфиек?

Разумеется, эльфы были, мягко говоря, не в восторге от открывающихся перспектив. Те их свободные поселения, что не пожелали пойти под крыло республики, вынуждены были перекочевать к самой границе Шрама и тщательно скрывать своё местоположение. Оттого достать ушастую невольницу было довольно-таки непросто — а, значит, дорого. Опять же, если на юге церковники всё из-за того же недостатка влияния смотрели на развлечения благородных сквозь пальцы, то на севере такой проблемы у Белых не было. Заблудшему чаду могли настойчиво порекомендовать избавится от нечеловека, и даже дровишек для костра привезти прямо на дом — вместе со специалистами по аутодафе. Это не считая того, что ценный приз могли попытаться просто-напросто отбить — причём не обязательно разбойники. Вот и вопрос — оно мне надо?

Фирониэль я, разумеется, смог отговорить. Подозреваю правда, что победа осталась за здравым смыслом не без воздействия Печати подчинения — слишком уж потенциальная поездка на территорию королевств для дочери лесного племени напоминала изощрённое и мучительное самоубийство. Но просто так эльфийка меня, разумеется, не отпустила. Таких страстных и бурных ночей, как в течении последней недели перед нашим временным расставанием, у меня ещё никогда не было! Ни в том мире, ни в этом. А дни, пока я и Маша в авральном режиме пытались собрать себе хоть какой-нибудь денежный резерв в дорогу, Рона проводила с иглой. Исколола себе пальцы так, что мне несколько раз пришлось обращаться к силе своей Стихии, осунулась от усталости — но своего добилась. *Ни одного* предмета одежды без вышивки, включая нижнее белье, у меня не осталось. Особенно впечатляющим вышел герб на плаще: уж не знаю, как у эльфы так получилось, но при взгляде со стороны создавалось впечатление, что палица и дубовая ветвь как бы парят над серой поверхностью ткани.

…Маленькая стройная фигурка в развевающемся на зимнем ветру длиннополом тёплом платье на крыльце нашего коттеджа в Миракии, кутающаяся в шаль в свете косых утренних солнечных лучей — эта картина до сих пор так и стояла у меня перед глазами. Я покидал полис с тяжестью на сердце: не так, совсем не так мне ещё совсем недавно рисовалось начало путешествия к вершинам начального магического образования. Чем-то моя «командировка за наследством и далее» напоминала самые первые шаги в этом мире: впереди неизвестность, которую и менее поспешная подготовка развеять не смогла бы, в кошельке-калите у пояса дырка от бублика (ну почти, если сравнивать с теми суммами, что там ещё недавно звенели), а в качестве

поддержки и опоры — одна-единственная спутница…

Однако, отличная республиканская дорога мягко ложилась под копыта химер, равнодушная к любым чувствам путников. И чем больше километров разделяло меня и так и не обжитый дом, тем легче становилось на душе. Нет, я по-прежнему не обманывался на счёт своего будущего — в поместье никто розовые лепестки под копыта Вспышки кидать не будет. Скорее уж наоборот — если меня там и ждут, то уж точно не с распростёртыми объятиями, а крутя за спиной фиги. Но… я снова молод, чёрт возьми! И после шести месяцев практического уничтожения тварей, смею надеяться, действительно могу за себя постоять. Под моим седлом зверюга, способная дать фору иному кроссовому мотоциклу с Земли, рядом скачет мой верный рыцарь, обвешанный оружием и бронёй словно танк, а за спиной реет плащ с родовым гербом. Грех жаловаться на судьбу и унывать! Не зевать, не расслабляться, быстро и качественно работать головой, пользоваться любой открывшейся возможностью, чтобы изменить ситуацию в свою пользу — вот и всё, что от меня требуется. В конце концов, этот «квест» я взял себе по собственному выбору, а не под давлением обстоятельств непреодолимой силы. Если что — могу и задний ход дать…

* * *

Насчёт дороги по ту сторону пограничной черты — это я угадал. От внешних ворот заставы-форта вдаль тянулась обычная грунтовка, в меру разбитая и по-зимнему грязная. А так — пейзаж не особо и изменился: ржаво-зелёные, заросшие прибитой холодами и осадками к земле травой обочины, от которых тянет силосом; серо-коричневая стена не особо густого леса, в котором тёмно-зелёными пятнами проступают сосны и ели. И блёкло-синее, совсем не летнее, небо над головой. Зимнее солнце светит ярко, а вот греет откровенно плохо: хлюпает вода под копытами химер, меж лесными стволами клубится жидкий, прозрачный туман, а в тени особенно густых ёлок и вовсе лежат кучки серого, ноздреватого снега. Точно такого же цвета немедленно стала и шёрстка на ногах моей Вспышки. Ещё один повод не срывать лошадку в галоп — тогда в цвета местной зимы очень быстро окрашусь и я. Вот, кстати…

Я обернулся к отставшей на полтора конских корпуса спутнице — и хмыкнул. Вот уж правильно говорят: танки грязи не боятся. Копыта тяжело бронированной и дополнительно нагруженной Милки на каждом шаге во все стороны

расплёскивали вязкую гадость, так сказать *«дорожного покрытия»*, словно воду. Н-да. Пожалуй, дорожные разговоры стоит отложить как минимум до королевского тракта. Есть слабая надежда, что хотя бы та дорога будет напоминать именно что дорогу, а не мелкое и, что греха таить, неприятно попахивающее болото. Даже воняющее, скорее… Сильно воняющее!

…Это оказалась не дорога. В смысле — источником запаха было не месиво под ногами химер, а то, что было впереди. Грунтовка вильнула — и деревья вдоль обочин неожиданно расступились, открывая вид на… на… Блин. С чем сравнить-то? Наверное, если бы существовало специальное кривое зеркало, искажающее не пропорции отражения, а его суть, то именно так выглядел бы в нём буквально пятнадцать минут назад покинутый форт республики. Ворота и стены — да. Но вместо каменного монолита небольшой, но грозной твердыни — почерневшие, покосившиеся вкривь и вкось брёвна частокола и несколько жердей, чисто символически обозначающие створ для въезда. Створки тоже есть — из трухлявой даже на вид, сочащейся влагой неподъёмной доски, и, похоже навсегда вросшие в открытом состоянии в землю у обочин. А за «стенами»…

Не знаю, как у местных жителей получилось добиться подобного эффекта, но грязевая лента дороги внутри словно *разливалась* по сторонам, в середине своей превращаясь в совсем уже непролазную хлябь с лужами. В лужах неспешно копошилась тройка грязных по самые кончики ушей свиней и с десяток на удивление практически чистых гусей. Разумная жизнь центральную часть «площади» благоразумно огибала, сосредотачивая своё присутствие по краям, у там и сям криво натыканных изб — таких же чёрных и скособоченных, как и частокол. Стоп, я сказал «разумная»? Кажется, поторопился.

Строения внутри неровного круга кое-как заточенных сверху брёвен образовывали свою окружность — ещё более кривую. Малые пародии на избы, похоже, являлись вроде как жилыми домами — из каменных труб поднимался дым, крохотные слепые окна иногда поблёскивали тусклыми поверхностями грязных стёкол. А вот большие… Одно… одна… один большой лабаз со скошенной крышей оказался таверной — прибитую над притолокой подкову я разглядел после того, как из-за двери выпали два цепляющихся друг за друга и за керамическую бутыль вдупель пьяных тела. Не став заморачиваться соблюдением приличий и элементарной гигиены, эти двое стали орошать стену прямо рядом с порогом скопившимися в организме излишками

жидкости. При этом раскачиваясь, словно невидимый ветер так и норовил сбить их с ног.

Если кто думает, что на подобную сцену кто-то из здешних жителей обратил внимание или, паче чаяния, одёрнул — вотще. Внутри не такой уж всё-таки и большой территории бесцельно шлялись или занимались своими делами человек этак с двадцать одновременно — и хоть бы один голову повернул. Откуда-то до меня и остановившейся рядом Маши долетало мычание, из ближайшей избы слышались женские взвизги и смех то ли на два, то ли на три голоса, вдали плакал ребенок, лаяла собака…

— То самое Торжище, про которое нас предупреждали, — наконец дошло до меня. Уж больно открывшаяся картина поразила до глубины души своей сюрреалистичной целостностью. Надо признать — редко я видел подобные зрелища, а за последние полгода — вообще ни разу. Теперь, когда пронзительность пейзажа уже не так сильно резала взгляд (и нос, о боже! Как они тут живут?!), я стал замечать сначала пропущенные детали. Например, парочка пьяниц у стены трактира несла на себе Печати республики, причем не рабские, а гражданские. Ещё одна Печать проглядывала через стены ближнего сарая — судя по всему, поставленная на ездовую химеру. Да и из дома с веселящимися шлюхами (ну а кем ещё?) ритмично, но едва заметно мерцало призрачно-зелёным. А вот у занятых делами местных Печатей как раз не было. В общем, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, чем тут живут.

— Поехали отсюда, — борясь с лёгкими приступами накатывающей тошноты, приказал я. Двинул было Вспышку по краю «площади», но увидел, как несколько женщин в безвкусно-цветастых платьях кучкой двинулись в нашу сторону — и направил химеру напрямик. Что-то мне подсказывало, что я так меньше испачкаюсь…

* * *

— Теперь я понимаю, почему пограничники это самое «Торжище» сожгли. Трижды, — придержав свою уже не очень белую лошадку, я теперь ехал бок-о-бок с дочкой кузнеца. После форсирования «главной площади» с позволения сказать *поселения* угваздаться сильнее было уже просто невозможно. В смысле, грязь продолжала лететь, но в том же темпе отваливалась под слоем собственного веса.

— М-мерзость, — согласно передёрнула плечами рыцарь. — Как они так могут жить?!

— Минимум вложений и максимум отдачи, — лесной воздух после смрада вокруг Торжища пах словно амброзия. — Видал я такие «схемы»…

— «Схемы»? — не поняла меня Маша.

— Нечто, что позволяет на первый взгляд совершенно законно и быстро, причём в течении некоторого промежутка времени, а не один раз, получать высокие прибыли, — я скривился, пытаясь поточнее раскрыть пришедший в российский бизнес прямо из «лихих девяностых» термин. У меня на Родине объяснять обычно никому не требовалось. — Не думаешь же ты, что все эти торговки собственным телом и подавальщики-наливальщики алкогольной бодяги именно тут случайно сами собой собрались? Или у них поинтересовались, в каких условиях они хотят жить?

Люди… во всех мирах мы остаёмся самими собой. Если есть те, кто готов заплатить за «запретные» развлечения, то немедленно находятся «доброжелатели», организующие подобный досуг. Так и появляются на Земле целые кварталы в курортных оффшорах, застроенные казино, и целые страны, чуть ли не официально специализирующиеся на секс-туризме. Если так подумать, то в половине подобных мест моего родного мира всё организовано не менее… грязно. Прямо-таки вселенская закономерность какая-то… хотя, если подумать, всё логично.

— Мерзость… — уже с другим оттенком эмоций в голосе повторила девушка.

Объяснять, не объяснять? Пожалуй, придётся — а то мы так толком и не поговорили после того, как я получил от Рахмана предупреждение о проплывающем мимо наследстве. Пришлось собираться в дорогу бегом и кувырком — присесть некогда было, не то что объяснить свою задумку. Хотя, может и хорошо — времени на депрессию у дочки кузнеца тоже просто не осталось… А потом мы полтора суток галопом летели по идеальным республиканским трактам — с единственной короткой остановкой на поспать. И правильно сделали, как выяснилось — теперь-то спешить уже не выйдет. Не по таким хлябям. И это ещё погода идеальная — солнечная и для этого сезона *сухая*. Если пойдёт дождь… брр.

— Маша, скажи мне, ведь у вас в деревне улицы точно так же зимой развозило? — кивнув под ноги химерами, уточнил я, заранее зная ответ. Природа моей родины наглядно и с удовольствием демонстрировала его всем желающим, решившим осенью или весной сделать шаг в сторону от асфальта. В Лиде и окрестных королевствах в целом климат заметно теплее, чем в России, но, видимо, по другим параметрам типа состава почв и

характера увлажнения сходств хватает. — А пытались бороться как-то с распутицей? Ну ладно, не везде, а хотя бы вокруг храма, например?

— Отец Клемент, кажется, предлагал, чтобы деревянным настилом площадь застилали… — сбитая с толку неожиданным вопросом, честно попыталась вспомнить дочка кузнеца. — Кажется, говорил, что в церковных сёлах все так делают… Я тогда маленькая была, мне не интересно было. А что?

— А то, что предложение вскладчину улучшить общий комфорт отклика в широких массах не нашло. — против воли невесело улыбнулся я. Знакомо, как знакомо-то…

— По крайней мере мы не выливали поганые отходы туда, где все ходят! — Марише показалось, что она поняла, к чему я клоню. — И если кто дом строил, всем миром всегда помогали, и папа тоже!

Рыцарь осеклась, наверняка не понимая, что это вдруг на неё нашло. Нет, всё-таки не зря я убедил её написать письмо этому самому клирику Клементу, и аккуратно намекнул черкануть пару строк ещё и деревенскому кузнецу. Как бы девушка не хорохорилась, видно, не самое приятное расставание с ближайшим родственником, несмотря на все случившиеся после события, всё-таки продолжало лежать едва заметной тяжестью на душе. Ну козёл её отец, что сказать, — но ведь ближайший родственник, другого нет. Маше, когда мы покидали Нессарию, явно изрядно полегчало. Если бы не чёртова гидра…

— Я к тому, что никто не будет вкладываться в то, от чего лично для себя не видит отдачи, — терпеливо объяснил я. — Торжище, как ты слышала, официально «ничьё», его вообще как бы нет. А, значит, его без последствий может кто угодно сжечь. Так зачем делать хорошо, если можно дёшево? Ну и люди, согнанные владельцами *схемы* туда работать, рассуждают точно так же: чего стараться мусорное ведро тащить до забора, когда завтра, может, от всего здесь одни угли и останутся.

Маша задумалась. Как и у Фирониель, образование деревенской девочки было… как бы это помягче выразиться, несколько однобоким. Только в отличие от дочки вождя, дочь кузнеца никто не научил собственным примером задумываться над привычными, казалось бы, вещами. А житейской мудрости мой вассал набрать попросту не успела, почти сразу после побега из дома завербовавшись в солдаты Белых и тут же, буквально считанные дни спустя, попав в рабство. Ну ничего, уж сейчас прогресс виден невооружённым глазом. Увы, именно перенятая у

меня привычка анализировать и сопоставлять факты наверняка и стала причиной нескольких последних Машиных срывов. Натуральное горе от ума, блин. Но лучше так, чем блаженный идиотизм.

— Затраты и отдача… — подождав немного, повторил я, глядя в сторону. — Маша, как ты думаешь, зачем я вообще сорвался за наследством?

Ага, ну, что я говорил! Сначала — полный непонимания взгляд в ответ, а потом — девушка сопоставила мой вопрос с нашим разговором. Отнюдь не дура мой вассал, и учиться умеет буквально на лету.

— Титул — это ведь не только почёт и уважение, не только положение в обществе — это ещё и обязанности, с ним связанные, — опять глядя на дорогу, продолжил я. — И перед простыми людьми, живущими на твоей земле… и перед тем, кто тебе этот титул дал.

Не знаю, кого как, а лично меня больше всего сейчас напрягало как раз последнее. Почему-то люди, мечтающие заполучить титул, обычно забывают о главной подляне для дворянина: право владеть землёй и командовать личной дружиной и крестьянами даётся монархом. И даётся не просто так — король, герцог, князь или кто там сидит на самом верху пирамиды власти на данной территории закономерно рассчитывает на дивиденды от своего вложения.

Живя на Земле, я тоже эту довольно очевидную тонкость напрочь не воспринимал, хотя казалось бы — очевидно же! Вот безземельных и безгербовых благородных по сути дела и ухватить не за что: сюзерен отпустил на вольные хлеба — всё, ты сам себе командир. И кто поумнее, как я понимаю, уже давным-давно просёк фишку и вверх не лезет. Потому что уже герб, даже не подкреплённый территорией — уже мишень для манипуляций. Отобрать его выдавшему когда-то монарху — постараться надо, но если задаться целью и найти повод, то вполне возможно. Другое дело, кому нафиг обычно нужен безземельный рыцарь? А вот баронет, претендующий на пусть и небольшой, но приносящий стабильные доходы кусок земли, который к гербу прилагается — мишень, как ни крути, уже поинтереснее.

То-то Рахман подсуетился, сумев сопоставить личности охотника Арна из Миракии и баронета Арна Бертрана. Даже взаймы попытался предложить «под совсем мизерный процент», сволочь такая. А всё почему? Да потому, что я от своей земли никуда не денусь… если баронство станет моим, конечно, но риски умный и ушлый торгаш наверняка посчитал и счёл

приемлемыми. И это всего лишь купец, который максимум что сможет — получить некий косвенный доход от влияния на феодала самого низкого уровня. Спрашивается, зачем я тогда добровольно сорвался и полез в этот самый гадюшник? Да всё потому же.

Деньги. Деньги, ради которых не нужно лезть под клыки нарийского тигра или кислотные плевки черепахи-мутанта. Затраты — и отдача. Мои усилия могут закончиться ничем, но я, по большому счёту, кроме времени ничего не потеряю. Кроме пары *зимних* месяцев, в течении которых степная бескормица всё сильнее выдавливает обитателей Шрама на юг, превращая и без того небезопасное ремесло охотника на монстров совсем уже в лотерею, в которой лично от меня мало что зависит. Мне дважды серьёзно повезло, и продолжать испытывать судьбу я не готов. Пока не готов. Что-то мне подсказывает (здравый смысл, не иначе): для неофита от магии Жизни *правила игры* будут со-овсем другие.

В этом смысле поездка за наследством для меня абсолютно беспроигрышный вариант. Получу деньги, смогу нанять наставника-мага? Отлично! Не получу? Что ж, зато приобрету неоценимый опыт жизни в королевствах, который был у Арна до попадания, но отсутствует у меня. Ведь ехать к учителю потом придётся рано или поздно так и так.

…А теперь все эти размышления нужно постепенно и аккуратно донести до Маши. Времени подумать над изменениями в своей судьбе у моего вассала, как я и говорил, толком не было, да и сама дочка кузнеца больше не та наивная дурочка, решившая попытать счастья в церковных солдатах и угодившая в рабство — что и показывают недавние нервные срывы. Тем не менее, детские мечты после прочтения рыцарских романова никуда не делись. Не хочу, чтобы моё решение продолжать ранее выбранный путь мага научной школы Повелителей Жизни вместо подвернувшейся возможности служению какому-то там корольку стало для неё неприятным сюрпризом. Ну что ж, дорога лучше не становится, логические выводы из приведённых аргументов рыцарь делать научилась очень даже хорошо. А напрягать мозги ничуть не менее полезно, чем мускулы. И мне, и ей.

* * *

— Да, Рожки определенно *кривые*, — прокомментировал я для спутницы открывшийся вид на первое увиденное мною *официальное* поселение королевства Балот. За три с лишним часа,

пока мы тащились в сторону королевского тракта, у меня здорово так укрепились подозрения, что созвучие названия страны (ага, «страны» — размеры меньше половины Московской области) и слова «болото» — неспроста. Я по неопытности, почувствовав вполне определённые позывы организма, направил Вспышку к обочине и лихо спрыгнул на траву… и влип так, что с трудом сапоги выдрал! Как оказалось, под скреплённым переплетёнными корнями слоем дёрна лежала всё та же чёрная грязь. Если просто ходить — вроде как и не проваливаешься, но стоит чуть подпрыгнуть или топнуть посильнее… м-да. А вот Машу в броне почва уже не держала. В итоге в походы к кустикам и назад мне приходилось своего рыцаря буквально вести за ручку — иначе встать из скользкой каши под ногами в случае падения у неё самостоятельно могло и не получиться. Средневековая р-романтика, мать её! Очень надеюсь, что тут просто место такое, и мы скоро из него свалим: к северу от Эрста, от полиса и до самого Вала Шрама такой проблемы нигде не было.

Кривые Рожки располагались на высоком берегу безымянной речки-переплюйки, которой, к слову, тоже на карте не было. Оставалось только догадываться, что ещё картографы королевств по тем или иным причинам «не заметили»… Около деревни вода разливалась широким плёсом, и в ранних сумерках редкие тусклые огоньки, горевшие далеко не во всех окнах, отражались в чернильно-чёрной, словно мёртвой (по запаху — определённо мёртвой, фу), воде. Если смотреть с противоположного берега, деревня действительно словно охватывала отрогами озеро, словно стремясь сжать его и удержать. В ответ стихия упорно подмывала излучину, заставляя массы грунта медленно сползать вниз — вместе со всем тем, что там понастроили люди. Надо ли говорить, что на пользу домам и сараям это категорически не шло?

Ещё одна «прелесть» зимы — короткий световой день. Дорога, не разменяваясь больше на повороты, без затей ныряла прямо в озеро, а стремительно темнеющее небо не давало шанса найти какой-нибудь другой путь. В итоге, брод, шипя под нос матерные проклятия, пришлось форсировать сходу — иначе мы рисковали и вовсе заночевать на берегу. Единственное, я заставил Машу снять броню, а сам всё время, пока химеры брели где по колено, а где и по брюхо в воде, сжимал в руках рукоять подаренного когда-то владельцем скотобойни разделочного ножа. К счастью, Милка всё-таки не поскользнулась, чего я так боялся, и мне не пришлось нырять и перерезать ремни лошадиного доспеха, ориентируясь на видимое только мне свечение Печати. Пронесло… Надо ли пояснять, в каком настроении мы попали в

селение?

Сцена прибытия в темноте в придорожный трактир благородных путешественников есть практически в любой фэнтезийной книге или историческом фильме. И вот что я скажу: враньё от начала и до конца. Лай собак, свет факелов, расторопный мальчишка-конюх, за монетку споро распрягающий лошадей? Ага, десять раз.

Пока мы добрались до длинной избы с подковой над дверью, темнота окончательно сгустилась. И вместе с ней погасли все огни в домах — вообще все. Если бы не почти полная луна, добираться или пришлось бы ориентироваться на ощупь, или внаглую вламываться к кому-нибудь наугад, лишь бы крыша над головой была, а в углу — растопленная печь. А так жирно мерцающая в неверном жемчужном свете полоса грязи с лужами довела нас до центра деревни, ну а там особого выбора и не было.

Воняло в Кривых Рожках не так уж и сильно — по крайней мере, если сравнивать с Торжищем. Однако, распахнутая дверь в таверну несколько поколебала моё представление о неприятных запахах. Скисшая стряпня, человеческий пот, подгоревший жир — всё это накладывалось на вполне аппетитные запахи из кухни и давало воистину убойный эффект, заставляющий подкатывать к горлу даже пустой желудок.

Чем хороши химеры: в отличие от обычных лошадей их можно спокойно оставить на улице осёдланными и навьюченными не привязывая, и никуда они не убредут без соответствующего приказа. Посторонним к ездовым маго-киборгам без разрешения хозяина тоже лучше не подходить — не копытом прилетит, так зубами. Тем не менее, без обслуживания транспорт лучше не оставлять — запас здоровья и выносливости у творений магов по сравнению с обычными ездовыми животными большой, но отнюдь не бесконечный. Одно из первых правил, которому учится Охотник-новичок в рейдах: хоть умирай от боли, голода и усталости разом, но если нет опасных открытых ран, то сначала разберись с лошадьми, и только потом — с разумными. Поскольку выходить из заведения навстречу нам никто не спешил, договариваться и разбираться с владельцами таверны, согласно старшинству наших титулов, отправилась Маша. Я же получил возможность как следует оглядеться по сторонам.

Ну, как оглядеться? Первое и главное после удара по обонянию впечатление: темнота. Лишь чуть-чуть менее густая, чем снаружи: только из-за этого я вообще что-то смог рассмотреть. Источником света служили крохотные огоньки… даже не знаю, как правильно эти штуки назвать. Горелок?

Лампад? Керамические плошки с вязкой на вид жидкостью, в которую опущен «хвост» едва-едва горящего фитиля — этакие прабабушки керосиновой лампы. Причём я сходу даже не брался сказать, чего больше было в решении хозяев заведения сделать пламя предельно маленьким: желания сэкономить топливо, попытки по возможности уменьшить вонь (вот что было источником запаха горелого жира!) или необходимости в минимальной пожарной безопасности на случай, если кто такую «лампу» перевернёт. Пока плошка с фитилем будет падать — огонь скорее всего погаснет раньше, чем подожжёт разлившееся масло… При таком «освещении» кроме, собственно, самих горелок можно было разглядеть только контуры предметов мебели, посуды на столах и силуэты немногочисленных посетителей. Ну и найти дверь в подсобные помещения — над ней мерцала одна из лампад.

Я, помнится, говорил, что таверны Лида сделаны «под старину»? Забудьте. Дизайнер типовых зданий для питейно-гостиничных заведений республики явно попытался сохранить некоторые аллюзии на подобные места в королевствах — но именно что аллюзии. Или, не знаю, воплотить идеализированный образ, что ли. Во-первых, в помещении общего зала просто не было привычной мне стойки — вот вообще. Маше это оказалось не в новинку — девушка просто подошла к двери на кухню и без затей позвала хозяина, с позволения сказать, бизнеса (местный аналог классического «эй, трактирщик, где тебя черти носят?!»). Во-вторых, никакого камина — видимо, в деревянном доме держать столь мощный источник открытого пламени местным показалось не самой умной идеей (поддерживаю!). В третьих — элементами дизайна интерьера тоже заморачиваться не стали. С некоторой натяжкой за них могла бы сойти только снизка луковиц (кажется, чеснока), гирляндой свисающая с невидимых во тьме стропил — однако, похоже, это скорее был аналог солонки и перечницы на столе в земном ресторане. По крайней мере, прямо на моих глазах один из посетителей подошел к снизке и ничтоже сумняшеся оторвал себе одну. Класс. А, и да. Ни одного амулета или предмета с магией Жизни.

Про посетителей я бы хотел рассказать отдельно. Хотел бы, но мои желания реальности были строго побоку: я не то что лица — детали одежды толком разглядеть не мог! Вроде на ком-то тоже был дворянский плащ, но ручаться я бы не стал. Единственное, что могу сказать — людей было около десятка, кто-то спал, навалившись на стол, некоторые неторопливо разговаривали, создавая в помещении невнятный гул. При нашем появлении разговоры на несколько секунд притихли, но потом

опять вернулись к прежней громкости. Я прислушался, но толком ничего интересного расслышать не успел: Маша договорилась.

Одно в таверне всё-таки было хорошо: внутри было по-настоящему тепло. Что прекрасно ощущалось, стоило только выйти наружу. Рассёдлывать и чистить химер пришлось самим — от щедрот сервиса нам выделили аж одну персональную горелку, немедленно задутую уличным ветром, и небольшой мешочек с зерносмесью для прикормки[2] лошадей. Сначала Маша собиралась забрать всю поклажу с собой, включая длинное копьё, но, подумав, мы большую часть оружия и припасов просто оставили у дальней стены «нашего» стойла. Кто захочет связаться с химерами, польстившись на чужое добро — пусть пеняет на себя. Засыпали корм в одно деревянное корыто, начерпали воду в другое. Моя спутница, ловко орудуя цельнодеревянными вилами, в несколько движений накидала к горке зерна сена из расположенного в углу конюшни стога. Потом мы в четыре руки в свете походного алхимсветильника орудовали щёткой и скребком — хорошо хоть я не забыл сунуть столь полезный, но в последнее время не очень нужный на охоте предмет в одну из чересседельных сумок, и всё-таки смог в темноте найти, в какую. В общем-то, примерно так мы обустраивались на ночлег каждую ночь в рейде, пока у нас Милка была единственной химерой. Разве что еду наш грузовой транспорт на природе летом вполне самостоятельно находил прямо на месте. Стоило пораньше вспомнить про лампу, но тут сработала привычка: как бы ни было темно, в движении по лесу лучше не слепить себя и химер.

— Маш, этот постоялый двор — он как, типичный для королевств? — я прикрутил мощность светильника до минимума, сравнил с трепещущим на сквозняке огоньком масляной коптилки — и со вздохом выключил лампу совсем. Фонарь-то я взял, а вот насчёт запаса алхимреагентов заранее не подумал. Мне даже в голову не пришло, что я не смогу их купить, если будет нужно. Однако местный уровень успел произвести на меня вполне определённое впечатление, и теперь я испытывал вполне закономерные сомнения.

— Ммм… наверное, — мой вопрос застал спутницу врасплох, она даже замерла на несколько секунд, обдумывая ответ. А когда стала отвечать — уверенности её голосу определённо не хватало. — Прости, Арн, но я и видела их всего четыре, включая этот…

М-да. Ступил.

— То есть крестьянам ночёвка в таверне, получается, не по карману, — так привык воспринимать дочку кузнеца своим рыцарем, что напрочь выбросил из головы её происхождение.

— Если едут на ярмарку продавать выращенное или назад — то обычно останавливаются, — уточнила Мариша. — Или когда отец ездил в баронский замок на работы по найму — тоже остановку в таверне делал. Телегу с инструментами на ночь за забор загнать, лошадь в стойло отдохнуть поставить. А если идти летом, из вещей только котомка за плечами, а с собой всего пара монет, — то и в поле ничего…

Весело моя спутница до вербовочного пункта Белых добиралась — а я со своими не до конца изжитыми стереотипами с Земли совсем по другому её путь представлял. И ведь добралась же, причём, я вижу, как некий подвиг своё бегство из дома и пешее путешествие даже близко не воспринимает. Класс. Надо полагать, что и остальные сельские жители, не отличающиеся повышенным достатком, передвигаются по королевствам точно так же…

Я приоткрыл дверцу в воротах конюшни — и влетевший внутрь порыв ветра немедленно загасил фитилёк на плошке с маслом, окончательно погрузив окружающий мир во мрак. Гостиничный с-сервис на грани фантастики, мать его!

* * *

Вы когда-нибудь уезжали к знакомым в пятницу вечером на ещё ни разу не виденную вживую дачу? Поесть шашлыков и как следует оттянуться за субботу, чтобы в воскресенье вернуться в город? А ещё там обещаны «лес под боком» и «кристально чистое озеро, где купаться и загорать можно»? Не знаю, как вы, а я так по молодости налетал раза три. На поверку «дача» с завидной регулярностью оказывалась летним домиком с крохотными комнатками и «картонными» стенками с щелями в палец толщиной, куда местные комары с трудом, но всё-таки протискиваются, озеро — крохотным противопожарным прудом, заросшим кувшинками и тотально оккупированным лягушками, а обещанный загар, шашлыки и веселье нужно ещё постараться неким образом самостоятельно добыть под ледяным проливным дождем. Для полноты картины именно в нужный день что-то должно случиться с электричеством — и получится чуть ли не полная копия условий с «нашего» постоялого двора. За исключением щелей и насекомых, правда — надо отдать местным должное. Ах да, и внутри было тепло и сухо — это я сразу оценил, стоило только выйти на улицу.

В качестве умывальника — колодец, в котором ведро проломило корочку льда на поверхности воды. В качестве туалета

— вонючая будка с дырой в полу. В качестве мебели — явно сколоченные собственными силами грубые топчаны (комнаты для постояльцев) и не менее грубые массивные столешницы и лавки. Когда на завтрак подали неровные куски обжаренного «с дымком» мяса а-ля шашлык, ощущение дачного дежавю стало совсем полным. Если бы не практика осенних охотничьих рейдов, пожалуй, я бы на полном серьёзе задумался, не повернуть ли мне назад — и чёрт с ним, с наследством! А так поймал себя на мысли, что по сравнению с отсыревшей за ночь, несмотря на вентиляционный амулет, палаткой, на постоялом дворе очень даже неплохо. А уж питаться не кое-как разогретой на костре вчерашней кашей в котле, который ещё и самостоятельно отмывать после еды придётся — вообще здорово и приятно. Вот уж воистину, всё познается в сравнении. Главное, чтобы было с чем сравнивать…

— Что-нибудь ещё желаете, ваше благородие[3]? — хозяин таверны, которого я вчера ни разу даже в глаза не увидел, сегодня подбегал к нашему столику с регулярностью раз в пять минут. Причем именно что подбегал. Уж не знаю — то ли он разглядел наконец нашу одежду и снаряжение (и герб на моём плаще), то ли просто мы остались единственными посетителями. Весь вчерашний народ куда-то делся — в общем зале завтракали мы с Машей вдвоём.

— Пожалуй, еды в дорогу, — подумав, решил я. — Что-нибудь, что можно есть не разогревая и с седла.

— Сей момент! — мужик унёсся на кухню, даже спиной демонстрируя, как спешит выполнить поручение. Походная еда у нас с собой, разумеется, была, и её, наверное, в общем-то не нужно было экономить. Но раз уж представилась возможность испробовать вариант «обеда с собой» из королевств — пожалуй, стоило это сделать. Хотя бы просто для того, чтобы узнать, что именно туда положат.

Вчера я и Маша завалились спать едва ли не через полчаса после того, как покинули конюшню, потому как делать в царящей, казалось, во всем мире от края и до края темноте было решительно нечего. Не знаю, как мой рыцарь, а я вот смог заснуть далеко не сразу. И дело было даже не в плоских, твердых тюфяках вместо матрасов, отчаянно шуршащих при каждом движении — просто крутящиеся в голове мысли не давали расслабляться.

Моя попытка предъявить права на баронскую вотчину отца Арна была во всех отношениях в сложившихся условиях разумным и логичным поступком, но… Было кое-что, что меня по-настоящему напрягало. А именно — то, что я был сыном

Кристиана и Лилианы Бертран только биологически. Подсознание бывшего владельца тела, как я уже успел убедиться, переодически подсовывало мне подказки, стоило только возникнуть ситуации, связанной с прошлой жизнью баронета, но полноценными воспоминаниями такая информация не была. Я вообще пока не вспомнил никаких подробностей о том, что касалось бы Арна Бертрана *лично*. Ни лиц родных, ни видов мест, где тот жил до поездки в Лид, вообще ничего. Даже семейного герба не вспомнил — просто нашел его по геральдическому перечню, когда узнал свою фамилию от Рахмана. Нет, я не сомневался, что я — тот самый баронет-наследник, благо, титул-то я как раз смог «вспомнить», но… Что я буду делать (и говорить) при встрече с родственниками и знакомыми — это вопрос.

Точнее, я этот аспект продумал ещё «на берегу» — до того, как срываться из республики в поездку. Мой предшественник вырвался из родных пенатов куда подальше, сильно подозреваю, не совсем самостоятельно — что-то ведь заставило его так поступить… точнее, кто-то. И я даже подозреваю, кто. Может, конечно, и не отъезд матери — но шансов на совпадение этих двух событий, как по мне, маловато. Не просто же так магесса свалила не просто из королевств, а аж с континента (!), едва отец отправился в свой трагически завершившийся поход. Что-то мне подсказывает, что не стала бы Лилиана Миракийская инициировать одностороннюю процедуру развода с мужем, если бы знала, что у того мало шансов вернуться назад живым. Н-да, семейная драма на лицо. Причем семейная драма, ставшая достоянием широкой общественности — раз уж Рахман про неё узнал. К сожалению, практически без подробностей. Как оказалось, благородному сообществу важен был сам редчайший факт развода среди дворян, а на причины, по большом счёту, было наплевать.

На фоне таких вот событий, подробности о которых я, возможно, ещё узнаю, уверен, будет не слишком удивительно, что вернувшийся после полугодового отсутствия наследник поведёт себя… скажем так, высокомерно и отчуждённо. Тем более, в республику сбежал от семейного разлада гордый, но бедный младший сын большой дворянской семьи, а возвращается уже фактически полноценный барон, верхом на боевой химере и с личным, упакованным в латы по полной программе вассалом. А то, что у меня с собой меньше тридцати золотых монет, так это на моей роже не написано… В общем, момент для возвращения в баронство для меня сейчас едва ли не идеальный, и была всего лишь одна проблема. А именно, нужно было за время пути или

научиться, или «вспомнить» о том, как *быть* благородным. Не просто таскать геральдический плащ, но *стать* дворянином. А для этого нужно было как можно плотнее взаимодействовать с окружающими людьми, влипать и решать различные ситуации — в общем, делать всё, чтобы получить или восстановить нужный опыт. В том числе, например — пообедать прямо в седле, чем хозяин таверны собрал.

Совершенно незначительная мелочь, вроде, правда? Но Арн ведь во время своего пути из королевств в Лид тоже чем-то должен был питаться, и я как-то сомневаюсь, что он всю дорогу довольствовался сухарями и вяленым мясом. Если разговор зайдёт о чём-то подобном, я должен буду что-то ответить. Понятно, что некоторые подобные моменты могли пройти мимо внимания дворянина или забыться, но не все же скопом! А я о скольких мелочах я пока даже не догадываюсь, страшно представить. Например…

— Маша, во сколько нам обошлось местное гостеприимство? — убедившись, что хозяин постоялого двора скрылся на кухне, поинтересовался я.

— Двадцать девять медных монет, — отчиталась рыцарь, не отрываясь от своей тарелки. Таскание на себе кучи металла в течении целого дня лучше всяких тренажеров сжигало энергию организма и постоянно напрягало мышцы, потому с аппетитом у девушки никогда проблем не было. Кроме того, я так и не отменил усиление обмена веществ организма дочки кузнеца, полгода назад запущенное мной посредством Печати подчинения — это тоже сказывалось на размере порций. Ушибы и ранения при нашей работе совершенно рядовое явление, и если мне помогала нивелировать получаемый ущерб собственная магия Жизни, то повысить стойкость к повреждениям у напарницы можно было только так. По крайней мере, до тех пор, пока я не овладею своей Стихией по-настоящему, а не на уровне «вкачать как можно больше силы в руку/ногу/тело и надеяться, что всё получится само».

— Треть серебряной монеты, — машинально повторил я, успев задуматься совсем о другом. Только через пару секунд информация всё-таки достучалась до моего мозга. — Стоп. Сколько?

— Двадцать девять меди, — повторила вассал.

— Это только за комнату, или…

— За отдельную большую отапливаемую комнату на ночь на втором этаже вместе с двумя тюфяками, двумя одеялами и лампадой — семнадцать монет, — скрупулезно начала на память

перечислять Маша. — За ужин с мясом, железными столовыми приборами и тремя блюдами — три меди, за завтрак — три меди, аренда двух мест в конюшне — пять меди, за зерно для лошадей — еще одна монета.

Я, вместо того, чтобы отправить в рот очередной кусок мяса, поднёс его к глазам, чтобы получше рассмотреть. Благо, окна в общем зале присутствовали, и в них попадало достаточно света. Хмм… мясо как мясо, и пахнет всё так же вкусно. А вилка — слишком массивная, немного грубоватая и с едва заметными разводами ржавчины — но чистая и в общем-то удобная.

— Как интересно… — тщательно пережевав «шашлык», я опять-таки не заметил ничего подозрительного: свинина и свинина. — А в таверне в Эрсте тридцатки меди мне, пожалуй, только одному на ужин и хватило бы.

— Там зал алхимлампами освещён, столовые приборы из мельхиора[4] и блюд в ужине минимум пять, — похоже, я не один заинтересовался местным ценообразованием. — И магией неприятные запахи убраны.

И общедоступные тёплые и чистые туалеты внутри с горячей водой, — добавил про себя я. И персонала раза в три больше, даром, что из рабов — кормить-одевать их тоже надо. Как-то сомневаюсь, что тут заморачиваются хотя бы условно-белыми передниками: вон, владелец бизнеса рассекает в обычной, пусть и относительно чистой одежде.

— У меня была с собой половина серебряной монеты, когда я… ушла из дома, — глухо призналась дочка кузнеца. Раны, полученные при продаже в рабство и после у девушки давно зажили, оставив «на память» лишь шрамы и хрипоту в голосе, но воспоминания о былом по-прежнему стабильно портили моему рыцарю настроение. — Соседи за ремонт металлической утвари в последние годы иногда давали мне лишнюю монету. Я оставляла себе, так и накопила… Когда я постучалась в дверь вербовщика, у меня в калите[5] оставалось больше половины. Я за еду больше медяка никогда не отдавала. Иногда хозяева, что пускали на постой, позволяли рассчитаться работой — молот у меня при себе был. Кое-кто осесть у них в деревне после предлагал — своего кузнеца у них не было, а кузню «всем миром[6]» помочь обещали поставить… Но я даже слушать не хотела.

— Зато ты сейчас оруженосец настоящего барона, а так бы до сих пор долги перед «миром» отдавала, — аккуратно напомнил я. Маша кивнула, с видимым усилием согнала тень с лица — и с удвоенным усилием накинулась на еду. А я… я же словно новым взглядом осматривал всё вокруг. Многочисленные раздражающие нестыковки между уровнем быта в королевствах и в республики

после осознания суммы затрат на по-местному шикарный ночной отдых внезапно получили своё исчерпывающее объяснение.

«Разрыв покупательской способности» — так, кажется, назывался подобный эффект на Земле. Это, например, когда гражданин какой-нибудь африканской страны, дома имеющий возможность нормально питаться, видит европейские цены на продукты и приходит в ужас. Хотя казалось бы: тут хлеб и там хлеб, тут мясо и там мясо. Только после этого до некоторых доходит, что европейские зарплаты кажутся заоблачными только тем, кто пересчитывает их на свою местную валюту, сидя дома. И дело не в том, что продавцы, зная возможности своих покупателей, подрисовывают на ценники лишние нолики — хотя и без этого тоже не обходится. Просто цена за что-то на полке, грубо говоря, включает в себя цену *самой* полки. Аренда и обслуживание недвижимости, гарантированные санитарные нормы, логистика и доступность товаров и услуг — всё это имеет свою цену, и за всё это платит в итоге конечный потребитель. Если ему, конечно, есть чем платить. А если нет… то и получится то, что я наблюдаю сейчас вокруг.

Республика *заставляет* своих граждан поддерживать определённый уровень жизни, одновременно поддерживая высокие заработки среди подтверждённых профессионалов и задавая как напрямую, так и косвенно высокий уровень трат. Лид может себе это позволить: высокодоходный экспорт и девять десятых любого труда выполняют бесправные, не требующие зарплат и социальных гарантий рабы. В противовес, королевства никак, судя по всему, не контролируют уровень жизни подданных, позволяя финансам самостоятельно перераспределяться между кошельками бедных и богатых, черни и благородных. В итоге, похоже, эффект получается такой же: девяносто процентов золота в карманах у десяти процентов населения. Только *суммарный объём* этого золота на каждую монархию, по моей прикидке, раз этак в десять ниже, чем у республики. Вот и получается то, что получается.

Тот же трактирщик, уверен, и рад бы поставить амулеты от запаха и алхимлампы в зал, ну или хотя бы свечи вместо уродских горелок-коптилок — да только где ему на это средства взять? Или тот же сортир облагородить? Но даже если он изыщет средства — подобное вложение средств никогда не окупится. Вот и царит в королевствах средневековье — хотя уровень развития магии, науки и алхимии давно уже позволяет построить жизнь на уровне уж точно не ниже середины двадцатого века на Земле. Видать, подобное никому оказалось не нужно, кроме горстки Повелителей Жизни, решивших по случаю планового захвата себе

необходимой территории, заодно забацать этакую Идеальную Страну.

М-дааа. Экономист и финансовый аналитик из меня тот ещё — но я всё-таки тоже кое-что запомнил из институтского курса экономики. И это «кое-что» мне подсказывает: главное я понял правильно. Кажется, я теперь гораздо лучше себе представляю то, что мне предстоит увидеть по дороге в баронство… и в самом баронстве тоже, к сожалению. Отчего на первый план теперь выходит другой вопрос: если я прав на счёт суммарной денежной массы, смогу ли я из своего положения баронета-наследника извлечь нужную сумму прибыли? Чёрт, моё и так не самое простое мероприятие только что стало ещё сложнее… но всё ещё осталось существенно легче бодания лоб-в-лоб с гидрой.

Глава 2

Королевский тракт Балота в отличие от второстепенной дороги на Лид не вызывал мучительных раздумий на тему, что же будет проще: насыпать нормальное покрытие или наоборот, вырыть на этом месте судоходный канал. Разумеется, никакого мощения или хотя бы насыпи с отводными канавами по боками и близко не было, но утрамбованный до каменной плотности грунт и сам по себе стойко держал удары Судьбы. Если идти пешком и смотреть под ноги, можно было даже не изгваздаться по колено.

Я, вообще, слышал, что новые поселения обычно возникают на транспортных артериях, а дороги, наоборот, обычно прокладывают от одного населенного пункта к другому — но, видимо, Кривые Рожки основал кто-то, с этой логикой не знакомый. Либо была ещё какая-то причина, уж не знаю, может, та самая пресловутая речка-переплюйка — но до одной из основных дорог королевства химерам пришлось везти нас ещё добрых пятнадцать минут. Тут-то и выяснилось, почему у трактирщика хватило времени крутиться вокруг нас: просто все остальные уже успели собраться и уехать.

Следопыт из меня, конечно, не самый лучший за полгода рейдов получился, но отличить свежие конские следы и колеи от колёс повозок в грязи от вчерашних я смог без труда. И даже примерно определить время, когда их оставили: где-то за два, а то и за три часа до нас. Не иначе как с первым лучом рассвета постояльцы снялись, а то и вообще по темноте, видимо спеша пройти максимум расстояния за короткий зимний световой день. И только мажоры вроде меня и Маши могли себе позволить никуда не торопиться — но таких, кроме нас, в Рожках как-то и не нашлось.

Впрочем, всю эфемерность проигрыша во времени я осознал, стоило только добраться до тракта и пустить химер аллюром. Сначала за спиной остались плетущиеся со скоростью пешехода крестьянские подводы, а потом настал черёд и всадников. И это мы не разгонялись, а шли экономичным, «крейсерским» ходом для тяжело гружёной Милки! Вот уж воистину, повторю ещё раз: всё познается в сравнении. Разумеется, я вовсю крутил головой, разглядывая новые для себя места. Уделил внимание и людям: наконец-то их можно было рассмотреть, не пытаясь сломать глаза в свете тусклых масляных коптилок. Впрочем, после утреннего озарения я лишь каждый раз находил подтверждение своим выводам.

Вообще, надо сказать, тракт отнюдь не пустовал. Крестьяне

двигались по нему в обе стороны, и даже соблюдали некое подобие правил уличного движения, прижимая свои неуклюжие телеги к правой по ходу обочине. Съездов с тракта разной степени накатанности и расхлябанности в обе стороны хватало, потому после «наших» подвод мы стали обгонять повозки, вышедшие на трассу явно из других мест. Центр дороги, видимо, выделялся именно для таких быстроходов как я и моя спутница: другие верховые, заслышав стук копыт химер за спиной, споро оттягивались в стороны, причём вне зависимости от наличия или отсутствия дворянского плаща за спиной. А поймав мой или Машин взгляд — ещё и кланялись, кто посильнее, привстав на стременах, кто просто наклоняя голову. Что ж, не вижу ничего удивительного, что правило «по одёжке встречают» действует во всех мирах.

Кстати, об одежде. Пусть мы не останавливались и даже не притормаживали химер, но даже мимолётного взгляда хватало, чтобы понять: контраст с тем, что носили в республике, был разительным. Особенно это касалось тех, кто сопровождал телеги: крестьян и, возможно, ремесленников. Цвет их вещей, по большому счёту, был только один: серый разных оттенков. Ткань даже издали выглядела грубой, а если касаться фасона, то все вещи словно пошил один и тот же портной: типовые рубахи и штаны. Кое-кто щеголял в жилетах из овчины мехом наружу (обычно они сидели на облучках повозок), некоторые дополняли свой наряд овечьими же шапками, остальные защищались от холода или явно вручную связанными вещами из всё той же некрашеной серой шерстяной нити, либо вообще войлоком. Кстати сказать, отдельные войлочные шмотки на Земле смело могли бы тащить в модный бутик на продажу — что-то подобное я осенью и зимой замечал на московских модницах. К большому горю местных пейзан, здешней цивилизации до высокой оценки «полностью ручного производства, 100 % экологичности сырья» было ещё расти и расти…

Более-менее цветными пятнами выделялись всадники. Хотя тёмно-синие геральдические плащи некоторых дворян знавали лучшие времена настолько давно, что характерные контуры и цвет болтающейся за спиной бесформенной тряпки нужно было ещё постараться угадать. Зато практически все, кто передвигался верхами, были в той или иной мере открыто вооружены, хотя такого арсенала, что мы с Машей навесили на Милку, ни у кого и близко не было. Обычно ограничивались подвешенной к поясу шпагой или саблей, некоторые седоки везли притороченный за спину или к седлу разряженный арбалет. Один мужик в грязно-

зелёных шмотках (этот, кстати, плащ не носил) привлёк моё внимание тем, что вёз объёмистый тул со стрелами и лук — но тоже со спущенной тетивой.

Встречных и попутчиков разглядывать было достаточно интересно, вот только останавливаться или уж тем более заводить какие-то там разговоры у меня не было никакого желания. Помня, как на меня практически на ровном месте чуть не напал только что приехавший в Нессарию дворянчик, я не очень понимал, чего ждать от тех, кто освобождал нам дорогу. Правда, тогда я был без плаща и оружия, и за мной не возвышалась бронированная башня личного рыцаря верхом на боевой химере, но всё равно испытывать судьбу на ровном месте почему-то не особенно хотелось. А если чего и хотелось, то только поесть. Увы, но и с этим тоже было не всё гладко.

Погода начала портиться с самого утра: небо заполонили тучи, а ближе к обеду облачность и вовсе превратилась в один сплошной низкий серый мрачный потолок. Ветер, задувший резкими порывами, вскоре начал всё чаще бросать в лицо пригоршню то дождевых капель, то липких мокрых снежных хлопьев. Совсем не та обстановка, в которой было бы желание ненадолго остановиться и устроить привал. Можно было, конечно, сбросить скорость и действительно поесть с седла, как я и планировал, вот только удовольствие это даже в хорошую погоду было сильно ниже среднего, а сейчас и вовсе… Нет, если бы вопрос стоял о жизни и смерти, или хотя бы о соблюдении сроков, то я, несомненно, потерпел бы. Но сейчас ситуация была в каком-то смысле даже обратной: крыша над головой и прилагающаяся к ней приятная либо не очень компания нужны мне были не меньше, а может быть даже больше еды. Если уж влипнуть во что-то неприятное по незнанию, то лучше там, где у потенциальных противников не будет за спиной городской стражи или половины дворянского квартала дружков.

Приняв решение сделать днёвку, совмещённую с обедом, я начал с ожиданием вглядываться в каждый поворот дороги: по моим расчетам, мы уже должны были вот-вот наткнуться на одну из отмеченных на карте деревень. Ну или хотя бы на отдельно стоящую таверну — должны же быть и в этом мире придорожные гостиницы, так ведь? Однако время шло, химеры несли нас вперед, путники продолжали оставаться за спиной — а тракт как рассекал дикие на вид перелески и редкие, явно естественного происхождения луга, так и продолжал рассекать. И ни единого признака жилья. После того, как мы с ходу проскочили собранный из массивных, уже порядком разбитых копытами

брёвен мост в несколько пролётов через довольно широкую речушку, я решительно натянул поводья и полез за атласом.

Эту водную преграду картоделы всё-таки соизволили нанести, позволив мне сразу установить наше текущее местоположение… и выругаться сквозь зубы! Пять, нет шесть — шесть! — придорожных деревень мы уже, оказывается, миновали. Не иначе как невидимых — потому что иначе мы их никак не могли пропустить. Кроме того, на чёртовом тракте, даром что королевском, напрочь отсутствовали не только дорожные столбы — вообще хоть какие-то указатели! Хотя… ну-ка, стоп. Я пригляделся к отметке «Кривых рожков», нарисованных жирной точкой сбоку от дороги, потом нашёл глазами остальные населённые пункты. Толстенькие кружки, обозначавшие их, закрывали собой край схематичной отметки тракта, но закрывали не серединой — боком. Эти криворукие уроды что, таким образом хотели *намекнуть*, что сёла расположены тоже в стороне от торного пути? Вот… у меня даже приличных слов нет!

— Маша, — сдерживая так и рвущиеся под порывы ветра с языка эпитеты, решил уточнить я. — У вас дорога ведь проходила через центр деревни, я правильно запомнил?

— Да, — до спутницы тоже стало доходить, что с королевским трактом что-то не так.

— Понятно, — понятно мне не было, но мозги, вместо какой-нибудь умной мысли, настойчиво советовали не стоять на ветру, а валить уже куда-нибудь в тепло и там пожрать… и потом уже подумать над несовершенством мироздания. — Тогда на следующем повороте…

Я опять практически упёрся в карту носом, пытаясь понять, в какую сторону от дороги смещен центр кружка следующей деревни.

— …Направо.

Чёрт. В каком там королевстве расположена эта самая «гильдия картографов»? Что-то мне уже захотелось наведаться к ним в гости. С горящим факелом в руках!

* * *

Деревню я всё-таки почувствовал раньше, чем увидел. Пусть на несколько секунд, но раньше. Носом. Запах дыма — ну и навоза, разумеется, куда ж без него. И только потом из сплошной стены валящего с неба снега проступил контур ворот. Открытых, к счастью.

На самом деле, по настоящему густой снегопад начался уже тогда, когда мы минут десять пробирались по боковой дороге, свернув с тракта направо. Поначалу широкая и столь же грязная, как та, что вела к Кривым Рожкам, эта с позволения сказать транспортная артерия постепенно ужалась практически до состояния лесной тропы, где телега в одну сторону только с трудом проедет. Разумеется, у меня возникло подозрение, что мы выбрали не тот съезд — ведь указателей не было по-прежнему. Тем не менее, я решил проехать ещё немного, потом ещё… а потом небеса словно разверзлись, разом вывалив вниз весь свой накопленный снег. К счастью, мы всё-таки пришли именно туда, куда хотели.

Внутрь постоялого двора я скорее ввалился, чем вошёл: благодаря магии Жизни простуда мне не грозила, но находиться на улице в местами (не будем уточнять) промокшей насквозь одежде было практически пыткой. К счастью, конструкторская мысль местного гостиничного воротилы самостоятельно или с чьей-то помощью дошла до такой полезной вещи, как коновязь, над которой некая добрая душа соорудила навес, где химер можно было просто оставить, чисто символически привязав. И скорее в теплоооо!

— Вино. Горячее! Есть? — кажется, я теперь знаю, откуда растут ноги у знаменитого дворянского хамства. И раскидывания деньгами не глядя — тоже. Если такие вот поездки для многих из них обычное дело, совсем не удивительно, что вежливость вскоре куда-то теряется. Я сходу направился к подобию конторки, за которой скучал тучный мужик в практически белой рубашке с каким-то простеньким орнаментом на отложном воротнике, и прежде, чем тот успел что-либо ответить, звучно приложил серебряным кругляшом о доску. — И еды, тоже горячей. Но сначала вина!

Когда глаза привыкли к полумраку (чёртова мокрая метель сделала из середины дня глубокий вечер), я наконец смог осмотреться и оценил, куда в этот раз попал. А местечко-то, кажется, более прогрессивное, чем двор пресловутых Рожков: доски стен не тёмно-серые, а белёные, даже потолок всего лишь умеренно закопчён. С балок свисает штук шесть косиц из трав и овощей, и даже есть нечто вроде украшений — всё тот же простой орнамент, намалёванный на стенах чуть выше человеческого роста. А вот с посетителями было негусто. Точнее, кроме нас их не было вообще.

— Вино, ваше благородие! — трактирщик, выполняя мой заказ, передвигался по своему заведению исключительно рысью.

Наверное и бегом бы побежал, если бы не боялся расплескать напиток.

— Даже в бокалах, — не смог я сдержать своего удивления, принимая довольно изящную керамическую емкость. Пожалуй, даже не просто керамическую, а натурально фарфоровую!

— Всё лучшее для наших дорогих гостей! — мужик очень старался, но заверение получилось у него всё равно слегка фальшиво. Хотя не сказать, чтобы он был совсем нам не рад: серебряный кругляш, видать, очень успешно справлялся с плохим настроением. — Еда будет и четверти часа не пройдет.

— Верю, — горячий напиток, в который не забыли даже добавить пряности, мягко скатился по пищеводу и словно зажег маленькую печку в моём желудке: ни один чай на такое не способен… Ох, а ведь про вино я выдал даже не задумываясь, то ли на стереотипах, то ли получив подсказку от подсознания баронета.

— Что-нибудь ещё, благородные господа? — трактирщик явно не собирался от нас просто так отходить. Только вот про «господ» он зря ляпнул: Маша булькнула своим вином и нехорошо на него посмотрела.

— Да мы вообще-то просто пообедать заехали… — вслед за спутницей поморщился я, но уже по другой причине: снегопад и не думал прекращаться. Наоборот, кажется, ещё сильнее погустел, хотя казалось бы уже дальше некуда. Получается, что и торопиться смысла нет: ведь всё выпавшее сейчас растает, и возвращение к тракту рискует превратится в заплыв… — Лучше расскажи, почему у вас тут ни одной деревни рядом с королевской дорогой нет. В наших краях не так.

— Господа с севера? — неожиданно прозорливо догадался мужик, теперь уже меня заставив булькнуть вином. — Тогда я расскажу, откуда такое отличие. Ваши армии не ходят по дорогам. А чужие вообще не ходят.

— То есть как это?! — почему-то оскорбилась Маша. — Я сам… сам видел, как ходят!

Да, мы перед путешествием договорились, что мой вассал продолжит говорить о себе в мужском роде и дальше. Соглашусь, шутка несколько затянулась, но даже дочка кузнеца была вынуждена согласиться, что легче так, чем объяснять, почему выглядящий как юноша рыцарь говорит о себе хриплым и совсем не женственным голосом в женском роде. Увы, залечить повреждённые перед продажей в рабство и успевшие давно зажить голосовые связки регенерация Печати подчинения не смогла. Цена же столь тонкой работы, как восстановление голоса у квалифицированного республиканского врача в ранге

подтверждённого мага Жизни стоила столь неприлично много, что я об этом пока даже думать не мог.

— Вы видели мобильные отряды, а не всю армию на марше разом, верно? — тем временем гостиничный бизнесмен демонстрировал свою чуть ли не энциклопедическую по местным меркам образованность. — Это потому, что если пришлось армию отправлять к Валу Шрама, то она сразу развёрнутая в боевые порядки пойдёт. Иначе могут выкосить её всю, в полевом-то построении.

— А ты неплохо в этом разбираешься, — мне пришлось сделать усилие, чтобы и в этот раз «тыкнуть» человеку, неожиданно оказавшемуся несколько умнее, чем можно было бы предположить. Увы, в отличие от Лида вежливость в королевствах была в чести только в отношении к вышестоящим. А если выкнуть равному, если верить рыцарским романам, то можно и вызов на поединок схлопотать. Причём почему-то за неуважение…

— Отец двадцать пять лет ходил строем, вернулся сержантом, — с законной гордостью сообщил мужчина. — Он и рассказал. Это у Шрама, особенно у горловины, у всех людей один враг… а кое-где говорят, что и у всех *разумных*. А чуть на юг, как у нас, так между их величествами уже и дрязги иногда происходить изволят. И вот наш светлейший монарх вынужден выслать к границе армию, дабы вразумить соседа, либо сосед решил нагло вторгнуться на территорию. И вот идут полки, а солдатикам-то есть хочется, а офицерам — и ещё чего. И если впереди деревня — марш не замедлят, да только ни одной коровы да свиньи не останется… да и баб красивых тоже.

— Однако… — меня это здравое, бесхитростное и при этом по-местному предельно политкорректное объяснение немедленно убедило. А местные монархи — ещё большие идиоты, чем я думал… Впрочем, у них, скорее всего, просто тоже особого выбора нет. С волками жить — по волчьи выть. А что торговля несёт убытки и деревни, которые на ней подняться могут, тоже нихрена не развиваются — всем наплевать. — И подъездные дороги тоже потому в таком состоянии, что только шагом лошадь и пройдёт?

В ответ сын сержанта только развёл руками: мол, ты всё правильно понял.

— И часто у вас… движение армий случается? — решил для общего развития уточнить я.

— Да раз в пять лет точно, — подумав, пожал плечами трактирщик. — Чаще-то оно реже. Армию двигать, оно ведь тоже денег стоит…

«…Особенно когда фураж по мере движения с крестьян не

собрать» — без особого труда «расслышал» я недостающую часть фразы.

— Как вы при таких делах не прогораете только, — в ответ невольно вырвалось у меня. Купцы что — они-то, особенно крупные, наверняка в курсе царственных телодвижений. Кто подмазал кого надо, а кому и сами власть предержащие, имеющие долю с доходов за «крышу», говорят. Хотя, скорее всего, и торговцы тоже время от времени попадают под раздачу. А вот крестьяне, тащащие свои повозки по тракту навстречу неизвестности вообще настоящий подвиг совершают. Им-то неоткуда знать, кто движется по тракту навстречу.

— Да все привыкли уже давно, — на мгновение настоящие чувства селянина прорвались наружу, но он тут же взял эмоции под контроль. — Каждый трактирщик по-своему приспособился. Вот я больше с односельчанами работаю… хотя и гостям очень рад!

— Получается, зажиточное у вас селение-то, — я не забыл своих размышлений, и потому после всей полученной информации сделал напрашивающийся вывод. Если они такое, вполне приличное вино «для своих» держат, то уж точно не бедствуют.

— Да уж получше живем, чем соседи, — а вот теперь владелец таверны даже не стал пытаться сдержать самодовольство. — Знать, посуда из Белой Лепки по всему Балоту расходится, да и по соседним королевствам! Сам король наш, да продлятся годы его правления справедливого, говорят, с такой иногда ест, когда серебро-золото надоедает! Нигде окрест таких нет — ни глины, ни гончаров, ни мазил.

Ага, вот теперь мне действительно всё ясно. В том числе и причина отсутствия других посетителей: из-за расположения селений относительно тракта просто так зайти и перекусить по дороге мало кто может — это для химер изобразить из себя внедорожник раз плюнуть, а обычной лошади, я уже не говорю про обременённую телегой — совсем нет. Потому идущие по королевской дороге сойдут с неё только ближе к вечеру, только чтобы успеть до темноты расположится на ночлег. А местные сейчас тупо работают: делать посуду — занятие не сезонное, но требует хорошего освещения, особенно на некоторых этапах вроде росписи. В такой ситуации упускать короткое светлое время суток и вовсе преступно… Так, а трактирщик так и застрял у нашего стола, хоть и оглядывается всё чаще на дверь в кухню, откуда определенно потянуло чем-то вкусным. Кстати, посторонних запахов в заведении нет, и, думаю, тут дело не в амулетах. Скорее, в регулярной уборке и нормальной

вентиляции.

— Тебя что-то… интересует? — по очереди проглотив «от нас надо?» и привычное республиканское «уважаемый», прямо спросил я.

— Вы ведь с Границы едете? От самого Шрама? — прямо-таки с какой-то жадностью спросил владелец гостиницы.

— Угадал, — переглянувшись с Машей, не стал открещиваться от чистой правды я.

— Благородные господа, а… расскажите, как там? — боже. Взрослый, неглупый (иначе бы давно разорился) и по здравому циничный мужик смотрел на меня и моего рыцаря глазами, больше подходящими восторженному подростку.

— Холодно, сыро и опасно, — против воли вспомнив обстоятельства встречи с гидрой, передёрнул плечами я. Судя по тому, что Мариша уткнулась в свой бокал, ей тоже ничего приятного память не преподнесла.

— А твари? Ну, чудовища? — внутренний пацан трактирщика никак не хотел униматься.

— Да куда уж без них… — я поморщился, не желая распространяться о подробностях в общем-то довольно скучной и рутинной, если оставить за скобками постоянный риск, работы Охотником. Тем более что нас, кажется, приняли за гвардейцев одного из пограничных полков северных королевств, в задачу которых входила защита от тварей населения, а не превентивное уничтожение пересекающих Вал измененных. Этим рисковали заниматься только боевые группы Белых да Рубежники. Причем вторые скорее вынужденно: в районе Горловины Шрама километровой высоты вал многокилометрового ударного кратера по какой-то причине прерывался, и твари могли проходить на человеческие земли без всяких проблем…

…Пауза затягивалась, мужик, ответственный за нашу еду продолжал пялится на нас восторженным взглядом (не иначе как приняв молчание за редкостную суровость), и потому я не сдержался. Хочет баек про магических мутантов? Их есть у меня!

— Вот недавно, и двух месяцев не прошло, завалили нарийского тигра, — словно нехотя признался я, заставив дочку кузнеца удивлённо вскинуть брови. Однако, наконец-то услышавший что хотел трактирщик ничего не заметил.

— Ух ты! — мужик явно проникся. — И много народу полегло?!

— В этот раз обошлось… без необратимых последствий, — веско припечатал я. — Мы же всё-таки профессионалы.

— Да ну? — вряд ли владелец гостиничного бизнеса досконально разбирался в мутантах, тем не менее, он

закономерно усомнился в правдивости моего рассказа. Было почему: несколько кошек-переростков, однажды одновременно пересекших вал Шрама примерно в одном месте, *полностью* уничтожили население целой страны за трое суток! Собственно, это и было королевство Нария, чье название «по наследству» приклеилось к новой на тот момент разновидности чудовищ.

Справиться с одиночным тигром, в принципе, было по силам и обычным людям: всего лишь требовалось создать достаточную плотность огня… из осадных стрелометов, потому что обычные болты и стрелы от его шкуры просто отскакивали. Вторым вариантом было умудриться облить ловкую и крайне быструю тварь адгезивной огнесмесью вроде напалма. Или желеобразной кислотой, вроде той, что в меня плевалась гидра. Только сделать это нужно было два раза подряд, потому что в первый раз тигр просто избавлялся от огня, оперативно сбрасывая шерсть. Понятно, что проделать подобное без потерь было практически невозможно. И наличие магов в рядах поддержки пехоты либо метателей у офицеров зачастую сильно не помогало: порождения Шрама, сами пропитанные дикой Силой, к нефизическим поражающим факторам часто показывали ещё большую стойкость, чем к ударам обычным оружием.

— Ну да, — я дождался, пока выражение скепсиса окончательно сформируется на лице мужчины… и достал из кармана свёрток. Как знал, что пригодится. Вообще я планировал подарить кое-кому из возможных конкурентов за наследство сувенир с намёком, но ладно: для демонстрации тоже сойдёт. Развернув слои мягкой ткани, я взял в руку изогнутый, с рабочего конца игольной остроты коготь. Размер у «коготка» был такой, что его можно было без особой натяжки использовать вместо стилета. На глазах так и прикипевшего к трофею зрителя я картинно провёл остриём по бокалу, вызывав мелодичный перелив… и пустив тонкую стружку. — Теперь веришь?

Пожалуй, я ещё никогда не видел у человека таких больших глаз! Так, а вот теперь пора напомнить насчёт нашей еды.

* * *

Пожалуй, теперь я намного лучше понимал, *насколько* сильно простой люд королевств, не обременённый плащами и гербами, на самом деле уважает тех, кто реально стоит между ними и тварями. Уважает, любит, преклоняется — и готов чуть ли не в лепёшку расшибиться, чтобы хоть в малом оказаться полезным, помочь. Может, дальше на юг ситуация и меняется, но тут, уже на

относительно безопасном удалении от Вала, даже малая толика народных восторгов, выпавшая мне и Маше после демонстрации когтя тигра, едва ли не захлестнула нас с головой.

О, никто не лез с разговорами, не просил рассказать «историю про чудовищ» — просто люди поодиночке и семьями заходили в таверну, чинно рассаживались… и старались не особо сильно пялиться и не переходить с шёпота на обсуждение героев в голос. Кроме маленьких детей — этим-то точно никто был не указ, но их до нас деликатно не допускали. Трактирщик за сегодня, подозреваю, мог бы месячную выручку на одном пиве поднять, но, судя по паре долетевших до меня реплик, дешёвый некрепкий алкоголь наливал посетителям за так. Видно, решил не наживаться на односельчанах по такому случаю. А ещё жители Белой Лепки наверное произнесли рекордное количество славословий на редкость дурной даже для местной зимы погоде: снегопад, то и дело переходящий в дождь и назад, упорно отказывался униматься. Когда и без того не слишком светлое серое пятно ближайшего окна стало уверенно темнеть, я понял, что мы отсюда до завтра точно не выберемся. С другой стороны, нет худа без добра. Тем более что гостиничный воротила явно расстарался для дорогих гостей сделать ужин особенно вкусным. И, надо сказать, у него получилось.

— К нам в село дважды заезжал паладин Белых со свитой, — искоса оглядывая уже практически до отказа забитый общий зал, шёпотом сообщила мне спутница. — Помню, мы с ребятами бегали смотреть… Отец мне строго-настрого запретил заходить в корчму, и за каждое нарушение слова порол, но что такое три дня спать на животе против живого Рыцаря Света! И я даже представить себе не могла, что окажусь на его месте…

— …Так быстро, — девушка запнулась и замолчала, потому за неё закончил я. — Да не стесняйся ты, плох тот солдат, что не мечтает стать генералом. Здоровые амбиции — это нормально.

— Мне почему-то стыдно, — Маша ещё раз украдкой осмотрела зал и поёжилась. — Словно я присвоила чужую славу… Что на меня они так смотрят по ошибке… Особенно дети!

— Но ты ничего не присвоила, — покачал головой я и невесело улыбнулся. — Просто для тебя то, что для них подвиг — рутина. Опасная, но привычная работа. Уверен, тот паладин тоже так считал.

На самом деле мне тоже в какой-то момент изрядно стало не по себе ото всех этих взглядов. Я ведь тоже смотрел на всех этих крестьян и ремесленников, мысленно сравнивал с собой, и не мог

не отметить — среди них людей более физически сильных, чем я, как бы не половина. Хотя бы просто из-за мышечной массы. Деревня — это много тяжёлого физического труда с детства: такие нагрузки даром не проходят — отражаются на телосложении. У меня есть моя Стихия, но иному сельскому мужику, способному при желании махать оглоблей, как тростинкой, магическое усиление не особо нужно. А если навалятся на тварь скопом…

Так почему вовремя не перехваченные изменённые наносят такой сильный урон не только мирным пейзанам, но и профессиональным военным? Я-то справляюсь, и мой вассал — такая же деревенская девочка — справляется. И, главное, справляются как-то обычные охотники-новички, которым не повезло предварительно прожить половину жизни и приобрести какой-никакой, но опыт как планирования, так и командования, и которые, по сути, были самыми обычными людьми. Впрочем, стоило мне только задуматься, как я сразу нашёл ответ на свой вопрос.

Дело было в Печати. Нет, не в гражданской, хотя повышенную скорость заживления ран и общую устойчивость к травмам списывать со счетов тоже было не нужно. Гораздо важнее была та Печать, что на рабах. Казалось бы, что может кардинально изменить в тех же вчерашних крестьянах невозможность уклониться от боя или отступить без приказа? Однако, когда человек сражается без оглядки на сохранение собственной жизни, но искренне (благодаря чудовищной и гениальной одновременно разработке Повелителей Жизни) пытаясь показать максимальную эффективность, результат становится сильно другим. Ну и не стоит забывать, что «мясо» всё-таки учат перед тем, как продать, и учат те, кто сами прошли через горнило профессии добытчика запчастей от монстров. И что самим Охотникам вполне свободно доступна вся информация о базовых противниках, включая перечень уязвимых мест.

Да, новички щедро платят чужой кровью за победы. Но ключевое слово здесь — «чужой». Именно обученное и дешёвое «мясо», не умеющее отступать и до последнего защищающее владельца ценой своих жизней, позволяет начинающим Охотникам очень быстро накапливать собственный бесценный практический опыт противостояния мутантам. Подобную процедуру обучения кадров — когда будущие истребители тварей сражаются нужное количество раз под достаточно надёжной защитой против настоящих противников — кроме республиканцев относительно массово могут позволить себе, пожалуй, только Белые. Но именно что относительно: монастыри,

из стен которых одарённые Светом выходят рыцарями-клириками в белых плащах, доход головной организации приносят лишь косвенно. Даже если есть склонность к нужной Стихии, обучать Белые ещё и не каждого возьмутся… если за счет Церкви. А вот за свой счёт в рыцари Света (не в паладины, разумеется) можно и без одарённости попасть — только плати и хорошо учись. Недаром белоплащников после десяти-пятнадцати лет беспорочной службы спокойно отпускают на гражданку, как ту героиню из любимого Машкиного рыцарского романа… Для остальных же подготовка противомонстровых команд выливается в такие деньги, что каждый специально подготовленный и снаряжённый егерь, рыцарь или гвардеец выходит буквально на вес золота. А это значит — их таких в каждом королевстве по пальцам пересчитать. Ведь с точки зрения стандартного здешнего монарха дешевле пару сотен подданных под клыками и копытами забредшего чудовища время от времени потерять, чем лишних «золотых» солдат в резерве содержать.

Нет, конечно, среди обычных солдат есть и такие, которым повезло несколько раз подряд уцелеть в столкновениях и получить свой опыт там, где их товарищи полегли. И не сломаться при этом. Обычно подобным могут похвастаться некоторые пограничные части, попасть куда для рекрута немногим лучше, чем сразу на каторгу или под топор палача. Есть ещё крестьяне, живущие в непосредственной близости от Вала — по сути такие же заложники ситуации и аварийный буфер на случай массового вторжения мутантов, как эльфы в Лиде. Они тоже волей-неволей знают, как уничтожать порождений Шрама, и играют свою роль в обеспечении безопасности основных человеческих территорий. Но таким людям самостоятельно передвигаться по дорогам или не светит совсем, или они это будут делать, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания — по вполне понятным причинам. Вот и чествует простой люд именно тех немногих своих защитников, которых может встретить около своего дома, и которых может опознать. Типа нас с Машей. Что ж, как я и сказал своей спутнице — заслуженно же…

Кстати, о чествовании. Пиво у нашего трактирщика хоть и слабое, но ведь всё равно алкогольное. И, что важнее, выдается нахаляву. Вот и голоса уже громче зазвучали, и народ явно слегка расслабился. Ещё немного — и сословные предрассудки перестанут мешать общению. Отличный момент, чтобы «пойти в народ». Мне ведь в моём маноре придётся общаться не только с равными дворянами, будут и простолюдины. И, если я правильно

понимаю, вполне возможно мне придётся довольно много с ними пообщаться — по крайней мере некоторое время. Вот и узнаю о том, чем сейчас в королевствах «живёт и дышит» деревня. Ну и о взгляде на благородных со стороны неплохо узнать. А если что — так я и лишнюю бочку пива у гостиничного воротилы выкупить смогу…

Глава 3

«И декабристы пошли в народ.» Незнамо как и когда (но явно на Земле) услышанная фраза всплыла из глубин подсознания и никак не желала забываться вновь. И ведь даже на похмелье не спишешь. Вот чего не было, того не было. Кстати, о тенденции решать чуть ли не любую проблему добычи информации через спаивание собеседников, пожалуй, задуматься тоже стоило. А то, чувствую, мои настойчивые попытки внушить Маше мысли о вреде хмельного сильно теряют в убедительности после каждой такой вот… гм, акции. Можно, конечно, воспользоваться Печатью подчинения и просто нафиг запретить своему рыцарю прикасаться к спиртосодержащим жидкостям, но… Боюсь, другие дворяне, особенно успевшие заложить за воротник, не оценят подобного пренебрежения со стороны носителя синего плаща. А там и до дуэли на пустом месте недалеко.

На самом деле, «хождение в народ» получилось на редкость успешным. Правда, мне всё-таки пришлось раскошелиться на дополнительную бочку пива… а потом ещё и вина — без этого сословная граница никак не хотела сдавать позиции. Однако, как оказалось, одно дело «халява» от своего, соседа и для многих друга-приятеля трактирщика (который, сволочь, обязательно запомнит, кто, сколько и чего употребил!), и другое — воспользоваться щедростью залётного и, самое главное, совершенно чужого баронета. Не будь демонстрации с когтем нарийца, к моему широкому жесту отнеслись бы с подозрением: у благородных масса «достоинств», но безграничная (в пределах пары золотых) благосклонность к черни — про такое даже в сказках не рассказывают. Другое дело, когда вырвавшийся из-под постоянной опасности приграничного региона гвардеец и его оруженосец решают как следует расслабиться в кругу искренне ими восхищающихся людей. Ну, простолюдинов, и что? От своего круга ещё попробуй это восхищение получи, даже если и заслуживаешь. Опять же, служба у Вала Шрама как-то очень быстро учит даже самых спесивых идиотов, что люди на самом деле делятся не по происхождению, а по наличию либо отсутствию полного комплекта конечностей и ливера…

Ветеранов службы в королевской армии среди заглянувших на огонёк жителей Белой Лепки, к счастью, не было. Иначе бы могли возникнуть разные вопросы — я-то ни ухом ни рылом в местных армейских порядках… был. Потому что крестьяне и ремесленники, через вторые-третьи и далее руки наслушавшись историй об армейских порядках, с удовольствием мне о них

пересказали. Особое воодушевление местные в этом вопросе испытывали от того, что их от рекрутской повинности огородил лично здешний герцог, в чьём прямом подчинении находилась деревня мастеров. Процентов пятьдесят услышанного, конечно, сразу можно было отметать как выдумки и своеобычные при «испорченном телефоне» искажения информации, а вот остальное звучало вполне правдоподобно и даже чем-то перекликалось с теми немногими историческими книгами, что я прочёл в родном мире. Но основной «улов», конечно, был в другом. «Взгляд снизу» на благородных я получил в самом полном объёме. И на структуру организации крестьянского хозяйствования в королевствах тоже.

Стоит сразу сказать о системе территориального управления в местных монархиях. Это важно, поскольку я, собираясь в своё баронство, умудрился оставить этот вопрос практически без внимания. А он, между прочим, был для получения наследства ключевым. Всё-таки полгода жизни в Лиде, с его чётко расписанными и неукоснительно действующими законами, и потраченные, к тому же, преимущественно на добычу и разделку измененных животных, для меня не прошли даром. Или дело в том, что в России я период, когда любую коммерческую деятельность нужно было предварять разносом известных сумм по кабинетам чиновников, толком в своей работе и не застал? В общем, я знал, что у королевских канцелярий есть специальные чиновники, занимающиеся в том числе и вопросами наследства — в рыцарских романах они иногда мельком фигурировали — и, собственно этим моя подготовка в данном вопросе ограничилась. И где, скажите на милость, были мои мозги? М-да….

Итак, чиновники у короля действительно были. Вот только эти типы были фактически ходячими чернильницами. Интерфейсом, если так можно сказать, взаимодействия с канцелярией монарха. В их рядах даже «просто» дворян никогда не было, исключительно специально обученная, как правило городского происхождения чернь. Чиновники фактически *переписывали* принятое местной властью решение — и передавали наверх, дабы правитель был хоть насколько-нибудь в курсе реального положения дела на своей территории. Что за местная власть? Так феодалы же. Наделённые самим королём или одним из его предков земельным наделом благородные.

Как и в моём родном мире не так уж давно, земля в здешних миниатюрных странах целиком и полностью принадлежала монарху… ну, в теории. По факту, правитель в короне прямо распоряжался территорией в три-четыре баронства, а остальные

такие же куски распределялись между герцогами. Герцоги тоже напрямую распоряжались не всем своим манором, а делегировали большую часть территорий под управление баронам. Причём младших вассалов старшим назначал тоже король, а дело герцога было следить за всем остальным: сбором налогов (самое главное!), сохранением мира и порядка на вверенных землях и соблюдением законов, типа всё того же наследования. То есть, грубо говоря, признать баронета Арна наследником манора Бертран или нет должен был решить «мой» герцог. И станет он учитывать такую «мелочь» как кровное родство или нет, оставалось исключительно на его усмотрении. Собственно, средневековье во всей своей красе — и почему я на что-то другое рассчитывал? Вот тут мне стали наконец *полностью* понятны заходы Рахмана с предложением возмездной материальной помощи: не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: путь к сердцу любого феодала лежит через блестящие золотые кругляши с портретами разных типов в коронах. Впрочем, купец не был бы купцом, если бы не предусмотрел контакт со своим контрагентом в близлежащем к «моему» баронству городе, на случай если я вдруг передумаю.

Не самое плохое предложение для человека, который не собирается заниматься внезапно свалившимся на голову активом лично, кстати: передать управление манором представителю кредитора в счёт возврата займа и процентов по нему, предварительно обговорив обязательства по делению прибылей. Не самое плохое, потому что просто всё бросить и забить ещё хуже — тогда вообще получишь дырку от бублика. Подобную озвученной мною прогрессивную схему проворачивали банкиры с разорившимися русскими помещиками в девятнадцатом веке, и считанным единицам дворян удалось получить свои земли назад. Впрочем, уверен, герцог найдёт способ выставить с подконтрольной территории внешнего управляющего, как только тот перейдёт некую черту — обирать крестьян он и сам способен. Чёрт. Мой план — получить разовую крупную компенсацию за переуступку наследства — стал ещё сильнее трещать по швам.

* * *

Почему я не хочу быть бароном? Собственное поместье, куча крестьян в подчинении, которые обязаны делать всё, что им скажешь… Что, серьёзно, вы считаете всё это преимуществом?! Нет, происходи дело на Земле или хотя бы свались на меня подобный актив в республике, я бы ещё подумал — всё-таки я же

сам прикидывал в бытность свою менеджером возможность порулить бизнесом за директора. Чем агробизнес плох? Не лишён специфики, да, не зная которой легко можно всё угробить — это факт. Но так вообще с любым производством — продажи потому и предпочтительнее, что проще, да и выгоднее по величине чистой прибыли, что скрывать. Тем не менее я бы принял вызов — в тех условиях, что я привёл выше. Проблема в том, что владение баронством и предпринимательство — это *очень* разные вещи. Больше похоже на… м-да. На узаконенный рэкет, что уж там скрывать. Может, в глубине души у меня и оставались какие-то там иллюзии — но прошедшую ночь они не пережили. Жители Лепки мне очень хорошо всё расписали.

Если кто думает, что феодалы-землевладельцы занимаются развитием сельского хозяйства и ремёсел — забудьте. Это головная боль исключительно самой черни. И дело даже не в желании, и не в отсутствии специальных знаний, которых негде получить — хотя какую-то роль и эти факторы играют. Дело в том, что «приземлённым» дворянам тупо… некогда. Мало того, что все благородные, получившие манор из рук монарха, одновременно с тем подписывают воинскую повинность, причём не только на себя, но и на свиту-дружину. Мало того, что нужно заниматься судейством, разбирать крестьянские споры — необходимо обеспечивать порядок на своей земле, потому что больше — некому. Никакой полиции тут и близко нет. И системы медицинской помощи тоже (привет эпидемии и моры). А вот налоговые органы есть, и деньги с тебя приходят выбивать регулярно. Причем не столько, сколько записано, а «слыш, гони, прям ща надо. Да не ссы, за нами не заржавеет!» При этом нужно успевать стелиться под пахана-герцога (балы-охоты, подарки — и только попробуй, прояви неуважение), давать по мордасам «коллегам» из соседних баронств, легко приделывающим ноги всему, что плохо лежит. Воинская повинность, если кто не понял, означает в таком разе не охрану собственной земли от агрессора, а необходимость всё бросать и регулярно вписываться за «большого босса»-короля, когда тому стукнет моча в голову прощупать соседа. Ну как, кто-нибудь ещё хочет быть бароном? Может, конечно подобная жизнь кому-то по душе, но точно не мне.

Подобное положение дел не могло не отразиться на целевом слое — на благородных. За шёлком и бархатом плащей и блеском доспехов скрывалось вечное «ты чё?» и «мобила есть? А если найду?» Куртуазность, манеры, культурный код — всё это по большому счёту было просто аналогом наколок-«партаков»,

«блатной фени» и «понятий». Другое дело, что гордые рыцари и исполненные собственной значимости герцоги не могли посмотреться в кривое зеркало своего будущего. А вот я — мог. Оттого меня ничуть не удивляло теперь, что в случае чего дворяне с лёгкостью отбрасывали собственные традиции и законы и тупо выясняли, кто сильней. Недаром тот напыщенный петух в Нессарии резко сдал назад, едва увидел ушастую химеру. А правила… что ж, тоже полезная штука, когда нужно, случайно столкнувшись с примерно равным, побыстрее разрулить ненужный конфликт без потерь.

В некотором смысле, для простолюдинов было очень хорошо, что плащеносцы в принципе не воспринимают их как людей. Точнее, воспринимают, но… как бы, со сдвигом по фазе. Крестьяне и ремесленники, деревенские и горожане живут для них словно в другой плоскости бытия, с которой их собственная плоскость мало пересекается. Быдлана, случайно загородившего дорогу, можно огреть плёткой или «приласкать» кулаком, можно благосклонно выслушать жалобы старосты или всласть помять служанку — но при этом те так и останутся в глазах дворянина… ну, функциями, что ли. Энписи, как сказал бы любитель компьютерных игр из моего мира. Если от простолюдина случилась какая убыль или расстройство, но если его не прибьют на месте — искать и мстить точно не станут. Месть комару или даже кусачей собаке — это пацаны-то не поймут-с.

С магами, кстати говоря, чем-то похожая ситуация, разве что уже благородные стараются их не задевать, да и вообще поменьше общаться. Потому что хрен знает, что это у подчинившего себе Стихию ненормального в голове. А крестьяне и вовсе предпочитают обходить обученных одарённых по широкой дуге, а меж собой рассказывают про волшебников такие небылицы и «подробности», что хоть записывай и отправляй на Землю, причем сразу в Голливуд. Полёты на мётлах, совокупление со змеями и призыв духов мёртвых это прямо-таки самые рядовые байки. Скорее всего причина столь ярких упражнений в народной фантазии то, что про владеющих Силой у простолюдинов практически нет никакой достоверной информации. С другой стороны, если маг находит в деревне или городе перспективного одарённого ребенка, то ему его на воспитание, вот парадокс, охотно отдают.

Конечно, изоляция трёх основных сословий друг от друга далеко не полная. А кое-где и вообще стирается под действием внешних факторов, как на границе Шрама. И есть ещё исключения вроде упомянутых королевских чиновников и, конечно же, купцов — которые в массе своей тоже простолюдины,

но с крупными бизнесменами не брезгуют трапезу разделить и короли. Есть всяческие шуты-акробаты-менестрели. Причём особенно выделяются последние, потому что бродящий от села к селу певец и музыкант может таскать за спиной потёртую тряпочку с гербом — но всё равно у него свой, выделенный социальный статус вне обычных рамок. Ну и конечно, есть Белая Церковь. Даже не государство-в-государстве, а целая международная корпорация со своей, подменяющей привычное сословное деление, социальной стратификацией. И, в отличие от Лида, выбравшая сетевой принцип построения своей организации, а также сделавшая упор не на эксклюзивные товары, а на уникальные услуги.

* * *

В общем, если подытожить, из «хождения в народ» я вынес две основные мысли. Первая — что со смутными уже надеждами использовать-таки свой неплохой земной опыт и всё-таки поработать менеджером в области оптовых продаж нужно окончательно распрощаться. Потому что вместо организации логистики и обеспечения максимальной маржинальности экономическими методами эта должность тут предполагает деятельность обычной бандитской «шестёрки». Приехал туда, порешал, приехал сюда — порешал… или тебя порешили, как повезёт. Прибыль и даже сама возможность ведения бизнеса в королевствах вообще никак не опирается на законы и правила и строится исключительно на личных контактах и возможности в нужный момент эти контакты «подпереть» достаточным количеством лояльных клинков, своих либо «крыши». И вот нафига мне такое «счастье»?

Вторая мысль была закономерным продолжением первой: обучению на мага для меня альтернативы нет. Их надгосударственное сообщество, судя по тому, что я смог узнать на текущий момент, наиболее близко подошло к привычной для меня по родному миру социальной среде. Обученные одарённые вне разборок благородных — в отличие от простолюдина чародею хрен чего прикажешь против его воли. Для тупых, решивших поиграть мускулами и что-то там заполучить принуждением, пример всегда перед глазами: Великая Свободная Республика Лид. Опять же, Сила подвластной Стихии — это не только инструмент, способный приносить высокие доходы, но и оружие, которое всегда при тебе. Короче, кругом одни плюсы. Если не считать стоимости обучения, конечно…

Вспышка, до того ровно и уверенно рысящая по окончательно раскисшему после вчерашнего снегопада королевскому тракту, внезапно притормозила, прянув ушами. На рейдах особенно быстро учишься понимать своего партнёра, пусть даже тот не обладает разумом и не может говорить. И реагировать. Слух и обоняние у большинства ездовых химер на зависть не только обычному коню, но и собаке, особенно слух. Потому я сначала напрягся и попытался сдёрнуть эльфийское копье с крепления у седла, и только потом, когда ладонь вместо древка сомкнулась на пустоте, уже осознанно попытался понять, что послужило причиной тревоги.

Здесь, вдали от Шрама, всё ещё можно нарваться на изменённого — относительно простые и слабые твари вроде болотных секачей могли заходить от породившей их магической аномалии на десятки дневных переходов. Вот только пересечь достаточно приличное расстояние *незаметно* по густонаселённой территории, не вызвав волну паники и пересудов среди местного населения? Очень сомневаюсь. Тем не менее, от полезной привычки, ставшей уже рефлексом, я отказываться не собирался.

— К бою, — я заставил Вспышку пятиться назад. Рыцарь, наоборот, повела свою химеру вперёд, перекрывая направление на угрозу — у нас всё было давно отработано и не требовало слов. Дочка кузнеца уже успела натянуть шлем, сдёрнуть чехол и зацепить упорное кольцо боевого копья за крюк на седле. При этом её маневр позволил мне безопасно снять с бока Милки оружие и арбалет.

Моя белая химера идеальна для разведки и стремительной атаки, потому первый удар за мной. Ускорение у Вспышки как у мотоцикла — даже на короткой дистанции, если местность позволяет, она может набрать под семьдесят километров в час буквально в несколько безумных скачков, и так же резко тормозит. Недаром седло снабжено привязными ремнями — иначе седока просто выкинет нафиг во время манёвра! При атаке главное — вовремя выпустить копьё, иначе вывих станет для меня самым удачным и самым безобидным из последствий.

Чёрная химера Маши обошлась мне в своё время куда дешевле и на финты не способна. Зато может утащить на себе несколько центнеров груза. Собственная броня и броня всадницы и механическое крепление оружия у центра массы всадника и транспорта делают относительно медленный таранный удар Милки не менее опасным для противника. Скорее даже более, потому что цель у Маши — не только нанести урон, но и сбить с

ног, заблокировать, обездвижить, если надо — буквально приколоть врага к земле, как жука булавкой. И вступить в ближний бой, используя полуторный кабаний меч — тяжёлая по охотничьим меркам броня защитит от повреждений. А я буду продолжать атаковать вынужденного сосредоточиться на близкой угрозе врага с налёта в уязвимые зоны, в спину и бока.

Моя гордость — эта, своего рода, идеальная тактика. Вроде как элементарная, но я несколько месяцев мучился, пока смог её «родить». Зато против одиночных чудовищ действует безотказно… кроме тех случаев, когда на огонёк заглядывает мутант с глубоких внутренних территорий Шрама. Они обычно не переходят Вал, но во всём, что касается тварей, никаких гарантий нет. Против нарийских тигров и гидр не поможет ни честная сталь, ни самые выверенные манёвры — успел убедиться лично. Но тут-то такого противника быть заведомо не может!

— …Отбой тревоги, — продублировал я голосом жестовую команду, спокойно дождавшись Машу у поворота дороги. Немногочисленные варианты сигналов через печать мы с Машей и Роной ещё во время самых первых рейдов распределили между тревожными сообщениями. Чего хорошее можно и менее экстренным способом передать, вот как сейчас.

— Точно? — дочка кузнеца недоверчиво прищурилась, рассматривая через зауженные смотровые щели забрала первую встреченную мною в этом мире дорожную пробку. Ну и первое ДТП заодно. — Может, засада?

— Не думаю. Шлем сними и сама послушай, — порекомендовал я, прекрасно зная, как стальной горшок на голове искажает звуки. А звуки были те ещё: ор стоял такой, что перекрывал удары по дереву и металлу. Вспышка то и дело прядала ушами, переступала копытами и тревожно на меня косилась: кобыле было невдомёк, что люди с такими криками и сопутствующими звуками не только могут идти в последний и решительный бой, но и… гм, решают проблемы. Пытаются решить.

Поворот дороги находился на месте спуска к очередной реке. Причём как бы не к той самой, чьи никак не помеченные на карте верховья мы форсировали у Кривых Рожков: больно вода была по цвету похожа — чёрная-чёрная, словно в неё чернил бухнули. Да и берега были один-в-один: наш высокий спускался не к воде, а к широкой полосе топкой жижи, из которой обильно торчал коричневый медленно гниющий прошлогодний камыш. Дальше шла «чистая» вода с хорошо различимым течением — и опять

многие метры топкой мерзкой грязи. Через всю эту красоту был перекинут мост — каменные «быки», низкие арки и ширина проезжей части такая, что две телеги разъедутся. Проблема в том, что мост именно что «был». Когда-то.

Уж не знаю, в чьём ведомстве состояла королевская дорога Балота (хотя казалось бы название обязывает), но капитального ремонта сооружение не видело лет сто. Или двести: мох полностью покрыл опоры, и только по отдельным проплешинам можно было угадать материал. Ясно дело, постройке столь пренебрежительное отношение на пользу не пошло: настил проезжей части, как испытывающий самые большие нагрузки участок, пребывал не просто в аварийном состоянии — он его оставил позади. А центральный пролет и вовсе рухнул в воду. Тем не менее, переправа действовала: настил «починили», уложив поверх камня брёвна и кое-как присыпав землей. Там же, где был провал, использовали брёвна подлиннее, сформировав новый временный настил в половину ширины старого моста — видно, найти нужное по размерам дерево в окрестных лесах было не так-то просто. Вот этот временный настил в один «прекрасный» момент и разошёлся (хорошо — не рассыпался совсем, рухнув вниз) под колёсами крестьянской телеги, намертво заблокировав ту в самом узком месте. Как на зло, это произошло как раз перед проходом по мосту купеческого обоза.

Торговый караван был так себе: четыре гружёные телеги и несколько верховых. Сдаётся мне, будь крестьянин один, и его отправили бы поплавать вместе со скарбом, да вот незадача: за спиной у мужика, грудью вставшего на защиту потенциально движимой собственности, сгрудились с десяток его товарищей с пудовыми кулаками, а кое-кто с кнутами и плотницкими топорами. Как это часто в подобных ситуациях бывает, вместо того, чтобы помочь и всем миром высвободить транспортное средство, попавшие в пробку люди купца начали качать права и угрожать. Разумеется, на скорости спасательных работ это отразилось самым печальным образом.

Мне, конечно, до дорожно-транспортного происшествия по большому счету особого дела бы и не было… если бы не одно «но»: путь на ту сторону реки был надёжно перекрыт. Один взгляд на заболоченное русло отбивал малейшую охоту искать брод. Будь тут альтернативная возможность переправится — местные ни за что бы мост, да ещё и такой дорогой, каменный, ставить не стали. В карту я даже заглядывать не стал: и так помнил, что путь в обход был реально через соседнюю страну.

— Похоже, придётся вмешаться, — озвучил я свои выводы, взвешивая в руке копьё. Так, с оружием на изготовку, думаю,

подъезжать всё же не стоит. А вот арбалет я перевешу к седлу под руку. Взведённый, заряженный и на предохранителе.

Скакать галопом — тем более, по *такому* мосту — было откровенно глупо, потому к месту затора мы подъехали медленно… и незаметно. В том смысле, что стороны дорожного конфликта так увлеклись выяснением отношений, что на нас просто не обращали внимание, пока я и Маша не оказались рядом. Заодно из криков мне окончательно стала ясна конкретика. Оказалось, что крестьянский транспорт в момент разрушения настила не просто встрял колесами между бревен — от удара настал полный и окончательный конец осям. То есть телегу нужно было сначала разгрузить, потом на руках вытащить и унести с моста — и только потом чинить. Купец — пузатый тип в зелёном берете, канареечно-жёлтом сюртуке и красных штанах — изволил спешить, и потому настаивал на простом варианте освобождения пути следования: как я и предполагал, всё лишнее — в реку. Более того, пока владелец транспорта сотоварищи относил первую партию поклажи, купеческие охранники успели основательно порубить застрявшую повозку, сходу приступив к демонтажу. «Помощников» крестьяне отогнали… на этом, собственно, всё и застопорилось. На данный момент обе стороны угрожали друг другу бароном, в чьих землях располагался мост, но как-то не особо уверенно. И после разговоров с леповчанами я вполне понимал, почему: мало того, что его благородие ещё дождаться надо было, так ещё и было не слишком понятно, кто в итоге останется внакладе. По моему мнению выходило, что обе стороны. Кажется, спорщики в глубине души что-то такое тоже подозревали, потому продолжали надсаживать глотки, а вот гонца к местной власти за правосудием отправлять не спешили.

Тяжело нагруженная Милка буквально вбивала в бревна копыта, чтобы не упасть, и этот звук наконец-то заставил кого-то из купеческого обоза обернуться. Дальше тишина словно по волшебству окутала весь мост: я даже услышал, как журчит, огибая быки, вода.

— В-ваша С-светлость! — первым опомнился пузан, довольно резво и низко для своей комплекции сгибаясь в поклоне. Остальные с большей или меньшей задержкой повторили жест. Купеческие люди — угодливо, землепашцы — хмуро и настороженно.

— Я баронет Бертран, — деляга, разглядев, что цвет моей накидки не синий, подстраховался, поименовав меня как герцога. Ловкий приём: наверняка многим аристо польстило бы, да и не

обижаются обычно люди, когда им оказывают уважения больше, чем требует титул. Пришлось перекинуть плащ на плечо, чтобы люди разглядели вышитый рисунок. — Вижу, порча государственной собственности случилась?

Все присутствующие с поразительной синхронностью скривились, словно дружно откусили от одного и того же лимона. Не будь вечерне-ночных посиделок, я бы ломал голову, как мне сейчас говорить с этими людьми, возможно, попытался строить из себя надменного мудака или, наоборот, спешился бы и лично попытался всё осмотреть на месте. Теперь же у меня не было особого сомнения, как себя вести.

— Штраф, пожалуй, за умышленное причинение вреда… хотя, можно и под диверсию подвести. Стратегическая дорога — а её повреждение измена Его Величеству, — это я сказал негромко, практически себе под нос, но меня прекрасно расслышали. Причём побелели лицами не только крестьяне, но и средневековый бизнесмен, мгновенно сообразивший, что обвинение в диверсии могут вклеить именно ему — так как его люди затягивали освобождение дороги и вообще устроили затор. Про местные «законы» и порядок их соблюдения я уже рассказывал. Крестьян ведь разве что повесить можно в назидание своим сервам, а вот из негоцианта можно мно-о-о-ого чего полезного в хозяйстве добыть. Золота, серебра, меди… — Что в повозке?

— Т-торф! — владельца телеги, от которого словно от чумного отхлынули товарищи даже забыл добавить «ваша светлость». — В г-город везли, им печи топят…

— Торф? — я с некоторым недоумением перевёл взгляд со сломаной повозки, забитой мешками (один взрезан, рассыпав вокруг бурое содержимое), на тройку охранников купца. Дворянами наёмники, разумеется, не были, но принадлежность к профессии в них выдавало не только оружие (два топора и палица), но и кожаные кирасы. У одного — видимо, у командира — даже металлический шлем а-ля «горшок на голову» был. И вот ради торфа, добывать который на болотах, конечно, тоже не слишком легко, но всё же и не так уж трудно, обычные земледельцы полезли на таких противников с дрекольем? Понятно почему купец отдал приказ на сброс груза в реку, едва удостоверился в содержимом.

— Белая мука там ещё, ваша благородие, — внезапно признался другой крестьянин, самый пожилой уже мужик с седой бородой. — Общая.

— Ага! Контрабанда! — аж подпрыгнул купец. — Вот они и явили себя, злоумышленники, ваша светлость!

Похоже, торгаш решил, что переборщить с лестью столь же трудно, как кашу испортить маслом.

— И ничего не контрабанда, — насупился хозяин повозки. — Мы на воротах всё честь по чести обсказали бы.

— Ещё и стражу городскую втянули в свой преступный сговор! — воодушевлённо потёр руки бизнесмен. — Как есть злодеи, все до одного! Ничего, магистрат-то городской разберётся…

Зря он это сказал: телега в узком месте образовывала практически готовую баррикаду, перебраться через которую ещё надо суметь, да и сам мост не то, чтобы предоставлял отличные возможности для манёвра. А загнанная в угол крыса может и на льва броситься. Ну или просто обрушить уже порядком побитую жизнью переправу, отрезав опасных индивидов от честных тружеников сохи — как мне кажется, именно такая мысль и промелькнула у седого. Муку жалко, не зря, видать, крестьяне придерживали зерно до зимы и с помолом потом связались, но свою шею гораздо жальче.

— И почём мука нынче за стенами, — вроде как ни к кому конкретно не обращаясь, спросил я.

— Пять серебра с мешка… — похоже, до пузана наконец дошло, с наездами на крестьян он сильно поспешил. Не иначе как посчитал, что баронет с оруженосцем впишется в разборку, и только сейчас сообразил, что принял желаемое за действительное.

— А мешков сколько? — я нашел взглядом старшего в группе земледельцев.

— Тридцать… — неохотно признался тот… и едва успел поймать прилетевшую ему золотую монету. Расширившимися глазами посмотрел на блеснувший кругляш, на меня, опять на деньги. — В-ваше благородие?!

— Минус плата стражникам и дорожные риски. И погрузочно-разгрузочные работы, — пояснил я. На Земле денежными знаками такого номинала я не рискнул бы в прямом смысле разбрасываться, но бытие Охотником заставило меня в том числе и научиться уверенно кидаться различными предметами. Был, конечно, риск, что мужик упустит своё счастье, но чем больше я за ним наблюдал, тем больше в этом сомневался. — Так. Свободны. А ты, купец… как там тебя зовут? Муки купить не хочешь?

Глава 4

Определенно, надо завязывать с привычкой сорить золотом. Та сумма, что для меня в последние пару месяцев была стандартным двухдневным (сутки на рейд и сутки отдыха) заработком, в королевствах могла покрыть все расходы обычно весьма немаленькой семьи простолюдина в течении минимум полугода, а то и больше! Не впроголодь, а нормально, я имею в виду. Хлебом из муки, которую я столь легко закупил, можно было сотню ртов кормить в течении месяца — это если бы мне в голову взбрела блажь устроить диету из белого хлеба. Вон, наёмники и кучеры Рамона жрут свежие ржаные лепёхи так, что за ушами трещит — и не нарадуются: не каждый купец тащит с караваном для своих людей портативную печь для выпечки. Менее обеспеченные логистические команды давятся сухарями и не пищат.

Удивительно, но толстый и разнаряженный, словно свихнувшийся светофор, купец смог-таки уломать меня сопровождать его караван. Не таким уж самодовольным идиотом он оказался, хотя под него косил мастерски, чему немало помогал выбранный стиль одежды. Признаться, я бы мог и раньше догадаться — уж слишком непростым выглядел его маленький караван для начинающего бизнесмена. Тяговые химеры того же класса, что и Милка, в качестве упряжных животных, на это очень толсто намекали. В какой-то степени из-за химер я и согласился ту часть дороги, что нам была по пути, пробыть сопровождающим дельца: телеги действительно шли по местным меркам очень быстро. Учитывая, что караван не заходил в придорожные селения на ночёвки, останавливался затемно и затемно же снимался, причем по хорошо известному и «накатанному» многими ходками пути — далеко не факт, что я самостоятельно двигался бы быстрее. А всё из-за груза. Рамон вез дефицитный и премиальный по зимнему сезону и весьма скоропортящийся товар — свежие фрукты. Угадайте откуда.

— Достопочтенный Рахман — очень, очень уважаемый человек в Гильдии. Мне до него как мотыльку до Луны, — мой временный попутчик даже не пытался скрыть зависть в голосе. Кстати, сам он передвигался верхом на обычной, пусть и породистой лошади. Видать, внутренняя жаба не позволяла потратить часть прибыли на «пустые понты». — Пока я веду этот маленький караван лично, его подручные ведут десять, и куда

больших.

— Надо же. И такой большой человек продолжает лично участвовать в работе с розничными клиентами? — деланно удивился я. Меня так и подмывало спросить, не родственник ли мой собеседник поставщику книг и прочих дворянских атрибутов в Эрсте, но я держал своё любопытство при себе. Хотя некая схожесть черт лиц определённо наличествовала. Да и имена тоже похожи.

— А что делать? — с толикой грусти и противореча сам себе вздохнул купец. — Лично не проследишь — никто ничего нормально не исполнит. Там отдаст лишнее серебро, тут не упакует товар, а в городе вообще нарвётся на арест. И ладно бы своей дурной башки — так и груза целиком!

— Я думал, от последней проблемы члены гильдии… более защищены, — старательно демонстрируя, что беседа мне не слишком-то интересна, бросил я.

— Таки да, но ведь всегда найдется идиот, который и на ровном месте вляпаться сможет! — совсем расстроился делец.

В таком ключе мы общались уже долго: Рамон то жаловался, то сбивался на хвастовство, а я усиленно тренировался держать скучающее выражение на лице. Поговорить благородному дворянину с представителем торгового сословия — это не считалось ужасным моветоном, в отличие от разговора по душам с каким-нибудь там сервом или кузнецом. Хотя и тут были нюансы — например, пьяному в соплю рыцарю или даже барону преодолеть сословный порог со своей стороны вроде как уже и не зазорно было. А с почтенным купцом перекинуться парой слов не через губу уже совсем не возбранялось — особенно когда нет другой, более подходящей компании. Я, правда, ехал с Машей, более подходящей мне по статусу на роль собеседницы — но тут произошло наложение социальных ролей.

В полном доспехе, не считая притороченного к седлу шлема, совершенно не фигурально обвешанная оружием фигура моего оруженосца однозначно была воспринята в караване как старший командир. Стоило нам с Рамоном на мосту ударить по рукам, как извозчики сорвались разгружать разбитую крестьянскую телегу, а тройка наёмников немедленно оттянулась к моему рыцарю и дружно приложила правый кулак к левому плечу — изобразила местное воинское приветствие. Настороженный и сосредоточенный прищур в ответ — единственная реакция, которую Мариша себе позволила, кажется, только укрепил мнение охранников в правильности своего выбора. А уж как носились мужики во время короткой дневки, когда рыцарь

соизволила отдать несколько распоряжений…

— Королевство Зар уже много лет не участвует в конфликтах с соседями, — купец меня в очередной раз смог удивить: когда начало темнеть, на передней повозке зажгли яркий алхимический фонарь, вынесенный вверх на двухметровом шесте. Света мощной лампы хватало, чтобы успешно продолжать движение с прежней скоростью. Пришлось следить за лицом и стараться поминутно не морщиться: благоприобретённые рефлексы Охотника никуда не делись и против движения через темноту в круге света решительно возражали. То, что на тракте и около него просто нет тварей, и я это знал — не помогало: подсознанию на все доводы разума было плевать. — И пока жив старый король, так и будет. А вот когда на престол взойдёт его старший отпрыск… возможны перемены. Ваше благородие.

— До перемен нам и самим ещё надо дожить, — я сделал вид, что не заметил паузы в словах собеседника, который закончил свою фразу явно совсем не так, как собирался. Вовремя вспомнил толстый, что я как раз подданным королевства Зар и являюсь. — А что-нибудь про моего сюзерена слышал? Дома был, такое впечатление, вечность назад.

— К сожалению, с его светлостью не знаком, мой караван проходит Берг стороной, — торгаш и правда сожалел: личное знакомство с такой фигурой, как герцог, для купца никогда лишним не бывает. — Люди говорят, сэр Эдмонт всё так же крепок, как и раньше. И всё так же строг и справедлив: годы, как это бывает с другими, не смягчили его. И старшего сына, своего наследника, воспитал так же.

— Отрадно слышать! — с воодушевлением, которого не испытывал, согласился я. По большому счёту, какие-либо выводы делать или корректировать планы было рано: эти самые «строгость и справедливость» могли как помочь мне с подтверждением перехода титула и земель, так и наоборот. Одно хорошо: пока я не становился из баронета полноценным бароном, приказать что-то герцог Эдмонд де Берг мне толком и не мог. — У строгого господина и в делах всегда порядок, и в людях.

— Воистину так, — Рамон то ли не знал других подробностей о герцогстве, то ли решил придержать их при себе, но разговор на этом сам собой затих. А жаль: я был бы непрочь узнать ещё что-нибудь полезное. Ну, хоть какие-то крохи информации появились.

* * *

На сломанном мосту я сходу предложил Рамону забрать у меня только что купленный за один золотой груз муки за два золотых. Да, вот так вот, внаглую. Торг с чего-то надо начинать, а я был твёрдо намерен не только вернуть свои затраты, но и стрясти компенсацию за решение конфликта. Пузану явно стоило больших усилий задавить страдальческую гримасу, и я уже приготовился начать давить… но купец взял — и согласился. При этом он выразился, как мне показалось тогда, несколько витиевато — мол, путь в такой компании, как я, доставит ему настолько несказанное облегчение, что презренное золото по сравнению с ним даже упоминания не стоит.

Предложение наняться в охрану обоза в счёт разницы между принятой ценой муки и выплаченной суммой было подано столь виртуозно, что даже самый оголтелый ревнитель чести и дворянских традиций не смог бы усмотреть в подобной фразе ущемления своего благородного достоинства. Глупый человек явно не способен был к столь тонкой даже по земным меркам манипуляции, а с умным и пообщаться побольше не грех — это была вторая причина, по которой я принял на себя обязательства по сопровождению. Первой, разумеется, были всё те же деньги, а третьей — химеры, задающие вполне приемлемую для меня скорость движения.

Золотая монета за несколько дней сопровождения каравана двумя людьми — это, как нетрудно догадаться, куда как более чем дохрена. Ну хорошо, не золотая, но пятьдесят серебра точно — вряд ли я бы больше смог выудить из торгаша, разве что приставил бы ему клинок к горлу. Но даже полтинник в серебре — сумма очень и очень большая. Конечно, *полностью* обмундированный по высшему классу защиты и так же хорошо вооружённый рыцарь на химере — это по местным меркам всё равно что танк в свою колонну поставить. Да и я мог доставить массу неприятностей потенциальным противникам, пусть неспециалисту это было не очевидно. Но… использовать такие силы, чтобы трое суток всего лишь *отпугивать* одним своим видом любых потенциальных любителей лёгкой наживы?

Вот если бы речь шла о инкассационном обозе сборщиков налогов или Рамон, скажем, вёз с десяток мерных мешочков золотого песка — тогда да, к угрозе нападения нужно было относиться предельно серьёзно. Но фрукты? На них, как я уяснил себе со слов купца, можно поднять неплохие деньги — благородные ведь хотят жить не только хорошо, но и *красиво*. Одно то, что в качестве тяговой силы мой новоявленный приятель может позволить себе химер, наглядно это демонстрирует.

Однако… Ценность подобного груза можно конвертировать в живые деньги только в том случае, когда он будет доставлен покупателям.

Бандиты (и те, кто за ними обычно стоят) — они ведь тоже обычно не идиоты. Это только в земных псевдоисторических книжках и местных рыцарских романчиках разбойники нападают на первых попавшихся путников, в реальности же эффективный дорожный грабёж — полноценный теневой бизнес, и без разведки и согласования целей не обходится никогда. Ради возможности попробовать господскую еду рисковать собственной шеей или выделять серьёзные силы для атаки? Очень надо. А продать захваченное — это ещё та морока: мало того, что еду премиум-класса у кого угодно просто не купят, так ещё и товар у Рамона нежный, требующий особого обращения и скоропортящийся. Ну а для вразумления совсем уж опустившихся маргиналов, тупо пытающихся напасть на первых встречных, и решения иных дорожных *ситуаций,* определённо хватает и штатной тройки наёмников. Собственно, про бандитов сам торгаш мне всё вышесказанное почти что прямым текстом и выложил. Кстати, не удивлюсь, если причина завидной информированности купца в специфике нелёгкого труда работников ножа и топора в том, что его гильдия со своими как бы прямыми врагами весьма плотно сотрудничает. Надо же, например, как-то с конкурентами бороться…

Потому, чем дальше я слушал попутчика-негоцианта, нашедшего во мне столь дефицитные с его профессией «свободные уши», тем меньше понимал причину найма. Рамон на второй день пути окончательно убедился, что ему попался чуть ли не единственный в мире благородный, способный сходу *вникнуть* в эмоциональное описание проблем и найденных решений в нелёгком труде купца и не свернуть себе челюсть от непрерывного зевания. Теперь делец просто соловьём разливался, вещая практически в режиме монолога, то и дело перескакивая с темы на тему. И, надо отдать должное, гильдеец имел полное право собой и своим делом гордиться.

Фруктовый бизнес толстяка работал как хорошо смазанный механизм — довольно непростой механизм, надо отметить — и «лишним деталям» в нём места не было. Нажиться на свежих деликатесах можно было очень неплохо, но для этого требовались серьёзные затраты и усилия — одна ночная алхимлампа в эксплуатации сколько стоила. Я, конечно, не сомневался, что на «контрабандной» муке делец с лёгкостью отобьёт все затраты, да ещё и в прибыли останется — но ведь маржу можно было и

увеличить, просто немного поторговавшись. Ну не ради же возможности поболтать любитель разноцветного шмотья пошёл на большие, и, самое главное, заранее не предусмотренные расходы? Что ж, ближе к вечеру я получил исчерпывающий ответ. Собственно, купец мне с самого начала всё сказал. Прямым текстом.

* * *

— Оживлённо стало… — прокомментировал я, привстав на стременах и оглядываясь. Караван продолжал идти с прежней скоростью, но теперь это требовало от возниц определённых усилий. Уж слишком плотным стал дорожный трафик. Теперь вместо редких встреч с крестьянскими подводами мы обгоняли их постоянно — и так же часто попадались встречные телеги. Более того, за кормой повозок уже осталось два чужих торговых обоза (Рамон неизменно задирал нос, обходя коллег по ремеслу).

— Ещё немного, и мы увидим стены Вильи, — почему-то поморщился купец.

— Большой город на самой границе между Балотом и Заром? — припомнил я атлас. Это сюда, получается, крестьяне свой торф везли.

— *Королевский* город, — выделил голосом Рамон. Судя по интонации, озвученный факт ему как минимум не нравился.

— Много людей — много налогов. Логично класть их сразу себе в карман, а не пропускать через руки герцога, — или я чего-то не понимал, или факт наличия прямого подчинения монарху должен был благоприятно сказаться на бизнесе и ремеслах в Вилье. И, судя по количеству народа на тракте, вполне сказывался.

— Зато герцог бы поддерживал *королевский* порядок, а вот *королевский бургомистр* заботится исключительно об интересах купившего его с потрохами городского магистрата, — почти прошипел негоциант. — Но да, налоги Вилья платит вовремя, а остальное его величество не особо интересует.

— Это разве плохо? — магистрат, если я ничего не путаю, является ничем иным, как выборным органом самоуправления города. То есть советом самых богатых купцов, выбравших Вилью в качестве своей базы. Так что вот уж чего-чего, а учесть интересы для особого благоприятствования торговле (то есть, читай, свои интересы) эти средневековые олигархи должны были в первую голову.

— Кому как, — опять скривился купец. — Местные, конечно,

довольны…

Рамон замолчал, уйдя в свои мысли, а я тему развивать не стал. Тем более именно в этот момент стены леса отпрянули от дороги, освобождая место для полей и лугов, а впереди показались городские стены.

Странное чувство. Чем ближе мы подъезжали к городу, чем больше подробностей мне удавалось разглядеть с седла, тем больше Вилья казалась мне… м-да, карикатурой на типичный республиканский полис. Умом я понимал, что именно с вот таких вот городов Повелители Жизни и срисовали поселения Лида, попутно доработав так, как им показалось правильным, но отделаться от ощущения, что вижу «китайскую копию» практически ставшего родным за полгода Эрста не мог.

Луга, сейчас скорее бурые, чем зелёные, всё равно не пустовали — даже на такие пастбища пастухи выгнали коз и, кое-где, коров. Обычных таких коров, с чёрно-белой шкурой и даже с расстояния заметно более мелких, чем их чешуйчатые тёзки. Перед стеной был вырыт широкий ров — вот только вода в нём была мутной и откровенно грязной, а уж запах от неё шибал… На месте потенциальных захватчиков я бы десять раз подумал, прежде чем туда бы полез. Если за стенами и была хоть какая-то канализация, то выводилась она прямиком сюда. Оставалось надеяться, что у местных жителей есть какие-то иные источники питьевой воды. И мне их обязательно продемонстрируют, потому что иначе я внутри стен к еде и питью просто не притронусь!

Кстати, о стенах. Не знаю, как местным, а мне преграда в два, местами в три человеческих роста непреодолимой не казалась. Неровная каменная кладка местами была подновлена — причём где тоже камнем, а где и кирпичом. Пожалуй, будь у меня такая задача — я бы рискнул перелезть через гребень: рукой уцепиться и ногу поставить на стене было много где. Причём главный риск сорваться — не возможный перелом, а что не удержишься на узкой полоске земли под стеной и скатишься в ров!

— Не будем въезжать внутрь? — королевский тракт поворачивал у самого рва и там же начинался мост к городским воротам. Поворот мы миновали не снижая скорости.

— Пошлина, — в это одно слово купец умудрился вложить целую гамму чувств. Такую, какой не всякий враг удостоится.

— Неужели в таком месте нет покупателей на фрукты? — удивился я. Снегопадов больше не было, а та облачность, что низко висела над головой весь прошлый день и половину этого, нехотя начала рассеиваться, отчего было отчётливо видно,

насколько низко солнце опустилось к горизонту.

— Есть. Только сбор за право торговать самостоятельно такой, что как ни задирай цену — прибыль не получить при всём желании. А магистратские перекупщики не дадут и половины розничной цены, — коротко расписал мне торговец тонкости внутренних правил этого островка дикого капитализма в море феодализма. — Кроме того, у них и собственные поставщики есть, из своих. Здесь же до границы с Лидом недалеко, для себя успевают и на обычных лошадях довезти.

— И что, гильдия ничего не предпринимает? — я обернулся, оглядываясь на городские ворота, перед которыми скопилась изрядная очередь из телег.

— …Торгового представителя выставили за стены десять лет назад, — после паузы нехотя признался Рамон. Про организацию, в которой он состоял, купец успел напеть мне изрядное количество дифирамбов. В том числе с десяток раз намекнуть, какие рычаги власти и влияния есть в этом мире у решившихся на союз негоциантов.

— И местным это спустили с рук? — не поверил я. В этом мире было не так много крупных бизнесменов, чтобы от их объединённой воли можно было отмахнуться даже монарху.

— *Королевский* город, — опять повторил толстый. — Что тут сделаешь?

Видимо, монарх монарху рознь.

Тут королевский тракт наконец отлип от городской стены и я увидел впереди очередную, совсем уже широкую полосу водной глади и отмеченный высокими вешками с трепыхающимися на них кусочками ткани брод через неё. Границу Балота и Зара. Увидел — и сразу всё понял. И почему для вольного по сути города столько преференций от здешнего короля, и почему магистратские плевать хотели на остальных торгашей, и даже зачем я на самом деле изначально понадобился Рамону.

* * *

По карте было не понять, что Вилья запирает собой единственную безопасную переправу, зато на местности всё сразу становилось на свои места: выход каменистой породы создавал своего рода подводный мост в обычных для этого края прибрежных болотах. Только здесь можно было провести армию, чтобы со стороны Зара напасть на Балот, и первое, что эта армия должна была сделать — захватить город. Вольный по сути город, содержащий на собственные средства собственные войска, но при

этом платящий налоги! Могу понять короля: мужик-то небось нарадоваться не может, что всё так повернулось. Конечно, однажды разожравшиеся олигархи из городского совета могут от большого ума и свою крышу послать куда подальше — но это когда ещё будет. А пока симбиоз процветает: одни снимают сливки с контроля над свободной экономической зоной, другой может быть совершенно спокоен за свои тылы, причём ещё и деньги за это спокойствие получает. Впрочем, если кто решил, что одними налогами монарх удовлетворился — спешу развеять заблуждения: перед бродом располагалась опять же королевская, судя по штандарту, таможня.

Я сказал, перед городскими воротами скопилась очередь? Забудьте. Вот перед бродом *действительно* скопилась очередь. Длиннющая, больше километра вереница, без движения стоящая вдоль правой обочины дороги. Левая сторона тракта была пуста, на моих глазах по ней сначала проскакала четвёрка всадников в дворянских плащах, потом и вовсе проехала самая настоящая карета.

— Благородных пропускают вне общего порядка, — прокомментировал нагнавший меня Рамон.

— Вот как, — я проводил глазами ещё тройку всадников в синих плащах, проехавших в обратную сторону на усталых лошадях. К чему будет клонить мой собеседник, я уже в общих чертах понял, но совсем уж выходить из образа не стоило. В конце концов, это ему нужно меня уговаривать, а не наоборот. — Но мне с оруженосцем в любом случае придётся пройти вместе с вами. Слово дано, и не мне его нарушать.

— Сегодня мы вряд ли попадём на ту сторону, — купец прищурился на заходящее солнце. — Переправа закрывается с темнотой, придётся заночевать здесь, под стенами…

А вот этот аргумент заставил меня непроизвольно передёрнуть плечами. Даром что ров сообщался с рекой — от него даже здесь продолжало тянуть едкой вонью. А уж как «комфортно» будет спать… и всё остальное делать, включая потребление пищи в окружении вставших на ночёвку крестьян и их скотины даже представлять не хотелось! Ну и вишенка на торте: источников чистой воды рядом по-прежнему не было.

— И что, ничего нельзя сделать? — я решил не тянуть резину и подыграть торгашу.

— Если вашему благородию не претит назвать перед таможенниками меня и моих людей *своими* сопровождающими…

— Не претит, — перспектива давиться сухомяткой и запивать её столовым вином из запасов дельца, думаю, пересилила бы

принципы и местного блюстителя чести и дворянской морали. — Маша, сюда. Поедешь рядом со мной.

Простолюдины, среди которых затесался ещё один торговый караван, дружно провожали повозки Рамона завистливыми взглядами, но, стоило им встретиться глазами со мной, тут же спешили поклониться или хотя бы обозначить поклон. Встречная подвода, которую, кстати, после форсирования брода никто и не думал останавливать и проверять, резво скатилась на левую обочину, уступая путь. Но сходу миновать досмотровый пост всё равно не получилось — мешала давешняя карета и суета вокруг неё.

— Пропустите немедленно! Слышите! Немедленно! — визгливый и надтреснутый женский голос легко перекрывал шум множества людей, вынужденно собравшихся в одном месте. — Как вы вообще посмели задержать нас?!

— Мы не можем пропустить вас, леди, не осмотрев вашу карету, — судя по усталому спокойствию в тоне говорящего, повторял он эту фразу уже далеко не в первый раз.

— Я дворянка! И требую — слышите, капитан — тре-бу-ю! Чтобы вы убрали своих грязных мужланов от моего экипажа!

— Солдаты короля никак не могут быть «моими», — а вот теперь голос офицера прозвучал куда твёрже. — Говоря так, вы оскорбляете его величество.

— Ну так прикажите с… солдатам короля отойти! — совсем уж конченой дурой пожилая дворянка не была и, где надо, сдала назад. Но словесно наскакивать на погранца не прекратила. — Вы же их капитан! Или нет?

— Не будь вы прекрасной дамой, я за сомнения в законной чести носить эти знаки отличия вызвал бы вас на дуэль, — совсем уже холодно произнес средних лет мужчина в идеально выглаженном, но определённо каждый день надеваемом мундире. За его спиной лениво колыхала полами геральдическая накидка. Мы подъехали совсем уж вплотную, и теперь рассмотреть участников действа не составляло труда.

— Да что вы вообще от меня хотите?! — источником поднявшегося еще на тон визга оказалась пожилая женщина в небогатом дорожном платье, определённо знававшим лучшие дни. Из экипажа она выбралась, но стояла так, словно прикрывала карету от солдат собой. На удивление, солдаты короля, коих я насчитал шесть штук, были очень неплохо обмундированы — ну, по крайней мере, для войск страны, где за дорогами не следят вообще. А тут стальные шлемы на головах, в руках короткие пики с четырехгранными остриями, а поверх кольчуг — серо-жёлтые

котты[7] с гербом Балота. Или это тоже референс от магистрата в сторону сил союзника?

— Провести досмотр экипажа, — вновь вернулся к усталому тону командир КПП. По его знаку солдаты дружно сделали шаг вперёд, вызвав у дамы то ли истерический всхлип, то ли взвизг.

— Вы что, не верите моему слову?! Вы… вы…

— Мы просто обеспечиваем безопасность брода. — солдаты опять сделали шаг вперёд, заставив дворянку попятиться и рефлекторно раскинуть руки в стороны, будто защищая карету. — Королевский указ: колёсный транспорт пропускается только после того, как будет признан достаточно надёжным для этого.

— Да как вы смеете?! — пошла на очередной круг дама. Чёрт, это, похоже, надолго.

— Капитан, — привлёк я к себе внимание командира, одновременно уже ставшим привычным движением перекидывая плащ на плечо и демонстрируя герб. — Проявите милосердие: пусть благородная госпожа сначала лично проверит свою повозку на предмет того, чего там *точно нет*, а вы пока пропустите меня и моих людей.

— Что-о-о? — визгливая обернулась в мою сторону и сразу же осеклась. То ли демонстрация геральдического знака помогла — все остальные дворяне щеголяли чистыми спинами. А может, во всем виновата одежда с искусной вышивкой (видел я, сколько стоят эльфийские творения в республике) — одно дело просто родовитость, а другое — подкреплённая звонкой монетой. В любом случае, базарить со мной тётка не решилась, резво скрывшись внутри своего экипажа. Офицеру же явно гораздо больше «понравилась» Маша, застывшая слева от меня с копьём в руках. Пока наконечник смотрел вверх, но тренированному конному латнику развернуть своё основное оружие в рабочее положение — секундное дело. Тем не менее, дело свое мужик знал туго:

— Прошу транспортные средства на досмотр… — сухо потребовал пограничник, убедившись, что женщина в карете как видно решила изобразить полное отсутствие всякого присутствия.

— Не стоит потраченного времени, — перебил я. — Это купеческие телеги вместе с извозчиками — как меня заверили, они регулярно без проблем проходят этот брод. Или вы хотите покопаться в моих *личных вещах* и составить опись?

О том, как некоторые благородные без проблем провозят через пункты контроля абсолютно всё, что заблагорассудится, Рамон за неполные двое суток успел мне поплакаться раза четыре. Не прямо обвиняя дворян в практически легальной

контрабанде, конечно, а что типа вот такая социальная несправедливость: одним верят на слово, а других всегда шмонают и пытаются обобрать, невзирая на реноме. Как видите, задвигалось мне всё это не без задней мысли, разумеется. Совсем не удивлюсь, если толстый пройдоха специально проконтролировал темп нашего движения таким образом, чтобы выйти к пограничной переправе между Балотом и Заром ровно в нужный момент. То есть тогда, когда переход на другой берег будет возможен сегодня, только если я поручусь за содержимое каравана своим словом, и это позволит миновать процедуру досмотра.

Тут нужно сделать короткий экскурс в, с позволения сказать, «таможенный кодекс» королевств, который у разных стран отличается малозначимыми деталями. В кавычках — это потому, что я не уверен в том, что весь массив частично взаимоисключающих правил и традиций хоть где-то записан. Если по-простому, то благородным можно тащить с собой всё и бесплатно, а остальным — что разрешат и за деньги. Причём речь идёт не только о собственно границах монархий — любой феодал может на своих землях перекрыть любую дорогу кроме королевской и обирать проезжающих. За подобную инициативу какому-нибудь там барону может и прилететь по шапке от сюзерена, если он паче чаяния влезет в чужие финансовые интересы — но не сразу и, как правило, не слишком больно. Ну а плата для черни за проезд через городские ворота — вообще освящённая веками незыблемая традиция! Другой вопрос, что с крестьян и ремесленников и взять-то особо нечего, а купцы строят свои маршруты так, чтобы финансовые потери минимизировать… но речь сейчас не о них. Как я и сказал, дворяне, даже подданные других стран, освобождены от податей. Однако, как всегда, есть нюансы.

«Благородному господину или госпоже заниматься торговлей невместно.» Это не закон, это правило хорошего тона. Но благородные, особенно из тех, у кого всё имущество помещается за плечами и на поясе, тоже хотят кушать. Желательно хорошо. Вот и одолевают их низменные желания — извлечь при помощи преимуществ своего статуса звонкую монету. Извлечь не из воздуха, а прямо-таки из кармана короля — ведь именно туда уходят дорожные и пограничные сборы, а так же городские налоги. Ну и какой монарх такое потерпит? Вот-вот. Потому королевские таможенники имеют утверждённое их господином право остановить и освидетельствовать любое транспортное средство, не важно, с гербом оно или без. И, проведя разбирательство, обложить или не обложить пошлиной, а то и

вообще конфисковать — если повод будет. В теории. Потому что дальше начинаются типичные дворянские заморочки и разборки.

По умолчанию сиволапому рядовому стражу границы или сержанту никак не позволено тянуть грязные руки к имуществу господ. С другой стороны, даже простого рыцаря с собственным гербом поставить на сбор податей — это как-то не комильфо. Оскорбление чести и достоинства подданного получается. Вот и трудятся на ниве защиты кошелька монарха такие вот лейтенанты и капитаны с пустыми плащами. Ясное дело, любой обладатель собственного манора, который смотрит на «просто благородных» сверху вниз, за попытку обыскать его груз и людей немедленно схватится за меч. Слово благородного — не пустой звук: сказал, что вот эти три телеги его личные вещи, а вовсе не попытка провезти контрабанду — значит, так и есть. И вообще, кто ты такой, солдатня, чтобы сомневаться в *моём* слове? Правда, если у барона за плечами выцветшая тряпочка, а из боевой мощи — кривая шпажка у пояса, то закономерные вопросы возникают уже у командира наряда стражи: а может это и не барон совсем, а очень даже самозванец? Ну, вы поняли. Могу ещё сказать, что игра в «у кого благородства больше» не идёт в одни ворота: если через кордон где-то что-то нагло тащат чужие гербоносцы, то и своего барона туда можно временно отправить во главе сильного отряда, а то и целого герцога. Нет, конечно же не на низменный сбор податей. Ловить шпионов и посылов, например. Была бы необходимость — а повод найдётся.

— *Три повозки* личных вещей… — я поставил командира королевских пограничников в не самое приятное положение. Химеры, латы Маши и моя одежда — все это очень хорошо показывало, кто тут практически герцогу ровня, а кто — от крестьян недалеко ушел. Опять же, герб на плаще. С другой стороны, серьезно вооруженной выглядела только мой рыцарь, а копейщиков при страже было шестеро. И три телеги *явно* купеческого каравана — тем более я сам это признал.

По иронии, причина, по которой капитан не мог просто взять и пропустить меня сразу была та же, что заставила пожилую склочницу из кареты голосить благим матом. А именно: я нагло и цинично вознамерился попрать пресловутую дворянскую честь оппонента. Тётку-дворянку, решившую на удачу протащить что-то там по мелочи и поправить финансы, ждала публичная демонстрация факта нарушения слова, а я прямо сейчас пытался сделать дурака из пограничника, да ещё и на глазах у простолюдинов! Вот только пожилая женщина ничем кроме крика

защитить себя не могла, а у меня за спиной была одна полноценная тяжелая боевая единица. Вызов на поединок при таком раскладе мало того, что со стороны выглядел не особо оправданным (может, у меня действительно много скарба с собой?), так ещё и оружие, и условия поединка выбирает вызванная сторона. Гарантированно оказаться насаженным на копье как жук на булавку — так себе защита собственного достоинства выйдет. Впрочем, мне тоже нарываться ещё сильнее было совершенно не с руки.

— Я баронет Бертран, подданный Его Величества короля Зара, — усталость в голосе изображать не пришлось. И надменную гордость тоже — давным-давно не просыпавшееся подсознание вдруг шевельнулось, заставив напрячь спину, демонстративно расправить плечи, посмотреть на пешего «простого» дворянина *сверху вниз*. — Возвращаюсь после многих месяцев отсутствия. Какие-нибудь *ещё вопросы*, капитан?

— …Проезжайте, — спустя пять невероятно длинных и томительных секунд с ощутимым трудом выдавил из себя офицер.

* * *

Караван Рамона скрылся за поворотом королевского тракта Зара так быстро, словно за ним как минимум болотный секач пытался угнаться. Может, мне конечно и показалось, но последнюю телегу на вираже отчетливо накренило и занесло.

— Н-да, — я покачал головой, глядя вслед бывшим попутчикам. — Ну как тебе бытие благородных изнутри, Маша?

Весь вечер и весь следующий день, пока мы не добрались до места, где наши дороги расходились, я *демонстрировал* пузатому любителю разноцветных тряпок что такое оказаться в обществе задетого дворянина. Похоже, предыдущий Арн был тем ещё снобом и брюзгой — подсознание словно дрова в печку переодически подсовывало мне очередной кусочек обезличенных воспоминаний-ощущений, позволяющий открыть ещё одну грань в способности выражать неудовольствие. Как молча, жестами и мимикой, так и тоном и формой ответов. Слишком ушлому негоцианту оставалось только лебезить и терпеть — а вот возницы и троица наёмников всеми силами старались держаться от меня как можно дальше. Серьёзно, они даже не козлах отодвигались к противоположному борту повозок, стоило мне проехать на Вспышке вдоль подвод, а когда мы наконец расстались — дружный вздох облегчения едва не сорвал к чертям

все остатки жухлых листьев на ветках в соседнем лесу!

— Совсем не так, как я себе представляла, — задумчиво призналась девушка.

— То ли еще будет… — я повернулся в седле и всмотрелся в гораздо более узкое ответвление от наезженного тракта. Похоже, королевская семейка Зара могла похвастаться куда более умными предками, чем монарший род соседей. У здешних властителей хватило мозгов выделить тракт и земли вокруг него в своё исключительное владение и самостоятельно следить за состоянием мостов и прочей инфраструктуры. Что говорить: по пути с торговым караваном я встретил действующий (!) пост дорожной стражи (!!) — этакую угловатую башню, верхушкой чуть возвышающуюся над кронами деревьев и словно свеча в подсвечнике сидящую в тесном квадрате каменных стен. Как я понял, в случае чего на вершине микро-форта можно было зажечь тревожный сигнальный огонь (!!!) — вообще верх предусмотрительности и заботы о простом народе и своей стране.

Из-за упомянутых особенностей административного деления, тракт, криво проходя через страну сверху вниз, отсекал кривой ломоть от остальных территорий — герцогство Берг. Именно в него входило баронство Бертран, и именно туда мне предстояло сейчас двинуться. В неизвестность… или не совсем? Что-то на сердце у меня неспокойно…

— Маш, развязывай мешок, — приказал я, спрыгивая с седла.

— Подарок герцогу? — на всякий случай переспросила дочка кузнеца, стаскивая со спины Милки тяжелый узел. Толстяк расстарался на прощанье, отсыпав немного своего дефицитного товара. И ведь наглости хватило попросить «упомянуть при его сиятельстве о бедном скромном купце Рамоне»!

— Надо проверить, чего наш слишком ушлый «друг» туда сунул, — хмыкнул я, разглядывая желтые, красные, синие и даже фиолетовые бока незнакомых растительных деликатесов. Почему-то ни в Эрсте, ни в Миракии, ни даже в Нессарии нам так и не пришлось чего-то подобного поесть. — И потом, как мы будем герцогу Эдмонду советовать попробовать то или другое, если сами не в курсе?

Глава 5

Дом, милый дом… сколько я не повторял себе эту фразу, так никакого отклика из глубин чужой памяти и не получил. Вообще ничего. Подсознание молчало как убитое и на провокации не поддавалось. Вообще, от первых нескольких часов пребывания на территории герцогства Берг у меня осталось только одно впечатление: идеальное местечко, чтобы «Сонную лощину» переснять без декораций! Плюс навязчивое ощущение, что мы заблудились — хотя это сложно было сделать, двигаясь по дороге без единого ответвления… Дорога, к слову, та ещё была: узкая, «поплывшая» колея еле вписывалась меж древесными стволами. Пространство же между следов от колес заросло травой без всякого намёка на утоптанность. Заключительный штрих — голые ветви, кое-где «украшенные» сухой, но не опавшей листвой, смыкающиеся сводом над головой. И никого. Создавалось полное впечатление, что люди тут ходили в последний раз этак с год назад. Вот свежих звериных следов было в достатке. Причем не только от лап всякой мелочи вроде белок-зайцев, но и оставленные оленями и кабанами. А в одном месте побитую заморозками траву измяла целая стая волков.

Вот ведь… Слякотный и промозглый Балот с его повсеместной распутицей теперь смотрелся чуть ли не как центр человеческой цивилизации! Я опять забрал у Маши арбалет и своё эльфийское копье: после стычек с изменёнными обычные звери не казались сколь-либо опасными противниками, особенно пока я верхом на химере, но расслабляться я не собирался. Расслабляться теперь вообще было противопоказано — только не в окружении людей, у которых я собирался прямо из-под носа увести своё наследство. А тут ещё чертова обезличенная память продолжала молчать как рыба об лёд, ещё больше осложняя ситуацию!

Когда давящий на психику одним своим видом лес наконец-то закончился и колея вывела нас на приличных размеров поле, я уже был порядком на взводе. День перевалил за середину, тучи опять сомкнулись над головой, погружая мир в сумрак, а из трижды проклятого атласа выходило, что я уже должен был оказаться в середине своих земель, миновав по пути штук пять деревень. Одно радовало — неучтённой водной преграды по пути всё-таки не попалось, не иначе как во время рисования этой части филькиной грамоты в пафосной обложке героически погибло целое стадо медведей… Очень хотелось пустить Вспышку в галоп и всё-таки поставить уже наконец точку хотя бы в первом этапе

устроенного самому себе «приключения» — добраться до поместья. Но я, конечно, в очередной раз сдержался. Глупить и пороть горячку — это не ко мне. Может, всё-таки что-нибудь всплывёт в голове… если оной почаще крутить по сторонам.

Первые свежие свидетельства присутствия людей нашлись только на следующем поле — оно располагалось через узкий, очевидно специально оставленный нетронутым при расчистке перелесок. Я не агроном, но достаточно один раз съездить в то же Подмосковье, чтобы увидеть, что и у нас так делают — зачем-то разделяют сельхоз-зоны с помощью деревьев[8]. Причём если ближнее к лесу свободное пространство как поросло за лето травой, так и ушло под осенние дожди и зимние холода, то второе явно косили. Стога с сеном расположили у дальней кромки поля, и часть уже свезли — к ближайшей деревне, вестимо. Отлично, хоть с месторасположением наконец определюсь!

Добраться до людей оказалось не так-то просто — пришлось миновать ещё два поля с покосами, потом обогнуть по краю полностью распаханное поле, чернеющее ничем не прикрытой землёй — и только потом, после очередного перелеска, я увидел расположившиеся на пригорке деревенские дома. Над крытыми соломой крышами поднимались дымки, колея под ногами к тому моменту незаметно превратилась в настоящую дорогу — впитала боковые ответвления, как река притоки. Уже у самой околицы мы нагнали небольшое смешанное стадо: коровы, овцы, несколько коз — и мальчишка-пастух, так и застывший с открытым ртом при виде Маши.

— Большое село, — поделился я с дочкой кузнеца очевидным наблюдением. — Больше полусотни домов.

— На наше похоже, — вполголоса отозвалась девушка, оглядываясь. — Только у нас частокол ещё был, а тут нет.

— Видимо, не от кого защищаться, — интересно, а волки местных не напрягают? Интересно, доски тут особо не в ходу, большинство заборов — или просто два тонких бревна, закреплённых на столбах, или классические плетёные тыны. — Хмм, смотри-ка, у нас уже эскорт. И, кажется, это твои поклонники!

Стайка мальчишек, среди которых я узнал ранее встреченного пастушка, «незаметно» следовала в некотором отдалении от химер. И когда только стянуться успели? Наши кобылы перешли с рыси на шаг, потому у «преследователей» хватало времени не только не отставать, но и прямо на ходу выяснять отношения, то и дело тыкая руками в сторону

сопровождающей меня закованной в полированную сталь фигуры.

— И так мы тоже делали, — на мордашке моей спутницы одновременно боролись смущение и ностальгия.

— Помню-помню. И в трактир за паладином сунулись, — я привстал на стременах оглядываясь. — Которого тут нет. Эй, ув… кхм! Да-да, ты — поди сюда.

Надо отвыкать от республиканских привычек, что-то мне подсказывает, что никто здесь лидскую вежливость не оценит. Даже если этого конкретного крестьянина уважать есть за что.

— Ваше благородие, — мужик, на которого я указал, подошёл с явной неохотой, но ослушаться не попытался. Мы добрались до центра деревни — уже знакомого фасона круглой площади с колодцем и вкопанным по центру высоченным деревянным столбом. Взрослые селяне по пути тоже встречались — в основном копошащиеся во дворах за своими заборами и немедленно низко кланяющиеся, стоило им заметить пару всадников в плащах. В одежде с жителями Балота я особого различия не заметил, хотя, надо сказать, что селяне из Белой Лепки выглядели куда богаче.

— Нам нужно в поместье Бертран, как туда добраться — знаешь? — задавая вопрос, я продолжал осматриваться, и вдруг наткнулся взглядом на знакомый символ над дверью одного из выходящих на площадь домов. Единственное, почему я сразу его не заметил — материал: потемневшее дерево резной фигуры было ровно того же цвета, что и стена, на которой та висела. — Это что у вас что, своя *церковь* есть?

Уж характерную форму Белого Меча, символа Белой Церкви я точно не узнать не смогу.

— Часовня, — земледелец немедленно подбоченился и даже слегка напыжился. — Светлый рыцарь его светлости каждые три седьмицы приезжает, значит, проповеди читать и благословения раздавать!

— Светлый рыцарь — это паладин, что ли? — я обменялся недоумёнными взглядами с Машей. Вот, блин, и захолустье!

— Паладин — это когда осенённый Светом закончит обучение, а пока, значит, не закончил — светлый рыцарь, — наставительным тоном пояснил простолюдин, опередив моего оруженосца. Правда, мужик, надо отдать ему должное, быстро вспомнил, кто он и кто собеседники и немедленно добавил совсем другим голосом. — Так нам он сам объяснял, значит, ваши благородия, а я, стало быть, повторил.

— Я тебя правильно понял, одарённый рыцарь-клирик *служит* герцогу де Бергу? — наверняка у моей спутницы тот же вопрос вертелся на языке.

— Так ить нашему господину и господин маг, того-этого, служат, — в свою очередь удивился вопросу крестьянин. — Ну это, как его… мудрое решение Его Величества Зара Шестого, вот. Так нам, значит, тоже господин светлый рыцарь объяснял.

— Вон оно что… — протянул я. Похоже, местный монарх — тот самый, который по сведениям Рамона уже прожил и провластвовал несколько дольше, чем коллеги по должности, смог столько лет удерживать свою страну от приграничных конфликтов не только лишь благодаря успешной внешней политике и удаче. Даже диалог с народом какой-никакой наладил — через единственных в своём роде специалистов в королевствах… — стоп. Ты сказал «нашему господину» — значит, мы на герцогских землях сейчас?

Не знаю, есть ли в здешней магии что-то вроде проклятий, но если есть — под резиденцией картографов как минимум врата в ад должны разверзнутся!

— Истинная правда, ваше благородие, — серв в очередной раз поклонился. — А ежли вам в Бертран надо, то ить это туда. Аккурат там деревня Бертрановка, а от неё и господский дом недалече. Только вы нипочём засветло не доберетесь.

* * *

Деревенский мужик оказался прав: к «господскому дому» баронства Бертран мы выехали именно в тот момент, когда короткий серый зимний день практически угас. Не самый выдающийся успех, учитывая расстояние едва ли в двадцать километров, но учитывая отсутствие нормальной прямой дороги и ориентирование по азимуту, взятому при помощи крестьянской руки и указания «во-он туда» — результат был более чем неплохой. Можно было, конечно, сначала доскакать до резиденции герцога де Берга, куда сходились все основные пути из окрестных земель и оттуда уже по нормальной дороге добраться наконец до пункта назначения — именно так советовал поступить окончательно разговорившийся серв. Но — вряд ли бы мой потенциальный сюзерен оценил бы, что наследник манора Бертран миновал его дом, не нанеся визит вежливости. А где визит — там и расспросы. И если на вежливый интерес «а где ты, собственно, пропадал» мне ещё было, в принципе, что ответить, то на все остальные… Честно сказать, я уже начал сомневаться, что Арн вообще жил где-то здесь — даже теперь, глядя на угловатые очертания приземистой каменной махины старого здания я не чувствовал ровным счётом ничего. Значит, сначала

разведка и наведение порядка в своей собственности — и только потом в гости к герцогу. В конце концов я тут в своём праве — домой приехал как-никак.

— Никогда бы не подумал, что так скажу, но рад, что мне достался не замок, — кивнув в сторону особняка, с кривоватой улыбкой сообщил я своему рыцарю.

Дом был именно домом: двухэтажным зданием под черепичной крышей, с узкими окнами (на первом этаже ещё и закрытыми массивными ставнями) — но вот какой-либо даже самой символической стеной огорожен не был. С другой стороны, расположение на открытом всем ветрам холме и дикий камень в качестве материала как бы намекали, что в истории строения, вполне возможно, были и другие времена. В конце концов, в Европе тоже в определенный исторический период множество замков перестроили во дворцы… а ещё больше снесли до основания.

— Не думаю, что нового барона прислуга отказалась бы пустить внутрь, — не очень уверенно отозвалась Маша. Вид моего дома и на неё произвел впечатление — это было заметно. Но если у меня от подобного пейзажа в голове начинали крутиться ассоциации вроде «убийца-садовник» или «кто там воет на болоте, Холмс?», то моя спутница определенно вспоминала свои любимые рыцарские романы. Остаётся порадоваться, что хоть у кого-то мечты сбываются так, как надо… Блин, а подсознание-то всё молчит. Похоже, придётся мне разбираться самому, без подсказок.

Нас никто не встречал. Химеры в отличии от лошадей голос просто так не подают, а стук копыт для тех, кто находился внутри, надёжно заглушили монументальные стены и толстые, окованные металлом ставни первого этажа. Дверь была под стать — словно створку от крепостных ворот сняли и слегка уменьшили под размеры проёма. Пусть поместье перестало быть крепостью — совсем защищаться от незваных гостей оно не разучилось. Впрочем, давно известно: самая слабая часть любой крепости — люди, её защищающие. Или самая сильная — тут уж как повезёт. Вот сейчас кому-то будет сюрприз…

— Бах! Бах! Бах!

Прежде, чем стучать, я в очередной раз напомнил себе, кем являюсь. Баронетом, будущим полноценным бароном, аристократом по праву рождения вообще и хозяином здесь всего и вся в частности. Только герцог имеет право что-то там от меня требовать — но только он, а вот остальные — наоборот. А потому…

— Бух! Бух! Бух! — удары эфесом шпаги вышли что надо —

громкие, чёткие и уверенные. Может, потому тот, кто открыл дверь даже не удосужился поинтересоваться кого там несёт.

— Наших кобыл в стойло, сумки снять и поднять нам в комнаты, — первое, что я сделал, едва дверь открылась — всучил шпагу и сдернутые с рук перчатки опешившей пожилой женщине в платье служанки. — Потом ужин мне и оруженосцу… и пригласите на него управляющего, что ли.

— Н-но… — у встречающей наконец прорезался голос, однако мне хватило лишь слегка повернуть голову и бросить короткий равнодушный взгляд, чтобы служанка подпрыгнула словно ужаленная и вихрем унеслась куда-то вместе с моими вещами. Благо, масляную лампу, напоминающую керосинку с Земли, а не лампадоподобное убожество, столь любимое трактирщиками, она так и оставила на ближайшей тумбе.

Маша покачала головой и заперла за нами так и оставшуюся открытой дверь.

— Управляющий? — тихо спросила она.

— Кто-то должен контролировать поместье, пока законный владелец не вступил в права наследства, — ещё одна тема, обговорить которую заранее мне даже в голову не пришло. — Хотя скорее всего герцог просто оставил на этой должности того, на кого мои родители спихнули управление манором. Сомневаюсь, что занятому в Горловине Шрама рубежнику-офицеру оставалось время на контроль над далёким и второстепенным владением. Да и маме-магу тоже, похоже, было совсем не до того.

Мать у Арна… скажем так, личностью заурядной её назвать было сложно даже просто зная те крохи информации, что знал про неё я. Лилиана родилась и выросла в республике, уже в статусе мага выскочила замуж за аристократа, успешно воюющего в силах единственного на все королевства международного контингента, а едва её младшенькому стукнуло восемнадцать — бросила всё (включая мужа) и нанялась в состав морской экспедиции на соседний континент! Сказать, что для здешних мест это не самая рядовая судьба — значит ничего не сказать. Кроме того, участие теперь уже моей матери во всяких сомнительных мероприятиях отлично объясняет, почему память реципиента молчит: не жил баронет здесь. Как минимум последние несколько лет не жил. М-да, складно выходит. Получается, я зря опасался расспросов. Тут скорее могут возникнуть проблемы подтвердить что я — это я. Проклятье, я как-то не рассчитывал, что меня просто некому будет узнать.

— Бери лампу и пошли искать лестницу на второй этаж, —

определился с дальнейшими действиями я. Хочу я того или нет, но я должен продолжать вести себя максимально нагло — по-хозяйски нагло, если хотите. В мире, где единственный документ — это плащ с картинкой за твоей спиной, а вместо штампа и подписи выступают дворянский этикет и количество солдат за спиной, только так и можно доказать своё право на что-то. И доказать это нужно было прежде всего своему новому окружению.

— Ой! — нёсшийся по тёмному коридору с выпученными глазами мальчишка едва не налетел на меня. Кажется, он намеревался немедленно дать деру, но разглядев блеск лат Маши в свете масляной «керосинки», застыл, завороженно разглядывая «настоящего рыцаря».

— Все лампы в доме — зажечь, мне не нравится ходить, натыкаясь на углы, — обратил я на себя его внимание. — И растопить камин в гостинной, я там буду ужинать.

— Н-но…

Определённо, взгляд спесивого мудака-в-своём-праве (то есть типового дворянина, ага) мне удаётся просто отменно. Ничего не сказал, а слугой словно из катапульты выстрелило. Чёрт, как же мне не нравится, как я себя веду… но раз влез в затею с наследством — придётся переступить через себя и соответствовать.

Самое худшее, что может сделать человек, заполучив полномочия — это немедленно начать наводить свои порядки. Об этом в первую очередь говорят на любых учебных курсах для руководителей любого ранга: нельзя, не разобравшись досконально, лезть в работающий процесс. Даже если выходило плохо, неэффективно и неправильно — как правило после вмешательства перестаёт это работать вовсе. Вроде элементарное рассуждение, правда? Почему же тогда практически все новые начальники сразу начинают пытаться усиленно рулить доставшимся под контроль активом? Ответ простой: власть. Точнее, инстинктивное желание поскорее и посильнее обозначить кто теперь здесь главный. *Хозяин.*

К сожалению, человеческая психология во многом зависит от доставшихся нам от неразумных предков инстинктов. Как в обезьяньей стае: хочешь быть главным — докажи, что имеешь право, заставь подчиняться. А для этого нужно немедленно продемонстрировать свою силу и право повелевать, дабы новые подчинённые фигурально (или не очень фигурально) склонились. И пофиг на последствия — ведь главное себя поставить, утвердиться, заставить всерьёз принимать любые твои слова. Сначала кнут — показательно наказать кого-нибудь, кто

недостаточно быстро отреагировал или что-то там перепутал. Потом пряник — приблизить и возвысить тех, кто первыми кинулись делать как говорят. Вот и всё: власть у тебя в кармане. Мерзко, просто — и всегда срабатывает. Ну а что общее дело страдает — то так, побочный ущерб.

То, чему учат на курсах руководителей — это как пойти по длинному и *правильному* пути. То есть сначала во всем разобраться, начать действовать точечно, последовательно завоевать уважение своим профессионализмом у отдельных людей, а не у всей толпы разом — и выдвинуться в лидеры естественным, так сказать, путём. Подтвердить своё назначение руководством или владельцами бизнеса в глазах тех, кем должен управлять — и таким образом получить не просто тупых исполнителей, но активных и заинтересованных участников процесса. Бизнес от этого только выиграет, а вместо безликого «персонала» твои указания воплощать в жизнь будет *команда*. Вот только… чтобы воплотить такую стратегию в жизнь во-первых нужно быть действительно тем, кто знает как лучше. А во-вторых и в главных — у меня сейчас тупо не было времени. Да и не оценят средневековые простолюдины аристократа, способного спуститься на их уровень.

И вот я просто вынужден был творить то, что, как я думал раньше, в здравом уме и трезвой памяти никогда себе не позволю. Причём сознательно и с полным пониманием последствий. Например, то же светильное масло — хрен знает, сколько его осталось в местных закромах. Или вот топливо для печей, кучу которого я только что распорядился в прямом смысле этого словам спустить в трубу — обогрева с камина как от козла молока. Но, имею право — значит, могу. А уж на то, как будет выкручиваться прислуга потом — мне, как дворянину и хозяину, должно быть плевать с высокой колокольни. В том числе и по мнению в том числе самих слуг должно. Чёрт…

Мы с дочкой кузнеца двигались по дому — и вместе с этим нарастала суета. Каждого, кто выскакивал на меня, я «награждал» заданиями — столь же срочными и столь же необходимыми, как и первых двоих. Возражений не находилось: возвышенные до прислуги в баронском доме простолюдины от одного вида полного латного доспеха впадали в кратковременный ступор, чем я и пользовался. Лишь однажды система дала сбой: то ли конюх, то ли ещё кто в ответ на мои приказы туповато ответил «Чё?» — но тут уже Маша не сплоховала. Быстрый подшаг и удар бронированным кулаком в челюсть, от которого придурка буквально снесло с ног, она сопроводила вполне себе

внушительным и коротким «отвечать надо „слушаюсь, ваше благородие“, баран!»

Когда мы отыскали наконец лестницу на второй этаж, на первом уже разгорался свет, гремела посуда и потянуло запахами пищи. Кстати, подозрение на то, что дом перестроили из замка у меня только укрепились: подъём наверх, похоже, был единственным на всё строение, располагался за дверью, прорубленной в совсем уж массивной каменной кладке, а пролёты крепились не к стенам, а были подвешены на толстых цепях к потолку и чуть раскачивались под ногами. Видимо, башню донжона при реконструкции укоротили, но изнутри особо переделывать не стали. Не удивительно, что при такой конструкции весть о знатных вторженцах наверх ещё не дошла. Ну ничего, сейчас я это исправлю!

Уже по убранству коридора и по тому, что тут лампы кое-где горели, можно было сделать вывод, кому принадлежит и какие функции выполняет второй этаж. Ковры на полу, парочка самых натуральных гобеленов, какие-то тумбочки и шкафы прямо в общей зоне… Господские спальни, кабинеты, комнаты для хранения особо ценных вещей — всё это было сосредоточено здесь. И всё это я без особых церемоний начал обследовать, просто открывая одну дверь за другой. Нагло и глупо? Для чужака — да, а вот мне, раз уж так подфартило с архитектурой, требовалось найти и перехватить некоторых нужных мне людей. Например, бухгалтера, или счетовода, или как он тут назывался — интенданта, что ли? Логика подсказывала, что старший над слугами и такой полезный человек как ключница (читай — завсклада) также расквартированы были тут.

Дверь. Внутри темно. Мебель под чехлами, включая кровать под балдахином (едва узнал!) но не пыльно. Пустая, никем не используемая спальня. Дверь. Темно, но в свете «керосинки» понятно: кабинет. Использующийся, но сходу так и не понятно, кем — массивный стол пустой. Дверь. Подсобка с вениками, вёдрами, тряпками и мётлами. Ну что ж, действительно, не таскать же каждый подобный инвентарь снизу? Дверь. Спальня. Чья-то, но тёмная и пустая, рыться в вещах не стал. Дверь. Ничей кабинет. Дверь. Ещё одна пустая спальня. Дверь. Дверь. Дверь.

— И-и-и!!!

Ну наконец-то.

— Тихо! — рявкнул я, затыкая девичий писк. А ничего так горничные на хозяйском этаже — все три как на подбор молоденькие, лет по двадцать, и лица симпатичные. И не только лица: я аж на секунду сбился, разглядывая, *как* и *насколько* природа одарила одну из девушек… гхм! — Так, ты и ты. Быстро

подготовить мне и моему оруженосцу по спальне. Закончите — приведите в порядок баронский кабинет.

— Н-но… — да уж, разнообразием ответов меня сегодня не баловали.

— Мне нужно приказывать *дважды*? — вкрадчиво поинтересовался я.

Ей-ей, полы моей и Маши накидок взметнулись, когда они проскочили мимо.

— А ты… — я вдруг понял, что машинально выбрал в качестве источника информации особо одарённую служанку. — Отвечай на вопросы. Чётко и коротко.

— Д-да, господин… — испуганная простолюдинка, хотя я пока не сделал ни одного намёка, вдруг начала заливаться краской.

— Арн Бертран, баронет и наследник баронства, — устало представился я. Напрягает… реально напрягает — вот так ходить и сходу прессовать всех подряд. Ей-ей, настоящему, в смысле родившемуся в этом мире аристо было бы куда проще — он бы всех этих слуг за людей просто не принимал. Для него подобные моим действия воспринимались бы так, как воспринимает вернувшийся из командировки хозяин московской квартиры включение во всех комнатах света и от греха подальше отключенной на время отсутствия бытовой техники. — Для начала расскажи-ка мне…

Дверь осталась открытой, потому громкие раскаты чем-то недовольного властного мужского голоса я прекрасно услышал. А вот и первая проблема. Ну-ка, посмотрим кто там. В коридоре обнаружилась одна из отправленных готовить помещения горняшек и пожилой мужчина, в котором я даже без плаща опознал благородного. Прежде, чем он успел ко мне повернуться, я успел рассмотреть его не самую дешёвую, но солидно поношенную одежду, обильную седину в волосах и бороде и общую массивность фигуры. Не излишний вес как у Рамона, а правильную и хорошо развитую мускулатуру. В местных реалиях для получения подобной красоты не нужно посещать спортзал и бассейн, она сама собой нарастает на костях, пока ты таскаешь на себе тяжёлый доспех, щит и меч. Воин — и воин не из последних… Тут мужик повернулся и наши взгляды встретились. Не знаю, что увидел он, а вот я почувствовал головную боль. Сперва легкую, быстро усилившуюся… и пропавшую. И оставившую взамен имя.

— Ну хоть одно знакомое лицо в этом бардаке… — медленно проговорил я. — Здравствуй, сэр Матиас.

— …Арн?!

* * *

— Очень ты на мать похож, Арн, только потому тебя и узнал, — пожилой рыцарь приложился к кубку, шумно отхлебнул и покачал головой. По моему скромному мнению эта порция вина была определенно лишней, но лезть с советами я, разумеется, не стремился. Только за, если человеку хочется выговориться и расслабиться. — Она писаная красавица была, твоя мама, и мантию свою волшебническую на моей памяти ни разу не носила, только платья. Хоть и колдовать могла другим на зависть. Отца твоего в себя без памяти влюбила, он перед ней разве что на задних лапках не скакал, пока… А ты ведь весь в неё пошел — такой же тонкий, как тростинка…

— Гхм! — уже имеющая некоторый не самый позитивный опыт в принятии спиртных напитков Маша всё ещё баюкала первую порцию действительно неплохого вина. И особо не расслаблялась. Я-то в отличии от неё сначала пил наравне с пожилым воином, вот только опьянение не чувствовал ни в одном глазу — Печать гражданина республики продолжала исправно заботиться о моем здоровье.

— Я, как услышал, что она всё бросила и в экспедицию с флотом ушла, было подумал, что и ты с ней. А вон как оказалось… — седой рыцарь то ли сознательно игнорировал своего более молодого коллегу, то ли просто дела минувшие сегодня надёжно заслонили от него настоящее. — Я-то до последнего надеялся, что помирятся они… да не дал Свет, видно. Гордые обы были, никто первый шаг сделать не захотел, ни Кристиан, ни Лили. Отец твой, Арн, меня с поля боя вытащил, сюда управляющим пристроил, мать на ноги поставила, когда я уже думал, что век калекой буду доживать… Они много кого спасли, а свою семью, видишь, не смогли…

— Так в жизни часто бывает, сэр Матиас, — мягко произнёс я. — Но сейчас в любом случае уже поздно что-либо исправлять. Папу признали погибшим, а мама… сейчас у неё свои заботы. Нам же стоит побеспокоиться о том, с чем справиться в нашей власти.

— И говоришь ты как она, — как-то странно услышал меня мужчина. — Обычно Лилиана всё больше смеялась да шутила, и только иногда становилась серьёзной… Ик. Совсем как моя Кариночка…

М-да. Похоже, тонкие намёки тут не помогут. Вежливость и

такт я проявил — не мог не проявить к явному союзнику. Целый час выслушивал всё менее связные экскурсы в прошлое — хотя, положа руку на сердце, полезного в них оказалось меньше, чем я рассчитывал. Теперь пора уже прояснить ситуацию.

— Сэр Матиас, мне завтра придётся представляться герцогу де Бергу по случаю прибытия, а я даже примерно не представляю, что происходит. Кто-нибудь кроме меня заявил права на манор?

Пожилому рыцарю потребовалось секунд двадцать, чтобы выплыть из своих воспоминаний и осознать мой вопрос.

— Никто не посмеет оспаривать право урождённого Бертрана на его земли!

— И все же кто-то пытался? — пришлось проявить настойчивость.

— Да приехал тут один… баронетом назвался. Какой он баронет, ко всей тьме, если господину Кристиану двоюродный брат по сестре отца? Седьмая вода на киселе и то ближе. А всё туда же, перед герцогом так и вертится, как будто от Эдмота ему действительно обломится чего… Не-эт, шутишь, его светлость господин де Берг не таков, чтобы всякой швали маноры раздавать, его кружевами да одушкой не проймёшь! Недаром до полковника у его величество в королевской гвардии дослужился, прежде чем на пенсион уйти! И сына под стать себе воспитал…

— А этот мой… двоюродный дядя — он сейчас здесь, в поместье? — интересную информацию про герцога я пока отложил, сосредоточившись на первоочередной задаче.

— Приём сегодня у Сэмюэля, вот и умотал с утра пораньше, — отмахнулся управляющий. — И все остальные тоже. Это старый пень вроде меня никому не нужен… Ик. Ик.

Видать, старый рыцарь дошёл до кондиции: глядя глазами вникуда он продолжил время от времени прикладываться к кубку. Ладно, и на этом, что называется, спасибо. Надеюсь только, Матиас утром вспомнит, что вчера меня признал, а то, как мне кажется, он тут частенько так устраивает… психологическую разгрузку под бокальчик-другой.

— Идём спать, — тихо приказал я, наклонившись к Маше. Самое время — как раз заметил, как выделенная ранее мною фигуристая служанка второй раз заглянула в гостиную. Вряд ли она мнётся у порога просто потому, что ей любопытно — скорее всего её коллеги со второго этажа прислали отчитаться. — Дверь своей комнаты запри изнутри — тут они такие, что без тарана не откроешь. Если будет кто стучать — не подготовившись к бою не открывай. Если понадобишься мне срочно — отсигналю через Печать. Считай, что мы в рейде и вокруг дикий лес.

— Ясно, — дочка кузнеца сосредоточенно кивнула. Именно в

такие моменты лучше всего понимаешь, насколько важен человек рядом, на которого действительно можно целиком и полностью положиться.

Может, конечно, я и перегибаю палку, но… лучше быть живым параноиком чем мёртвым растяпой. Не показался мне управляющий поместьем человеком, который тут всё держит в узде. Явно ведь отец Арна своего боевого товарища пристроил на тёплое местечко не за управленческие навыки. Удивительно ещё, как слуги не распоясались и содержат тут всё в чистоте — пусть и экономят на всём, включая дрова и масло. Ужин, кстати, палитрой разносолов тоже не блистал… ладно, всё завтра. И разбирательства, и дальнейшие выводы, и общение со старым рыцарем на трезвую голову…

…ага, сейчас. Тихий стук в дверь раздался — не прошло и десяти минут, как я запер за служанками засов. Кстати говоря, отработала прислуга, несмотря на устроенный мною стресс-тест, на пять баллов — и химер пристроила-обиходила на конюшне, и шпага моя уже лежала в моей комнате. Сама комната тоже была вычищена до последней пылинки, бельё на постели несильно пахло каким-то приятным цветочным ароматом. Разве что шторы могли бы быть и не розовыми — но это уже совсем мелочь… Готовиться к бою я не стал — в отличие от Маши, я и с пустыми руками для двух-трех врагов представлял смертельную опасность — ядовитая змея позавидует. Только вместо токсинов — готовая ударить из руки молния. К счастью, бить на поражение не пришлось.

— Я пришла спросить, не нужно ли господину… чего-нибудь, — под моим оценивающим взглядом красавица-горняшка мило потупилась. Конечно, её ночной рубашке было далеко до прозрачного провокационного нечто, выданного продавцом в нагрузку к Эйлане, но впечатляющие природные дары прекрасно компенсировали этот недостаток, натягивая собой ткань. В общем, о цели визита гадать было не нужно. А быстро девчонка сориентировалась, молодец. Определённо не круглая дура, и я этим непременно воспользуюсь… сразу после того, как воспользуюсь кое-чем ещё. Я ведь уже говорил, как мне нравятся женщины с *большой* грудью? Это, определённо, будет интересный опыт…

Глава 6

Помните, я говорил, что в смертельной схватке и в алкогольном угаре сословные границы стираются? Так вот, в постели они тоже… куда-то пропадают. Что ж, спасибо Ле за это открытие. И не только за это.

Полное имя фигуристой горничной-блондинки звучало как Лейла, но сокращение ей так понравилось, что остаток ночи я называл её только так. Отдельными чертами характера эта простолюдинка-красавица живо напомнила оставшуюся в Лиде Рону, может, может быть, именно потому у нас всё так хорошо сложилось. И в постели, и на полу на медвежьей шкуре, и на прикроватной тумбе, и… ну вы поняли. Спасибо магии жизни, впечатляющим достоинствам фигуры служанки и её же неуёмному, искреннему энтузиазму. Последний, правда, определённо проистекал скорее из любви к процессу вообще, а не оттого, что скромная прислужница вдруг воспылала страстью к своему господину. Увы (или, скорее, наоборот — к счастью), рыцарских романов Ле не читала и навоображать себе невесть что не удосужилась.

Забираясь в постель к будущему барону, Лейла руководствовалась исключительно прагматическими соображениями. Ну и ещё тем, что её активно к этому подталкивали остальные две служанки второго этажа — с их точки зрения это был неплохой такой способ разведки. Куколку с сиськами мужчина если и накажет, то совсем не так, как менее выдающуюся в нужных местах любопытную горняшку, которой всего-то и надо было выяснить некоторые предпочтения господина, дабы не попасть в какую неприятную ситуацию. Ну там воду горячую утром для омовения не подала или, наоборот, холодную вечером, или вино принесла десертное на ночь вместо креплёного… В общем, ничего личного, да и сама Ле против такого своего применения не была. Внешние данные уже однажды вытащили её из деревни в господский дом, почему бы и дальше не? Тем более, её-то мнения никто из благородных в любом случае спрашивать не будет.

Как вы поняли из сказанного ранее, выдающимся интеллектом Ле не смогла бы похвастаться, но и дурой я её точно назвать не мог. Хороший и продолжительный секс отлично развязал девушке язычок, дальше мне оставалось только изредка задавать короткие наводящие вопросы и время от времени хвалить. Пару первых раз, когда горничная вдруг соображала, что сболтнула лишнего — напрягалась. Но быстро поняла, что я не

обижаюсь, а наоборот, только одобряю её словесный поток — и вообще отпустила тормоза. Серьёзно, я даже начал сомневаться, что ей больше удовольствие доставило — собственно, произошедшее в постели или возможность наконец выговориться перед тем, кто её чуть ли не в первый раз в жизни соизволил послушать. В общем, свою серебряную монету утром она совершенно честно заслужила. Больше скажу, я бы и золотого не пожалел, только ведь отберут же. Ничего, ещё найду способ свою полудобровольную помощницу дополнительно отблагодарить.

Итак, что же мне такого понарассказывала ночная гостья? О, много чего. Часть из этого мне, вообще-то, должен был доложить управляющий, если бы не был так занят собой и кубком с вином, а часть самостоятельно пришлось бы выяснять долго и мучительно. Всё-таки в том, что благородные относятся к своим слугам не как к равным себе, содержится огромный изъян. При простолюдинах не сдерживают голос, а в иной ситуации могут вообще поделиться мыслями, которые не доверили бы никому равного положения, как это сделал мой двоюродный дядя, «баронет» Васт. Да, Ле с ним переспала — ведь до моего приезда именно он считался наиболее вероятным правопреемником баронского манора… точнее, попытался всех в этом убедить. А у Матиаса, оказывается, запала не хватило выставить этого моего дальнего родственника за дверь. Если бы выставил — ещё не факт, что у того хватило возможностей вступить в борьбу за наследство: мужик тут и жрал, и спал, и коня своего «доходягу» кормил, и во всех смыслах пользовался услугами служанок, типа ремонта и глажки своей далеко не новой одежды. В том числе не просто попользовался «дарами природы», но и дул в уши блондинке, какие золотые горы всех тут ждут, когда он обретёт желаемую власть.

— На груди мне синяков наставил, а сам даже медной монетки после всего пожалел, — обиженно прокомментировала Лейла этот эпизод.

В общем, пары ночных посещений горничным второго этажа хватило, чтобы составить своего рода психологический портрет своего гостя и донести до остальных слуг. Впечатлить своей щедростью «баронет» девушек не смог, потому вместо обслуживания по высшему классу получал от прислуги дома обращение «на отвяжись». Более того, женская часть понемногу начала капать на мозги жалобами *хозяйке*…

— Кому?

— Мы так между собой дочку сэра Матиаса зовём, госпожу Карину, — бесхитростно объяснила горняшка. — Господин

управляющий хороший человек, но мало внимания на окружающих обращает. Мы уже и привыкли всё через молодую хозяйку решать.

— Вот оно что, — загадка розовых штор в баронской спальне решилась. Как и то, почему большой и старый дом при таком мягко говоря не старательном управляющем в столь отличном состоянии: убран, лишние комнаты «законсервированы», а обслуга хорошо знает свои обязанности. Видать, у рыцарской дочки действительно настоящая хозяйственная жилка проявилась…

Да, кстати, спальню мне горничные выдали именно баронскую — самую большую в доме и самую роскошную. И даже Матиаса спрашивать не стали — вот что значит правильно заданная мотивация.

— Все так испугались, так испугались, — Лейла округлила глаза, демонстрируя степень оказанного впечатления. — Вы так грозно всем говорили, а за вашей спиной этот сэр рыцарь в доспехах — я таких только на картине один раз видела! А ты оказался таким хорошим… — тут девушка пальчиком провела мне по груди и животу, словно рисуя прихотливую завитушку, и заключила. — Всем нашим расскажу!

Что она там станет рассказывать — уточнять я на всякий случай не стал. Несмотря на то, что у местной секс-звезды должен был накопиться некий опыт взаимодействия с мужчинами, многие мои вполне стандартные по земным меркам предложения оказались для красавицы настоящим откровением. Особенно Ле восхитила поза наездницы — блондинка мигом смекнула, что её главное сокровище в глазах мужчины в таком ракурсе предстает в самом выгодном свете… и завораживающем движении… В общем, по моей реакции не сообразить было сложно. Опять же, я по земному опыту всегда сначала пытался доставить приятное партнерше, и, судя по всему, оказался первым мужчиной у служанки, кто вообще этим заморочился. Судя по некоторым оговоркам, можно было ожидать, что передовой опыт прямо с утра пойдёт в массы — поболтать Ле, как я уже сказал, любила, а *такую* информацию от неё будут воспринимать открыв рот от удивления, а не как обычно.

М-да. Всё-таки баронство на краю не самого большого королевства — глушь изрядная. Более чем уверен: в более оживлённых местах слуги и служанки особенно прекрасно умеют закрывать свой роток на замок — иначе никакая сословная граница не поможет. С другой стороны, свежий воздух и свежие натуральные продукты в достатке каждый день, помноженные на истинно крестьянскую выносливость, дали такой результат —

закачаешься! Причём в прямом смысле: Роне, спровоцировавшей меня в Нессарии устроить улётный и продолжительный секс, и половины такой нагрузки хватило, чтобы на следующее утро слечь с переутомлением. А у Ле сил хватило ещё и на беззаботный трёп почти до утра! Честно сказать, утомить я её попытался отчасти специально — после всех бесед, просветивших меня о творящихся в поместье делах, моя паранойя улеглась, но мысль о том, что горняшка уйдёт под утро пока я сплю и дверь оставит незапертой, всё равно неприятно скребла сознание. Пусть лучше крепко с гарантией поспит под боком… ага, не тут-то было! В итоге пришлось девушку самому за дверь выставлять — впрочем, аккуратно подав это как предупредительную заботу. Заодно и монету вручил. До намеченной побудки оставалось каких-то три часа…

Магия Жизни! Вот как я без тебя прожил на Земле столько лет-то? Спасительница моя! Отдохнуть я всё-таки успел, хоть и ощущал всё ещё приятную усталость, как говорится, во всех членах. И приятное опустошение понятно где. Даже чувство вины некоторое появилось: пока я тут в поте лица добывал разведданные, бедняжка Рона была вынуждена проводить большую часть дня в компании Эйланы. Несмотря на жёсткий приказ для остроухой горничной слушаться мою эльфийку во всём, соседство, думаю, вряд ли получилось особо приятным хоть для кого-то. Оставалась у меня небольшая надежда, что моя любимая найдёт-таки к мозгам своей соплеменницы подход… ладно, всё это пока не важно. Как и в любви, на войне все средства хороши, а мне предстояла настоящая битва за манор. Придурок Васт проговорился Лейле, что он-де «втопчет в грязь остальных претендентов» — а это значит, что их кроме меня, до вчерашнего вечера в местных раскладах никак не фигурирующего, как минимум ещё *два*. Сюр-прииз, мать его!

Придётся как-то быстро заработать расположение герцога де Берга, и что-то мне подсказывает, что свидетельства сэра Матиаса, подобающего барону внешнего вида и снаряжения, обходительных манер и мешка фруктов в подарок для этого маловато будет. Увы, судя по тому, что даже слуги старого рыцаря ни в грош не ставят, получить хороший совет от управляющего вряд ли получится. Разве что от его дочки, которой вчера почему-то дома не было — иначе мы с ней точно столкнулись бы, поставив всех на уши. С Кариной тоже, очевидно, как-то придётся наладить контакт… Короче, придётся поработать. Но прежде, чем вступать в схватку за актив, нужно оценить, *за что* я собственно собрался биться. Соотнести, так сказать,

возможные затраты к возможной прибыли. К сожалению, проделать данную процедуру, не заявив себя наследником, было невозможно. А то ведь, может, баронство в долгах как в шелках, и это Эдмонд де Берг должен меня уговаривать взвалить на шею токсичный актив… Я так не думаю — иначе ушлый Рахман не стал бы так активно мне сватать свою помощь, но лучше получить твёрдые доказательства. Увы, эту информацию через простую служанку не получить, а на Матиаса, как я и говорил, надежды нет никакой. Придётся прямо сейчас, вместо завтрака, разбираться со средневековой бухгалтерией. Надеюсь только, тут есть с чем разбираться.

Повезло: приходно-расходные книги содержались в порядке. Более того, они лежали в баронском кабинете, а не были распиханы по углам, на радость плесени и мышам. И прилежно велись — по крайней мере, судя по датам, записи вносились регулярно. Ключ от кабинета мне по первому требованию притащила горничная — не Ле, другая. Она же, отчаянно краснея, принесла мне и Маше ещё горячий, только что испечённый, хлеб и молоко с ледника — отвлекаться на полноценный завтрак было некогда, ведь в обед уже нужно было седлать химер и скакать в резиденцию сюзерена. Да, своего верного оруженосца я тоже припряг — читала дочка кузнеца бегло, а выписать карандашом на чистом листе в одну колонку приход, а в другую — расход из гроссбуха за прошлый год специального образования не надо было. Кто бы мне ещё подсказал цены на зерно, мясо и прочие натуральные продукты крестьянского оброка, а то конкретно бухгалтерские записи подробностями не отличались. Вот например «с городу привезли восемнадцать отрезов ткани льняной белой, посуды и прочего, а ещё расписку на золотой с четвертью серебра и два золотых монетами», это что? Результат продажи излишков? Чисто остаток после закупок необходимых расходников и перевода части монетизированной прибыли с поместья моему отцу, Кристиану Бертрану ван дер Хорту? Одно по книгам установил точно: налог от баронства герцогу тоже шёл преимущественно во всё той же натуральной форме. Так, по такой, с позволения сказать, отчётности, мне быстро не подбить баланс. Может, что ещё найдётся среди этого склада условно-полезной макулатуры, которой вместо полок в шкафах зачем-то забили вместительный сундук? Типа, это такой сейф? О, «Перепись душ крестьянских»! Пойдёт как косвенный показатель для оцен…

— Что вы тут делаете, а?!

Я ведь говорил уже, что в поместье отменно толстые стены,

двери и прекрасная звукоизоляция? Вот поэтому новое действующее лицо появилось для нас внезапно. Ярко-рыжие волосы — вот что первым бросалось в глаза, а так же веснушки и гневно прищуренные зелёные глаза. Одет вторженец был несколько необычно — сапоги для верховой езды, кожаные штаны, усиленные кожаными же накладками на коленях, кофту крупной ручной вязки, поверх которой красовался нагрудник из того же материала, что и штаны. А вот дворянской накидки не было. Не услышь я голос, решил бы, что вижу перед собой парня, а так…

— Леди Карина, я полагаю? — если чуть поднапрячься и мысленно откатить возраст сэра Матиаса, именно такого цвета должны были бы быть его волосы в молодости. — Позвольте…

— Для тебя госпожа Карина, невежа! — даже не подумала меня выслушать рыжая. — Ну-ка быстро пошли вон отсюда. Говорила же дурам, не давать кому попало ключи… Ну, чего расселись?!

— Потому что это *мой* кабинет, леди, — мне вдруг стало смешно. Вот уж чего я не ждал, так это подобной сцены в стиле разборки базарных торговок. И это рыцарская дочка? Пф!

— Это кабинет барона, ты, дохляк, — театр абсурда и не думал прекращаться. — Слов не понимаешь? Ща огребёшь!

Ой, не могу! Это она что, серьёзно? И это я после таких изящных словес — из уст девушки, между прочим — невежа? И, кстати, почему дохляк-то? Она сама такого же роста, как я…

Меж тем, у оторвы (ну а как ещё назвать?) слова с делом не разошлись — набычившись, она пошла на меня… и вынуждена была остановиться, с удивлением уставившись на руку Маши, сомкнувшуюся у неё на предплечье. До того мой рыцарь застыла, глядя на разыгравшуюся на пустом месте сцену удивлёнными глазами. Однако стоило нашей неожиданной визави сделать враждебное действие — и Печать подчинения заставила своего носителя действовать. Ну или дочка кузнеца самостоятельно от лёгкого ступора успела оправиться.

— Ты оскорбила моего сюзерена, — тихо, с ясно различимой угрозой произнесла оруженосец.

— И чё? — рыжая дернула плечом… и явно сильно удивилась, когда не смогла вырвать свою руку.

— Извинись, — Маша явно сжала пальцы сильнее — рыцарскую дочку аж перекосило от «приятных» ощущений. А вот нечего части тела подставлять под руки тому, кто с детства в руках держал кузнечный молот, а теперь только для тренировки ежедневно крутит тяжёлый полуторник на манер вертолётного винта не меньше получаса за занятие. Какими глазами на это

упражнение утром и вечером смотрели наёмники Рамона — это надо было видеть.

— Драки хочешь? — прошипела Карина, и вдруг резко дёрнулась, всё-таки обретя свободу. Поправила вдруг сползший рукав свитера, потом соизволила посмотреть на своё плечо и обнаружила, что здоровенного куска пряжи не хватает — остался в качестве трофея Марише. — Жду позади конюшен. Спускайся.

И, развернувшись на пятке, вышла из комнаты. Мне потребовалось пара секунд, чтобы сообразить, что произошло. Рыжеволосой уже и след простыл, зато в коридоре обнаружилась одна из служанок второго этажа. Совершенно случайно проходящая мимо, ага.

— Сэр Матиас? — я не стал затруднять себя подбором формулировок.

— Почивать изволит, — пропищала явно шокированная произошедшим девушка. — До полудня не встаёт, болеет, даже хозяйка заставить не может…

— Ясно, — отмахнулся я, оглядываясь на Машу. Та с каким-то отстранённым видом разглядывала расползающуюся толстыми нитями добычу. Хана свитеру…

— Меня вызвали на поединок? — подняв глаза, спросила она меня.

— Похоже на то, — поморщился я. И минуты не прошло — и уже все планы на утро коту под хвост полетели. — Постарайся не прибить дуру… только сама ради этого не подставляйся.

При всей идиотичности произошедшего, слишком уж уверенно Карина на меня попёрла. Конечно, квадраты у меня на животе через рубашку не просвечивают, да и бицепсы с трицепсами рукава не распирают, но всё-таки я не похож на мальчика для битья. Твари с границы Шрама подтвердят. Опять же, из захвата она вырвалась — пусть и ценой потерь. Видать, папаша чему-то научил, на свою голову.

* * *

Нет никакой особой разницы в смыслах между исконным русским словом «поединок» и заимствованным позднее французским «дуэль». Просто в нашем термине упор делается на то, что схватка происходит один на один, а в иностранном — что такой бой дело исключительно двоих, выясняющих отношения. Хотя да, получается, разница всё-таки есть: поединок может произойти и во время боя, и начаться спонтанно — главное, чтобы больше никто не вмешивался, а вот дуэль — строго

формализованное противостояние в рамках заранее заданных правил. В общем, то, через что сейчас предстояло пройти Маше, было именно что поединком: ни вызова по всем правилам, ни свидетелей-секундантов. Рыжая оторва даже не поинтересовалась выбором оружия оппонента… Ну что ж, сама себе виновата.

Когда я, сопровождая своего оруженосца, обогнул конюшню (заодно и узнал, где она), со стороны рыцарской дочки донесся невнятный звук — этакое шипение пополам со свистом. А уж как она смотрела на засиявший под вовремя выглянувшим утренним солнышком нагрудник, наплечники и наручи… сказать, что Карине было завидно — значит ничего не сказать. Похоже, тут и светлый рыцарь на службе у герцога, и сам герцог не балуют взгляды простых и не очень людей ношением брони, хотя у них она вроде должна быть… А ведь моя спутница далеко не всё на себя нацепила — полный доспех это своего рода конструктор, элементы крепятся независимо друг от друга, и их выбор и комплектность зависят от предполагаемой задачи. Вот и сейчас на дочке кузнеца не было поножей, наколенников и налокотников, а бедренные щитки надеты были только передние — всё ради сохранения подвижности на своих двоих. Противница же ограничилась заменой свитера на жилетку-поддоспешник и рубаху — видать, второй вязаной кофты у неё не было. Даже шлем не соизволила взять, дурында!

В качестве оружия Карина выбрала себе прямой меч под одну руку, а другую экипировала круглым щитом. А вот у Маши щита не было, зато был полуторный «кабаний» меч — тот самый, которым она качала каждый день выносливость. Оружие по классу и качеству различалось не меньше, чем броня девушек: многочисленные вмятины на коже, обтягивающей деревянный круг, постарались разгладить, но до конца не преуспели, умбон[9] в который уже раз заново отполировали — но глубоких царапин это скрыть не смогло. Одноручный клинок тоже был не молод, кроме того я заметил ещё кое-что.

— Сможешь сражаться, не снимая ножен? — вполголоса спросил я. Ножны на кабаньем полуторнике были самые простые, но со своей функцией прекрасно справлялись — не давали порезаться о заточенное до остроты бритвы лезвие. Да, я в курсе, что клинки с двуручным хватом не затачивают или затачивают только у самого конца острия — но то боевые, предназначенные для «вскрытия» лат[10]. Машин же монстр в прямом смысле был заточен против изменённых, шкуру которых надо ещё постараться было вскрыть, а стоимость извлечённых из добычи потрохов начисто перекрывала траты на «одноразовую» заточку. А вот железка в руках рыжей была откровенно тупой — больше

тренировочный снаряд, чем оружие. Им, разумеется, тоже можно было убить, но точно не случайно, например удачно полоснув по артерии.

— Может, всё-таки поговорим? — не особо надеясь на результат, воззвал я к здравому смыслу рыцарской дочки.

— Обязательно поговорим, — Карина не отрываясь следила, как моя спутница неторопливо надевает шлем. — Вот раскатаю твоего неумеху-защитничка, и за тебя примусь, мажорчик.

Я ведь говорил, что рыжая — дура? Не поленюсь повторить. Дура! Дело в том, что она… вообще-то была права. В армии Белых Маришу толком ничему не успели научить, а на Арене Эрста на ней преимущественно отрабатывали удары, пригодные против тварей. Высококлассный клинковый бой, со всеми этими стойками, финтами и выпадами со звучными названиями ни мне, ни моей спутнице никто никогда не преподавал. Поправка — Арну может и преподавал, но мне от этих занятий ничего не перепало. Отчасти, этим обусловлен был выбор оружия моего «танка»: недаром полуторники в Европе называли не иначе как «бастардами». То есть клинками для тех, кто сам себе прокладывает дорогу в будущее. Кабаний меч прощал пробелы в фехтовальном обучении, он требовал от своего владельца только знания нескольких основных движений, силы и выносливости. Много силы и ещё больше выносливости. Примерно как у молодого парня с кучей амбиций и косой саженью в плечах… или раба из республики с магически форсированным обменом веществ.

— В готовности, — спокойно сообщила мне напарница из-под шлема. Её клинок так и остался в ножнах.

— Тогда нападай! — опять не дав мне и слова сказать, прокричала конопатая. И я кивнул. Нападай. Ну а что ещё оставалось делать? Умные учатся на чужих ошибках, а дураки — на своих.

Я предполагал, как будет проходить бой: дочка кузнеца будет принимать удары на свою гораздо более совершенную защиту, а в ответ оппонентку… просто избивать, если без политесов. Удар оглоблей по щиту или по мечу может и не столь болезненный, как по телу, но ничуть не менее тяжёлый. Слышали термин «отсушить руку»? Вот именно оно. Чего я точно не ожидал, что рыжая кинется на Машу словно запертый на три дня в сарае петух на первую встречную курицу. То есть сломя голову, по прямой и без всякого расчёта. Нет, ну может расчёт и был — на сверхближней дистанции полуторник из преимущества превращается в помеху, вот только мою спутницу-то к месту

никто не привязывал. Более того, таранный удар своей тяжёлой, прочной и живучей тушей — один из излюбленных приёмов в арсенале магических мутантов. Разумеется, меры противодействия были давно выработаны и, более того, «забиты» на рефлексы. Мариша практически танцевальным па отступила в сторону, одновременно проворачиваясь вокруг своей оси и на половине движения поднимая клинок. В итоге получался дополнительно усиленный инерцией тела удар, который, если выполнить его быстро и правильно, приходился врагу в шею. В шею мой рыцарь и ударила. В шею человека, ожидавшего от противника отхода, но не стремительной контратаки!

— Маша!!! — мой окрик заставил уже перехватившую рукоять полуторника обратным хватом девушку прервать добивающий удар сверху вниз. Тот самый приём для обездвиживания мутанта — сбитую с ног, но ещё живую тварь мечом прибить к земле… Чёрт. Чёрт! Чёрт!!! Конопатая идиотка, слава Свету, успела разглядеть замах и даже увернулась… почти. Стальная оковка на конце ножен ткнула её в шею (а представьте, если бы меч был обнажён?) — со стороны совсем не сильно, просто тронула. Но этого хватило — колени бегущей дочери рыцаря прямо на середине шага подломились, рука выпустила оружие — и Карина рухнула на собственный щит, словно куль картошки[11]. Вот проклятье…

Я с разбегу, даже не пытаясь смягчить удар, рухнул на колени у девичьего тела. Шея не вывернута, фух! Пульс… есть пульс! Теперь осторожно и быстро прощупать позвоночный столб на месте поражения и вокруг: если есть перелом или заметное смещение — я почувствую… кажется, нет. Впрочем, если бы было — чёрта с два я бы смог чем-нибудь помочь: основы первой помощи я выучил, а вот дальше… Так, дыхание… есть дыхание! Теперь вроде как нужна проверка на рефлексы — только чем она прямо сейчас поможет? А вот магия — должна помочь.

Зелёное, видимое только одарённым стихии Жизни, свечение сконцентрировалось в моих руках, и после волевого усилия нехотя стало выливаться из ладоней вовне… во все стороны вовне. Проклятье! В тело «пациента» попала только часть — мерцающий салатовый туман очень быстро рассеивался в окружающем пространстве, словно не понимая, куда именно я его толкаю. Раньше такого не б… ах, ну да. Печать. Точнее, её отсутствие. И у Маши, и у Роны, и у Вспышки, и у Милки — у всех стояли настроенные на меня Печати подчинения. Сила Стихии действительно «не понимала», *куда* я её направляю…

— Кх-х… — негромкий хрип заставил меня подхватить Карину под голову, не давая двигать шеей. Похоже, какая-то часть

магии всё-таки дошла до места назначения… ага, и подействовала на манер нашатыря.

— Слышишь меня? Постарайся не дёргаться. Шея болит? Где болит? — если до поединка я волновался о том, что потеряю из-за ранения дочери союзника перед герцогом в лице сэра Матиаса, то теперь меня волновало исключительно здоровье рыжей… и бесило собственное бессилие. Могучий маг Жизни, мать его!

— Осторожно подвигай руками и ногами… чувствуешь их?

— Пш-ш…

— Ущипни её за голень, — дочка кузнеца опустилась на одно колено по другую сторону от поверженной противницы — и без промедления выполнила указание.

— Ай! — девушка в моих руках ощутимо дёрнулась. Фу-ух… похоже, и правда обошлось.

— Очень, очень осторожно напряги шею и попробуй подвигать головой, — я постарался выжать из памяти всё, что читал в республиканском медицинском справочнике по нужной теме. Увы, но не сказать, что там было прямо-таки море информации.

— Пш-шол ты… — уже более осмысленно выдавила из себя рыжая, но указание выполнила. И, кажется, сама удивилась результату.

— Помоги мне её поднять на ноги, только аккуратно, — попросил я спутницу. Может, не стоило рисковать — но в наличии носилок в поместье я что-то сомневался. И… оп-па. Только сейчас, подняв голову, я заметил, что вокруг нас собралась целая небольшая толпа слуг поместья. Даже Ле с испуганной и озабоченной одновременно мордочкой обнаружилась в первом ряду — и как только успела с другого конца здания?

* * *

— Думаю, нам стоит начать знакомство заново, — задумчиво произнёс я. Дочь управляющего в ответ только мучительно поморщилась, но от комментариев воздержалась. Она и так успела много чего наговорить, и до поединка, и после, пока я и мой рыцарь, закинув руки пострадавшей себе на плечи, медленно вели рыжую до входа в дом и дальше, к залу с камином. Там мы аккуратно усадили болезную на диван с мягкой высокой спинкой, а горничные живо натащили со второго этажа целую гору подушек, обложив ими рыжую со всех сторон и соорудив что-то среднее между троном и футляром. Отдельно отличилась Ле,

которую я отправил сделать компресс: нужно было всего лишь отколоть немного льда с ледника и завернуть в ткань. В итоге красавица-горничная притащила с собой едва не мешок, который Карина теперь попеременно прикладывала то шее, то ко лбу. Чаще ко лбу.

— Счастлив представиться вам, благородная леди: Арн Бертран, баронет, — подождав, но не дождавшись реакции на первую реплику, продолжил я. Ну а что? Молчание — знак согласия. — Также позвольте представить вам сэра[12] Марию[13], моего преданного оруженосца и спутника…

— Мелкий, может хватит уже, а, — почти простонала дочка рыцаря. — И так голова раскалывается, а тут ещё ты со своим занудством… Что? Не смотри на меня так. Ну знаю, я дура, да — завелась, вспылила. Но ты бы видел этих хорьков, что тут по всему дому рыться начали, едва попали внутрь… А отец только мямлил себе под нос, и ничего не предпринимал…

— Мелкий? — теперь уже голова начала побаливать у меня. Буквально несколько фраз — и я, такое впечатление, полностью потерял контроль над беседой.

— Точно не крупный… хотя и не совсем доходяга, как раньше, хех, — вдруг хихикнула рыжая, но тут же попыталась нацепить на лицо строгое выражение. Впрочем, получилось так себе — девушка сразу же сбилась. — Агх! Ну да, да! Я сразу тебя не узнала — ну прости уже! Но ведь почти семь лет прошло — кто угодно мог обознаться, не все ж уродились такими педантами и занудами, как ты! И… не верила я, по правде говоря, в то, что ты вернёшься…

Последнюю фразу Карина практически прошептала, но тут же резко дёрнула головой, словно отбрасывая что-то ненужное… и, разумеется, зашипела от боли.

— Видишь, я признаю, что ошиблась, признаю. А теперь может уже прекратишь делать вид, что видишь меня в первый раз в жизни?

Глава 7

Я хорошо учился в школе. И не потому, что был убеждённым «ботаном» — процесс получения знаний в формате посещения уроков и выполнения домашки мне нравился не больше, чем любому среднему мальчишке. Просто… Я терпеть не мог, когда тебя вызывают к доске, а ты стоишь, как идиот, потому что ни разу не открыл учебник за лето/каникулы/последние три дня — вот и приходилось напрягаться. В начальной школе ничего такого в принципе быть не могло, а вот в пятом классе мне за первый подобный залёт учительница устроила тридцатиминутную выволочку перед всеми. Ругала, говорила всякие обидные слова, обещала ужасное будущее — по полной программе, короче. Уж не знаю, что у неё там в голове перемкнуло, позволив сорвать самой себе урок — но мне было стыдно так, что хотелось сквозь землю провалится, ну или хотя бы немедленно школу сменить, дабы рядом не осталось свидетелей позора…

Ну, что сказать? У ребёнка своё восприятие и прекрасного, и ужасного: то, что для взрослого просто «спуск пара» — для младшеклассника детская психологическая травма на всю жизнь. По крайней мере, я сам себе такой диагноз поставил — уже значительно позже, когда в рамках улучшения навыков продаж решил почитать про психологию. Тогда это модно было… а, неважно. Главное, что я действительно всеми силами стремился исключить возможное повторение того давнего позора, даже когда уже давным-давно перестал вспоминать о первопричине. Потом эта же черта характера помогла мне не забить на учебу в институте, а на работе — вникать в то, *что* я продаю клиентам и *зачем*. А ещё позже — подготовиться и пройти-таки Испытание на профессию республиканского Охотника на монстров, въедливо подготовившись. В общем-то, полезный жизненный опыт тем и отличается от негативного травмирующего — ты смог воспользоваться результатом. Единственный минус — ситуации, когда от тебя чего-то ждут, а ты *совсем* не в курсе, что делать, я по-прежнему терпеть не могу!

— Карина… — я с силой провел по лбу рукой, стараясь не показать нахлынувшего раздражения. Поводов для него рыжая девица предоставила целую охапку — нахамила, помешала работать, влезла в никому не нужную драку, где немедленно отхватила… А теперь ещё и это. Импровизировать я умею — но вот так, с бухты-барахты… — Столько лет прошло… ты и правда ждёшь, что я буду вести себя, как *тогда*?

Семь лет назад Арну было одиннадцать, да и дочери рыцаря не дать больше двадцати. А скорее всего ей столько же, сколько и мне: в нежном подростковом возрасте два года разницы — почти непреодолимый порог для нормального общения.

— Так бы и сказал, что просто стесняешься, мелкий, — внезапно для меня перешла на покровительственный тон собеседница, чем начисто сломала только-только выстроенную мною в голове линию разговора. Опять.

— Я. Не. Мелкий… — хотел сказать «я баронет Арн», но конопатая с какой-то просто чудовищной лёгкостью меня перебила.

— А говорил, не будешь вести себя, «как тогда», — довольно заулыбалась «хозяйка» поместья, и я был готов поклясться на что угодно, что довольна она была собой. Боже, и почему Маша эту дуру сразу не прибила?!

— Карина, ты же понимаешь, *зачем* я приехал? — помассировав лоб уже двумя ладонями сразу, я всё-таки смог отогнать эмоции и вернуться к намеченному течению беседы. Пусть перебивает, я просто буду давить на одну и ту же тему, и даже до этой… этой. Дойдёт.

— Получить наследство, — смешно, но, кажется, до дочери рыцаря только сейчас, после того, как она сама проговорила эту фразу вслух, дошло. По крайней мере, выражение лица стало серьёзным.

— В точку, — кивнул я. — А теперь, *благородная леди*, подскажите мне, каков ваш статус по отношению к будущему барону.

— Опять твоя любимая заумь… — пробормотала девушка, поморщившись. Но, видимо, всё же зря я решил, что под рыжими локонами скрывается только лишь сплошная кость. — Намекаешь, что я должна принести тебе клятву верности?

— Не конкретно мне, а *барону*. — со значением поправил я. — И не намекаю, а прямым текстом говорю. Твоему отцу… тоже придётся сделать выбор.

Папе и дочурке или придётся пойти под руку признанному герцогом барону Бертрану, или валить из давно обжитого, практически своего уже дома на все четыре стороны в поисках лучшей доли. И сэр Матиас, получается, в каком-то смысле уже всё для себя решил, пустив в поместье других претендентов на титул и манор. Правда, это было ещё до моего приезда, которого не ждали, но сам по себе «звоночек» характерный…

…Стоило мне буквально на секунду отвлечься, обдумывая новую информацию, как рыжая опять отчебучила. Разбросав

подушки, Карина рывком встала с дивана — и тут же с скривившись от боли, опустилась на одно колено, уперевшись рукой в пол. Когда я на одних рефлексах дернулся к ней, «хозяйка» поместья свободной рукой… выудила из-за голенища сапога длинный узкий стилет без гарды. И прежде, чем я успел отпрянуть, не вставая, держа оружие за лезвие и за гарду протянула его мне.

— Ты меня слышала вообще, а?.. — почти беззвучно спросил я. Как-то неправильно понять происходящее было сложно, тем более, нечто похожее я уже проделал однажды…

Тогда, меньше месяца спустя после попадания, я действовал полностью по наитию, не очень понимая, *что* творю. Обезличенная память баронета (про которую я ещё не знал) подсказала мне правильные слова и движения — но никак не могла разъяснить нюансы. Такая присяга, когда сюзерен фактически сам *вручает* свою жизнь вассалу, одновременно возвеличивая его своей властью, была невероятной редкостью. Её обычно практиковали перед боем с превосходящим противником, где шансов выжить было мало, или перед тем, как дать новоявленному рыцарю самоубийственное, но жизненно важное задание. Этакий жест доверия и одновременно огромный аванс, который требовалось отработать ценой своей жизни и крови. Важный нюанс — ритуал проводился над тем, кто *уже* служил феодалу: например, над солдатом, которому предстояло выбраться из осажденного замка и привести помощь.

То, что сейчас устроила дочь рыцаря, имело иной смысл: добровольное признание чужой власти над собой. Беря в руки чужое оружие, я принимал человека под свою руку, клинок, после того, как я его возвращал, так и оставался «моим». В том смысле, что теперь разил не по собственной воле хозяина оружия, а по моей, подчиняясь моим приказам. Кстати, расторжение присяги по обоюдному согласию проводилось зеркально: бывший сюзерен вручал меч бывшему вассалу двумя руками.

— Клянусь служить верно, клянусь служить честно, клянусь служить праведно, — твёрдо глядя мне в глаза, чётко проговорила как бы не самую древнюю формулировку дворянской присяги рыжая.

— Твоя честь — моя честь, твоя жизнь — моя жизнь, — произнёс я ещё более короткий ответ, передавая клинок рукоятью вперед. Вот так: ты делаешь то, что я скажу, а я отношусь к тебе как к себе. Скорее неравный союз младшего и старшего, именно *служба* — но никак не *служение*. С другой стороны, и дополнительных преференций такой тип клятвы не давал: Карина так и оставалась в своём социальном статусе «просто»

благородной. — А теперь, может быть, объяснишь мне, *зачем* ты это сделала?

Я, конечно, мог и не принимать добровольную присягу — вот только после этого на планах насчёт манора Бертран можно было ставить большой и жирный крест. Мало того, что подобное пренебрежение — сильнейшее оскорбление и повод для поединка насмерть, так ещё меня и другие местные благородные просто не поймут. Ведь дочь управляющего принесла мне клятву не с бухты-барахты, а признавая наследное старшинство. То, что вообще-то говоря, вчера должен был сделать её отец, если уж *действительно* хотел именно *меня* поддержать. Но пожилой управляющий, что называется, не пожелал ставить все фишки на один номер. Поступок не глупый не только потому, что хрен его знает, что ждать от заезжего юнца вроде меня: ведь есть ещё герцог, который определённо оценит верность входящему в состав его земель *манору*. Ведь много лет подряд именно Матиас собирал и передавал налоги с земель Бертранов де Бергам, и делал это, надо полагать, как минимум сносно, раз Эдмонд не принудил арновского батю сменить управляющего.

— Ты без меня не справишься, — с апломбом, который не очень вязался с коленопреклонённой позой заявила рыжая… и с каким-то странным выражением лица уставилась на мою руку, которую я ей чисто машинально подал, чтобы помочь подняться. Колебалась она так долго, что я чуть было не убрал ладонь, но всё-таки схватилась и оперлась, опять скривившись от боли. Надо полагать, не от головной — всё-таки она хорошо приложилась боком ещё и о землю, и о собственный щит. А ничего так у девушки хватка: пальцы тонкие, но сильные. У Маши, правда, ещё сильнее — но у неё и рука пусть по-женски изящная, но по размерам ничуть не меньше моей…

— Гхм! — я вдруг понял, что уже некоторое время мы с новоявленным вассалом стоим рядом, держась за руку.

— Короче, или облапошат тебя, как всегда, или побьют, — испортила всё впечатление «хозяйка», вдруг вспомнив, что не закончила фразу. Правда, на последнем утверждении она осеклась, бросила быстрый взгляд на моего оруженосца, и уже менее уверенно повторила: — Ну, облапошат точно…

Хорошего же она обо мне мнения… н-да, и при этом не раздумывая поставила свою судьбу в зависимость от моего благополучия. Причём в детстве Арн произвёл на мою новую спутницу впечатление, очень далёкое от хорошего… и при этом она решила меня поддержать. Что творится в этой конопатой голове — наверное и сама владелица этого «артефакта» не знает. Однако, помощь точно отвергать не следует: и я, и Маша в

герцогстве чужаки, а Карина тут своя. В прямом смысле всех и всё знает…И, раз уж на то пошло:

— Сможешь дойти до второго этажа?

— Смогу, разумеется, — неподдельно возмутилась «хозяйка» поместья. — Ты меня за старую развалину не держи! Подумаешь, наваляли чуть-чуть на трен… на поединке. Я воин и дочь воина!

— Тогда пошли, поможешь разобраться с бумагами, пока время до отъезда к герцогу есть, — кивнул я. Раз уж ей так на месте не сидится, даже побитой — пусть пеняет на себя.

На самом деле от боли взбалмошная мечница морщилась совсем слегка — это я понял сейчас, узрев гримасу «раскуси во рту лимон целиком». Мало того, девушку буквально передёрнуло, когда она услышала такое «заманчивое» предложение. Тем не менее она пересилила себя и выдавила:

— Как прикажете, мой лорд.

Громкий хмык со стороны Маши я предпочёл не услышать.

* * *

К моему удивлению, слова на счёт «дочери воина» не оказались пустым бахвальством: через три часа Карина уже вполне уверенно держалась на лошади, будто бы ничего и не было. Я даже заподозрил её на наличие латентных способностей к магии Жизни — всё-таки одарённых среди людей, не прошедших обучение на мага, не так уж мало. Правда, толку от моих подозрений — как проверить-то я всё равно не знаю… да даже если бы и знал — то что? Короче, проехали…

— Сначала поехали к Пэрам, — не глядя махнула куда-то в сторону рыжая. Не глядя потому, что во все глаза рассматривала Машу в полном доспехе верхом на одоспешенной Милке. Холодное зимнее солнце соизволило в очередной раз выглянуть из-за туч, потому всадница на химере смотрелась этаким подготовленным к параду танком со сверкающими зеркальной сталью бортами. Композицию органично завершал маленький треугольный серо-зелёно-красный прапор на копье, нашедшийся в закромах поместья. Впрочем, нашёлся там и полноразмерный флаг с баронским гербом Бертранов, который сейчас развевался на флагштоке над крышей поместья. Вышеперечисленные предметы отыскались и заняли своё место благодаря бурной деятельности, развитой Кариной: первый час я действительно заставил её шерстить вместе с дочкой кузнеца бумаги и комментировать записи, но потом мы стали обсуждать визит к де

Бергу — и понеслось.

Скажу так: Карине слуги присвоили прозвище «хозяйка» не просто так. Хотя понять это сходу было практически невозможно: хаотичность мышления моего нового вассала меня до сих пор просто вымораживала! Только сейчас, спустя несколько часов после знакомства, я уже начал понимать: все эти метания, резкие перескоки с темы на тему в разговоре и такие же резкие переходы с одного занятия на другое не приводили к обрыву процессов. Более того, рыжая умудрялась таким экстравагантным образом контролировать сразу кучу дел. Высший пилотаж, как у клоуна-жонглёра: кажется, что шарики, которые он подбрасывает, не осыпаются на пол только чудом — но так только кажется. Но, боже, как же это раздражало — особенно по первоначалу!

Причём не сказать, что подобное испытание для других устраивалось дочкой рыцаря нарочно: девушка все свои выкрутасы проделывала явно без участия сознания. Может быть ей даже казалось что она сама верх последовательности и логичности, это остальные люди какие-то тормознутые, унылые и квёлые. В общем, у меня появилось стойкое подозрение, почему дочка рыцаря так настойчиво взывала к моим детским воспоминаниям о себе — других друзей условно-своего круга у неё просто не было. Причём настолько не было, что она не раздумывая вписалась за меня теперь.

— Карина, — отвлёк я рыжую от созерцания. — Расскажи мне, каким я был в детстве. И поехали уже давай.

— Слабым, хмурым, замкнутым. И мелким. — явно сбитая с толку моим вопросом перечислила она, трогая коня. — А ты сам не помнишь, что ли?

— То, что я *помню* о себе, и то, что *было* на самом деле — это разные вещи, — ничуть не покривил душой я. — Сама же знаешь, как сильно меняется восприятие, когда взрослеешь.

— Да? — моя реплика сильно удивила «хозяйку».

— Поводы грустить и расстраиваться кажутся теперь глупыми, причины обид — надуманными, то, что сейчас ощущаешь важным и значимым — тогда просто проходило мимо, — перечислил я. — Например, я себя совсем не помню «мелким».

Ага, в своём классе на физре всегда из-за роста в начало построения постоянно ставили. То, что к Арну этот факт совершенно никакого отношения не имеет — точно никому знать не нужно. Главное — не вру же.

— Ну, ты действительно был мелким, — задумалась рыжая. — Ниже меня, это сейчас как-то смог догнать, прямо даже

удивительно. И драться терпеть не мог. Из-за этого мой брат тебя не хотел защищать — мол, как идти сражаться под рукой того, кто биться не хочет? Вот и приходилось мне постоянно отбиваться. А ещё ты совершенно не желал хитрить и обманывать.

— Обманывать — недостойно благородного, — хмыкнул я, вспоминая недавнюю сцену у брода, в голове отложив спросить про брата. Потом.

— Вот-вот, ты и тогда так говорил! — победно провозгласила подруга чужого детства. Настолько победно, что я не удержался и заметил:

— По-моему, у тебя с этим ещё хуже.

— Вот потому мы и едем к Милке, — нехотя призналась она.

— К кому?! — я даже поводья натянул, заставив Вспышку остановить неспешную рысь. Маша тоже затормозила и с удивлением посмотрела на Карину. И даже сама Милка, услышав своё имя, повернула голову.

— К Милане, баронетте Пэр, — ещё более неохотно пояснила дочь управляющего. — Что вы на меня так смотрите? Ты же сам вечно коверкал и сокращал чужие имена, вот я и…

— Пфф! — мой рыцарь безуспешно попыталась сдержать смешок, а когда я на неё оглянулся — расфыркалась ещё громче.

— И как я тебя называл? — демонстративно отвернувшись от Маш… Мариши, спросил я у второй спутницы.

— Кара, — почему-то под моим взглядом девушка вдруг начала краснеть.

— По-моему, звучит неплохо, — пытаясь угадать причину такой странной реакции, осторожно сообщил свое мнение я.

— «Кара, которая обрушивается на головы моих врагов!» — с красным, как маков цвет, лицом, продекламировала Карина.

— А почему мы едем к Милане Пэр, а не к Эдмонту де Бергу сразу? — не в силах как-то нейтрально прокомментировать действительно удачную (испробовано на себе, что называется) и довольно взрослую шутку маленького Арна, я в стиле самой рыжей резко перевел тему. Тем более, раз уж «хозяйка» повторила это вслух, ей и самой до сих пор нравилась эта фраза, больше похожая на рыцарский девиз.

— Потому что, как ты сказал, я не умею хитрить и обманывать, — мгновенно переключилась на новую тему спутница. — Милка нам поможет… только не говори, что я её так называла!

— Не думаю, что человек, которого ты так характеризуешь, поможет нам просто так, — мнение о том, что баронетта, то есть благородный в ровно том же ранге, что и я, вообще сможет помочь, я оставил при себе. Мало ли какие тут расклады, я же не

местный.

— Она поможет *мне*, потому что я состою в её свите… состояла, пока не принесла тебе присягу, — пояснила Кара. — Пока была несовершеннолетней, больше не к кому было пойти — единственная благородная леди старше меня по происхождению среди соседей. В таком вопросе она попросит помощи у отца, и тот, скорее всего, согласится. Приехать к герцогу в компании с соседом-бароном гораздо лучше, чем только лишь со мной и оруженосцем. Тем более, его благородие Трамонт Пэр… имеет в герцогстве Берг определенное влияние…

* * *

То, что барон Пэр имеет в окрестных землях определенное влияние — было заметно невооруженным глазом. Достаточно было посмотреть на его скромное поместье… или, правильнее сказать, дворец? Милый такой домик белого цвета под красной черепицей, часть окон второго этажа превращена в витражи — и всего-то раза в три больше поместья Бертран. Внутри интерьеры были подстать — тщательно оштукатуренные и выкрашенные во всё тот же сияюще-белый цвет стены, картины в тяжёлых рамах, паркетные полы, массивные люстры, прислуга словно набрана из модельного агентства… До скромной резиденции купца Рахмана в республиканском полисе Эрст убранство прилично не дотягивало, хотя, возможно, дело было лишь в *концентрации* статусных предметов на единицу объема. Всё-таки дом у Пэров был большой. Такой большой, что Кара как оставила нас дожидаться себя в гостинной полчаса назад — так с концами и пропала. Впрочем, ждать было не скучно — служанка, притащившая чай и всякие пирожки-печенье тактично оповестила, что к услугам гостей кроме гостинной еще и зал охотничьих трофеев, и салон, и оружейная комната. Прямо не жилое здание, а провинциальный музей, притаившийся среди полей королевства Зар. Впрочем, меня вся экспозиция заняла минут на десять: коллекция оружия была подобрана по принципу «повешу на стенку вообще всё, что есть, а что не повешу — прислоню», головы, рога и чучела животных после натурных встреч с изменёнными как-то вообще не заинтересовали, а салон… Там можно было вышивать (монументальные пяльца на напольной подставке), можно было поиграть в карты (если найти с кем), можно было что-нибудь записать-зарисовать в хозяйском альбоме (спасибо подсознанию — хоть опознал, что это) и даже — даже! — почитать. Ровно одну книгу — да-да, рыцарский

роман, конечно же. Библиотека, если она у Трамонта и была, для случайных гостей не предназначалась. В общем, когда в соседнем зале послышались уверенные шаги двух пар ног — я действительно обрадовался. А увидев, кого сопровождает Карина — и вовсе моментально вскочил на ноги, отвешивая учтивый поклон. Маша вслед за мной повторила маневр.

Леди. Прекрасная молодая леди — вот что приходило на ум, стоило бросить первый взгляд на Милану Пэр. Длинные, светлые волосы, собранные в асимметричную причёску, платье с пышной, но при этом выглядящей лёгкой, юбкой всё тех же светлых тонов, выразительные серые глаза, идеальная, пропорциональная фигурка… Это потом взгляд различал нюансы: тщательно наложенную косметику, неестественный блеск фиксирующего волосы алхимического состава и корсет, под платьем стягивающий талию девушки. Но вряд ли все эти тонкости способен был заметить молодой человек мужского пола, чей психологический возраст был равен биологическому. Да и у меня возникли бы определенные проблемы со зрением, если бы не старания Ле. Определенно, горняшку нужно будет ещё поощрить чем-нибудь…

— Вот они, — прокомментировала Кара… и получила почти невидимый глазом из-за скорости удар локтём в пострадавший бок. — Эй!

Блондинка даже бровью не повела, продолжая мягко и естественно улыбаться, глядя в мою сторону. Вот только я успел заметить, как она буквально ощупала глазами и меня, и моего рыцаря, пока мы кланялись.

— *Леди* баронетта Милана Пэр, — рыжая наконец догадалась, что от неё хочет спутница. — Позвольте представить вам *господина милорда*[14] баронета Арна Бертрана и его оруженосца сэра Марию.

— Польщена оказанной нашему нам и нашему дому честью принимать таких гостей, — мягко и тихо произнесла баронетта, скромно опуская глаза. Думаю, все окрестные парни хоть с каким-нибудь дворянским статусом уже несколько лет как у ног этой провинциальной красавицы лежат. Хотя, может и не лежат — красивые отзывчивые служанки из деревенских тоже на дороге не валяются, но встречаются всё-таки значительно чаще вот таких вот… Милок.

— Сражён вашим великолепием, леди, — в свою очередь опять поклонился я. — А также красотой вашего семейного гнезда. Ничуть не удивлен, что Карина настояла на визите к Вам прежде господина герцога де Берга. Бесконечно *был* счастлив

засвидетельствовать Вам свое почтение.

— О, мой уважаемый батюшка тоже *будет счастлив* вас видеть, — мгновенно расшифровала смысл слова «был» светская красавица. И, разумеется, расценила мой толстый-толстый намек о том, благодаря кому мы тут очутились сегодня. — К сожалению, неотложные дела не дали ему присоединится к вашему обществу тот час же, но я возьму на себя смелость и *потороплю* его. Карина, *по старой дружбе* — составишь мне компанию?

— Составлю, — беззвучно вздохнув, подтвердила рыжая.

Так-так, а это интересно. Едва шаги за дверью начали удаляться, я отошёл так, чтобы меня не было видно из проема — и прижался к косяку, напрягая слух. Полезный охотничий навык выборочного воздействия на себя через Печать гражданина не подвел и тут.

— Сразу сказать было нельзя? А ещё подруга, называется! — судя по голосу, блондинка тормознула комнаты через две-три от нас выяснить отношения. И больше её голосок не был ни мягким, ни журчащим. — Столько времени зря потеряли…

— Я тебе всё сказала сразу, — хмуро и не слишком вежливо отозвалась мой вассал. — Это ты зачем-то двадцать минут меня мурыжила, задавая глупые вопросы, прежде чем зад свой от дивана оторвала…

— Глупые вопросы?! — баронетта, кажется, поперхнулась. — А твои ответы, дорогуша, умные что ли? Я тебя три раза спросила: во что они одеты. А ты?

— А я тебе сказала — уже не сдерживая раздражения повысила голос Кара. — полный средний усиленный латный доспех комбинированного боя и одежда с вышивкой…

— Одежда с вышивкой?! — судя по тону, Милана закатила глаза. — Какая же ты… непроходимая… деревенщина! Сто раз тебе говорила, в чём уважающая себя благородная *госпожа* должна разбираться. А ты? Да у Бертрана одна рубашка стоит как вот это моё платье! Точнее, как *два* таких платья — видела вышивку? Это же «эльфийская гладь», такую вещь даже с деньгами не вдруг купишь! А у баронета твоего — *всё* в вышивке, включая плащ! Другую смену одежды у него видела?

— Нет, — кажется, рыжая растерялась от такого напора.

— А у сэра Марии?

— На штанах вроде было что-то такое… а что?

— Ты меня в могилу сведешь, вот что! Хотя нет, уже нет — ты ведь присягу уже принесла… Дуракам — везет.

— Сама дура! — не выдержала Кара. На самом деле я удивился, что она вообще позволила себя так отчитывать с минимальным сопротивлением — видимо, и впрямь считала

дочку барона Пэра в какой-то мере подругой. — Даже объяснить толком не можешь…

— Да богат твой Арн. Пожалуй, даже поболее чем мой драгоценный папочка — он-то в тряпки деньги вкладывать особо не горит желанием, все больше в эти его «проекты»… — тут голос девушки поплыл, лишаясь напора, но через мгновение снова обрёл силу: — Или, хех, у парня есть ручная рабыня-эльфийка, которая целыми днями только и делает, что вышивает для него… Так, стой. Я только сейчас сообразила: ты ведь вела себя с ним *как обычно*? Вот как сейчас было?

— А что? — насторожилась дочка управляющего.

— А что?! — если верить голосу Миланы, она была готова то ли в обморок упасть, то ли попытаться стукнуть рыжую по голове чем-нибудь тяжёлым. — Да ты… впрочем, что это я? Знаю же, что бесполезно…

— Эй! — уже с совершенно явной угрозой прорычала Кара.

— Вот что, возвращайся к своему сюзерену, я сама с папой переговорю, — уже другим голосом, усталым и бесцветным проговорила баронетта. — Будет вам всё, что ты просила — и сопровождение, и даже больше. Я всё устрою. Иди.

И уже явно в спину бывшей фрейлине негромко добавила:

— Постарайся не упустить свою счастливую карту, рыжая…

Так. Так. Сколько интересной информации сразу. И… Мне только так кажется, или я уже утратил контроль над ситуацией, которую сам же и создал?

Глава 8

Вот недаром мне интерьеры поместья Пэр напомнили дом Рахмана. Стоило увидеть его благородие барона Трамонта, как у меня немедленно возникло чувство узнавания. Нет, не такое, как при срабатывании обезличенной памяти — совсем другое. Узнавание… скажем так, стиля. Как и купец, барон Пэр *тянулся* к тому, что ему было недоступно, но очень, очень хотелось заполучить. Отличным примером служила баронская геральдическая накидка в цветах герба: фоновый серый, по нему зелёный и золотой рисунок. Вот только цвет материала накидки Трамонта был такой светлый, что буквально чуть-чуть не дотягивал до геральдического белого — колера, закреплённого за плащами Белой Церкви. Рахман, помнится, тоже свой особняк изнутри обставил и изукрасил так, что и королевскому дворцу не стыдно было бы, будь у торгаша чуть больше чувства меры. Но, как и крупный оптовый купец не мог стать монархом, так и барон Пэр не мог ходить в белых одеждах. Даже не из соображений практичности — а зимой верхом оставаться чистым не самая простая задача, я-то теперь большой знаток этого вопроса. Просто его плащик сразу выделялся бы серым пятном на фоне более светлых вещей, сводя все старания на нет. А ещё амбиции провинциального феодала явно не ограничивались полной властью над колеровкой ткани.

— Какой прекрасный образчик! — восхитился барон, заставив выведенную мне под уздцы Вспышку подозрительно покоситься на стоящего рядом со мной человека. — Если не ошибаюсь, химера курьерской линии?

— А у вас определённо намётан глаз, ваше благородие, — обозначил поклон я. Только обозначил не потому, что спина устала гнуться, а из-за настойчивого желания Трамонта как можно скорее миновать стадию общения в рамках формального этикета. Краем глаза я заметил, с каким выражением лица Милана бросила взгляд в сторону Карины.

— Дорогой сосед, не нужно этой ложной скромности! Вижу же — вы столь же ярый ценитель *прекрасного*, как и я!

Это же надо умудриться *так* выговорить слово, чтобы у собеседника не осталось ни капли сомнений в том, что оно должно действительно означать. «Прекрасного», как же. «Безумно дорогого и понтового». Невооружённым глазом было заметно, как же он мне, имеющему возможность так вложить свои деньги, завидует. Причём мне даже сейчас, буквально после получаса

общения было понятно, что пытаться рассказывать правду, даже если бы я хотел это сделать — бессмысленно. В смысле, что я живу Охотой на тварей, и вся «роскошь» для меня не более чем средства производства. Будет только ещё больше зависти.

— В республике Лид царит ужаснейшая в мире форма угнетения человека человеком, но какие же прекрасные шедевры они дарят миру!

Ну, что я говорил? Что-то мне подсказывает, «дорогой сосед», что в твоих финансовых документах я бы обнаружил ничуть не меньшую степень «угнетения человека человеком». Ты-то не милейший алкоголик и пенсионер-отставник сэр Матиас, продававший излишки урожая исключительно потому, что эта доля в баронстве образовывалась. А интонация какая… голосом мой визави играть умел хорошо, но сильные эмоции нет-нет, да прорывались. Тут скорее неприкрытое восхищение, чем декларируемое осуждение: ведь рабов-крестьян можно заставить работать ещё больше, а оставлять на жизнь ещё меньше! Брр, ну и субъект…

Барон Пэр, разумеется, не мог поехать со мной с визитом к де Бергу просто так. В смысле, без торжественного выезда и «подобающей свиты». Подобающей — это такой, что хотя бы отчасти компенсировала в его собственных глазах моё «богатство». Проблема была в том, что у меня тоже была свита — великолепная в своих блистающих доспехах Маша (тоже на химере) и «серая» на нашем фоне, но всё равно в дворянском плаще (пусть и основательно потёртом) Кара. А вот любитель белого и дорогого явно пожмотился содержать за свой счёт хоть кого-нибудь благородного достоинства — и теперь, похоже, клял себя последними словами на этот счёт. Десяток конных пикинеров выезда — полный разрешённый для содержания десяток рядовых бойцов баронской дружины в мундирах, больше напоминающих ливреи слуг — на противовес в глазах аристократа не тянули. Впрочем, решение своей «проблемы» Трамонт нашёл довольно быстро — заставил выстроиться своих людей двумя цепочками справа и слева от нашей группы и аж облегченно выдохнул: теперь моего оруженосца и второго вассала можно было считать нашей общей свитой. Мужик, блин. Мне бы твои заботы…

— Хочу отметить, дорогой сосед, вы отменно подготовились к поездке к старине Эдмонту, — поравнявшись со мной, вполголоса польстил-проинформировал меня старший Пэр. — Де Берг четыре года командовал полком, после чего Его Величество милостиво

позволил его светлости перейти в запас. Потому наш герцог — человек несомненно большого таланта и целеустремлённости! — трепетно относится ко всему военному. Даже мне приходится содержать аж десяток бездельников, эх, и если бы только их: скакуны, реестровый список острых железок… То есть я хочу сказать, что прекрасное обмундирование вашего человека несомненно придётся ему по душе!

Вот сто процентов — все «бездельники» в свободное от представительских функций время загружены работой по содержанию поместья. Трамонт такой… Трамонт.

— Увы, пребывание вдали от дома не проходит даром, — деланно вздохнул я, про себя хмыкнув. «Подготовка» заключалась в том, что я попросту решил одеться сам и экипировать Машу по самому дорогому варианту — по одёжке ведь встречают. — Получается, *каждый* барон должен содержать свой десяток бойцов?

— И обоз к ним ещё, причём в непосредственной готовности к выдвижению, то есть просто стоящим по сараям… — сокрушённо покачал головой старший Пэр, но тут же опомнился. — О, я понял ваше беспокойство, сосед. Но нет, с этим в вашем хозяйстве всё в порядке: ваш управляющий занят при военном хозяйстве герцога как один из тренеров-сержантов, и «ваш» десяток уже входит в состав герцогского полка…

— Об этом вы можете распросить леди Карину, уж она-то разбирается во всех военных штуках, — внимательно, но молча слушавшая наш разговор Милана видимо что-то поняла по моему лицу и вовремя вставила реплику. — Насколько я знаю, моя *бывшая фрейлина* последние два года даже сама участвовала в тренировочном процессе.

— Я уже понял, насколько мне повезло с вассалом, — значительно кивнул я, мельком оглядываясь на Машу с Карой. Одной загадкой меньше, даже двумя, пожалуй: вот откуда из рыжей так и прёт сержантский лексикон, и вот почему она так запросто полезла в драку на мечах — уверена была в своих силах. Ну, учитывая, что её противники — однотипно экипированные пехотинцы, причем ещё пороха фигурально не нюхавшие (как я понимаю — именно пехота основа любой армии, так ведь?), то столкновение с вооружённым полуторником реальным бойцом завершилось совершенно закономерно. О, а ещё занятость у герцога и отца, и дочери очень даже объясняет, почему вторая так резко вела себя с неопознанным ещё мною — а что, «крыша» серьёзная. Вот её куда более опытный отец подобных демаршей себе не позволял, совершенно справедливо считая, что просто так де Берга напрягать не следует. — Надеюсь, самоотверженный

выбор леди Карины будет принят во внимание господином герцогом…

— О, вам в любом случае не стоит сомневаться! — стоило мне вернуть разговор на тему получения наследства, как Трамонт тут же перевел внимание на себя. И перебить не постеснялся — «по-соседски», видимо. — Ваш отец стал хорошим другом Эдмонта ещё тогда, когда ещё не был ван дер Хортом, а наш добрый герцог был просто Бергом, без «де».

Тут до старшего Пэра вдруг дошло, что следующим закономерным вопросом (который я, конечно, вежливо не задам): «а нахрена ты-то тогда со мной попёрся, раз всё настолько в шоколаде?» Но паузы не возникло — опять подала голос Милана:

— Но запастись некоторым терпением придётся: к своим обязанностям его светлость относится очень серьёзно, — блондинка, кажется, сама удивилась, насколько нравоучительным тоном оказалась произнесена эта фраза. А быстрое движение глазами в сторону Кары выдало причину: похоже, пытаться вбить некие прописные истины в рыжую голову дочке барона приходилось регулярно.

— Буквально на несколько дней, не более того, — заверил меня ловко подхвативший словесную инициативу Трамонт. — Герцогский суд должен быть обставлен с соблюдением подобающих правил… Так считает наш сюзерен. Дабы ни у кого из благородных наблюдателей не осталось сомнений и всё такое… Иногда из-за этого даже самые очевидные решения *затягиваются*… иногда на месяцы.

Тут любитель белого цвета неопределённо повёл в воздухе рукой, и сразу стало ясно, насколько он «одобряет» такой порядок вещей. Стал бы барон Пэр герцогом — он бы уххх… Показал всем, что такое власть. Правда, предавался фантазиям он буквально пару мгновений, после чего искоса глянув на меня, деланно-нейтральным голосом произнёс:

— Разумеется, если благородных свидетелей ни в чём убеждать не нужно, то всё получится… гораздо быстрее.

Ну наконец-то, родил. Я уж думал, что свою Неоценимую Помощь «дорогой сосед» никак не обозначит — типа, догадайся мол сам, насколько я тебе помог и в чём. И отблагодари. Кстати, вполне действенный психологический приём: если людям не называют конкретную цену за товар/услугу и предлагают оценить самостоятельно, то, как правило, дают больше потенциальной фиксированной цены. Правда, работает не везде и не со всеми — видать жадина решил не рисковать.

— Мне для… налаживания контакта с соседями пригодились бы *добрые советы*… — так же искоса посмотрев на Пэра, в

пространство сообщил я. — Или, может быть… содействие?

— О, с радостью по-соседски дам несколько незначительных рекомендаций, — расплылся в улыбке Трамонт. Поймав мой вопросительный взгляд, он с воодушевлением выдал. — Говорю же, вы уже прекрасно справляетесь!

Так. А вот теперь меня это *напрягает*.

* * *

В желании заработать, используя чужой капитал, нет ничего плохого. Если, конечно, именно заработать — а не тупо украсть, отнять или иным способом присвоить доверенный актив или средства. Более того, этот процесс — вовлечение чужого капитала в собственный бизнес — на Земле сейчас стал едва ли не основой любого хоть сколько-нибудь серьёзного частного предпринимательства. Да и не частного тоже — привлечение инвестиций и кредитование в той или иной форме активно используется вплоть до уровня государств, когда они выступают субъектами макроэкономики. Потому, когда Милана, а вслед за ней и Трамонт, так заинтересовались моим благосостоянием, я только порадовался: с людьми, которые решили помочь соседу за определённый профит, дело иметь было не только можно, но и нужно. Более того, не попадись мне семья Пэров — очень даже вероятно, пришлось бы кого-нибудь вместо них искать.

Почему? Всё дело — в ликвидности. Одного конкретного актива — баронства.

Ликвидность — это, если кто вдруг не в курсе, возможность быстро и с минимальным уровнем потерь превратить что-то в деньги. Например, в условиях местного средневековья ликвиден актив в виде золотого слитка: им можно напрямую расплатиться наряду с монетами. Или вот правильно извлечённые внутренние органы тварей, помещённые в транспортно-консервационный контейнер ликвидны на территории Лида — заглянул в охотхозяйство и поменял на деньги. Теперь для сравнения берём раба: в республике, чтобы его продать, нужно или самостоятельно вывести его на рынок и там лично продавать, либо обратиться к профессиональным торговцам живым товаром. Который раба купит — но вовсе не по той цене, что продаст. Чем больше разрыв по прибыли — тем хуже ликвидность. Чем больше времени нужно потратить для реализации — тем хуже ликвидность. Таким образом, баронство — актив просто ужасной ликвидности. Хотя бы потому, что он не мой, фактически, актив, а герцога де Берга. Ну или короля Зара, если уже копать до конца. Так на что я

рассчитывал, отправляясь в путь? Объясняю ещё раз.

В данном случае я собирался торгануть не землёй напрямую (кто бы мне дал, ага), а своим доступом к ней. Первым местом в очереди наследования, если хотите. Баронство, после вычета всех налогов, приносит прибыль — это хороший, пусть и плохо ликвидный актив. Собственно, я и вынужден был вникнуть в приходно-расходные ведомости, чтобы в этом убедиться: если бы манор работал в минус, принося убыток и накапливая долг — нужно было бежать оттуда, как от огня. Нет ничего хуже, чем заполучить так называемый *токсичный* актив — избавиться от него без потерь очень тяжело. Но — тут мне повезло, впрочем, я и не сомневался, что Рахман прежде чем ангажировать меня навёл нужные справки.

План купца-оптовика, напомню, был прост и незатейлив: я в процессе борьбы за власть буду вынужден потратиться на взятки, а эти средства возьму в долг у любезно предоставленного контактного лица барыги в долг. Возврат долга с процентами с прибыли от баронства растянется на много лет — вкусный и долгоиграющий источник дохода. Я, собственно, и не против, только с одной маленькой ремаркой — взятку, точнее, разовый взнос за передачу прав на наследство, должны были дать *мне*. Со своим конкурентом за манор я был даже готов поделиться выданным адресом городского ростовщика — почему нет-то. Пусть заработает негоциант свою «копеечку» за своевременную наводку. И конкурент мой останется в прибыли — получит столь желаемый «дворянский левел-ап» до барона. А я выйду из приключения с круглой суммой наличности на руках — причём образовавшейся для меня «из воздуха». Вуаля: все довольны.

Здорово? Здорово. Вот только при ознакомлении с ситуацией на месте всплыли… разные нюансы. Один из нюансов скакал сейчас за мной следом и мог похвастаться пушистой рыжей шевелюрой. Второй и более неприятный — то, что герцог не собирался просто назначить барона Бертран, выхватив первого из живой очереди, а собирался судить по неким *персональным* качествам, сволочь такая. И, как я понял из общения с Трамонтом, именно деньги в карманах кандидата господина Эдмонта напрямую не интересовали. То есть простая операция с подменой за вознаграждение «вот этот мой родственник будет вместо меня» накрылась. Всё, провал? Нет, потому что есть барон Пэр, с которым я так удачно вышел на контакт.

«Дорогой сосед», прежде всего, уже является бароном. Более того — бароном нужного мне герцогства де Берг. Второе — барон любит деньги, и умеет их активно зарабатывать с собственной земли и крестьян. Ну и явно мечтает стать кем-то… более

высокоранговым. А, ну ещё и действительно соседом, что тоже должно сыграть. Уверен, Трамонт не отказался бы прирезать себе мою территорию, если бы знал, как. А я, «по чистой случайности», о да — знаю. Ведь передача земли в *экономическое* управление юношей своему гораздо более старшему другу шаг такой естественный… и оставим за скобками некую сумму, которую старший Пэр мне передаст. Наше личное внутреннее дело. И тут вдруг фраза про «небольшую помощь по-соседски» — то есть читай «бесплатно». Фраза, совершенно идущая вразрез с тем шаблоном поведения, который я для Трамонта предполагал. Точнее, не так. Любитель белого колера определённо не потерял желания на мне заработать — скорее планета начнёт крутиться в обратную сторону, чем такой тип передумает. Вот только вместо той или иной монетизации помощи (количество которой он должен был сейчас усиленно раздувать) барон держал в голове что-то другое. Теперь понимаете, почему я напрягся?

* * *

Пытаясь на ходу просчитать на удивление неочевидные извивы баронской логики, я перестал задавать наводящие вопросы и разговор сам собой угас. Ненадолго. Убедившись, что тема с подтверждением де Бергом моего наследного права исчерпана, Трамонт плавно съехал на рассказ о местном житье-бытье. Пришлось временно выкинуть из головы подозрения и опять начать внимательно слушать — так как, похоже, это и были те самые обещанные «незначительные рекомендации».

— Старина Эдмонт не лишён некой толики тщеславия и самолюбования, хоть по нему это и не вдруг скажешь, — с доверительной интонацией и слегка понизив голос продолжал просвещать меня «дорогой сосед». — Его кредо: если быть полководцем — то самым лучшим, если судией и господином — то самым справедливым, если демонстрировать благородство — то самым выгодным образом выставляя себя. При этом деньги считать он тоже умеет — дай Свет каждому…

Со стороны Миланы донесся тихий хмык.

— …Но золото для де Берга никогда не будет на первом месте. Уверен, наш мудрый король давно узнал эту маленькую слабость своего верного вассала, — тут старший Пэр мне с самым заговорщицким видом подмигнул. — И потому выразил своё благорасположением не каким-нибудь там подарком, а командированием в герцогскую свиту на место мага целого магистра стихии Огня, мастера Марата…

— Марата? — имя, так похожее на русское, резануло слух, потому я не сдержал удивленной реплики.

— Слышали про него? — не совсем верно истолковал мои эмоции собеседник. — Согласитесь, мало кому удается заманить к себе на *военную* службу персону… такого масштаба. И простые маги — сильно не от мира сего, а уж могучие — и подавно. Все в своих «исследованиях» и «науке»… А как тварей у границы Шрама во время очередной волны жечь — только одни вчерашние аколиты под рукой оказываются. И поместная пехота под командой провинциальной аристократии: конечно же, кому ещё мясом противника заваливать, как не нам?

— Отец, — тихо, с предупреждением в голосе позвала баронетта.

— Потому и говорю: мудр наш монарх, — Трамонт, предыдущую фразу проговоривший с хорошо слышимой в конце злобой, оборвал сам себя и через силу улыбнулся. — Добровольно отпустить от себя магистра — на такой поступок вообще мало кто способен…

— Мастер Марат — друг его светлости, — всё так же тихо пояснила мне Милана. — Вот потому Зар Шестой и отправил магистра в наше герцогство.

— А вот на Церковь влияния у его Величества не хватило, — с не очень понятной мне интонацией сообщил барон. — Светлый рыцарь Валериан весьма одарённый клирик, но по возрасту сущий мальчишка. Встанешь рядом, когда он не ведёт службу — и слышно, как ветер в голове свистит…

— Возможно, что иерархи Белых решили, что у *будущего* полководца принца Зара Семюэля де Берга должен быть друг-маг *нужной* Стихии, — опять добавила девушка.

— Смотри, при самом «маге Света» ничего такого не ляпни, — фыркнул мужчина. — Опять ведь будет каждый день целую неделю приезжать и нудеть. Тоже мне, проповедник нашёлся.

— Как скажешь, папа, — потупила глазки девушка с таким видом, что у меня немедленно закралось подозрение: если Милана что кому и сказала лишнего, то это было далеко не случайно.

Я только мысленно покачал головой: когда мы только выезжали из поместья Пэр, я и баронская дочка держались по разным сторонам от Трамонта, а Маша с Карой вообще двигались позади нас с отставанием на два лошадиных корпуса — этакая зримая пирамида старшинства. Но в какой-то момент Милана приотстала и догнала меня с другой стороны: и теперь всё менее формальная беседа шла через мою голову. Интересно, они это

сознательно сделали, включив меня в как бы «семейную беседу» или манёвр выполнен чисто на интуиции? В любом случае, остаётся только похлопать… у себя в голове, конечно же.

— Сэмюэль — это ведь сын герцога? — на всякий случай уточнил я.

— Старший сын, — со значением уточнил Пэр. — Младшие дети Эмдонта в столице, поближе к учителям и Двору короля. Мне самому пришлось на пару лет отправлять Милу к столичным наставникам и высшему свету. Увы, но некоторым вещам можно научиться, только наблюдая за другими…

«И не бесплатно» — без труда закончил я мысль Трамонта. Впрочем, усилия явно не пропали втуне: вон как блондинка влёт определила стиль вышивки и материалы, пошедшие на мою одежду. Хм, Мила, значит? Не я один, получается, люблю сокращать имена.

— Это было… познавательно, но не всегда приятно, — судя по выражению лица, с которым баронетта отпустила замечание, «не всегда приятно» — это было очень сильно мягко сказано. Зато тут, дома, девушка словно местная королева. Пусть и с единственной фрейлиной… теперь уже бывшей.

— Сэма отец тоже отсылал учиться, причём не только его Величеству под бок, но и в действующие части, — подчеркнул Трамонт, обращаясь скорее к своей дочери, чем ко мне. — Зато когда тот вернулся, отдал ему под управление свои земли.

— Сделал управляющим герцогства? — против воли удивился я. Человек, которому сам король доверил живой аналог оружия массового поражения, человек, которого скряга Пэр признал умеющим считать деньги — поставил на финансовые потоки довольно большой территории молодого парня без опыта? Это примерно как сделать владельцу завода главным бухгалтером своего восемнадцатилетнего сына!

— Нет конечно, — прижав изящную ладошку к губам, тихонько фыркнула Милана. — Отец имел в виду *баронство* Берг. Герцог возвёл сына в полное баронское достоинство.

— Довольно дальновидный ход, — как-то даже мечтательно отозвался старший Пэр. — Если его Величество изволит призвать на службу Сэмюэля, то отец немедленно передаст манор среднему сыну. И нашему монарху, буде Сэм вернётся с победой, а отец будет ещё жив и в силах, не останется ничего другого, как подыскать *лишнему* барону Бергу новый надел не хуже предыдущего. Ведь не может же *будущий* герцог болтаться безземельным?

— Мне казалось, наше королевство не воюет, — спросил я вовсе не то, что хотел. Но спрашивать «как такая система вообще

работает, блин?» у представителя этой самой системы мне показалось некорректным. Лишний барон, ну офигеть теперь. С другой стороны, может же быть *куча* баронетов одного и того же манора, и ничего?

— С людьми — не воюет. Наш добрый монарх регулярно отправляет войска на Границу Шрама, — поморщившись, объяснил мне Трамонт. — Причём не только гвардию, но и поместное ополчение. Гвардия часто вообще выступает ко Вторым Рубежам у Горловины… Это позволяет поддерживать хорошие отношения с северными соседями, лучше защищать нашу собственную территорию, всегда иметь в войсках людей, умеющих хоть как-то противодействовать чудовищам и неизменно покупает хорошее отношение со стороны Белых. И… проводить ротацию среди поместной аристократии. Ни у кого из соседей такой… овеянной традициями практики уже давно нет.

Тут старший Пэр помолчал и словно через силу добавил.

— Правда, добившись успеха, и взлететь можно очень высоко. И земли для награды свободные всегда находятся… Твой отец, Арн, был командиром десятка гвардейцев — а стал полковником Рубежников, человеком, кому совет королей *подарил* герцогство Хорт в *наследное* владение. Твой старший брат как раз сейчас, надо полагать, там обустраивается.

* * *

А вот Эдмонт де Берг жил в замке. И не каком-нибудь там, а в настоящем *кремле*. То есть в *укреплённом поселении*, хотя формально резиденция де Бергов им и не считалась. По площади комплекс зданий и защитных сооружений, по моим прикидкам, уступал Московскому Кремлю всего раза в два, не больше. И по периметру стен, если что, хозяину крепости, уж поверьте, было кого выставить — ведь именно тут жили и учились будущие рядовые солдаты мобилизационных полков и гвардии, формально считающиеся герцогской дружиной. Не прямо чтобы совсем много — но человек сто с небольшим постоянно тут квартировалось, а максимум могло быть в пять раз больше. А ещё за стенами в случае войны или прорыва изменённых могла укрыться большая часть населения герцогства — вместе со скотом, припасами и некоторым скарбом. Кроме того, натурально-налоговые склады тоже были в кольце стен, что ещё больше усиливало оборонную способность укрепления. И ведь ещё оставалось место под собственно дворец герцога! Хотя «дворцом» коробку из четырех зданий без единого окна наружу (только бойницы начиная с

высоты второго этажа) я бы самостоятельно ни за что не признал.

При всём при этом замок герцога не выглядел чисто военным объектом: ворота, по крайней мере сейчас, днём, были распахнуты, мост через сухой ров опущен, и вообще наблюдалось довольно оживлённое движение. Въезжали и выезжали телеги, шли люди, крестьяне и ремесленники. Отдельно на поле тренировались, похоже, новобранцы — мои вассалы словно приклеились к этому зрелищу взглядами и не отвернулись до тех пор, пока мы не проехали ворота. Внутри крепости деловитой суеты только добавилось, среди черни тут и там замелькали синие плащи. Где-то то вместе, то вразнобой били кузнечные молоты, взлетали и падали голоса, кто-то на чём свет костерил «этих дур с требухой вместо мозгов». И десятки запахов — кроме привычных деревенских ещё и специфический аромат сгоревшего каменного угля, смолы, каких-то благовоний вроде ладана, горячего металла…

— Тут есть гостиница для неблагородных посетителей, но для нас всегда открыты двери во дворец, — заметив, что я невольно притормаживаю химеру, махнул рукой в нужном направлении Трамонт. После того, как мы прошли мост и вратную арку, вытянувшийся в парную колонну десяток копейщиков барона без команды свернул куда-то в сторону.

— Будто в город попал, — вновь поравнявшись с «дорогим соседом» объяснил я, продолжая бросать взгляды по сторонам. Из-за того, что мы теперь ехали рядом, встречным приходилось прижиматься к стенам, пропуская нас.

— О, не стоит беспокоится. Тут никто не выльет на прохожего горшок с нечистотами, — опять по-своему понял мои движения старший Пэр. — У нашего господина с этим строго, да и живут тут не распоясавшиеся от вседозволенности и безделья нахлебники и отребье, почему-то почитаемые «городским населением», а честные труженики, знающие своё место. Работники здешних мануфактур как минимум два раза в неделю выходят на работу в поля либо тренируются, чтобы в будущем стать достойными солдатами!

Сказано всё это было несколько более громко, чем нужно, да и тон высказываний, стоило только нам попасть в замок, у барона несколько изменился. Вот ведь… профессиональный феодал. Профессиональный… так-так, а вот это интересно.

— Я правильно понял, что мануфактуры есть только у его светлости? — совершенно безразличным тоном переспросил я.

— Увы, но смысл организовывать производство ещё где-то не имеет смысла, — столь же равнодушным голосом отозвался Трамонт. — Именно в резиденцию герцога стекаются все

компоненты и ингредиенты для различных ремёсел и имеются свободные руки. Потому наш мудрый монарх позаботился, чтобы хозяева баронских маноров не тратили силы и средства на заведомо убыточные действия. Вплоть до запрещения прокладки дорог мимо резиденции сюзерена.

Интересные дела… С другой стороны, если посмотреть с точки зрения короля — всё логично: центры промышленного производства — города, еда выращивается в баронствах. Кто-то решил поиграть в независимость или собственную политику? Хлоп — и сиди или без еды, или без, грубо говоря, посуды для этой еды. А чтобы не договорились между собой напрямую — вот вам сословные различия и идеологические противоречия. Разделяй и властвуй — система работает в любом мире. В принципе, у герцогов есть возможности что-то там сделать самостоятельно, но, видимо, у короля Зара и тут есть возможности для контроля над ситуацией. В конце концов, в этом государстве всего *четыре* герцогства (и, соответственно, герцогов тоже четыре), не считая земель сравнимого по размерам (если чертовы картографы опять с масштабами не наврали!) манора самого суверена.

Раздумывать над услышанным у меня особо не вышло: наша поредевшая на сопровождение кавалькада вышла ко дворцу — и закрутилось. Прямо в воротах последнего пункта обороны резиденции де Бергов Трамонт изловил какого-то не рядового слугу и громко, не жалея голоса оповестил, что с визитом прибыл баронет Арн Бертран, его друг и сосед. Нас быстро избавили от лошадей и химер, но оружие и броню оставили. Провели хитрыми и запутанными переходами на третий этаж, где, как выяснилось, были временные и постоянные (для вассалов) комнаты гостей его светлости. Причём мягко сопроводили по человеку в каждую комнату — но буквально через десять минут опять собрали вместе и объявили, что меня примут прямо сейчас. То ли повезло, то ли хитрюга Пэр просто знал, когда Эдмонт будет у себя и свободен. И опять лестницы, переходы, коридоры и залы — причём большинство помещений по дизайну и богатству интерьера несколько уступали поместью Трамонта. Нас подвели к высоким двустворчатым дверям, тот же слуга-распорядитель увёл куда-то в сторону барона с дочерью, но вернулся — и минуты не прошло. Створки скрипнули, отворяясь внутрь.

— Баронет Арн Бертран, младший сын полковника международных рубежных войск Кристиана Бертрана ван дер Хорта и Мастера Жизни баронессы Лилианы д’Камп, ранее Бертран.

…мама, блин! Уже и фамилию сменить успела! Причём судя по титулу перед именем — вновь счастлива в браке… Ага, и плывёт сейчас с мужем на корабле в сторону другого континента. *Надеюсь*, что с мужем. Некоторые люди до самой смерти не меняются!

Виски кольнуло фантомной болью и тело само собой сделало глубокий поклон, одновременно прижимая правую руку к груди — в нужный момент подсознание всё-таки сработало. Я краем глаза увидел (и услышал — сталь лязгнула о каменный пол) как мои вассалы встают на одно колено, тем же жестом местного воинского приветствия прижимая правый кулак к левому плечу.

— Вижу вы время не теряли, юный Бертран, — герцог встал со своего кресла на возвышении в конце зала, самую малость напоминающего тронный. Стоило ему заговорить — и приобретённые по наследству рефлексы заставили меня разогнуть спину, позволяя наконец осмотреться. А что, стильно так: стены тоже каменные, слегка прикрыты четырьмя полотнищами с вышитыми гербами — по числу баронств. За «троном» Эдмонта — точно так же пропорционально увеличенный до размеров занавески флаг герцогства. Свет падает из окон справа — подоконники на высоте двух метров, кстати. Сам герцог — седой мужик с такой рожей, что шрам поперек морды на своём месте бы смотрелся, коротким ёжиком совершенно седых волос и тщательно выбритый. Телосложение мощное, причём он даже у себя дома разгуливает в кирасе. Стальной. У правого бедра — кобура, из которой выглядывает рукоять магического метателя. Кроме одинокого слуги в ливрее, стоящих у стены Пэров (видно, провели через боковой вход, дабы не нарушать протокол представления) в зале только один человек — чуть позади герцогского стульчика. Широкоплечий мужик, чьи детали сложения теряются под тяжёлой… гм, ну пусть будет — мантией. Тёмно-красной, потёртой и, кажется, кожаной. Может мне показалось, но от него по помещению расходился запах гари и пепла. Тот самый магистр Марат, кто же ещё.

— Догадываюсь, зачем вы нашли время посетить меня, баронет, — Эдмонт улыбнулся, так *ласково*, что мне захотелось передёрнуть плечами. — Я, как вы, конечно, в курсе, знал вашего отца — и вижу в вас его черты… хотя сам он определённо сомневался в вашем родстве…

Мать! Твою ж… мать. Между нами кусок континента и столько же океана — и всё равно… блин. Ещё сюрпризы от тебя будут?

— …Поручительство за вас так же весьма серьёзное, мои поздравления, — тем же тоном уронил представитель власти. —

Тем не менее, я, ведомый чувством долга, дворянского и вассального Короне, не могу передать вам наследные полномочия манора Бертран без проведения заседания герцогского суда. Будьте нашим гостем, о дате и времени вас оповестят…

Ага. Ну хоть тут всё как ожидалось.

— …И поздравляю с помолвкой. Надеюсь, ваш выбор и выбор баронетты Миланы не был… поспешным, — с хорошо слышимым сарказмом в голосе закончил де Берг.

Стоп, что? ЧТО?!

Я повернул голову в сторону семейства Пэр и успел увидеть, как расширяются от удивления глаза Милы… а вот Трамонт держался так, как будто ничего и не произошло. Вот ведь… сволочь! Ну конечно, как можно наложить руку на чужое добро? Сделать его по закону до некоторой степени своим. И вообще — родственники должны делиться друг с другом.

Мне стоило большого труда удержать рвущиеся с языка слова — а вот лицо, я думаю, всё выдало. Машу придержала печать, а Кара… по-моему она просто впала в ступор. Сама же наречённая справилась лучше всех — и секунды не прошло, как восстановила контроль над собой. Только и бросила на папочку такой взгляд, что будь она магом — тому конец на месте бы пришёл. Но Пэру-старшему было всё как с гуся вода. Твою ж… Допрыгался, баронет, блин!

Глава 9

— Ни слова, пока я всё не выясню, — мне пришлось остановиться и подхватить под локти догнавших меня вассалов, чтобы произнести это достаточно тихо. Тем не менее, нужной интонации я, похоже, добился — девушки синхронно вздрогнули. Ну а теперь кто-то огребёт! И бить буду по самому сокровенному!

— Дорогой сосед, ну так же нельзя, — с укором произнёс я, поравнявшись с поджидающей нас посреди пустого коридора парочкой. Слугу-сопровождающего Трамонт уже успел куда-то услать — видимо, отлично ориентировался в этом дворце-лабиринте и самостоятельно. — Помолвка — это очень серьёзно… а мы даже размер приданого предварительно не обсудили.

Есть попадание! Есть пробитие! Прямо в кошелёк!

— Кха-кха-кха! — не ожидавший подобной фразы любитель белого цвета натурально подавился воздухом. Да и моя «наречённая» отнюдь не фигурально выпучила глаза.

— Я понимаю, что помолвка — суть договор, который можно заключить, а потом расторгнуть, — я сделал вид, что не заметил оплошности собеседника. — Но я хочу заверить — ко *всем* своим делам я отношусь *предельно ответственно*.

Кроме старшего Пэра я следил ещё и за лицом Миланы, потому заметил — она поняла!

— Серьёзно, пап, — блондинка практически без паузы включилась в игру. — Такие вещи нельзя решать за пять минут. Что скажут люди, если узнают, что у меня жених есть, а свадебного платья даже в проекте нет? А украшения? Их ведь заказывать придётся, а для этого — ехать в город и там жить, пока заказ выполнят…

— Неужели всё так серьёзно, душенька? — барон наконец откашлялся. — Мне казалось…

— А ты не помнишь, как за мамой ухаживал? — деланно изумилась девица.

— Кха-кха-кха, — а вот теперь Трамонт уже был вынужден изображать кашель, явно не готовый ответить на этот вопрос.

— В любом случае, как хорошая дочь я покорно последую вашей воле, отец, — опустила очи долу блондинка, дождалась, пока барон не наберёт воздух в лёгкие и не откроет рот для реплики, и с нажимом в голосе продолжила фразу: — Ведь никто не скажет, что у его благородия барона Пэра решение меняется, как флюгер на ветру поворачивается?

Судя по мимике «дорогого соседа» озвученный аргумент в

виде объявленной в одностороннем порядке помолвки он и собирался использовать как инструмент давления на меня, только малость увлёкся, как-то забыв, что его собственная дочь тоже будет в этом участвовать. Нет, в том, что жадный хитрюга найдёт способ вывернуться, сомневаться не приходилось, и родную кровиночку скорее всего уговорит подыграть — дайте только срок. Но конкретно сейчас сказать было нечего. Впрочем, «кровиночка», если я правильно понял, была полна решимости затеять собственную игру.

— Мой дорогой баронет, не соблаговолите проводить свою невесту до её комнаты? — девушка непринуждённо положила мне ладошку на руку чуть ниже локтя, намекая, что её стоит взять под руку.

— С превеликим удовольствием, моя леди, — я выполнил требуемое, и мы отправились вперёд по коридору… надеюсь, Мила тоже знает, куда тут поворачивать. Впрочем, хороший понт, как известно, дороже денег. В случае чего не постесняюсь выловить слугу или ещё кого.

— Но так же нельзя, — слабо запротестовал родитель внезапно для него повзрослевшей дочурки. — Ты и мужчина…

— Папа, с нами Карина, — блондинка замедлила шаг и повернула голову вполоборота. — То, что она перестала быть моей фрейлиной, не значит, что она перестала быть девушкой… я надеюсь.

Последние два слова Мила произнесла после запинки и тихо-тихо. То, что баронетта не показывала стресс, не значит, что у неё его не было. Пришлось ускорить шаг и завернуть за угол: судя по звукам за спиной, Кара всё прекрасно услышала и теперь её вот-вот должно было прорвать. Успели.

— Что… что ты сказала?! — почему-то слова из моего вассала вырвались в виде свистящего шёпота. Щит дочка инструктора мечевого боя оставила в комнате, а вот её основное оружие так и осталось у пояса, и сейчас пальцы рыжей до белизны сжали рукоять.

— А как ты думаешь, что подумают твой брат и остальные, когда узнают, что ты в одночасье выбрала себе господина? — вопросом на вопрос ответила моя «невеста». — Впрочем, тебе, может быть, ещё придётся признаться в этом.

— Чего-о-о?! — меч был забыт, Кара сжала кулаки. — А в глаз?!

— Ну а как ещё мне и твоему сюзерену разорвать объявленную папочкой помолвку, не нанеся урон чести и себе и ему? — блондинка совершенно простецким жестом постучала себе кулачком по лбу. — Отказ от жениха или невесты — это всё

равно что расписаться в наличии у второго какого-то ужасного недостатка, дефекта. А так признаешься, что напала на него едва увидела, и сорвала одежду — благо глядя на вас рядом, такая возможность не выглядит невероятной…

Теперь уже мне повезло не подавится воздухом: за исключением подоплеки нападения рыжая ровно так и поступила. Блондинка свою фрейлину очень хорошо изучила — может быть даже лучше, чем она сама думала.

— Я-а?! — по величине едва не вылезших на лоб глаз «моя» подруга детства определённо могла дать фору бывшей госпоже. А ещё её лицо быстро меняло колер на ярко-розовый, прекрасно гармонирующий с цветом волос.

— Если в чём-то подобном признается сэр Мария, то, боюсь, репутация Арна всё равно пострадает. Хотя я слышала, что на Благословенном Юге к подобным… оказиям сейчас принято относиться с пониманием. Что?

— Ничего!!! — удивительно слаженным хором рявкнули девушки из моей свиты. По скорости покраснения мой рыцарь Карину явно обогнала. М-да, кажется, управлять людьми блондинка умеет получше меня. И план у неё уже есть, это хор…

— Успокойтесь. Что-то подобное придётся совершить, если только мы будем разрывать помолвку, — Мила опять подхватила меня под руку. — А я, по правде сказать, для этого причин пока не вижу. Как ни крути, подобный союз будет выгоден нам обоим, Арн.

Твою ж мать!!!

* * *

Большой и напоминающий лабиринт дворец — это не так уж и плохо. Пока мы дошли, мне удалось успокоиться и, наконец, всё обдумать.

— Милана, два вопроса, прежде чем мы разойдёмся по комнатам, — тормознул я «наречённую». — Де Берг, когда приказал *быть его гостем,* имел в виду необходимость жить у него во дворце? И как технически протекает заседание герцогского суда?

— Заходите. Все, — устало вздохнула баронетта, открывая дверь гостевой комнаты своим ключом.

С первого взгляда я понял: комната действительно была постоянно закреплена за Миланой: белые шторы, мебель, отличающаяся от стандартной, здоровенный платяной шкаф у одной стены и чуть менее громоздкий комод — с другой. А ещё

впечатляющих размеров кровать и расписная ширма. Миленько…

— Жить не обязательно тут, но ваши комнаты уже выделены именно вам. Можно оставлять вещи — слуги дворца их приведут в надлежащий вид самостоятельно. Что касается суда… — девушка плюхнулась на постель и потерла лоб. — То это просто. Герцог собирает достойных людей своей земли, объявляет тему судилища — в данном случае, присвоение тебе, Арн, баронского достоинства — и предлагает всем высказаться на этот счёт. Внимательно слушает — и потом выносит своё решение. Причём выносит сам, голос остальных чисто совещательный. Но это не значит, что наш сюзерен не будет принимать в расчёт чужие мнения. Собственно, приглашение жить во дворце для того и нужно, чтобы ты смог встретиться с остальным дворянами, живущими в герцогстве, и это самое своё мнение они о тебе смогли составить.

— Ну вообще класс, — я вяло махнул рукой, припоминая, сколько синих накидок успел насчитать только во время короткой конной прогулки по кремлю. — То есть просто баронов и их семей недостаточно, нужно *со всеми* благородными пообщаться?

— Традиции, — развела руками Мила. — Но всё не так уж сложно. Эдмонт проводит различные мероприятия: приёмы, охоты, два раза в год — большой бал. Кормят гостей бесплатно, пусть и не очень разнообразно, следят за лошадьми — то есть на тебе только расходы на одежду и подарки…

Чёрт, мешок с фруктами так и остался в поместье Бертран. Нужно будет притащить его герцогу… или наоборот, всё сожрать самому, назло.

— Одежда… — мой взгляд прошёлся по комнате и сам собой остановился на Карине. — Как я понимаю, портных лучше, чем в замке мне окрест не найти?

Как-то так получилось, что рыжая теперь держалась рядом с моим оруженосцем — и, скажу, контраст был разительным. Опять придётся деньги тратить, никуда не денешься.

— Оружие и броню тоже лучше закупать из мануфактур герцога, — без труда проследив, на кого я смотрю, подтвердила баронетта. — Не знаю, как у вас, а у меня в маноре вершина мастерства для кузнеца это подкова и кочерга.

Судя по состоянию клинка рыцарской дочки, в поместье Бертран дела обстоят не намного лучше.

— Хм, — всё ещё разглядывающая бывшую фрейлину Милана вдруг фыркнула, и предупредила: — Только не пытайся засунуть рыжую в платье. Я пробовала, поверь, и знаю, что говорю.

— Вот ты… з-змеюка! — Карина вновь мучительно покраснела, отводя глаза — видимо, история была та ещё.

— Не беспокойся, я уже однажды совершил ту же ошибку — попытался выбрать одежду за девушку, — хмыкнул я. — Два раза глупости не повторяю.

А теперь и Маша с предательски розовыми щеками смотрела куда-то в сторону.

— Повторять глупости — это вообще дурной тон, — с выражением светской львицы повела рукой блондинка, и вдруг подскочила. — Проклятые и тьма! И как я не подумала?! Спускайтесь к конюшням — я вас догоню.

Увидев непонимание на наших лицах, баронетта снизошла до объяснений:

— Новость о помолвке. Сегодня слуги разнесут её по всему замку — а завтра будет знать всё герцогство! И один Свет знает, что про нас будут говорить… Я должна тебя представить как своего жениха — сегодня. Сама.

— Что, прямо всем? — я не очень понял, как девушка технически представляет себе это действо.

— Зачем всем? — блондинка распахнула свой шкаф, где на плечиках, затянутые чехлами, висели платья — видимо, на разные случаи жизни. А может, и не только платья — попробуй, разгляди под чехлом. — Достаточно Сэмюэля. Это бароны перед Эдмонтом должны отчитываться, а над молодежью стоит Сэм. Моё дело вовремя предупредить сюзерена — а дальше его забота, чтобы о вассале не болтали почём зря… И выметайтесь уже — мне переодеться надо!

* * *

Баронство Берг в принципе мало чем отличалось от двух других баронств… м-да. Хотел бы я так сказать — но нет, отличалось. Крестьянам сына герцога определённо жилось куда лучше, чем тем, кто находился под обычными баронами. Может, будь я урождённым аристократом, мне бы это в глаза и не бросилось, но я-то примерно понимал, куда *надо* смотреть. Определённо больше скотины, в центре деревни черепичные крыши, да и вообще — всё чище и опрятнее. Видно, что у пейзан есть силы и повод поддерживать красоту. Пока мы ехали полями — встретили два табунка лошадей, и отнюдь не таких, на которых пашут: Сэмуэль, надо полагать, устроил для своих и папиных нужд что-то вроде конезавода.

Поместье сына Эдмонта, кстати, оказалось построено совсем недалеко от герцогской резиденции — мы и часа на рысях не шли. Причём я, едва увидел это здание, немедленно заподозрил

новодел: никаких стёртых временем следов укреплений, никаких признаков перестройки старого — зато куча декоративных финтифлюшек вроде фальшивых крепостных зубцов вдоль крыши. С окнами, в которые можно было на танке въехать, это смотрелось… довольно, хм, оригинально. Не летний дворец, конечно — слишком маленький «домик», но лично мне пришло на ум слово «павильон». Представляю во что встаёт тут отопление даже с местной мягкой зимой… Впрочем, здание строили явно не из расчёта максимальной энергоэффективности. Понты — наше всё! С другой стороны, для того, чтобы произвести впечатление на толпу только-только вошедших в совершеннолетие оболтусов — наверное то, что надо…

Сцена, устроенная Трамонтом в замке, до смешного повторилась и тут: Мила выловила кого-то из слуг, наших лошадок увели — и мне с вассалами пришлось с полчаса прождать в одной из комнат, пока блондинка доложится кому надо. Думаю, старший Пэр точно так же прогулялся к герцогу, пока мы «отдыхали с дороги» — только тут не было церемониала, хоть как-то маскировавшего данный факт. И отдельных личных помещений не было.

— Готовы? — вернувшаяся блондинка выглядела даже более напряжённой, чем на момент ссоры с отцом.

— Один момент, — остановил я её. — Объясни, что от меня сейчас требуется?

— Всё то же самое: кланяться, когда нужно, и отвечать на вопросы, — слегка удивилась баронетта.

— Мне ведь не потребуется приносить присягу Сэмюэлю? — настойчиво переспросил я. Именно этот пункт волновал меня последние двадцать минут: раньше как-то об этом не задумывался, но теперь, сопоставив факты, вдруг понял — именно подобного шага отпрыск де Берга и будет от меня ожидать. Разумеется, это не устраивало уже меня: отдавать свою свободу действий, пусть и несколько условно — на словах, буквально ни за что — нет уж. Утром деньги — вечером стулья.

— Ни в коем случае! — аж помотала головой от избытка чувств девушка. — Тогда у Эдмонта будет законное основание отложить суд на неопределённый срок — ведь формально ты перестанешь быть человеком, претендующим на его покровительство. Знаешь же, «вассал моего вассала — не мой вассал». Чтобы войти в свиту барона Берга, присягу приносить не надо. Вон, Карина в моей свите без этого прекрасно обходилась.

— То есть в свиту мне всё-таки придётся войти, — заключил я. Видимо, для Милы этот вопрос был столь очевидным, что она даже не попыталась проговорить его заранее.

— А ты как хотел? — хмыкнула блондинка. — Либо о тебе будут судить по тому, что *сами видят*, либо — по слухам. Сам сообразишь, что лучше?

— Логично, — признал я.

— Рада слышать голос разума. А теперь — в темпе за мной!

Что-то сегодня все так и рвутся мною покомандовать…

Честно говоря, я ожидал и дальше полного повторения церемонии у герцога — с поправкой на местность и статус наследника. Однако, меня ждал сюрприз. Во-первых, зал, в котором меня должны были представлять, был едва ли не полон. Причём на наше появление особо никто внимания не обратил: двери были нараспашку, внутри все были заняты кто чем, плюс дополнительно глушила звуки музыка из дальнего угла. А во-вторых… привстав на цыпочки, Карина кого-то высмотрела поверх голов и энергично взмахнула рукой. И тут же струнный дуэт затих, зато над жидковатой толпой вознеслась голова молодого парня. Голова и руки, которые сделали несколько энергичных хлопков.

— Эй, друзья! — во внешности отпрыска герцога можно было легко разглядеть черты папаши, даже голос был чем-то похож. Вот только он не ронял слова тяжело и веско, а не стеснялся орать во всю мощь лёгких. Мощи хватило за глаза — обернулись все. — У нас сегодня знаменательное событие: леди Милана нашла себе жениха!

Зал отреагировал на это по-разному: кто-то разразился задорным свистом, кто-то натуральным образом заржал — лошадь позавидует, послышалась разноголосица, которую легко перекрыл… нет, не голос — скорее уж рёв:

— Милка жениха нашла? Покажите мне этого смертника! Я ещё никогда не видел столь отчаянно храбрых людей! Нет, что, правда кто-то из наших настолько голову потерял?

— Брат твоего вассала, — пояснила мне спутница, массируя лоб. На меня она старалась не смотреть, но чувства отлично продемонстрировали прокатившиеся по щекам желваки. — Чувствуешь, как лексикон совпадает?

— Да ладно, Джок, что ты так на нашу красавицу, — над притихшими гостями возвысился ещё один голос. — Скромная тихая девушка… по сравнению с её фрейлиной!

— Убью. Обоих, — тихо и совершенно спокойно произнесла Карина… и я едва успел поймать её за локоть. И точно бы не удержал, если бы мой маневр зеркально со своей стороны не повторила Маша.

— А это надежда Света, блистательный Белый Рыцарь и

будущий паладин Валериан, — заочно представили мне второго баронетта. — Да успокойся ты. Рыжая, ау! У тебя теперь сюзерен есть, пусть разбирается с нахалом.

Больше всего меня удивило то, что дочка рыцаря подругу не только услышала, но и послушала, перестав рваться вперед. Чёрт. И что мне теперь, сходу на поединок вызвать обоих — кровного родственника Кары и представителя Церкви? М-мать!

— Друзья, друзья, что же вы так о прекрасных леди? — обманчиво мягко укорил Сэмуэль говорунов. — И уж тем более — в их присутствии. Извиняйтесь теперь.

Последняя фраза была не просьбой, а чётко и однозначно отданным приказом — не перепутаешь. Видно, не зря отец сгонял наследничка в армию. Разумеется, после такого поворота беседы все звуки как отрезало, а через секунду присутствующие стали дружно поворачиваться к дверям и расступаться. К нам через всё помещение словно коридор образовался, в одном конце которого оказалась наша четвёрка, а на другом — трое молодых людей: сам будущий герцог, брат Карины — почти настолько же огненно-рыжий здоровяк в слегка помятом костюме всех оттенков зелёного — и Светлый Рыцарь. Последнего легко можно было отличить по доспехам — столь же зеркальным, как у Маши. Правда, оружие своё будущий паладин где-то оставил, зато тиснёные изображения характерных мечей на металле были в достатке: и спереди кирасы, и со спины, и на каждой другой детали доспеха по одной. Украшение, знаки принадлежности и рёбра жёсткости одновременно. Надо отметить также, что степень бронирования у белоплащного до тяжёлой, как у моего оруженосца, не дотягивала.

— Друзья, позвольте вам представить баронета Арна Бертрана, претендента на манор Бертран, — всё-таки чувствовалось, что Сэм ещё очень молод. Уже опытен, много чего умеет — например, создать буквально из ничего нужную себе ситуацию — но всё ещё не в силах сдержать желание поиграть на публику. Да и сама возможность исподволь поуправлять толпой соратников его явно не оставляла равнодушной. Вот Эдмонт, чувствуется, уже давно наигрался, и все свои манипуляции проводит предельно расчётливо, с чётко поставленными предварительными целями. И где не нужно — вообще не напрягается. А вот его старшенький… Стоп. Это ощущение, когда я смотрю на него… чёрт. Мне завидно! Тупо завидно. Тоже так хочу уметь!

Несмотря на проносящиеся мысли, я не забыл сделать шаг вперёд и галантно поклониться. Впрочем, это действо получилось у меня на автомате и совершенно естественно — похоже, часть

обезличенной памяти предшественника после стольких «активаций» окончательно прижилась, став тем, чем была раньше — наработанными рефлексами. А сознательно я, пока кланялся, аккуратно прошёлся взглядом по фигуре местного предводителя дворянской молодежи. И сделал вывод, который пока не знал как трактовать: в общем и целом будущий властитель герцогства был одет как я. Не в точности, но похоже: удобные брюки скрывают голенища сапог, вместо куртки — распахнутый верх от гвардейского мундира, но под ним неуставная судя по виду рубашка. И рубашка, и брюки с вышивкой. Проклятье! Кстати, внешним видом визави заинтересовался не только я: Джок старательно прятал глаза от прямого и холодного словно жидкий азот взгляда Миланы, а вот церковник буквально прикипел взглядом к броне дочери кузнеца. Профессионально так рассматривал — впрочем, Маша отвечала ему тем же.

Возникшую короткую паузу разорвал Сэмюэль: сделал шаг и незаметно подтолкнул обоих болтунов — действительно незаметно, только доспехи недопаладина предательски лязгнули.

— Эм… ну я извиняюсь, короче. Простите меня, леди Пэр, — достаточно было понаблюдать за братом Карины секунд тридцать — и особенно послушать его — чтобы понять: Джок был из тех самых не слишком быстро соображающих добродушных здоровяков, что каждый раз страдают из-за своего языка, отработавшего вперед мозгов. — И, Кар… эм, леди Карина, тоже.

— Я вас прощаю, — Мила, ещё секунду назад источавшая ледяной гнев, в единый миг перевоплотилась в ту тихую и скромною баронскую дочку, какой она мне себя показала в поместье у Пэров. — Только лишь льщу себя надеждой, что хотя бы теперь вы задумаетесь над своим поведением, *благородный* Джок.

— Дома поговорим, — мой новоприобретённый вассал играть тенями интонаций не пыталась: два слова — и всё было слышно и понятно сразу всем. И её брату в первую очередь — если тонкий намёк на своё слишком низкое происхождения от блондинки он пропустил мимо ушей, то от слов Кары съёжился так, что на полголовы стал ниже. Как раз ростом с бароном Бергом сравнялся… и тут же выпрямился, получив ещё один тычок. Чувствуется, у будущего герцога богатая практика в управлении людьми не только посредством слов.

— Ну, эээ… баронет, тоже меня простите.

— За что прощать? Я не обиделся, наоборот — очень польщён. — громко удивился я. — Вы же про меня одних комплиментов наговорили!

Зал, до того момента словно вымерший, разразился

фырканьем, которое быстро переросло в откровенные веселые смешки. И, определённо, я поймал одобрительный взгляд Сэмюэля. Что ж, я тоже кое-что могу.

За свою земную жизнь мне не раз и не два довелось вливаться в новый коллектив, и не скажу, что всегда это происходило удачно. Особенно после того, как я стал сходу получать в новой компании должность ведущего менеджера по продажам, а потом и начотдела. Так что кроме теории с тренингов и практикумов у меня был и кое-какой опыт… скажем так, в выстраивании взаимоотношений с подчинёнными и коллегами. И если с подчиненными всё в конце концов так или иначе складывалось, то вот коллеги… Как ни глупо это звучит, но когда в руках нет инструмента административной власти над кем-то — с этим «кем-то» в восьми случаях из десяти заметно труднее даже просто договориться. Договориться о чём-то совершенно взаимовыгодном, подчеркну. Проблемы начинаются с того, что тебя банально не слушают. Часто люди просто не понимают, что от них хочешь — и без виртуальной дубинки над головой понять даже не пытаются. Ну и сияющая вершина взаимодействия в коллективе — ты… просто не понравился. Вот не понравился и всё — не важно чем. Причём личное отношение ничтоже сумняшеся переносится на рабочие процессы.

Раньше подобное раздражало ужасно: ты приходишь *работать,* а от людей, собравшихся в той же компании вроде бы с теми же целями, получаешь палки в колеса, игнор, обидные шепотки за спиной и прочий «приятный» социальный фон. Сказать мимоходом гадость про тебя непосредственному руководителю? Легко! Раз за разом срывать проведение совместного мероприятия, докопавшись до букв в заявке? Как нефиг делать. Сделать одновременно с тобой твою работу (как будто своей нет), потом предъявить и намекнуть боссу, что мол чего уж там, даже вот он справился, почему бы и не нагрузить соседа по бизнес-процессу побольше? И такое сплошь и рядом. Иногда по определённым причинам, но чаще просто без причины. Потому что не понравился и потому что есть возможность. В конце концов игнорировать подобную хрень я научился, а в некоторых случаях — и использовать. И — вынужденно — более-менее научился *вливаться* в коллектив. Н-да, научился. Но нравиться процесс удержания за собой определённой социальной позиции среди не-друзей и не-подчиненных мне так и не стал.

Собственно, никакого секрета тут нет: хочешь быть «своим» в коллективе — действуй согласно сложившимся писаным и неписаным правилам поведения внутри группы. Это основное

условие — но далеко не всегда достаточное. Причём, если подойти к реализации «быть как все» слишком дотошно, то имеется немалый риск получить минус в репутацию с другими социальными группами, куда ты входишь. Простейший пример: принято «пропустить полторашку после работы» — и вот уже через месяц проблемы в семье. Или начать курить со всеми — это же помогает наладить неформальное общение… и забросить спортзал и активные походы с друзьями на природе, потому что «дыхалка сдохла». Потому выбор разумного человека — это всегда компромисс между необходимостью подстраиваться под других и своими собственными резонами. Другое дело, что на «поддержание хороших отношений» приходится порой тратить массу времени и сил… по сути вникуда. На успешность решения твоих собственных задач мнение о тебе посторонних по сути людей мало влияет. То есть убирая отрицательные моменты, положительных никаких не получаешь. Это с коллегами, хочу напомнить, а вот с подчинёнными эффект уже есть.

Молододворянское общество имени Сэмюэля Берга (этакая «китайская» копия королевского двора, как я понял) с натяжкой можно было принять за некий рабочий коллектив. Больше подошел бы клуб по интересам, но в них, если не считать интернет-форумов, я никогда не состоял. Однако, через слова этих людей обо мне будут судить их более взрослые родственники — а возможно Эдмонд спросит кого-нибудь и напрямую. С другой стороны — в кои-то веки усилия по вхождению в полузакрытое сообщество не будут мешать моей работе — ведь у меня её сейчас нет вообще никакой. Точнее, хм, у меня там отпуск. За свой, к сожалению, счёт.

— Леди Милана, смиренно надеюсь быть прощённым вами, если мои наполненные искренним к вам восхищением слова были расценены как оскорбительные, — стоило публике отсмеяться, как свою партию повел Валериан. И что-то мне подсказывало, что столь длительное славословие он завёл исключительно для того, чтобы успеть дойти до моей «невесты». И эффектно встать на одно колено.

— Как я могу усомниться в чистоте слов и помыслов столь *светлого* человека как вы? — определённо, в словах баронетты если и было двойное дно — я его не смог расшифровать. Ну, кроме очевидного посыла, что только дурак будет конфликтовать с представителем столь могущественной организации как Белая Церковь из-за одной фразы, которую действительно можно толковать по-всякому. А совсем уж дураков на тусовке у Сэмюэля не б…

— Поединок, — отчеканила рыцарская дочка, стоило одоспешенному воину Света повернуться к ней. Даже слова произнести не дала.

— Леди Карина, — как мне показалось, рыцарь опечалился вполне искренне. — Может, всё-таки примете мои самые искренние извинения? Ну пожалуйста! Мне очень, очень не нравится бить девушек…

— Меньше болтовни! — рыжая определённо рассвирепела, вновь стискивая рукоять клинка.

— …Даже таких сильных, как вы, — договорил парень и тяжело вздохнул. — *Особенно* таких сильных. Это ведь будет уже тринадцатый раз, я не ошибся? Может, просто пощёчиной обойдёмся?

Глядя то на блондина, всё так же стоящего на одном колене, то на Кару, я не мог не заметить, что между этими двумя… скажем так, не всё просто. Нет, никакого любовного напряжения я не заметил, но Белый смотрел на девушку… ему действительно было жаль рыжую. Сама же Карина похоже понимала, что победа её определённо не ждёт — но и отступать не собиралась. Я сделал шаг в их сторону, ещё не очень понимая, что буду говорить… Но меня опередили.

— Леди Карина, очень прошу, не могли бы вы уступить этот поединок мне? Не далее как сегодня утром именно мой меч нанёс вам удар, от которого… *последствия* которого могли ещё не пройти. Это будет честно.

Маша… вот обязательно надо было так делать?!

* * *

Всего вместе с бароном Бергом до нашего эффектного появления проводило время двенадцать дворян. Мне мельком представили практически всех — именно *мне* представили, потому что баронетов кроме меня было всего двое, выше по рангу вообще только сам Сэм. Стивен Бюсс и Паллер Верона представляли два оставшихся баронства в составе герцогства. Как и я, эти парни притащились на местную ежедневную тусовку вместе со свитой, имена и состав которой я даже не стал пытаться запомнить: когда мы толпой вывалились из поместья на открытый воздух, сразу стало понятно, кто тут есть кто. Бюсс держался поблизости от наследника Эдмонта, который к нему периодически обращался: было заметно, что молодой Берг Стивену благоволит. Вокруг этих двоих большой зудящей мухой вился Верона… и примерно с тем же результатом: в лучшем

случае от него просто отмахивались. Свиты обоих баронетов толклись где-то сзади, двумя молчаливыми кучками, не смея тревожить своих… благодетелей. Глядя на этих типов разной степени потасканности, у меня сложилось впечатление, что народ напросился сопровождать сюзеренов в основном с целью вкусно поесть и чутка опрокинуть винца: в зале был шведский стол. Вот только этот предмет мебели я даже не разглядел сначала — так плотно его заслоняли. А, ну ещё и побренчать на гитарах, коих я за плащеносными спинами насчитал целых четыре.

Кроме упомянутой парочки за Сэмюэлем определённо был отмечен Джок и ещё один, весьма условно молодой благородный по имени Купа. Ничего не могу сказать про молчаливого мужика лет двадцати трёх от роду со шпагой на боку — вёл он себя словно тень Берга, и, как положено тени, молчал. Разве что взгляд не понравился… м-да. Рыжий же брат рыцарской дочки определённо пользовался доверием будущего герцога — именно он по указаниям свыше развил и поддерживал кипучую деятельность по организации импровизированного ристалища, гоняя туда-сюда слуг поместья (одетых в большинстве своём поприличнее баронетских свит!). На утоптанной площадке как по волшебству возник длинный навес для зрителей, лавки, Сэму вынесли персональный стул. Разве что шатры растягивать не стали: рядом с капитальным зданием это было как-то глупо. Зато не поленились обозначить колышками и тонкой верёвкой круг для поединка — хороший такой кружок, метров этак тридцать в диаметре.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, зачем Сэм развёл такую активность. Как ни крути, благородная молодёжь в герцогстве по большей части варится в собственном соку — изо дня в день всё те же лица и развлечения. События, связанные с внешним миром, конечно происходят, но не так чтобы уж совсем часто — провинция-с! В принципе, даже моё прибытие — новость хоть и горячая, но вполне тривиальная: наследники на наследство всегда слетаются, как мухи на… мёд. Поединки по разным причинам тут тоже вряд ли редкость — в конце концов драки издревле служили люду и простому, и непростому неизменным развлечением. Но когда на поле выходят два рыцаря в полной (а потому дорогой — не всякому там по карману!) броне, вооружённые длинными клинками — это уже зрелище не рядовое. А уж когда один из рыцарей — насквозь тёмная лошадка… это ухх! Азарт! В общем, не воспользоваться ситуаций Сэмюэль не мог, потому возглавил движуху. И лично, и посредством организации нужного обрамления к действу. Даже особо долго ждать дуэлянтов не заставил — Джок в сорок минут

уложился. Навес, кстати, пригодился практически сразу же — погода ближе к вечеру опять испортилась и заморосил мелкий, противный дождь. М-да, придётся озаботится, чтобы столь тщательно подготовленное шоу не испортилось по «техническим причинам».

— Ваше благородие, — я поклонился молодому барону. — Мне кажется, есть один момент, который нам стоит обсудить… вчетвером.

Мой красноречивый взгляд в сторону хмурого Рыцаря Света окончательно помог сформулировать просьбу.

— Конечно, — я был награждён благосклонным взглядом, и будущий герцог пригласил меня идти за собой. — Надеюсь, с вашим человеком всё в порядке?

Намёк толще некуда.

— Сэр Мария рвётся в поединок! — заверил я Берга. — Скорее, у меня опасение противоположного плана… как бы господа рыцари не покалечили друг друга. Ведь это же никому не нужно, я правильно понимаю?

— В такой броне? — слегка скептически отнёсся к моему предположению уже побывавший в армии дворянин. — Переломы могут быть, согласен, но покалечить? А излечимые травмы… не думаю, что это достойный повод ограничивать благородные порывы. Да и заметно будет, если бойцы будут сдерживать удары.

Вот как. Ну что ж, откровенность на откровенность.

— Тогда прошу освидетельствовать оружие моего вассала, ваше благородие.

Причину моего волнения сын герцога понял сразу же, как увидел лезвие — и в том числе отточенную до бритвенной остроты режущую кромку. Посмотрел на меня с гораздо большим интересом, чем раньше… и, не став изобретать велосипед, оперативно свёл меня, Машу и будущего палладина вне поля зрения чужих глаз.

— Вал, тоже покажи свой клинок его благородию и его оруженосцу. Пожалуйста, — видно, выводы были сделаны в мою пользу. Полуторник церковника оказался ровно таким, как я и ожидал — качественно сделанным ломом с длинной рукоятью, заканчивающейся шаром-противовесом на конце. Порезаться о довольно тупое лезвие можно было лишь очень постаравшись, зато полноценный удар в незащищённую часть тела таким оружием скорее расплескивал, чем разрубал мягкие ткани и превращал кости под ними в мелкие осколки. Ничуть не менее страшная и опасная штука, чем машкин кабаний меч. Но вот скользящим ударом, случайно попав в сочленения брони

например на шее, паладинской оглоблей было не убить — факт.

— У меня в арсенале есть один похожий клинок… — начал было Сэмюэль, но Валериан его прервал.

— Нет, не нужно.

— *Уверен?* — с нажимом произнес барон.

— Уверен, — поджав губы, повторил Белый, и, под сверлящим взглядом пусть и не сюзерена, но второго лица в герцогстве, пояснил. — Наш доспех рассчитан на атаки в том числе и острым оружием. Не армейская деш… массовка, сам знаешь. Хороши бы были Рыцари Света, если бы боялись выйти на поле боя против острого меча! Тем более, клинком с такой формой острия в принципе невозможно *сорвать* деталь бронирования, потому я даже в большей безопасности, чем мой уважаемый оппонент.

— Сорвать — может и не сорвёт, а вот ремни крепления разрежет на раз-два. А потом и всё что под ними — до самых костей! — барон продемонстрировал, что если надо — может упереться не хуже барана. — Ещё не поздно послать за Маратом, он хоть рану, если что, сумеет быстро закрыть…

— Говорю же, в моём доспехе не обычные ременные крепления, они защищены от прорезания!.. — Вал запнулся и уже другим голосом произнес: — Один удар точно выдержат. Я *гарантирую*. Не нужно… звать огненного. *Пожалуйста.*

— Значит, получив этот удар — ты *сдашься*, — заключил Сэмуэль. И вроде как независимому от местных благродных церковнику пришлось через силу кивнуть, соглашаясь.

— Мария, то же самое. Потеряешь наплечник или другой элемент доспеха — выходишь из боя, — к счастью, я мог просто приказать. И быть на сто процентов уверенным, что мой подчинённый выполнит приказ: в кои-то веки порадовался, что на Маше стоит Печать.

* * *

Что такое бой на длинных мечах? Прежде всего — способность управлять инерцией. Инерцией клинка, инерцией твоего собственного тела — и инерцией клинка и тела противника. Чем быстрее движется твоё оружие и ты сам — тем сокрушительнее получится удар… если попадёшь, конечно. Потому что инерция стремительно несёт тебя в ту сторону, куда ты разогнался, а не куда тебе в данный конкретный момент нужно.

— Поединок между сэром Валерианом и сэром Марией за честь прекрасной и несравненной леди Карины! — несмотря на разошедшийся дождь, успевший превратить волосы на голове Сэма в мокрые сосульки, сын герцога просто излучал пафос. И прекрасно обошёлся без глашатая. — Поединок до первой крови либо до проигрыша одной из сторон. Проигрыш засчитывается при утрате оружия из рук, при невозможности продолжения боя, при пересечении границы круга, при добровольном признании поражения или моим судейским решением!

То есть шоу, а не настоящая дуэль. Впрочем, в этом «шоу» есть вероятность откинуть коньки или получить серьёзную травму, а уж кровь пустить — как нечего делать. Но ведь это и в обычной драке так, верно?

— Да начнется поедино-ок! — совсем уже напомнив мне ведущего какой-нибудь развлекательной передачи провозгласил Берг, переступая через обозначенный натянутой верёвкой край ристалища. Стоило ему войти под навес, как к господину немедленно кинулись слуги — двое с полотенцами, один с исходящим паром стаканом с креплёным вином. Впрочем, кажется, это успел заметить только я — все остальные неотрывно смотрели за сходящимися бронированными фигурами.

Что может сравнится с рыцарским поединком в зрелищности? Если на Земле и сейчас — то более-менее тянет только танковый биатлон, пожалуй. Впрочем, если в вопросах танковождения большинство зрителей там разбирается на уровне компьютерных игр, то здесь наоборот, что-то смыслят в фехтовании все, а многие — гораздо больше, чем просто «что-то». Оттого накал страстей ещё выше.

Маша и Вал оставили ножны мечей под навесом — в бой полуторник, как и любой другой длинный клинок, выносят обнажённым, закинув, например, на плечо[15] (ещё одна причина не перестараться с заточкой). Со стороны казалось, что две бронированные фигуры в ореоле разбивающихся о латы брызг движутся медленно, словно красуясь — но на самом деле это было не так. Просто полный латный доспех — не та «одежда», в которой легко бегать. Однако «нелегко» — не значит «невозможно», что противники и продемонстрировали. Каждый следующий шаг чуть быстрее предыдущего — и на середине круга рыцари *налетели* друг на друга… и разминулись, не задев. Инерция. Каждый, уворачиваясь от удара противника отвернул в свою сторону — и в итоге взаимный промах. Но никто и не говорил, что будет легко.

Теперь поединщики вынуждены были сближаться медленнее,

пусть и постарались сохранить часть набранной скорости, словно отражения в зеркале синхронно повторив друг за другом короткий разворот по кругу. И теперь они не промахнулись.

— БЗДАННГ!

Я сначала не поверил своим глазам — не смотря на воду, падающую с неба, клинки высекли из доспехов ясно видимые в свете тусклого зимнего дня *искры*. Куда попала Маша я не разглядел из-за ракурса, а вот ей самой прилетело в верхнюю левую часть кирасы. И, как и обещал церковник — его клинок не соскользнул по рационально наклонённой стальной пластине, а исправно передал всю энергию удара цели. Чтобы не упасть, мой оруженосец вынуждена была сделать несколько шагов назад и один в сторону — и я с облегчением выдохнул: кираса справилась. С импровизированной трибуны я не смог толком разглядеть вмятину, хотя она, конечно, была. Но — небольшая, а это значит, полностью отработал, оправдав высокую стоимость, поддоспешник.

Разумеется, через шлем я не мог видеть морду Светлого Рыцаря, но, полагаю, выражение лица было то ещё. Сюрприз, мать твою! Магически изменённый монстр от «оригинала» отличается прежде всего размерами. Дикая магия в том виновата или заполучив новые опции организм твари сам быстро наращивает мышцы и кости под новый лимит — не в курсе. Зато инстинкты попавшего под мутацию животного прекрасно знают, что делать, добавляя в арсенал атак зверя или рептилии таранные удары, даже если прототип никогда так не делал. Увернуться в тяжёлой броне от прямых атак получается не всегда, и принимать на щит их бесполезно. Но вот правильно сконструированный доспех может помочь. Ведь броня — это не только прочная стальная скорлупа, но и то, что под ней. В данном случае — несколько слоев демпферных материалов, эффективно гасящих любой удар за счёт упругой деформации. Добавить к этому неупругую деформацию самого элемента брони — и Маша отделалась синяком на плече и ощущением, что её приласкали доской поперек груди вместо сложного перелома рёбер и грудины.

Моя напарница по охоте на чудовищ первой качнулась в сторону оппонета — и тот, очевидно поражённый боевой стойкостью цели, пропустил этот момент. Попытался отступить, вскинул меч и даже успел перехватить чужое лезвие своим — но не до конца.

— ЗЗОНН! — в этот раз искр был целый сноп, высеченный острием кабаньего меча из шлема Валериана. Сноп — потому что клинок с выраженным схождением к острию не смог удержаться в точке удара и соскользнул… прочертив по металлу шлема

длинную царапину и пустив металлическую стружку. И буквально на несколько миллиметров разминувшись со смотровой щелью!

Полагаю, изнутри доспеха воина Белых ощущения были гораздо ярче — в том числе и в прямом смысле слова, до цветных кругов перед глазами. По идее, после такой пропущенной, пусть и частично парированной плюхи у цели атаки возникает букет дивных пост-эффектов — от головокружения до резкой головной боли и временной дезориентации. Сотрясение мозга — ничего приятного. Однако, судя по тому, что резко разорвавший дистанцию и отбросивший пойманный лезвием клинок врага вверх и в сторону клирик-рыцарь немедленно контратаковал обратным движением — сотрясаться в его черепе было нечему. Тем не менее, удар всё-таки вышел смазанный и не очень быстрый — остриё клинка церковника разминулось с наплечником и прочертило косую линию через кирасу дочки кузнеца, издав скрежет, словно куском мела по стеклу. И воткнулось в землю, получив дополнительное ускорение от машиного клинка!

Полуторник — один из самых лёгких длинных мечей, им всё ещё можно *фехтовать*. Преимущество старших собратьев в том, что они походят на снайперскую винтовку: одно попадание по врагу не очень важно куда — минус один противник. Парировать разогнавшуюся рельсу слегка облагороженной формы — занятие бесполезное, что щитом, что клинком: всё та же инерция. Такой бой по динамике и зрелищности больше напоминает рубку дров, и требует от пользователя оружия не столько хорошей реакции, сколько запредельной выносливости и… отличного тактического мышления. Потому что один промах, один подпущенный ближе длины лезвия враг — и труп уже ты. Бастард же позволяет исправить ошибку.

Одарённый Светом резко дернулся назад, выдёргивая оружие из не успевшей раскиснуть под дождем почвы. На замах у Мариши просто не оставалось времени, потому она сделала выпад, вытянув руки и целясь острием ниже края нагрудника Белого. То ли просто ударила куда достала, то ли это всё же был расчёт — попасть по сочленению и проколоть-прорезать то, что под ним, закончив бой. В любом случае ничего не вышло, лишь заставило Валериана сделать лишний шаг. После чего он чуть ли не демонстративно вскинул меч параллельно земле на уровне груди — и качнулся вперёд, ускоряясь на пределе своих сил. Прямой и бесхитростный таранный удар, нацеленный точно в геометрический центр фигуры оппонента… от которого дочка кузнеца ушла буквально в последний момент тем же финтом, что и от Карины сегодня утром! Изящный поворот вокруг своей оси,

вскинутый клинок — нужно только успеть попасть по стремительно удаляющейся цели! Одно полноценное попадание по голове сбоку, ничем не смягченное — и Светлый Рыцарь больше не боец. У всякой стойкости есть предел…

…Меч Светлого Рыцаря догнал Маришино оружие. Вал не попытался пробежать мимо, а сразу же крутанулся вокруг своей оси. Набранная скорость помноженная на собственную массу заставила его переступать, продолжая сдвигаться в направлении атаки — мимо и дальше от противницы, но он умудрился не запутаться в собственных ногах, не подскользнуться — и нанести удар. Но не по корпусу, куда он изначально, похоже, целился, а снизу вверх по кабаньему мечу. Инерция. Всего лишь инерция — и сложение импульсов и векторов силы, как в смутно припоминаемом мною учебнике физики за девятый класс. После общения с Сатарой, владельцем охотхозяйства в Эрсте, я попытался хоть как-то восстановить бездарно забытые школьные знания, вдруг оказавшиеся отнюдь не лишними. Что-то даже получилось сделать при помощи справочников из публичной городской библиотеки… Совсем немного, как я подозреваю, но этого мне теперь хватило, чтобы понять произошедшее.

Слишком много кинетической энергии в ударе — это тоже плохо: мой вассал просто не смогла удержать рукоять в ладонях. И никто бы не смог: сила, утягивающая подбитый снизу вверх меч намного превзошла силу трения между кожей на внутренней стороне перчаток и оплетки рукояти. Чистая физика. Кабаний клинок, описав красивую дугу, до половины ушел в землю в двух метрах от Маши. Полное и окончательное поражение. И, если я что-нибудь понимаю в фехтовании — поражение закономерное. Валериан тупо переиграл моего оруженосца, на одном опыте и правильно вбитой реакции превратив поражение или ничью в идеальную, неоспоримую и просто красивую победу.

…Я разжал кулаки и незаметно выдохнул. Потом провёл рукой по лбу и вытер обильную, несмотря на холод, испарину. Обошлось. В этот раз — обошлось. И почему, интересно, я так разнервничался, а? Ещё больше, чем утром. И это после полугода-то практически ежедневных схваток с тварями. Может, потому, что в этот раз сидел на скамейке под навесом и просто смотрел — типа появилось время на рефлексии? И ведь опять, что самое мерзкое, я ровным счётом не смог бы ничего сделать, получи Маша рану. Жизнь. Мне нужна магия жизни — хоть какая-то гарантия, что я смогу не допустить необратимого в этом долбанном мире, где «скорой помощи» нет даже как абстрактной идеи! И врачей нет нормальных даже у герцога, мать его —

услугами пироманта пользуются! Надо постараться быстрее получить чёртово наследство и срочно, как можно скорее искать наставника… И, пожалуй, всё же переговорить с мастером Огня. Раз уж даже он может *закрывать* раны, мне с моей Стихией сам Свет велел. Тьфу, блин, поднабрался местных словечек, уже даже в мыслях проскакивают…

Глава 10

Проснувшись, я, по уже сложившейся привычке, первым делом узнал время: спасибо Печати, даже глаза открывать не пришлось. И немедленно попытался заснуть снова. Но не тут-то было: организм не повёлся на спокойное дыхание и мнимую неподвижность, всё настойчивее и настойчивее сигнализируя о… ну, я думаю, каждому понятно о чём. Пришлось вставать, на все лады проклиная решение вернуться в герцогский дворец.

Дождь, под которым прошел поединок Маши и Валериана, заканчиваться и не думал, продолжая незаметно, но упорно насыщать землю влагой, а воздух — отвратительной стылостью, на которую не каждая *снежная* зима с отрицательными температурами способна. В итоге кони Карины и Миланы начали оскальзываться прямо на дороге, отчего и так не самую большую скорость пришлось снизить вообще до шага. Да и сама рыжая начала подозрительно шмыгать носом. Представив, сколько мы в таких условиях будем тащиться хотя бы до поместий Пэр и Бертран, я волевым решением развернул нашу короткую кавалькаду назад, к резиденции де Бергов. Надеюсь, вовремя, потому что на мой вопрос о том, как тут принято лечить простуду, Мила на меня странно посмотрела — и назвала горячий чай, баню, тепло и покой. Зашибись. Одно радует: мне, как одарённому стихии Жизни и снабжённому вдобавок Печатью Гражданина точно не стоило волноваться о соплях и температуре. Да и Марише, скорее всего, тоже…

Сделав свои дела, я закрыл крышку *ночной вазы* и, не сдержавшись, сморщился. Мало того, что в комнате теперь пахло не самым приятным образом, так ещё и частично заполненный сосуд вместе с содержимым предполагалось оставить под кроватью до утра — ведь тогда обязательно потребуется им воспользоваться ещё раз. Вроде мелочь, правда? Но раздражало ужасно — особенно подспудное ощущение, что я буду продолжать сон в… туалете.

За много дней, проведённых в рейдах, за время путешествия и ночёвок в тавернах и полевых лагерях мне, понятное дело, приходилось справлять нужду в самых неприспособленных для этого условиях — но до комфортной по местным меркам ночной вазы ни разу не доходило: домики с дыркой в полу и кусты всегда были к моим услугам. А тут… фу-э! Если подумать — тоже, своего рода, выверт сознания. В конце концов, воспользовался же я — и ничего, не развалился. Но оставлять в своей комнате *это*

не буду! Понимаете теперь, почему я ещё на Земле записал попасть в место с канализацией? И ведь попал же, придурок, нет бы там и остаться. Но ведь понесло же искать приключения на собственную жо… вот именно на неё!

Разумеется, сам свой ночной горшок я выливать не потащил. Во-первых, потому что баронету такое самостоятельно не полагалось делать — во избежание, как говорил один из тренеров навыков продаж на Земле, «репутационных потерь». А во-вторых… в этом грёбаном лабиринте я просто не знал, куда идти! В любом случае, в том числе и для выполнения такой работы к гостевому крылу были приставлены слуги и служанки. Которые, разумеется, сейчас, ночью, не бдели поблизости, готовые кинуться на звон колокольчика, а благополучно спали в людской. Благо, расположение этой самой людской мне сами слуги ещё вечером показали — на всякий случай. Что поделать, пришлось одеваться и тащиться куда нужно: к прогулкам по чужому дворцу в любезно предоставляемой сервисом герцогской резиденции ночной рубашке и тёплом халате поверх я был ещё морально не готов.

Нужное помещение я отыскал — и всего-то со второго раза выбрав правильную дверь. Заодно получил массу впечатлений, бродя по тёмным коридорам при свете масляной лампы в руке. К моменту, когда парень из прислуги, душераздирающе зевая, пошел выполнять мой «каприз», сна у меня самого не осталось, что называется, ни в одном глазу. И я… решил продолжить прогулку. Не по улице, разумеется (что я там забыл?), а внутри дома Эдмонта. Ну а что? Никто не запретил — значит, можно. В конце концов, кто знает — появится у меня ещё хоть когда-нибудь возможность пройтись по древнему укреплению, кое-как замаскированному под дворец, да так, чтобы никто не мешал? Я ведь собирался рассматривать попадающиеся картины и статуи, вазы и другие предметы декора помещений, да и сами помещения, а не врываться во все двери подряд. Заодно и моя комната успеет как следует проветриться…

Н-да. Не самый умный поступок — устроить самому себе дурацкое приключение, причём сразу же после того, как пожаловался на нелюбовь к подобному времяпрепровождению. Но… подсознание, на удивление, подсказало мне, что за пределы дозволенного я не вышел. Даже если наткнёшься на хозяина недвижимости у двери его спальни, то достаточно сказать что-то вроде «мне что-то неспокойно» — и всё. Видно, какие-то очередные местные заморочки этикета. Вопросов особо не появится… если, конечно, не выяснится, что по результатам

моциона гостя пропало столовое серебро и драгоценности из замковой сокровищницы. Опять же строго не рекомендовалось пробираться в полной темноте, группами и с обнажённым оружием — тогда желание побороть бессонницу могли оценить совсем неправильно, да.

Сразу скажу: в покои герцога я случайно (и «случайно» тоже) не попал. Собственно, кажется, вообще не попал в то крыло здания — скорее всего, нужные двери были на ночь закрыты. И тайный ход не нашёл — хотя в какие-то моменты казалось, что я в него вот-вот *вляпаюсь,* случайно наступив не на ту половицу. По крайней мере, некоторые тупики, которыми *внезапно* обрывались широкие коридоры, наводили именно на такое подозрение. Или токи тёплого и холодного воздуха, внезапно окатывающие тебя из самых неожиданных мест. Правда, насчёт последнего я скорее поверю в косорукость строителей, делавших систему вентиляции без всякого плана, по наитию и на глазок… Повезло мне в тот момент, когда за полуоткрытой дверью я обнаружил лестницу наверх. Я имею в виду, *действительно* повезло.

Как я вскоре понял — ступеньки вели на крышу. Приспособленное к автономной обороне здание могло похвастаться не стандартными черепичными скатами, а настилом из тёсаного камня и малозаметными снизу зубцами на манер крепостной стены по внешнему периметру. Если дворец признать аналогом башни-донжона более скромного по размерам замка, то такое пространство вроде должно было носить название боевой площадки… целой *боевой площади* в данном случае. Квадратной и с такой же формы дырой-колодцем внутреннего двора в центре. Правда, в отличие от верхушки башни, крыша дворца отнюдь не пустовала: десятки толстых и тонких печных труб, круглых, прямоугольных и ещё хрен знает каких, поднимались над ней и выбрасывали в затянутое тучами небо жидкие дымки. И всё это мрачноватое, но по-своему завораживающее великолепие неплохо так освещалось оранжевыми всполохами открытого пламени.

Что в средневековом дворце хуже, чем сантехника? Пожарная безопасность. Именно эта мысль пронеслась в моей голове первой. Аварийные лестницы? Средства пожаротушения? Нет, не слышали. Если бы не понимание, что погружённый во мрак лабиринт коридоров и лестниц — самое плохое место, чтобы попытаться выбраться из охваченного пламенем здания, бросился бы вниз, не раздумывая. А так я лишь дёрнулся, оглядывая крышу и ища другие места спуска… и спустя секунды четыре до меня дошло: огонь-то не распространяется. Более того, закрытое от меня трубами и ещё какими-то надстройками место возгорания

само практически не производит дыма, которого должен быть целый столб. И огромные языки пламени, тоже вовсе не беззвучно рвущиеся вверх при таких-то размерах. Но — время шло, а ничего не менялось. В принципе, я уже догадался, что могло являться причиной столь странного «пожара»… точнее, *кто*. И дурак бы догадался. Но я всё же пошёл — лучше всё-таки убедиться собственными глазами.

Мастер Марат, магистр магии Огня, для своих занятий оборудовал, я бы даже сказал *обжил,* уютное такое местечко: трубы и надстройки защищали мага от ветра и любопытных взглядов со всех сторон. Легко узнаваемый и со спины благодаря своей красной мантии-робе пиромант определенно занимался… тем, чем занимался не в первый раз. И не во второй. Причём делал, очевидно, это регулярно — потому что натащить такое количество *реквизита* за один присест он явно не смог бы, даже если бы очень захотел. И точно не ночью, спотыкаясь и матерясь впотьмах. Жаровни из полированной бронзы, металлические трубы, сосуды, какие-то кубы и трубки, тумбочки, подставки, ещё какая-то хрень… сначала я было решил, что магистр проводит некий ритуал. Но…

— Тоже не спится по ночам, баронет? — даже не попытавшись развернуться, довольно равнодушно спросил маг.

— Тревожно на новом месте, — ляпнул заранее заготовленную фразу я. Стоять на том же месте после приглашения к разговору было глупо, и я пошёл вперед. И только после этого вспомнил про лампу, всё ещё машинально удерживаемую в руке. — Это вы источник огня почувствовали?

— Нет, — мужчина фыркнул, словно попытался сдержать смешок. Оборачиваться к собеседнику он по-прежнему и не думал. — Я знаю, байки про овладевших Стихией неистребимы и опровергать их дело бесполезное — всё равно не поверят. Но…

Пиромант постучал согнутым пальцем по ёмкости рядом с собой. Полированной металлической емкости, в которой всё отражалось как в зеркале. Несмотря на всю «таинственную» обстановку, я немедленно почувствовал себя довольно глупо: каким-то образом наш короткий разговор напрочь разорвал всю тревожную таинственность ситуации. Ну крыша. Ну ночью. Ну помешал человеку заниматься делом, которым днём наверняка спокойно заниматься не дают всякие… любители дышать свежим воздухом. Настолько не дают, что могущественный чародей (!) вынужден забираться на крышу (!!) когда все спят!

— Магистр, прошу прощения за вторжение, — вздохнув, галантно поклонился я, хоть так пытаясь показать, что

действительно жалею, что припёрся и помешал. Не скажу, что мне было не интересно понаблюдать за работой мага-«*не* жизнюка» — наоборот. Но ведь огненному хватило такта сходу не послать молодого оболтуса куда подальше, хотя по статусу приближённый герцога и прямой ставленник короля Зара мог это сделать вообще без последствий. Потому стоило ответить тем же и валить по собственной инициативе. — Надеюсь, я не слишком отвлёк вас от экспериментов…

— Хм? — вот теперь Марат обернулся, чтобы посмотреть на меня. — В первый раз встречаю *не коллегу*, который сходу бы определил, что я делаю.

— Весы, часы с секундной стрелкой, лабораторный журнал, — перечислил я удивлённо. — Сложно было не догадаться.

Смешно сказать, но именно такой набор был на кафедре статистики института, где я учился. Мы даже лабораторки с ним делали — типа для лучшего понимания материала по теории вероятностей… единственные по-настоящему интересные лабораторные работы за всё время обучения.

— Что ж, наверное, следовало ожидать от магистра Лилианы Мираклийской желания привить любовь к науке хотя бы кому-то из своих детей, — после паузы, продолжая задумчиво рассматривать меня, со странной интонацией произнёс пиромант. — Ну и конечно же её, совершенно не волновал тот факт, что отпрыск не маг.

— Я одарённый! — сам не знаю зачем стал оправдываться я. — Вы знали… знаете мою мать?

— Кто ж из магического сообщества не знает Мастера Жизни Лили? — весело хмыкнул Марат. — Столь эксцентричную осо… леди стоит ещё поискать. При столь поверхностном отношении ко всему на свете и полном пренебрежении какими-либо условностями, она умудрилась стать магистром и при этом женой одного из самых знаменитых воинов современности. С которым ещё и развестись официально смогла — а это ведь ещё сложнее было!

Мама, блин… Самое главное — мне-то почему стыдно, а?

* * *

Простому человеку завязать пусть шапочное, совершенно поверхностное знакомство с сильным, состоявшимся магом — очень сложно. И не потому, что тот разрывается изнутри от давления пустой спеси, как некоторые дворянчики. Просто… вы

словно в разных мирах живёте. Что-то подобное мне пытались объяснить подвыпившие студенты из Нессарии, пока мы шли из кабака в бордель — что, мол, наставников бывает тяжело понять, и вообще они такие очень особенные люди. И уж тем более — мастера-магистры. Студенты ещё более-менее помнили, что такое быть обычными людьми, потому знали, что говорили. Но, видать, словарного запаса у младшекурсников не хватило, чтобы донести всю глубину разверзшейся социальной пропасти. Зато теперь я всё прочувствовал на себе.

— Наука — это единственный путь, ведущий в будущее, — Марат вернулся к прерванному мной занятию. Единственное, что изменилось — теперь я стоял посреди приборов и аксессуаров рядом с ним. — Образец номер двести тридцать семь, шестнадцать граммов. Цвет пламени малиновый — малиновый.

— Сложно спорить, — я, стараясь не поставить кляксу неудобным металлическим пером, аккуратно занёс результат в нужную строку разлинованной под таблицу тетради. — Однако из этого тезиса вытекает логичный вывод: в будущем наука удел всех людей, а не только… обученных одарённых.

Хорошо, когда знаешь «будущее», ага. Вот почему пиромант согласился принять мою из вежливости предложенную помощь «в качестве извинения и для компенсации потраченного времени» мне так и не удалось понять. То ли его заинтересовал лично я, как собеседник, то ли я сам для него был своего рода объектом исследования — этаким необычным материалом, вышедшим из-под рук Сумасшедшей Лили. Если второе — очень надеюсь, он не собирается меня в конце поджечь, как делал со своими «образцами».

— В том будущем у человечества уже будет в достатке инструментов для проведения исследований *всеми и каждым*, — мастер Огня бросил на меня короткий взгляда, убедился, что я опять его не понял, и терпеливо объяснил. — Магия, власть над Стихией — это только *инструмент*. Но для продвижения исследований инструмент должен быть в наличии. Образец двести тридцать восемь, одиннадцать граммов. Цвет пламени — алая фуксия.

— Может, я сейчас глупость скажу, — вписав следующую строку, осторожно произнёс я. — Но ведь эти ваши эксперименты можно было провести, вообще не используя волшебство?

Не то, чтобы мне прямо так хотелось почесать языки с пиромантом именно на тему этой философской дилеммы — просто разговор так сложился. Пришлось поддерживать, потому что о чём ещё можно поговорить с магистром — я не очень представлял. Сомневаюсь, что этого… фанатика от науки сильно

интересует погода или виды на урожай.

— Можно, — внезапно легко согласился маг. И даже в доказательство сунул кусочек… чего-то, зажатый в металлических щипцах, в пламя одной из жаровен. Огонь над образцом послушно сменил оттенок на более красный. — Вот только у обычного человека вряд ли найдётся время для подобных экспериментов и средства для покупки материалов и приборов. А если найдётся — то он потратит и то и другое на более приземлённые нужды.

Я даже не нашёлся сразу что сказать на такое удивительно разумное объяснение. Хотя…

— Наличие сродства со Стихией… отбивает желание тратить деньги на себя? — выверяя каждое слово, с намёком на шутку спросил я. Студенты-собутыльники в один голос утверждали, что жёлтые тяжёлые монетки очень даже в цене у живущих в королевствах чародеев. Настолько в цене, что некоторые возьмутся «прокачать» до аколита столь взрослого одарённого, как я. С другой стороны, мне как-то в голову не пришло спросить, как же те самые чародеи-наставники заработанное тратят. Может, тоже спускают на науку?

— Нет, это заслуга правильного подбора учеников наставниками и правильного их последующего воспитания, — совершенно серьёзно пояснил Марат, копаясь с очередным образцом. — Одарённых в человеческих землях не так уж мало, но только один из сотни становится учеником и впоследствии проходит манифестацию, поднимаясь до аколита. А вот аколиты уже становятся магами почти все. Так происходит потому, что наставник ищет ребёнка с уже сложившейся в юном возрасте тягой к новому. Исследователя в душе.

— Потому что их самих так учили? — не удержался от вопроса я.

— Потому что иначе одарённый так никогда и не сможет колдовать, — словно растолковывая мне известную всем прописную истину, сообщил пиромант. — И зачем тогда нужен такой ученик?

Оп-па. Приехали.

* * *

Помню, в детстве по одному каналу часто крутили дурацкую рекламу: идёт мужик с квадратной башкой, а его все спрашивают: «а что у вас с головой?» А он отвечает: «телевизор смотрел». Вот сейчас я чувствовал себя именно так. Всего два часа

неторопливой беседы с магистром магии Огня — а голову услышанное распирает так, что не будь я сам одарённым Жизни, мучился бы дикими мигренями. Одно радует: магистр — это всё равно что доктор наук, а обычные маги, выпустившиеся из университетов-академий, куда как ближе к народу. Помнится, я уже упоминал, что для по-настоящему эффективного применения моей Стихии, даже просто настраивая Печать (свою либо раба), нужно как минимум хорошо разбираться в анатомии, физиологии и полутора десятках других «логий»? Так вот, с другими ветвями магии всё тоже самое — с поправкой на объект и способ воздействия. Если чуть-чуть что-то «подкрутить» — достаточно мозгов и справочной литературы, всё относительно стандартно. Если требуется что-то серьёзное — то нужно глубокое понимание процесса и умение делать расчёты. А на поле боя — *очень быстро* делать расчёты.

Вот уж воистину: стихия — лишь инструмент. А что ты этим инструментом создашь — зависит только от тебя. Например, всё тот же файрболл, столь любимый создателями компьютерных игрушек на Земле — не что иное, как стабильный плазменный сгусток, этакая рукотворная шаровая молния. Рассказ про формирование этого огненного снаряда был мне приведён в качестве примера необходимости научных знаний у аколита: оказывается, он формируется с разными параметрами в зависимости от температуры воздуха. И по-разному летит. А у криворукого дебила, кто не выучил константы — взрывается в руках. Был ученик — и нет. Вот почему молодых парней и девчонок *настойчиво учат* понимать то, что они должны делать, и только потом позволяют научиться высвобождать подвластную стихию в виде оформленного внешнего воздействия. И вот почему ученики должны быть по-хорошему повёрнутыми на исследовании тайн мира и природы — иначе им будет скучно запоминать огромные объёмы информации, и они их не запомнят. Или запомнят, но не осознают. И после манифестации наступит полный привет. Манифестация — это как раз и есть акт высвобождения стихии… тьфу, блин, и уже заговорил, как Марат. Короче, когда понимаешь, как колдовать. И к этому моменту нужно знать, *что* колдовать. Потому что тогда варианта всего два. Или будешь вечно ограничен поджиганием предмета касанием при сродстве с огнём или как я — лёгким общеукрепляющим и тонизирующим воздействием на чужой организм (без Печати). Или сдохнешь сам и за собой в могилу кого-нибудь утянешь, попытавшись неправильно применить дар.

Вот такие пирожки с котятами. Ты тем сильнее, чем лучше и эффективнее можешь применить свою стихию. Для этого нужны

знания — но только теорию знать недостаточно. Да и нет по многим направления достаточно большой теории — тут ведь средневековье, блин! Хотя некоторые научные школы смогли по своей узкой теме наработать колоссальные объёмы знаний — те же Повелители Жизни, например, или, как я уже сам догадался, те самые «горцы из анклава в западных горах», что делают магомёты. Тем не менее, местная наука быстро движется вперёд. Но — не так, как земная. Никто не придумывает машины и механизмы — ведь все учёные имеют свой основной инструмент при себе всегда. Отчего получается дикий перекос восприятия мира между обученными одарёнными и всеми остальными людьми. Принять такое положение вещей уже оказалось совсем не просто, а уж уложить в голове… Один плюс: до собственной комнаты я добрался сам и совершенно без участия сознания. А то уж не знаю, сколько бы я блуждал по пробуждающемуся дворцу.

— Добдое удро, Арн, — не слишком бодро поздоровалась со мной Милана, сжимая в руке кружевной платок.

— Пчхи! — хмуро подтвердила, что утро не такое уж и «добдое» Карина. Ну вообще зашибись. Слава Свету, Маша у меня за спиной дышала свободно и легко. Да и её Печать не демонстрировала ни единого признака недомогания — ускоренная регенерация успешно справилась с синяками и ушибами всего за одну ночь. Правда, довольной девушка тоже не выглядела — её хмурое лицо отлично гармонировало с небольшой, но хорошо заметной вмятиной на кирасе доспеха. Н-да, и я четвёртый в этой компании, по самые уши загруженный магистром Маратом…

— Постель и горячий чай? — ещё раз оглядев вассала и «наречённую», припомнил я.

— Нед, сдужба, — платок был использован по назначению, но эффекта особо не оказал.

— Что-что? — на название лекарства было непохоже.

— Она сказала, нужно идти… Пчхи! На Литургию Света, — перевела Кара.

— Валериан каждое удро сдужит во дворце, — шмыгнув носом, подтвердила баронетта Пэр почти внятно. — И раз в два дня днём в одной деревень.

Видимо, у меня знатно шарики за ролики зашли после ночной беседы, потому что потребовались секунды четыре сообразить, о чём вообще идёт речь. К счастью, дурацкую реплику «он будет использовать свою магию?» мне удалось оставить при себе. Не зря ведь Трамонт распинался, что стихию Света не рекомендуется называть магической… при посторонних.

— А тем, кто хорошо себя чувствует, нужно идти? — ан нет, похоже, лимит по дурацким репликам у меня сегодня удвоенный.

— В дворцовой часовне все, кто не занят сейчас будут, — поделилась информацией блондинка. — Кто в здравом уме службы пропускает?

— Вал дурак, но от его Света хуже точно не будет, — дёрнув щекой, дополнительно сообщила рыжая. Кажется, ей тоже нужен был платок, вот только дочь рыцаря подобным предметом обихода не обзавелась.

— У меня не сложилось впечатление, что Белый — дурак, — мы двинулись, и я как-то сам собой оказался между Милой и Карой. — Его речь после вчерашней победы над сэром Марией была… очень дипломатичной.

Это да, я прямо не ожидал, — светлый недопаладин прямо-таки рассыпался в уверениях, что хоть и победил — всё равно чувствует себя виноватым, невольно оскорбив дочку управляющего поместьем Бертран. А потом с той же проникновенностью едва ли не пропел осанну моему оруженосцу — мол де впервые видит столь интересную манеру боя и не против сойтись в дружеском спарринге ещё раз с таким сильным бойцом двуручным клинком. Уже не с целью защитить девичью честь, а обмена опыта ради. Так что может быть юнец и разгильдяй, не всегда следящий за своим языком — но не дурак точно. К счастью, теперь уже моему оруженосцу хватило мозгов не отказываться — всё-таки по-настоящему её никто не учил работать с длинным клинком, а приёмы против тварей, как оказалось, с людьми срабатывали не всегда. Таким образом, учебные спарринги со Светлым Рыцарем, получившим полноценное храмовое обучение, были не просто полезны — реально необходимы.

— Да она терпеть Белого не может, с тех пор, как он пытался к ней подкатить… кое-что, — с потрохами сдала бывшую фрейлину Милана.

— Милка! — прошипела та. Кровь мгновенно прилила к щекам девушки. Опс, а я был уверен, что ничего такого не было.

— Лучше пусть Арн от меня узнает, чем от твоего брата или ещё кого, — совершенно спокойно отмахнулась блондинка. — через полгода после приезда в герцогство, примерно полтора года назад, Валериану вдруг надоело валять служанок, и восхотелось любви большой и чистой. А тут как назло ему на глаза попалась одна известная тебе рыжая оторва…

— Х-хватит! — Кара схватилась за голову. Однако, почему-то не попыталась как обычно пригрозить расправой.

— …Которая как раз повелась на жёлтые кудряшки и

смазливую мордашку, — тряхнула волосами и скорчила рожицу, как бы показывая, что подобные параметры присущи не только рыцарям света. — Парень это заметил и начал оказывать знаки внимания. Ну там комплимент лишний скажет или зайдет поболтать… о фехтовании. Но как ты знаешь — наша рыжая намёков не понимает.

— Надо было сказать! — донеслось до нас из-под руки.

— Я тебе и сказала, — баронетта хлюпнула носом и покосилась на платок в руках. — Что Белый тебя явно *выделяет*… а пользоваться или нет — это тебе решать. Все знают — рыцарям света жениться нельзя, пока они на службе, но ведь от мужчины можно получить и другую пользу… Без обид, дорогой.

— Какие уж тут обиды, — я пожал плечами в ответ на острый взгляд Миланы. Дочка Трамонта, чуть отойдя от череды вчерашних событий — когда надо было сначала прыгать, а потом уже думать, решила устроить мне маленькую проверку. Наверняка — не последнюю. — Чуть больше чем через сутки после знакомства, не дав друг другу никаких обещаний *или клятв*… — тут я со значением посмотрел на слегка успокоившуюся Карину, поймав её взгляд. — Единственные отношения, которые *могут* нас связывать — взаимовыгодные, леди Пэр.

Блондинка меня очень хорошо поняла — комкая платок, глубоко задумалась. Вчера мы действовали исходя из однозначной общности непосредственных интересов. После слов де Берга необходимость каким-то образом засветиться перед дворянским обществом герцогства в нужном ключе была совершенно очевидна. Потому я отдал инициативу «наречённой», которая, разумеется, как местная, гораздо лучше представляла, как и что сделать. И была сильно заинтересована, чтобы я не запорол свою партию — потому достаточно подробно объясняла каждый свой следующий шаг. Вот так, из-за поспешности одного жадины с фетишем на белый цвет у меня появился великолепный союзник… на время. За ночь умная и циничная блондинка разумеется успела продумать свои дальнейшие планы — не только тактику, но и стратегию… И ненавязчиво так решила прозондировать почву, дабы понять, какой из этих планов выбрать. И вот теперь, после обозначения мною базовых позиций (сначала договариваемся — потом действуем) надо полагать, решала, что она такого может позволить себе мне *пообещать*.

— Чем всё закончилось у вас с Валерианом? — поняв, что Пэр ушла в себя надолго, спросил я у вассала.

— Он оказался идиотом, — со вздохом и интонацией, больше

подходящей женщине лет тридцати пяти, призналась рыжая. Сейчас хаотичный характер девушки сработал как хорошая порция успокоительного. — У меня как раз стало получаться фехтовать лучше папиных солдат — выросла наконец, и меч больше не казался тяжёлым. Была уверена, что Вал… рыцарь Валериан обратил на меня внимание именно из-за этого. А он однажды подходит ко мне и говорит: «я достаточно впечатлился, уверяю тебя. Больше не нужно до кровавых мозолей тренироваться, прекрасной девушке надо блистать в платьях на балах»… ну или что-то там такое, я точно не запомнила. Что он мне подарит нужные шмотки, дабы «моя красота раскрылась подобно бутону цветка»… тьфу. У меня в душе всё перевернулось тогда.

— И ты вызвала Белого на поединок, — утвердительно заключил я.

— И проиграла. И ещё вызвала. И опять проиграла. На разном оружии, при разной погоде… В общей сложности двенадцать раз, — перечислила дочка рыцаря. — Дралась в полную силу, не сдерживая удар, выкладывалась каждый раз на полную — всё как папа учит. И ни разу не смогла победить.

— Знаменитая рыцарская школа Церкви, — я покосился через плечо на молча шагающую Машу, которая, разумеется, слышала каждое слово. Когда-то давно у нас уже был разговор, закончившийся покупкой моей химеры Вспышки и окончательной переквалификацией дочки кузнеца в конного рыцаря. А именно, что девушка уже вышла на пик своей физической формы, и дальше прибавку силы наращиванием мышц и прочими ухищрениями не получить. Остается только «качать» *мастерство* боя. Потому шанс хоть немного перенять чужие секреты нельзя было упускать. Я очень надеюсь, что рейдов удастся по возможности избегать… Но надо быть реалистом и исходить из худшего: к границе Шрама ещё придётся вернуться.

— Пришли, — прокомментировала вынырнувшая из своих мыслей Милана.

* * *

Размерами зал «часовни» ничуть не уступал официальному гецогскому приёмному покою со стулом-типа-троном. Собственно, наверное, когда-то это и было помещение с аналогичными функциями. Вели в ритуальное помещение широкие и высокие двустворчатые двери, целиком обитые металлом и с чеканными изображениям всё того же символа —

Белого Меча. Сам зал напоминал внутренности католического костёла, из которого окончательно вынесли всё лишнее: у дальней стены возвышение для клирика, на самой стене — опять меч, только в этот раз «во плоти» — откованный в металле клинок. Великанский клинок — метра четыре. По стенам — держатели для масляных ламп… ну и всё. Лавочек нет — причём, как я понял, по сугубо практическим соображениям: чтобы побольше народу, если что, внутрь набиться могло. Да в общем-то и набилось. И дворян, и слуг дворца — те старались держаться в задней части зала, не приближаясь к благородным.

Народ активно (для утреннего часа) общался между собой, шуршали геральдические накидки, то и дело раздавалось звучное чихание и другие звуки, демонстрирующие, что ледяной дождь не прошёл даром для тех, кто под него попал. А может быть сквозняки, нездоровый образ жизни или ещё чего — причин для ослабления иммунитета зимой предостаточно. На нас четверых изредка косились со сдержанным любопытством, несколько человек поздоровались с баронеттой Пэр или кивнули Каре, но особо заводить разговоры никто не спешил. Я сам узнал кое-кого из свиты Бюсса и, кажется, одного из «музыкантов» Паллера, но ни самих баронетов, ни барона Берга не было: вокруг мелькали только синие плащи.

Очень мне хотелось поинтересоваться у своих спутниц, как именно будет воздействовать на окружающих пресловутый Свет. Будь мы с Машей вдвоём — так бы и сделал. В общем-то у меня были некоторые сомнения в том, что вообще стоило идти на Литургию, где явно будет задействована магия незнакомого мне аспекта… но я продолжал держать их при себе. Во-первых потому, что после слов Миланы отказ выглядел бы несколько подозрительно, а во-вторых… Будь подобное мероприятие по-настоящему опасно для магов жизни или граждан Лида — наверняка об этом предупредили бы на таможне. Правда, оставались ещё записи Лилианы на полях «Краткой истории и географии», найденной мною в Миракийском особняке, но и там не было никакой конкретики. Что за Очищение? Чем оно её пугало, и почему был «безумно храбрым» некий Мартин? Впрочем, именно это я сейчас вряд ли узнаю — кто на рядовом служении будут проводить специальные, судя по всему, ритуалы?

У возвышения, как выяснилось, был ещё один вход: на каменный помост взобрались Светлый Рыцарь Валериан, Эдмонд де Берг с сыном, ещё несколько фигур в простых белых мантиях… или, правильнее сказать — рясах? Интересно, как они в таких условиях умудряются сохранить одежду столь белоснежно-

чистой? Последним поднялся наверх магистр Марат, своим появлением окончательно меня успокоив. Правда, маг не стал маячить на всеобщем обозрении, почти сразу же спустился вниз, в толпу. Разговоры быстро начали стихать, люди, пришедшие на бого… так, нет, светослужение, что ли? — начали подтягиваться ближе к клирикам и местному представителю верховной власти.

— ДОООООННН! — высокий и чистый звук разнёсся по всей часовне, когда один из белорясных стукнул извлечённой из-под полы битой по мечу-символу. Оригинальная замена колоколу — вот зачем эту штуку на цепях подвесили, а не к стене прикрепили.

— Владетели и подданные, слуги и господа, те, кто высок, и те, кто мал — все мы в Свете живём. Солнце освещает наш мир, а мир — даёт нам трудом нашим обрести еду и кров, семью и детей, соратников и сподвижников, Путь и Предназначение, — без всякой запинки неожиданно выдал заученный текст недопаладин. А я ещё удивлялся, и отчего у него такой голосина мощный? Годы обучения, а потом практики — не иначе. — Свет направляет, но только тогда, когда есть Порядок. Как зерно на поле даёт всходы весной, а осенью — оборачивается многократным урожаем, так и люди только тогда процветают, когда все, от мала до велика живут должно. Ибо Солнце освещает и лес, и реки, и болотины — но скромны плоды их: и птице, и рыбе, и зверю драться за них приходится каждый день и каждый час, врагом быть всем, лишь бы жить…

Говорил Вал долго, не менее получаса — но я слушал его монолог с неослабевающим вниманием. Кто бы там не составлял текст проповеди — а это она и была — получилось *занятно*. Каждое утверждение, каждый постулат подтверждался конкретным примером, а часто двумя и тремя, и лично меня, например, многие заставили задуматься. Даже вспомнилась казалось бы напрочь забытая институтская экология, за каким-то чёртом сунутая в программу экономфака[16]. Преподавали её нам соответственно, на лекциях мы или спали, или готовились к чему-нибудь более профильному, но отдельные факты, как оказалось, отложились в голове. В том числе то, что чем больше видов растений обитает на единице площади, тем меньше будет суммарный прирост биомассы за год. То есть при желании любое утверждение можно было, что называется, проверить лично, «пощупать» — а значит и доверие к самим постулатам возрастало. Как человек, до попадания связанный в том числе и с маркетингом, я мог только похлопать такому «промо». За душу берёт, что называется. Если тексты проповедей время от времени меняют — так и вообще высший класс.

Если так, в общем — то я не услышал ничего принципиально

нового. Мне уже давно было известно, что Белая Церковь «топила» за сословно-феодальное общество, преподнося его как этакую разновидность Высшего Порядка. Только прямо сейчас реализованную криво, из-за чего всем надо было постараться максимально соответствовать своему месту. То есть крестьянам и ремесленникам впахивать в поте лица, дворянам — их всячески направлять, одновременно защищая от внешних угроз (нелюдей и измененных, прежде всего), а монархам — мудро контролировать весь этот процесс. Себе Белые скромно оставляли нишу советчика «как правильно», и одновременно… ну, кого-то вроде МЧСников. Тех, кто должен затыкать дыры и решать проблемы, если штатные службы и структуры не справляются. И эта роль у них, судя по всему, получалась неплохо уже сейчас. Вообще, я ожидал, что авторы проповеди пройдутся по «светопротивной республике» или ещё как-нибудь промаркируют своих идейных противников — но нет: под конец Валериан опять закрутил про то, почему порядок — такая полезная штука, высвободил из перевязи свой полуторник, сбросил ножны — и упёр острием в пол, сложив руки на перекрестье:

— Прими Свет — и Свет примет тебя. Прими Свет — и Свет очистит тебя. Прими Свет — встань на путь истинный!

Трое клириков разошлись в стороны, образовав этакий неполный полукруг за спиной у одарённого рыцаря, а герцог и его сын оказались по краям этой фигуры. С моего места черты лица Вала было видно не очень хорошо, но морда у него стала крайне одухотворённой. А потом…

Налетали когда-нибудь лицом на паутинку на улице по осени? Невесомая, невидимая нить, почти неощутимо натягивающаяся по коже — и немедленно рвущаяся раньше, чем успеешь осознать, что случилось. Вот то же чувство — только «паутинка» не рвалась. Прежде, чем я успел определиться с ощущениями, впереди раздался слитный вздох.

Меч в руках недо… будущего паладина светился. Но не так, как светит алхимическая лампа или факел. Чёрт, сложно объяснить: с одной стороны, глаза не видели изменений, а с другой — я отчётливо понимал, что клинок в руках рыцаря *белый*. Белее чем снег, белее белого, даже белее самой фигуры Валериана. Давление на лицо усилилось, я стал чувствовать его и другими, менее чувствительным к касаниям частями тела — и одновременно видимая и невидимая одновременно белизна стала расползаться от рыцаря-клирика вокруг. Захватила служек за спиной, мгновенно выбелив фигуры, чуть запнувшись, заполнила Эдмонда и Сэмюэля, дотянулась до стен… И я не поверил своим глазам! Масляные лампы на стенах успели порядком закоптить

камень над местом крепления, да и сами стеклянные колбы особо чистыми я бы не назвал. И там, где белизна стихии Света касалась стен — грязь отпадала, осыпалась невесомой пылью. Заблестели полированной бронзой ёмкости с маслом, стёкла стали кристально-прозрачными. А тем временем бело-бесцветная волна дошла и до меня. Дошла… и обтекала, не в силах пройти границу кожи. Ставшая контрастно-видимой зелень моей собственной Стихии, словно залившая моё тело, не давала ей пройти. Тут я сообразил посмотреть вокруг — и вздрогнул: люди в зале разделились на тех, кто полностью окрасился белизной, и тех чьи фигуры остались тёмными. На моих глазах мужчина, что с ожиданием прислушивался к себе, совсем уж напрягся — и волна церковной Стихии полилась в него, отражаясь на лице блаженством пополам с тяжестью усилий. Всё больше и больше людей становились «белыми», словно прозрачными, оттого всё ещё тёмные проступали друг через друга. Впереди мелькнул зелёный всполох, и я увидел себя словно со стороны: человек слабо зеленел Жизнью. «Необученный одарённый» — словно молния мелькнула догадка. В ту же секунду зелень сдалась. Я заполошно обернулся к Маше и увидел совсем уже потрясающее зрелище: Свет словно выдавливал из её тела Жизнь обратно в Печать, заставляя линии последней полыхать особенно ярко…

— Да будет Его благословение с нами! — воззвал усталым голосом Вал, и всё закончилось: зелень хлынула от Печати по телу моего оруженосца, быстро теряя накал, моё собственное тело тоже «потухло». Где-то впереди мигнула слабая зелёная вспышка — и пропала. Судя по всему — это был конец литургии: народ задвигался, послышались голоса. Милана, стоящая рядом со мной, отмерла, звучно высморкалась и удовлетворенно кивнула.

— Ну вот, совсем другое дело.

Карина промолчала, но и ей явно стало лучше. А вот Мариша…

— С тобой всё в порядке? — спросил я, видя на её печати сигнал, соответствующий проблемам в области шеи. Не очень сильным, слава Св… слава богу проблемам.

— Горло вдруг заболело, — негромко призналась рыцарь.

— Значит, тоже больна была, только зараза себя никак не проявляла, — авторитетно вмешалась блондинка. — У меня так тоже было, когда Вал только приехал и мы на первое служение попали. Папа даже потащил к Мастеру Марату меня, денег не пожалел, но тот сказал, что нарывы вскрылись или что-то вроде того, и надо ждать, пока заживут. Предлагал прижечь, чтобы быстрее, но я испугалась, так перетерпела.

— Понятно-о… — протянул я, только чтобы не молчать:

мысли были заняты другим. Вот опять: достаточно рядовое событие буквально взорвало уже выстроенную картину моего видения этого мира. Сначала пиромант постарался с утра — а теперь личинка паладина добила. Теперь опять нужно долго и аккуратно выяснять — это вот что такое сейчас было?!

Пока я старался привести в порядок свою картину мира, народ начал постепенно покидать зал. Слуги уже полностью рассосались — их от дел никто не освобождал, а вот благородным особо торопиться, в основной массе, похоже было некуда. Не торопился и я, потому заметил, как слева мелькнул серый плащ с гербом. А через секунду я вдруг понял, что не просто «с гербом» — а точно таким же, как у меня.

— Кара, это тот, о ком я думаю, — указал я глазами девушке на проходящего мимо человека.

— Да, — та скривилась. — «Баронет» Васт.

— Ну-ка пойдём, пообщаемся с родственником, — решил я. Метафизическим противоречиям нужно время улечься в голове — а я пока займусь, как выразился Марат, «чем-то более приземлённым». Я ведь ещё не маг, в конце концов. Посмотрим, что ты за птица такая — двоюродный дядюшка.

Глава 11

Чем дольше я разглядывал Васта Бертрана, тем меньше он мне нравился. Увидев вживую конкурента, я сразу понял, что имел в виду сэр Матиас. Во-первых, мой двоюродный дядюшка никогда не держал в руках ничего тяжелее столового ножа — иначе бы ни в жизнь не наел себе такое пузо. Вот Трамонт Пэр, как я понимаю, совсем не дурак пожрать и не особо любящий «все эти военные штучки», тоже худым не был, но собственный вес ему ничуть не мешал и на лошади держаться, и болтать без умолку — всё одновременно. Васт же переваливался, как беременная утка при ходьбе, тяжело дышал и вообще выглядел нездорово. Понятно, почему проведя несколько ночей в поместье он предпочёл застрять у герцога в гостях — поближе к целительному воздействию Света и подальше от соблазнительных прелестей Ле, коварно обрекающих любого нормального мужика на изнурительные ночные физнагрузки. Хотя насчёт целительного воздействия церковной Стихии — это ещё нужно было разобраться, что она там на самом деле делает… А во-вторых — мой дальний родственник имел просто ужасный вкус в одежде.

Есть разные времена — и под стать им разнятся нравы и мода. Однако по окружающим как-то не было заметно страсти нашить на свои камзолы побольше рюшечек. Ох, и ладно бы просто «рюшечек»: при всём этом украшательстве «модные» шмотки Васта были поношены просто донельзя. То, что привезла из поместья Карина, рядом смотрелось словно только что вышедшее из-под иглы портного! Ну и как вишенка на торте — запах. Искусственная, насквозь фальшивая вишенка из сверхдешёвого ароматизатора — вот такой по качеству парфюм то ли предпочитал, то ли просто только и мог себе позволить дядюшка. И это мой ближайший конкурент? Вот этого… этого… персонажа… я заочно в своих планах рассматривал в качестве возможного покупателя баронства? М-да, боюсь рахмановский знакомый ростовщик скорее удавится, чем даст такому «чуду» в долг — конечно, если толстяка не переодеть. За мой счёт.

Ко всем прочим достоинствам двоюродный брат Кристиана Бертрана ещё и отличался изрядной невнимательностью. Сначала прошёл мимо меня, не обратив внимание на плащ, потом довольно долго не замечал, что следом за ним по коридору идёт группа аж из четырёх человек. Разумеется, я сам не стал устраивать сцену встречи посреди расходящейся толпы, подождал, умерив шаги, пока родственник доковыляет до лестницы наверх, и только потом в спину ему произнёс:

— Дядюшка! Вот так встреча!

Хочу отдельно заметить — я планировал именно поговорить. И не в стиле «оп-па, это кто это у нас здесь такой с целой мордой?», а по возможности действительно изобразить родственные чувства. Изобразить — потому что испытать их к этому вороху видавших виды (хорошо хоть чистых) кружев явно не смог бы. Но получилось как получилось.

— А?! — видели как баскетбольный мячик отскакивает от пола? Очень похоже получилось. — Ты! Ты… Ты кто такой?!

— Арн Бертран, младший сын Кристиана и Лилианы, — ненадолго перекинув накидку на плечо, я продемонстрировал герб, точно такой же, что красовался на спине у него самого. Утро робко вступало в свои права, свет из выходящего во внутренний двор лестничного оконца, лился еле-еле, но вышивка эльфийской гладью словно впитывала его — и светилась сама. Странно, когда я вернулся утром в комнату, ещё подумал, что геральдическую тряпочку скоро нужно будет стирать — пропылилась она изрядно. А сейчас — словно из химчистки. Из земной химчистки.

— Что?! — в голосе родича прорезался натуральный визг. — Арн? Враньё! Врёшь! Самозванец!!!

Разной я ожидал реакции — от холодного презрения до попытки немедленно воззвать к чувствам явно богатенького родственника, но только не такой.

— Кто бы говорил, — я замешкался с ответом буквально на долю мгновения, и вперёд вылезла рыжая. — Фальшивый баронет!

— А-а! Отойди от меня! — отшатнулся от Карины с диким ужасом в глазах наш, гм, собеседник. Наткнулся спиной на перила, судорожно нащупал их рукой — и ринулся наверх. Ну, по его меркам ринулся — догнать проблемой не было бы… только зачем?

— Ты его побила, что ли? — вполголоса спросила Мила, провожая глазами объект несостоявшегося родственного воссоединения.

— Вот ещё, — фыркнула дочка рыцаря, но потом призналась: — Отец запретил к нему лезть и вызывать на поединок. Так, случайно задела, когда на лестнице столкнулись. Один раз. И ещё лошадь пнула, когда к Сэму на приём позавчера поехали, не удержалась — а с кобылы этот мешок сала сам упал.

Кара во всём блеске красоты своего характера. Кто бы сомневался, что она не сдержится.

— Если надумаете нормально поговорить, *благородный* Васт, вы всегда сможете найти меня в маноре Бертран, — подумав, я

решил закрепить уже оказанный моим вассалом положительный эффект и возвысил голос, дабы меня точно услышали сквозь собственное громогласное сопение. И ведь услышал.

— Он тебя достанет! — раздалось полузадушенно сверху. — Ты пожалеешь, щенок!

— Стоп, — я перехватил ринувшуюся вверх по лестнице рыжую за руку. — Сомневаюсь, что Эдмонд будет счастлив, если ты этого слизняка в его доме изобьёшь. А на поединок он никогда не согласится, видишь же.

— Не согласится — потеряет честь, — с нехорошим прищуром глядя вслед Васту, посулила девушка.

— Нет, Арн прав, — вмешалась баронетта Пэр. — Плевать ему на честь. Вызывать надо при свидетелях, причём желательно, чтобы их было много — вот тогда эффект будет… Меня лично больше волнует, кого этот… двоюродный дядя имел в виду под «он»? Ведь не де Берга точно — герцогу никого «доставать» не надо, достаточно объявить свою волю, и всё.

— Карина, ты ведь знаешь, кто ещё претендует на манор Бертран? — сам-то я был на сто процентов уверен, что под «он» имелся в виду некий полуабстрактный «покровитель», точнее, человек, которого кружевной пузан в таковые записал. Если бы покровитель был настоящим — не разгуливал бы дядя в таком ободранном виде. Мне и по работе, и по жизни ещё на Земле изредка попадались подобные говн… неприятные личности, полностью уверенные, что им все должны, а если что не так — нужно просто орать погромче. Стращать полицией, сыном соседей из спецназа и Президентом, до которого он непременно дойдёт лично, дабы покарать обидчика. Ну вы понимаете, чем подобные заявления заканчивались обычно. Ничем. А этот ещё ничего так, пуганый, в мире средневековья за базаром надо всё-таки уметь следить: это тут горлопан под защитой Эдмонда, как и другие гости, а на лесной дороге — медведь прокурор. Просто так с оборванцем связываться никто не станет, но если смог достать, например, барона на его собственной территории…. Медведи тут есть, я и Ле очень плотно и дотошно исследовали шкуру топтыги в моей комнате в поместье.

— Я точно знаю, что кроме сбежавшего от нас сейчас урода делами поместья интересовался королевский стряпчий, — подумав, сообщила рыжая. — Больше никто в поместье при мне не приезжал. Этот тоже копался в бумагах, но за ним мне папа хотя бы разрешил присмотреть.

— Королевский стряпчий? — переспросил я для верности. — Чиновник-юрист короля Зара Шестого? Я думал, что вопрос наследства исключительно в ведении де Берга…

— Так и есть, — вмешалась Мила. — Сам чиновник ничего не решает, он даже не благородный, обычный горожанин, нанявшийся на службу в канцелярии монарха. Если хочешь, лишь ходячая самописная чернильница, что донесёт до господина состояние дел в баронстве. Но то, что он сюда вообще добрался, означает, что его кто-то нанял представлять свои интересы. Учитывая, что ты младший из троих детей Кристиана, а твой старший брат теперь герцог ван дер Хорт, то есть подданный другой короны, то остаётся только твоя сестра. Манор она наследовать не может, а вот её ребенок мужского пола, пожалуй, имеет не меньше прав, чем «баронет» Васт. Но при наличии тут тебя, Арн, этим двоим ловить нечего.

— Тогда понятно, отчего дражайший родич так распереживался, — хмыкнул я. — Только вчера узнал из слухов, что приехал настоящий правопреемник, до последнего пытался не верить — и вдруг я такой из-за угла выхожу.

— Может быть, может быть… — несколько рассеянно пробормотала блондинка, но тут же встрепенулась. — Так, нам тоже нужно выдвигаться, иначе не успеем на завтрак к Сэмуэлю.

— Не слышала, чтобы барон кого-то вчера к себе звал… — несколько неуверенно протянула Карина.

— Пока я с вами, эти формальности совершенно излишни, — отмахнулась от слов бывшей фрейлины Милана. — Как вассал, я могу к своему сюзерену нагрянуть хоть в середине ночи — и пусть только попробует не принять. Меня — и тех, за кого я поручусь.

— А чего ты тогда раньше этим не пользовалась? — удивилась рыжая. — Каждый раз так переживала, если приглашений больше недели не было.

— Какая же ты… Ка-ри-на, — по слогам произнесла имя своей подруги блондинка, явно имея в виду другое слово. — Если бы я стала так делать — все бы решили, что у меня в свите сына герцога любовник. А то и на Сэма подумали бы… А теперь у меня официальный жених есть.

— Да поняла уже, — теперь настал черёд отмахиваться дочке рыцаря.

— …А кроме того, — проигнорировала слова собеседницы баронетта. — Сэр Валериан пригласил сэра Марию на тренировку, и ты прекрасно знаешь, с кем Вал ошивается целыми днями, если не ведёт службы по деревням.

Маша провела рукой по нагрудной пластине кирасы, нащупала вмятину и скривилась. Потом непроизвольно положила руку на горло, и скривилась ещё сильнее.

— Конечно, совсем хорошо нагрянуть с визитом не совсем с

пустыми руками, но в голову не приходит, чего такого можно привезти младшему Бергу, чего у него уже нет…

— Опять забыл, — звучно хлопнул я себя по лбу ладонью, окончательно выбрасывая мысли о родственнике из головы. — Мне нужно в моё поместье Бертран, забрать кое-что. Сэм будет доволен, я уверен.

— Не пойдёт. Ты тогда только к обеду вернёшься в лучшем случае, — помотала головой «наречённая».

— О, нет, я — успею, — совершенно искренне улыбнулся я. — Ты просто не видела мою Вспышку в деле!

* * *

Осадив химеру у входа в поместье Берг, я спрыгнул сам и протянул руки, подхватывая под пояс Милану. Девушка положила мне руки на плечи, и я аккуратно снял её со спины Вспышки, ставя рядом с собой. Кстати, всё выполнил в точности по этикету — видимо, само собой подразумевалось, что если уж дама согласилась покататься с тобой на одном коне, то и на столь близкий контакт согласна. С другой стороны, в парных танцах партнеры тоже прижимаются друг к другу, а какое же средневековое дворянство без танцев?..

Додумать я свою мысль не успел: блондинка, которой полагалось, лишь только её поставят на землю, отпустить мои плечи, сделала ровно наоборот — обняла меня за шею и приникла губами к губам в жадном, горячем поцелуе, от которого в голове сразу стало пусто-пусто. Когда мы оторвались друг от друга, взгляд у девушки стал немного более осмысленным — но только немного.

— Ты обязательно *покатаешь* меня ещё, — жарко прошептала она мне и только после этого отстранилась. — Барон, сэр рыцарь, я оставлю ваше общество буквально на десять минут.

— Баронет, кажется, вас можно поздравить? — глядя вслед шагающей походкой от бедра девушке (и вот чёрта с два ей в этом мешало платье с длинным тяжелым подолом) спросил меня Сэм. — Вот уж не думал, что наша Милана способна… быть такой.

— Кажется, можно, — мне пришлось помотать головой, чтобы вернуть ясность мысли.

Всё началось с того, что блондинка напрочь отказалась меня отпускать и ни в какую не верила, что мы сможем за час обернуться до поместья Бертран и назад. Едва не поругались на пустом месте. В конце концов я плюнул и просто позвал

баронетту садиться рядом: если ей покажется, что мы не успеваем — пусть только скажет, и мы повернём. Та в сердцах согласилась, а дальше… Дальше оказалось, что девушка фанатеет от по-настоящему быстрой езды.

Раньше мне казалось, что всяческие рейсеры откровенно льют в уши, рассказывая, как «их быстрые тачки клеят им тёлок». Да пофиг женщине, сколько жмёт и сколько жрёт твой бензиновый самовар — вот другое дело, сколько стоит. Ан нет. Самое смешное, что Милана сама не догадывалась о своей тайной страсти, пока я не предложил ей прокатиться. Зато когда Вспышка вышла на свой крейсерский аллюр — девушку проняло. Проняло так, что она на обратном пути заставила-таки меня дать возможность химере показать свою максимальную скорость. Конечно, по земным меркам семьдесят километров в час — ерунда, на МКАДе машины быстрее идут, когда пробок нет. Но в реалиях пусть магического, но средневековья, эффект был словно из-за руля асфальтового катка пересесть в ракету! Ну а финал вы знаете каким был — да ещё и на глазах Сэмюэля, как раз вышедшего узнать, чего или кого оруженосец и вассал баронета Бертрана ждут снаружи, и почему привели лошадь без седока.

О завтраке что-то такое сказать не могу: мы просто ели и, к слову, сильно большого количества разносолов на столе не было. Будущий герцог восседал во главе стола, по обе руки от него расположились уже знакомый мне Стивен Бюсс и Валериан — а дальше всех рассадили строго по старшинству титулов. Беседа за завтраком протекала откровенно вяло — барон вообще старался молчать и есть. Зато когда принесли десерт (вот на него и попали доставленные мною и Милой фрукты) — Сэм нашёл и время, и возможность пообщаться именно со мной, один на один.

— А вы очень интересный человек, баронет, — десерт сервировали в виде шведского, вынудив немногих гостей Сэма разойтись, выискивая то блюдо, которое бы пришлось наиболее по душе. Только я и Маша, попробовавшие фрукты заранее, уже знали, что выбирать. Уверен, сын де Берга заметил и это. — Только третий день в герцогстве, а событий вокруг вас и с вашим участием произошло столько, сколько не каждый месяц случается. Что, не верите?

— Помолвка и поединок моего оруженосца, — вслух сосчитал до двух я.

— Э, нет, — молодой мужчина шутливо погрозил мне пальцем. — Общество не проведёшь. Лично я слышал как минимум о дуэли между сэром Марией и дочкой сэра Матиаса, после которой та мгновенно перешла на вашу сторону, и о ссоре

вашей прекрасной невесты с отцом — тоже из-за вас. Причём *мне* сказали, что Милана была не особо в восторге от навязанной ей судьбы, а сам я, меньше чем через день, *вижу* доказательство совсем обратного.

— Так получилось, ваше благородие, — только и оставалось, что виновато развести руками. Посвящать Сэмюэля в подробности своей и чужой жизни я точно не собирался. И так он про дурную драку, чуть не оставившую Кару без головы, откуда-то смог выяснить, хотя нас троих тогда видели только слуги. Похоже, сплетни через сословный барьер тоже на удивление легко проникают.

— А ещё вы не испытываете нужды в средствах и одеваетесь с утончённым вкусом, не скаредны, что видно по броне и оружию вашего рыцаря, — перечисление заставило меня положить назад на тарелку только что очищенную дольку крупного апельсина в удивительно твёрдой кожуре. — И, как будто этого мало, сегодня утром моего отца про вас расспрашивал Марат. Уж поверьте, чтобы заинтересовать магистра, нужно *очень* сильно выделяться из толпы. А ваш вассал, я вижу, заинтересовал сэра Валиана — тоже своего рода достижение.

Действительно, две одоспешенных фигуры о чём-то тихо переговаривались за дальним концом стола. Точнее, судя по мимике, Вал как всегда рассыпался в многословии, а Маша ему коротко отвечала.

— Э… спасибо за лестные слова, ваше благородие, — чуть склонив голову, поблагодарил я. Ну а что еще сказать?

— Я веду к тому, что в столице Зара вы ещё могли бы… немного затеряться среди других блистательных дворян, но вот здесь, у нас, в провинции? Увольте. Даже эти прелестные фрукты: ну кто мог даже подумать *из местных* сделать такой приятный сюрприз посреди зимы? А вот у вас получилось, и намерение не разошлось с делом.

Мне кажется, или это намёк? Хотя что это я — намёк и есть, вообще практически прямой вопрос. Так, мысли в кучку — и следить за словами.

— Сэмюэль, хочу вас заверить, — осторожно проговорил я. — Здесь, в доме моих родителей, я лишь затем, чтобы вступить в права наследства. Никакой другой *миссии* у меня нет, слово чести.

— Охотно верю, — светски улыбнулся мне собеседник. — Но, позвольте предположить: закончив с этой рутинной для всех обязанностью, вы опять… покинете нас?

Ах *вот* что он хотел узнать.

— Скорее всего — покину, — аккуратно подтвердил я. — У

меня, как и у вас, есть свой *долг*, и я намерен исполнять его и далее… столько, сколько нужно.

— Жаль, жаль, но я вас прекрасно понимаю, — покивал барон. — Долг — всегда прежде всего, в этом мы тоже похожи… Знаешь, Арн, давай уже на «ты»?

— С удовольствием, Сэмюэль, — улыбнулся я.

Чёрт. Оказывается, я всё-таки успел наступить младшему Бергу на хвост — причём своей, как оказывается, крутизной. Не зря я заметил, что он тоже носит одежду с вышивкой. Хорошо, что «наречённая» меня к нему затащила так быстро и мы смогли, грубо говоря, заранее разойтись бортами — чутьё на политические моменты у молодой баронетты, оказывается, огого! Более того, кажется, я только что обрёл ещё одного союзника: с одной стороны, Сэм с удовольствием поспособствует, чтобы герцогский суд состоялся как можно раньше, а с другой — явно нацелился воспользоваться плодами предложенной «дружбы»: про столицу он меня не просто так спросил. С другой стороны — где ещё, по его мнению, обычный баронет мог так нехило и модно подняться? Пронесло, блин. Мне просто тупо повезло, что герцогский сынок всё додумал в благоприятном для меня ключе. Теперь нужно не протупить и воспользоваться ситуацией. И, пожалуй, с моей разлюбезной невестой кое-что обговорить… И, глядишь, я смогу-таки осуществить свой первоначальный план, пусть даже в несколько более сложном варианте и сокращённом, увы, объёме. Но сначала надо всё-таки разговорить Милану. Наедине.

— Один совет, если позволишь, — остановил меня Сэм перед самым уже выездом из его поместья. — Отец всегда долго приглядывается к людям, даже я не всегда могу угадать, что ему понравится в человеке, а что нет. Но как герцог он всегда отдаёт предпочтение тем, кто действительно печётся о благе подданных, а не просто… владеет доменом. Постарайся хоть что-нибудь изменить к лучшему в своём баронстве, хоть самую малость. В крайнем случае — хотя бы ночуй. Раз уж у тебя столь быстрая химера — всё равно никакой особой разницы нет.

* * *

Как может герцог или кто там ещё из плащеносцев понять, заботится ли владетель о благе якобы своих, а по факту — вручённых ему королевских подданных или нет? Думаете, он опрашивать их будет, что ли? Да сейчас! Больше сдавать налога

стали — значит, определённо лучше жить стали, вот и вся логика. Это практически одними и теми же словами сказали мне Карина, её отец и Милана. Наверняка и Ле сказала бы тоже самое, если бы хоть чуть-чуть разбиралась в вопросе — но она, увы, не разбиралась. Зато красавица-горняшка буквально на пальцах, очень просто смогла мне объяснить, с чего живут крестьянские семьи в баронстве Бертран, и чем преимущественно занимаются зимой, летом, осенью и весной.

А ещё Лейла, наряду с остальными слугами поместья, так сказать, хозяйского уровня доступа, входила в состав торговых экспедиций управляющего — да-да, тех самых, что продавали излишки крестьянского труда и получали за то монетарный, «живой» доход. Как я уже и говорил, светочем интеллекта отзывчивую простолюдинку назвать было нельзя, но дурой она не была и с памятью у неё было всё более чем отлично. Стыдно сказать, но никогда ещё на моей памяти и так феерический секс не был одновременно ещё и столь полезным!

В принципе, уже и вышеперечисленного было достаточно, чтобы продемонстрировать Эдмонту первый положительный результат. Но мне снова улыбнулась удача, если можно так сказать — в лице брата Кары, заявившегося наконец в поместье пообщаться с родными. Как связаны между собой здоровяк Джок, зимние дела крестьян и налоги герцогу? О, я сейчас объясню.

Так уж вышло, что название должности «менеджер по продажам» большая часть людей воспринимает как этакий эвфемизм слова «продавец». Включая и самих менеджеров, и их руководителей, увы. Ну там продаёт сотрудник крупный опт или карьерные самосвалы — несолидно же писать ему в трудовой просто «продавец» или «продавец-консультант». Доходит и до полного абсурда — когда, например, обычную уборщицу записывают «менеджером по клинингу». Почему это плохо? Следите за руками.

Менеджер — по продажам или не важно по чему — это прежде всего сотрудник, непосредственно *управляющий* доверенным ему бизнес-процессом. Не важно как управляющий, через подчинённых или лично, собственными руками выполняющий необходимые действия. Важно, что такой человек не просто тупой исполнитель, он отвечает за то, чтобы процесс не просто шёл, а шёл *успешно*. А в идеальном случае — ещё и расширялся, развивался. Как это сделать? Кроме эффективного сведения вместе предложения товара или услуги и клиента, в нём реально нуждающегося[17], хороший менеджер должен уметь оптимизировать затраты (уменьшать их по отношению к

прибыли) и издержки.

Издержки — это неизменные спутники любого процесса — производства, продаж, утилизации, вообще любого. Потому, если есть необходимость *быстро* показать положительный результат для начальника, собственника или инвестора, единственный способ — это привлечь опытного, *эффективного* менеджера. Как я уже говорил — хорошему менеджеру всё равно с чем работать[18], ведь законы управления бизнес-процессами — одни и те же. Специфика безусловно есть, но это именно что специфика — общие принципы не нарушаются. Правда, вмешательство в работу профессионалов при незнании специфики может вместо положительного эффекта угробить весь процесс — недаром словосочетание «эффективный менеджер» стало в русском языке нарицательным и несёт отнюдь не положительную окраску. Но я-то как раз привык в детали вникать. Кроме того, у меня были в наличии во всех смыслах прекрасные консультанты… и Джок, да. Но у Джока имелась просто наилучшая мотивация мне помогать — рыжая такая. С новым щитом и мечом и в лучшей из доступных кольчуге, которые я наконец-то нашёл время заказать кузнецам и бронникам герцога.

Несмотря на разницу весовой категории, на редкость злопамятная сестра просто измолотила своего брата в «дружеском» поединке. Да так, что даже Маша впечатлилась. В общем, сын рыцаря Матиаса был рад сбежать от боевой родственницы куда подальше и даже был готов поработать ради этого. А если и не готов, то Сэмюэль быстро разъяснил своему приближенному вассалу политику партии: сына герцога я своими действиями уже успел убедить, что могу выкинуть неожиданный фокус. А перенять полезные инновации, особенно если лично ему это ничего не стоит, будущий герцог был очень даже не против.

Как выяснилось, Джок не просто так форсил во всём зелёном на первом посещённом мною обеде барона Берга: это, можно сказать, была его официальная униформа. Униформа лесничего. Братцу Карины невероятно повезло отхватить без всякого преувеличения элитную средневековую профессию! Невероятно — это потому, что обычно лесничими герцогов становились бароны, а лесничими королей и сами герцоги не гнушались работать. Конечно, барон или герцог *командовали* рядовыми исполнителями, а не сами подкармливали оленей или там вытравливали забредшие от соседей волчьи стаи, но все эти процессы были в их ведении. Как и сам, собственно, лес.

Лес с точки зрения феодала — это не просто склад ценной древесины, пока ещё растущей на собственном корню, и место

промысла всяких там орехов и грибов крестьянами, часть из которых с налогами уходит господину на стол. Лес — это охотничьи угодья. А правильно устроенная охота для благородного — развлечение ничуть не хуже большого и блистательного бала! Вот только если организация банкета с танцами и угощениями с экономической точки зрения для хозяина одно сплошное разорение, то от охоты кроме затрат есть и ощутимая польза. Мясо трофеев пойдёт в котёл или на сковороду, шкура — на мех или украсит собой пол в спальне. Опять же, тех же волков бить — значит, защищать стада собственных крестьян, а если кабанов — то поля. Даже лисы и зайцы наносят прямой урон сельскому хозяйству, кстати, особенно зимой, когда жрать нечего.

Конечно, выбивать под ноль носителей прелестных шкурок тоже нельзя — когда потом ещё лес восстановит популяцию! И вот за этим должен следить лесничий. Как и за наличием, собственно, леса как совокупности деревьев — а то простолюдинам только разреши наводить порядки на окрестной земле самостоятельно: мигом одни пеньки останутся, а из диких животных — комары! Потому разрешение на вырубку спускается от феодала лично, и процесс строго контролируется. С другой стороны — отказаться от него тоже нельзя: дома земледельцам строить и ремонтировать тоже из чего-то надо. А вот что касается дров для печей — так для этого хворост и валежник есть. Собирай, мужики и бабы, коли нужда есть (а она есть, дрова нужны) заодно и охотничьи угодья станут более проходимыми для поездок верхами.

Вроде, более-менее справедливая идея раздельного пользования природными ресурсами, особенно по средневековым порядкам, верно? Никто как бы не в накладе. Но это в селах. А теперь представьте, что творится в городах, когда начинается отопительный сезон. Помните тех мужиков, что везли торф и под ним пытались протащить контрабандой пшеничную муку? У них были все шансы, потому что поселения за стенами поглощают топливо многими тоннами в день — и, соответственно, его также активно и везут покупателям. Проверить досконально всех и вся — можно даже и не пытаться. Топливо — лучший зимний товар, на него даже пошлина взимается чисто символическая. Покупают всё, что горит — от каменного угля и до, простите, сушеного коровьего навоза! Лейла, как более-менее знакомая с бытом горожан, об этом много чего могла рассказать. Ну а раз где-то есть спрос, а у в какой-то мере уже «моих» крестьян — доступ к товару, пусть он и не лично их, то задача для менеджера по

продажам получается совершенно типовой. Только надо было вникнуть в детали и специфику, чтобы дров не наломать. И в прямом смысле тоже.

В принципе, будь я уже полновластным хозяином в своём маноре, помощь Джока мне бы, если пойти на принцип, и не понадобилась. Признаюсь, я не сразу сообразил, *насколько* переданная мне Сэмюэлем рекомендация была с двойным дном: баронство, крестьян которого я должен был облагодетельствовать, было не моё, и подчиняться там моим приказам никто не был обязан. Этакий тест от герцога: смог заставить других делать то, что тебе нужно — пожалуй, я подумаю над тем, чтобы официально это разрешить. Хитрая, расчётливая сволочь этот де Берг… наверное, он действительно хороший управленец и политик.

Что касается сына сэра Матиаса, то его полномочий вполне хватало, чтобы распоряжаться в баронстве Бертран: ученик лесничего самого Эдмонта, приближённый вассал сына де Берга, сам в будущем главный надзиратель над природными богатствами герцогства — как только его сюзерен сменит на посту папу. Получилось у Джока занять такое место только потому, что он с детства беззаветно влюбился в охоту, досконально знал повадки всякого зверя и птицы — ну и ещё потому, что из отпрысков всех четырёх баронов никто особого старания занять тёплое местечко как-то не проявил. С растениями у рыжего сложилось похуже, чем с животными, но науку старика-наставника он затвердил крепко. Во всяком случае, дерево, предназначенное на удаление, от здорового отличить и пометить мог. Или указать лишнее при слишком большой плотности произрастания — в этом случае растения мешали расти друг другу… В общем, из всей работы мне только и оставалось, что составить работающий бизнес-план и замотивировать все заинтересованные стороны как следует выложиться в его реализации. То есть ровно то, что я умел делать лучше всего, в том числе всё ещё лучше, чем убивать монстров. Пятнадцать лет против полугода — это, всё-таки, что-то да значит.

* * *

— Знаешь, Арн, у меня больше всего не укладывается в голове то, что ты всё это устроил всего за четыре дня, — осадив рядом со мной свою белую (кто бы сомневался, если папочка выбирал) лошадь, задумчиво сообщила мне Милана.

Да, с небольшого холма длинная змея идущих по узкой

дороге меж полей друг за другом гружёных крестьянских подвод действительно… вызывала смешанные чувства. Гордость, например — внушительный караван зримо и однозначно доказывал, что я не зря столько времени на Земле учился быть *хорошим* менеджером. Была и радость, разумеется — я всё-таки смог применить свои знания в этом мире. Доказал, да. На этом чисто позитивные эмоции и заканчивались.

— По большому счёту, я просто выполнил свою работу, как владетеля, — стараясь сильно не кривиться, ответил я «невесте». — Лишь давал указания и кое-где напрямую вмешался в управление процессами, когда замечал, что без меня не справляются. А так — люди всё сделали сами.

Пропорционально к затраченным всеми участниками действа усилиям, по правде сказать, прибыль ожидалась просто копеечной. Что для крестьян, что для баронства Бертран, что для герцога. Но пропорция — это для большинства местных далёкая абстракция, а вот живые деньги в руке — ух! Причём своего рода «деньги из воздуха» — то самое, из-за чего на оптимизацию издержек буквально молиться готовы собственники бизнесов и акционеры компаний любого размера. Собственно, на этот же эффект — вау! Да парень монеты прямо из грязи под ногами добыл! — по отношению к Эдмонту де Бергу я и рассчитывал. И совершенно не собирался объяснять, что правильная оптимизация проводится *только* после отлаживания основных процессов получения прибыли. Которые конкретно тут, а значит и во всех королевствах, прямо скажем находятся в ж… глубоко на дне, в общем.

— Я бы тебе даже поверила, если бы своими глазами не наблюдала, как «любимый папочка» убивается изо дня в день, пытаясь заставить наших сервов поработать лишь чуть больше, чем они привыкли, — повернув голову так, чтобы чёлка кокетливо упала на глаза, уличила меня блондинка.

— Тем не менее, если помнишь, у меня нашлось время каждое утро вместе с тобой мотаться на завтраки к Сэмюэлю и даже выдержать его званый обед, — отбил аргумент я.

Я вот ни разу не агроном, не кадровик, не социальный инспектор, не… ох, да много кто «не». В течении этих четырёх дней мне пришлось заниматься такими банальными вещами, что для их решения не требовалось вообще никакого профильного образования — только толика здравого смысла и чуть-чуть желания разобраться. Например, закупки: у крестьян есть потребности, которые закрыть они сами не в состоянии. И герцогские мануфактуры тоже решают проблемы лишь отчасти: мастера там точно так же работают на принципе натурального

обмена, как и сами земледельцы, разве что круглогодично, а не сезонами, и основное нужное для жизни получают из закромов замка, а не выращивают сами. А смотаться в город сидящему на земле простолюдину — целое приключение, причём в плохом смысле слова. Вот и ходят подводы до ближайшего города фактически раз в год: когда недельный выезд *точно* окупится на распродаже излишков урожая. А теперь угадайте с одной попытки, что к осенним ярмаркам с ценами делают городские купцы и ремесленники? Вот-вот.

А ведь проблема феодалом решается с полпинка — тупо собрать с населения заявки и снарядить свою торговую экспедицию. Причём владетельный господин ещё и сам в прибыли окажется — я, например, оказался. Всего-то делов было напрячь Лейлу с подружками сделать расчёты, а потом их проверить. И ведь реально кучу денег натащили, растрясли свои кубышки — сэра Матиаса едва неизвестный в этом мире Кондратий не хватил! А всё почему? Потому что доплата за доставку, которую сервы должны будут выложить помимо суммы на покупку, окажется для них меньше суммарных трат на собственную поездку. И это по осенним ценам, а сейчас зима. Спекулянство? Отнюдь — обычные правила торговли. И ведь это была совершенно побочная задача — я просто не хотел, чтобы транспорт назад шёл пустым, зазря проедая выбитый мною у отца Карины овес, и потому организовал сбор заявок у населения.

— Вот именно потому я и пытаюсь понять, как ты всё успел, — закончила логическое построение баронетта. — Прямо какая-то… магия.

— Пфф! — сравнение меня изрядно развеселило, заставив на время отодвинуть не самые приятные мысли. — Эта «магия» называется «подумать головой прежде, чем другие начнут работать руками»! Скажешь тоже…

— Ну, я ведь видела, как ты на последнем обеде у Сэма с мастером Маратом общался, — теперь ко взгляду из-под чёлки добавилось накручивание золотистого локона на тонкий изящный пальчик. — И не только я видела… кстати, на подобных сходках для молодёжи он до того раза на моей памяти ни разу не появлялся. А ещё ходят слухи, что ты с ним *вместе* однажды ночью колдовал…

Надо же, а я был готов поклясться, что оказался единственным идиотом, по собственной воле блукающим той ночью по коридорам и крышам герцогского дворца. Или сам пиромант кому-то что-то сказал? Скорее всего: Сэмюэль мне говорил, что огненный про меня расспрашивал.

— Барон Берг, надо полагать, в восторге, — «понимающе»

понизил голос я. — А то он мне жаловался, что в иные недели так мало нового происходило, что *общество* начинало откровенно скучать. А развлекать всех — понятно кому.

То, что лично меня достойный потомок герцога Эдмонта практически открытым текстом поставил перед выбором: или не «светиться» ярче него, или проваливать (но лучше в любом случае проваливать), я передавать своей «наречённой» не стал. *Пока* не стал. Мы ведь так и не обговорили условия нашего стихийно сложившегося союза: кто знает, какие планы на меня уже были подготовлены в белокурой головке. Собственно, одной из целей постоянных визитов к Сэму и было хоть немного получше узнать младшую Пэр прежде, чем вываливать на неё свои собственные предложения. Да и самим предложениям надо было сначала до конца оформиться, вылежаться… Сильно подозреваю, девушка и напросилась со мной в откровенно скучную, движущуюся со скоростью самой медленной телеги торговую экспедицию только для того, чтобы получить возможность раскрыть мои карты без лишних ушей поблизости. Что ж, в таком случае наши желания совпали… кстати, и открытый всем ветрам лысый холм как раз подходит.

— Про сюзерена сплетничать не буду, это недостойно вассала, — Мила произнесла эту фразу таким голосом, что я едва не фыркнул: блондинка очень постаралась, дабы я ни в коем случае не принял озвученный ею довод за чистую монету. — Что до остальных, то обсуждают тебя часто и со всё большим интересом: добрую половину местных новостей ты собой закрыл.

— И с каждым повторением сочиняют какую-нибудь новую интересную подробность, — понимающе покивал я. Как относиться к подобной провинциальной «славе» я ещё не решил, а пока просто решил игнорировать. На самом деле, ничего необычного, по большому счёту: в более-менее сложившимся коллективе люди, разбежавшись по курилкам и углам, тоже трут и моют «кости» коллег, причём с огромным удовольствием. Куда уж там политике или футболу, когда можно обсудить новую секретаршу генерального или там новые туфли главбуха (с обязательным построением предположений, ради кого эта корова их надела!)?

— Ой, это ещё цветочки по сравнению с тем, что было бы, не найдись у тебя времени на посещение завтраков у Сэма, — как-то даже мечтательно улыбнулась девушка, взмахнув длинными ресницами. После чего, повернув голову, указала рукой на движущиеся по дороге обозы. — Но вот после *этого*… записным

сплетникам нашего герцогства наступит истинное счастье! Потому что даже я, кроме как *чудом*, подобный результат назвать не могу.

— Результат будет, когда всё топливо купят, — напомнил я. — А что до числа телег — так говорю же: правильно мотивированный человек горы по пути к своей цели способен свернуть, не то что воз щепы и других древесных отходов загрузить. Тем более, сами-то они такой мусор стараются в своих печах не жечь, если есть альтернатива.

Если готовить еду и греться от одной и той же печи, качество топлива сразу начинает играть роль. В этом плане земледельцы манора Бертран в накладе более чем не остались: срубив «лишние» деревья, помеченные людьми Джока, простолюдины и дома подновить смогли, и заготовить дров впрок. Больше всего энтузиазма у людей вызывал тот факт, что таким образом смогли очистить едва ли десятую часть лесных массивов баронства.

— Ну да, ну да, — покивала блондинка и неожиданно спросила. — А почему корзины?

— Фасовка. Поставь себя на место покупателя, — предложил ей я. — Горожанин видит на рынке дешёвое топливо, первое побуждение — купить! А нести-то и не в чем.

— Сходит за мешком, — несколько неуверенно предположила баронетта. Определённо, предложение столкнуться с такой прозой жизни, пусть даже виртуально, ей поступило едва ли впервые.

— Или купит большую, вместительную корзину за лишний медяк, — кивнул я. Эти самые корзины возвышались над бортами повозок кое-где на два ряда. — Дешёвое топливо в городе дефицит, торговцы и те, кто его подвозят, давно договорились. Потому — возникнет некоторый ажиотаж. Наш караван только выглядит большим, а если пересчитать на дома за стеной, выйдет по три-пять корзин на одно домовладение. То есть от двух дней до недели при средней интенсивности топки печи. Логика обывателя такая: пока будешь ходить туда-сюда, домой и обратно — дефицит и закончиться может. И он купит щепу с корзиной за медяк — то есть фактически догонит стоимость топлива до рыночной. Однако вместительная плетёная тара в любом хозяйстве лишней не будет, потому покупка будет осуществлена без всяких сомнений. С другой стороны, для моих крестьян сами корзины вообще ничего не стоят: в каждой семье их дети малые да старики плетут, кому не доверишь более тяжёлого труда.

Идею с тарой мне не пришлось придумывать — за меня это на Земле давно уже сделали владельцы супермаркетов, стабильно

поднимающие средний чек на пять-десять, а то и двадцать рублей на одноразовых пакетах. Второй слегка неочевидный момент — это как раз сговор между городскими купцами и поставщиками топлива из ближайших деревень: появление такой толпы конкурентов они точно не прозевают, и в дальнейшем сомневаться не приходится — в ход немедленно пойдут меры неэкономического воздействия, вроде попыток отжать товар, поджогов (прямо в очереди у ворот), драк и поножовщины. Точнее, пошли бы, не путешествуй с крестьянами я с титулом баронета наперевес. А в качестве дополнительного аргумента — Маша в своем фулл-плейте на Милке и Кара на купленном мною специально к акции в герцогских конюшнях настоящем боевом коне. Милану, кстати, тоже сопровождали двое вооружённых слуг из числа отцовской дружины: размолвка — размолвкой, но дальше демонстративного расхождения по углам у Пэров не дошло. Почти уверен, что отец и дочь уже и поговорить успели — по-родственному, всё равно им друг от друга никуда не деться. Что, четырёх бойцов мало? Ну, как сказать: купцы ведь не больные на голову, чтобы прямую силовую разборку с благородным с гербом посреди собственного города устраивать. А на отдельных горячих голов такой защиты за глаза хватит. Нагадить другими способами посадские торговцы потом могут, и даже наверняка постараются — возможностей открывается множество. Вот только… меня-то здесь уже не будет. Демонстративная разовая акция… мать её. Чёрт, и почему у меня на душе так мерзко становится, когда я об этом вспоминаю?

— Рассуждаешь, как прожжённый торгаш, — в устах любого другого аристократа это было бы довольно сильное оскорбление. Но зная царящие внутри семейки Пэров настроения и учитывая тон — мне сейчас сделали своеобразный комплимент. Этакая демонстрация «ну мы же не чужие уже люди, можем позволить между собой кое-что неформальное». Конечно, без лёгкой провокации тоже не обошлось: дочери Трамонта в очередной раз захотелось посмотреть мою реакцию, попытаться ещё немного понять, что я за человек. В некоторых вещах моя «невеста» была мастерицей — Кариной, например, она до сих пор манипулировала мастерски, доводя до кипения, но не до агрессии и заставляя рыжую говорить всё, что та думала. Но на меня подобные подколки не действовали, тем более в голосе блондинки я услышал не очень хорошо замаскированные нотки зависти. Вот поцелуи баронетты были куда более серьёзным «оружием» — правда, «плыли» от них мы оба. Мне досталось ещё несколько штук, после пары верховых прогулок на полной

скорости Вспышки — девушку они так заводили, что её настроение передавалось и мне. Боюсь, в какой-то момент могло бы дойти и до чего более серьёзного — причём не по плану младшей Пэры, а само собой. Но самоотверженные ночные усилия Ле не проходили даром, и всё заканчивалось вполне невинно. Хотя воспринимать *просто* как коллегу с общими бизнес-интересами Милану я уже больше не мог, чем та, вот как сейчас, запросто пользовалась. Тоже проблема — всего неделя прошла с нашего знакомства, а закрутилось… Ещё буквально вчера ничего не было, а сегодня уже надо что-то решать. Вот потому мы и должны *поговорить*, наконец!

— Торгаш, купец, — покачал головой я. — Это человек, который *торгует*. Дворянин же — тот, кто властвует, владеет. А хороший владетель — разбирается в нуждах подданных… иначе какой он тогда ко всей Тьме хозяин, если в собственном хозяйстве ничего не смыслит? Потому торговать мне нет нужды — найдётся кому, но разобраться я был *обязан*, понимаешь?

Что-то в моей последней фразе заставило собеседницу задуматься. Пока я мысленно подбирал слова, чтобы объясниться с баронеттой, та отсутствующим взглядом провожала череду повозок, пока, наконец, не показался хвост растянувшегося каравана. Это, или особенно сильный порыв холодного и промозглого ветра, заставило её вздрогнуть, вернувшись из дум к событиям здесь и сейчас. Отлично, а теперь…

— Арн, вот скажи, откуда ты такой взялся, а? — спросила девушка, одной фразой выбив у меня из головы все планы и мысли. Кроме одной: «Штирлиц ещё никогда не был так близок к провалу»!

Глава 12

Я и раньше понимал, что мне *очень* повезло с Фирониэль, но только теперь осознал, насколько велико это «очень»! Рона не умеет готовить? Рона любит поизображать из себя роковую красотку, особенно заполучив соответствующий макияж? Боже, какие мелочи! Зато Рона всегда говорит именно то, что думает. Понимаете? Дословно: подумала — и высказала мне именно это. Идеальная женщина!

— Арн, у меня голова болит, — спускавшаяся в зал городской таверны Милана действительно массировала виски пальцами.

— Доброе утро, — я не поленился встать и поприветствовать баронетту поклоном. По идее, в столь *неформальной* обстановке, которую сходу задала дворянка, можно было большую часть этикетных вежливостей опустить, но… Ну его нафиг, короче. — Извини, но я не могу с этим ничего поделать. *Пока* не могу.

— А должен! — тонкий пальчик проделал в воздухе замысловатое движение и ткнул в мою сторону. — Потому что это *ты* виноват.

У меня на языке вертелась ехидная фраза, что младшая Пэр сейчас ведёт себя так, словно мы *уже* десять лет женаты, но героическим усилием воли я сдержался. И не в последнюю очередь потому, что вообще-то не знал, как ведут себя люди, прожившие вместе столько лет. Не то, чтобы живя на Земле я был против длительных отношений — но вот не сложилось. И брака не сложилось. Бывает. Может, если бы *сложилось*, я бы тут не оказался. По крайней мере, у моих женатых коллег с детьми времени на фантазии определённого толка явно не было — у них и с обычным здоровым шестичасовым ночным сном не каждый день удачно складывалось…

— Я сказал тебе чистую правду, — в который раз уже повторил я. И в доказательство кивнул головой в сторону окна. Там, за рамой с частым остеклением, располагалась центральная, она же рыночная площадь ближайшего к герцогству Берг города Сплав. Название поселения имело не металлургические корни, как это можно было подумать, а образовалось от «места сплава леса по реке». Иронично, что сказать: небольшой городок на месте когда-то сильно разросшейся деревни вольных лесорубов теперь испытывал постоянный дефицит с топливом. Отчего вокруг зоны, выделенной под торговую площадку представительству баронства Бертран, столпилась неплохая такая толпа народа. Даже сюда, чуть приглушённые расстоянием и стеклом, слышались приглушенные выкрики, долетали взаимные

угрозы добрых горожан друг другу и просто шум голосов. Это для господ феодалов десять часов до полудня — утро, а для трудового народа — практически середина светового дня.

— Вот именно! — пальцы снова вернулись на виски, блондинка страдальчески скривилась. — Я, получается, *должна* тебе поверить, раз уж всё остальное получилось именно так, как ты сказал. Но у меня в голове решительно не укладывается *такой* бред! Стать магом… Добровольно… В восемнадцать лет! И ты ещё спрашиваешь, почему у меня голова болит?!

Я только вздохнул, даже не пытаясь указать, что ничего не спрашивал. Вот Рона почему-то сразу поверила в меня. И двух недель не прошло, как мы расстались — а я уже так скучаю!

Знаете, что значила фраза «Арн, откуда ты такой взялся?» А вот и нет. Это, оказывается, был риторический вопрос из серии «откуда ты такой *на мою голову* взялся»! Девушка, со своей стороны тоже запутавшаяся, что же она от меня такого хочет, и что — ждёт, решила обратится ко мне же за помощью и советом. Понимаете? А я вместо этого взял и вывалил ей на голову ещё дополнительных вопросов. Не помог — только усугубил ситуацию. Хотя я просто сказал ей правду… разумеется, не всю, только кусочек. Никаких упоминаний про жизнь в республике, только о том, что моя цель в жизни — раскрыть свою одарённость и стать магом. Эта часть правды прекрасно объясняла, почему магистр Огня решил со мной пообщаться и вообще заинтересовался, и как мне удалось быстро и нестандартно решить задачу с оптимизацией издержек — все же знают, что маги… *того*. Мыслят сильно нестандартно — это если выразиться корректно. При этом репутация у покорившего свою стихию может быть какая угодно, но нет ни единого чародея, которого можно было бы посчитать *слабоумным*. Сумасшедшим — да, чокнутым, тронутым — но не идиотом. Сообщив всё вышеперечисленное, я просто вынужден был сознаться и в том, что за наследством я приехал в поисках в первую очередь денег, без намерения становиться сидящим на земле феодалом. Смешно то, что последний факт я «наречённой» так и так собирался раскрыть, причём в ближайшие несколько минут: судя по развитию наших внезапно возникших из стечения обстоятельств «отношений», девушка могла себе напридумывать о нашем возможном совместном будущем чёрти чего. Внезапно возникший гордиев узел требовалось разрубить как можно скорее — пока он не затянулся на чьей-нибудь шее.

«По себе людей не судят», — наверняка эту фразочку вы

слышали не один раз, и даже не два. Увы. Когда дело действительно доходит до суждений — умные слова немедленно забываются, и происходит всё строго наоборот. Беда же в том, что все люди — разные. В том числе, мужчины и женщины отличаются не только в плане анатомии. Мы ещё и по-разному *думаем*. Немного по-разному, но этого достаточно для возникновения массы недопониманий и в быту, и в работе.

Тренер на курсах управленческого менеджмента учил нас так: мужчина выделяет из информационного пакета первостепенную, прямую информацию (то, на чём говорящий делает упор, что-то сообщая), женщине же зачастую более важен контекст. Именно потому, например, поделившись с другом печалью, мол руководство именно вам в очередной раз всучило самую сложную задачу, вы услышите что-то вроде «ну, ты же справляешься, вот и…». А подруга скажет: «давно нужно было найти нормальную работу». Прямая логика и логика контекста.

Опытный руководитель всегда должен держать в голове, *как* подчинённые могут воспринять спущенное задание. Что для меня являлось логичным, единственно правильным шагом, направленным на разрешение ситуации, для Миланы, как я уже упомянул выше, выглядело как попытка всё окончательно запутать. Я *должен* был учесть этот момент… н-да. Долгое общение с умницей Роной и Машей, старательно сторонящейся всех «женских заморочек», заставило меня подзабыть, как оно это бывает. Хотя были звоночки, были — всё же мои спутницы были молодыми девушками. Вот только я доблестно все их проигнорировал. Ничего, Мила живо нашла способ простимулировать мне память. Поговорить и за один раз всё решить? Ха, на-аивный! Когда тебе компостируют мозги *третьи сутки кряду*, что угодно вспомнишь, хоть утренник в пять лет в детском саду — лишь бы это прекратить. И я ведь не могу сказать, что блондинка специально надо мною издевалась — ей и самой происходящее не шибко нравилось, да и мигрень у неё была самая настоящая. Тем не менее, постепенно мы всё-таки пробивались сквозь стену недопонимания и противоречий.

В таверну ввалилась Кара. Именно ввалилась — другого слова подобрать было сложно. Вместе с ней заглянула в дверь Маша, нашла меня глазами, кивнула — но заходить не стала.

— Эй, человек, пива мне! — почти что простонала дочка рыцаря, плюхаясь за столик между мною и Миланой. В унисон словам о столешницу звякнул увесистый мешочек, полный монет. Меди было больше серебра, разумеется, но всё равно — объём радовал глаз. Не только мой: трактирщик, примчавшийся на зов

так, что и не всякая лошадь обгонит, старательно обласкал взглядом чужую наличность.

— Благородный господин и дама чего изволят-с? — интересно, этот тип успеет заработать косоглазие до того, как мы уедем, или нет?

— Да уж точно не эту подозрительную кислятину, — пренебрежительно поморщилась в сторону кувшина с напитком блондинка. Карина, кстати, уже налила себе первую кружку и жадно к ней приникла, не отвлекаясь на всякие пустяки. Рыжая что-то буркнула или скорее булькнула в ответ, но разобрать, что именно, не получилось в том числе и у меня.

— У нас есть прекрасные столовые вина, — хозяин гостинично-ресторанного комплекса (на средневековый лад, разумеется) разве что по полу не стелился, изображая максимальное стремление угодить дворянке с гербовым плащом.

— Да-да, целых два сорта, я помню, — наморщила носик баронетта. — Ну… давайте второе, что ли. И лёгкий завтрак… только *нормальный* завтрак, ты ведь понимаешь, о чём я?

— Мне молока, — вставил я. — И вчерашнее жаркое, я полагаю, оно у вас ещё осталось.

— Не извольте сомневаться, ваши благородия!

— Ах, хорошо-о! — кружечка была литра эдак полтора: керамическая, тяжёлая, как будто отлитая из металла, с грубоватым узором. Тем не менее, мой вассал справилась с ней играючи, практически просто вылив её в себя, целиком. Следующую порцию пенного напитка она наливала уже медленнее, стараясь, чтобы пена успела хоть немного осесть.

— Манеры, — неодобрительно покачала головой Мила.

— Остались дома, — Кара даже не пыталась сделать вид, что ей стыдно. — Мы в походе, и я тут, в отличие от некоторых, *на службе*.

Еще один занятный, но достаточно логичный выверт дворянского этикета: воину в боевом выходе разрешалось многое такое, что дома сошло бы за вопиющую грубость. Например, лишь обозначать поклоны, выкидывать нафиг из речи всякие там «ваши светлости» и даже выражать свои мысли матом.

— Вообще не понимаю, как можно пить, что вы пьёте, фе, — поджала губы моя «наречённая». Разумеется, тонкости этикета она знала — и получше других, но промолчать было выше её сил. На счёт привычки пить вино на завтрак (кстати, столовое тут, надо сказать, тоже было изрядно кислым) я тоже мог бы много чего сказать… если бы ещё вчера не составил компанию младшей Пэр, которая после заселения немедленно пошла инспектировать местную кухню. Так вот вода, в которой обслуга мыла посуду и

которую использовали для приготовления пищи, хоть на вид и была прозрачной, при кипячении мгновенно *мутнела*, словно бульон. Спрашивать, откуда столь замечательную жидкость берут, я не стал: Печать гражданина сделала меня практически неуязвимым к инфекционным болезням, но, боюсь, просто не смог есть здешнюю не самую плохую еду, узнав, что в её приготовлении использована вода из протекающей мимо реки. Той самой реки, в которую самотёком по неглубоким канавкам стекали нечистоты со всего Сплава. Так что пить пиво или вино по утрам — не самый глупый выбор в таких условиях. Желудок точно целее будет, да и здоровье в целом, похоже, тоже.

— Сама не желаешь поесть? — спросил я рыжую, взвешивая на руке мешочек. В принципе, мы договорились производить инкассацию по достижении определённой суммы, потому я примерно знал, *сколько* внутри. Тем более приятно было осознавать, что этот «кошелёк» далеко не первый. — Если так пойдёт и дальше, мы расторгуем весь склад до конца дня.

— И слава свету! — импульсивно выпалила Кара. — У меня уже голос садится начал, а бедняга Мария вообще хрипит и то и дело кашляет!

Что странно, потому что судя по состоянию её Печати подчинения, горло у девушки почти прошло. Уж не знаю, что там такое задел Свет, но вялотекущее воспаление проходило очень медленно. Но проходило.

Валериан, сволочь такая, *пригласил* меня и Машу на утреннюю Литургию Свету, проходившую позавчера утром — отказаться было нельзя, пришлось даже выезд собранного мною каравана с топливом пропустить. Ещё и стоять оказалось нужно в первом ряду, среди почётных гостей герцога, рядом с мастером Маратом. Тем не менее, вопреки моим опасениям, с горлом моего рыцаря ничего плохого дополнительно не случилось — я, уж поверьте, следил *очень* внимательно. Кстати, вблизи, рядом с возвышением, на котором вёл службу и зачитывал свежую проповедь рыцарь-клирик, невидимый поток белизны давил значительно сильнее. Не скажу, правда, что это было прямо так уж неприятно, и границы моего тела чужая магия преодолеть так и не смогла — и у стоящего рядом пироманта, как я заметил, тоже.

Вообще, между Валом и моим оруженосцем тоже… всё сложилось как-то не просто. Сильно подозреваю, дочка кузнеца всё-таки что-то такое ляпнула про Свет или Белую Церковь во время совместных боёв-тренировок со светлыми рыцарем. Прямо запрещать я не стал, понимая, что будущий паладин от реплик не

удержится, и молчание оппонента его как минимум насторожит. Моя рыцарь, конечно, не дура, и сама всё прекрасно понимала, но в горячке могла не сдержаться.

При этом польза для Мариши от учебных боев была, не побоюсь этого слова, *колоссальная*. Прогресс моего оруженосца как двуручного бойца *реально* можно было наблюдать после *каждого* спарринга! Сотни настоящих, в полный контакт, драк против различных тварей и тысячи часов физических упражнений с полуторником дали Маше достаточный базис владения клинком, который, как я понимаю, теперь требовалось лишь огранить. Ну там научиться типовым связкам и сериям, уже придуманным для этого оружия другими людьми за несколько веков (а не мучительно подбирать их самой) и исключить типовые же ошибки, которые против изменённых, за неимением в числе их антропоморфных чудовищ с холодным оружием (И слава Свету!!!), было просто не совершить.

Разумеется, такой сверхскоростной рост класса ученика не мог пройти мимо молодого тренера. Если сначала Валериан принял первые успехи на свой счёт (ну как же иначе то), то уже день спустя пришёл к выводу, что его ученик едва ли не гений боя на мечах. О чём мне после каждого завтрака у Сэма не забывал намекнуть, а позавчера и вовсе открытым текстом сообщил, что неплохо бы мне подумать на счёт отправки оруженосца в монастырь, где готовят таких, как он сам. Разумеется, освободив на время или постоянно от вассальной присяги и дав с собой достаточно денег — обучение стоило недёшево. Сделать это предлагалось, разумеется, во имя дела Света и мира во всём мире, разумеется. Между строк, как я позже понял, подразумевалось, что тамошние наставники помогут обучаемой разобраться с превратными представлениями о господствующей человеческой религии, которые, вот досада-то, каким-то образом затесались в голову гению меча.

Когда я, слегка опешив от такого захода, спросил насчёт отсутствия нужного магического дара (как и одарённости вообще) у Маши, рыцарь-клирик лишь пренебрежительно отмахнулся, сообщив, что Благословение Света есть необходимый атрибут лишь паладинов, а вот Светлым Рыцарем может быть любой желающий, даже не обязательно дворянин. Например, Церковь ежегодно выбирает из своих армейских формирований лучших бойцов и за свой счёт до-обучает и вооружает, снабжает доспехами и боевым конем. Похоже, зря я к давнишнему расскажу Маши о своей мечте стать рыцарем через службу Белым отнёсся как малоосуществимым мечтам деревенской девочки: если бы не мудак из числа офицеров учебного полка, у неё лет через десять

беспорочной службы действительно были бы все шансы войти в состав боевой немагической элиты служителей Света…

Блин, какое счастье, что мой план был избавиться от наследства, получив деньги на руки — и свалить нафиг, не распутывая все эти заморочки! Плохо только то, что прежде мне нужно всё-таки как-то договориться с Милой.

— И ты собираешься от *всего этого* просто так взять и отказаться? — проводив глазами напившуюся наконец Карину, потащившую инкассационный кошелёк в одну из снятых нами комнат, где хранились сделанные в городе покупки и где постоянно нёс караул один из слуг поместья Бертран и один из дружинников из Пэра, спросила меня баронетта. Уже даже не в десятый раз спросила.

— Во-первых, не переоценивай первый успех, — тоже не в первый раз сказал я ей. — А во-вторых, ты не забыла, что меня попросил по возможности скорее *свалить вон* из владений Бергов Сэмюэль?

— С Сэмом можно и договориться, — судя по тону, в своих словах Милана была не слишком уверена — скорее уж наоборот, сама себя пыталась уговорить. — Агх! И почему с тобой всё *так* сложно?! Мы так замечательно могли бы управлять нашим поместьем: ты, со своими идеями и я со своими талантами…

— Ты прекрасно можешь и сама осуществить этот план, и я тебе это предлагал, — покачал головой я. Ну вот, опять пошли на новый круг.

— Фиктивный брак! — фыркнула девушка, показывая своё отношение к такому «плану». Но тихо фыркнула, не привлекая внимание трактирщика. — Скажи честно, я тебе не нравлюсь, да? Я некрасивая?

— Красивая. Нравишься, — односложно ответил я. Теперь настал мой черёд морщиться: вот что-что у младшей Пэр отлично получалось, так это давить на мозги. — И степень «фиктивности» брака зависит только от тебя…

— Быть женой мага. Ну спасибо! — уже почти что шёпотом возмутилась Мила. — Ещё и своё приданое за это отдать!

— Все вложения в моё образование вернутся сторицей, — вот в этом я был на сто процентов уверен. — И полегче на поворотах: моя мама — маг.

— Извини, — сдала назад блондинка. — Но… стать хозяйкой манора и целыми днями заниматься управлением крестьянами, планами на урожай и налогами? Я себе не так, знаешь ли, представляла свои лучшие годы.

— Второй вариант ты тоже знаешь: вытрясти из твоего

папочки максимальную сумму приданого, взамен отдать ему земли Бертран под управление и свалить вдвоём. Поделим средства, твоей половины за глаза хватит, чтобы с комфортом устроиться в столице… причём совсем не обязательно столице Зара. Откроешь свой салон… ну а дальше всё как в романе. Когда я стану магом, мы сможем официально развестись, если пожелаешь.

Ещё одно озвученное мною ещё на холме предложение, на которое после энного повторения моя «наречённая» среагировала гораздо спокойнее… но всё равно — блеск в глазах скрыть не смогла. Очень ей хотелось «как в романе» — восемнадцать лет это восемнадцать лет, и столица с её Двором тоже манит: как-никак, предел успеха благородного — закрепиться вблизи трона короля, пусть и чисто географически, тоже неплохо. Вот только блондинка была отнюдь не дурой и если не понимала, то догадывалась, какой задницей может, в случае чего, обернуться подобное «приключение». Но ведь и успехом же — если всё получится!

Я тщательно, несколько дней обдумывал, как мы с Миланой можем договориться ко взаимному удовлетворению — и в итоге получились эти два варианта. Не самых плохих, надо сказать: я получал средства к продолжению учёбы (правда, хорошо если четверть от желаемой суммы, а то и десятую часть… но всё равно — деньги есть деньги), а пробивная и инициативная баронская дочка — так желаемую ей свободу действий и полную гарантию от попыток любимого папочки порулить судьбой дочурки и дальше. Трамонта Мила не возненавидела, но мгновенный слив в качестве невесты залётному баронету отцу тоже не забыла и не простила.

— Я могу тебе помочь в городе на первых порах, — скрепя сердце, повторил своё последнее предложение я. Не хотелось мне себя таким обещанием связывать… но и оставить молодую девчонку один на один (доверенные слуги не в счёт) со средневековым городом тоже, положа руку на сердце, не мог. Что ж, потрачу ещё месяц или два. Или, что вероятнее, в той же столице найду себе мага-наставника из числа подвизающихся при короле чародеев.

Наверняка кто-то скажет: как вообще можно предлагать подобное молодой неопытной девушке, только-только вступивший в возраст совершеннолетия? Мерзко и цинично. А пытаться выдать ради своего финансового благополучия единственную дочь за *вроде как* перспективного незнакомца — не цинично, нет? Вдобавок, уж кем-кем, а нежным домашним

цветочком Милана точно не была. Я ей определённо понравился, но иллюзии строить не стоило: до момента, когда блондинка совершенно точно определится, что хочет от жизни, и окончательно выберет, *с кем* она будет добиваться желаемого, было очень далеко.

Учитывая, что я собирался строить карьеру в республике, побыть на положении фиктивного супруга я был готов. Но на положение просто супруга, которому едва ли не в открытую наставляют рога — увольте. Тем более практика держать при себе чуть ли не официальных фаворитов и фавориток у влиятельных персон при дворах местных монархов не являлась чем-то там постыдным или хотя бы скрываемым. Скорее, наоборот: безвестному рыцарю подсунуть свою красавицу-жену в постель иного герцога было сродни выигрышу в лотерее: посты и награды были обеспечены. А хорошо потрудится благоверная — ещё и с манором с причитающимся к нему титулом фортанет! Ну а скрасить холодные ночи в пустой постельке и смазливая служанка может… или сразу две, а чего сдерживаться-то? И всем хорошо… тьфу, блин.

— Арн, вот как ты умудрился стать… таким? — исчерпав темы для обсуждения будущего, но не запал, блондинка ожидаемо перешла на личности. Решить прямо сейчас она ничего не могла, или уже решила, но пока не смирилась со своим решением, и потому, дабы не трепать нервы себе, стала дальше отыгрываться на мне. По мнению баронетты это было справедливо. Кроме того, она, как опытный следователь на допросе, повторяя раз за разом одни и те же вопросы разными словами, пыталась вытянуть из меня дополнительные крохи информации. Сложно сказать, зачем — думаю, Мила и себе не ответила бы. Но то, что любые сведения обо мне ей в будущем лишними не будут, девушка явно решила. Ну там мало ли — вдруг я действительно стану могущественным магистром магии, и тут она такая появляется и напоминает о себе… м-да. — Мне сказали, что тебя мать просто от себя не отпускала, не разрешала отходить от поместья дальше сотни шагов — так волновалась о здоровье младшего сына. А когда поняла, что дети живущих при доме Бертран дворян тебя обижают — своей волей разогнала всех нафиг, не спросив разрешения пригласившего их мужа, кроме семейства сэра Матиаса. И вообще перестала звать гостей из других маноров — и с отпрысками, и без.

— Какие подробности, — удивился я. Интересно как, вот таких откровений я ещё не слышал. — Достала всё-таки Кару?

— Нет, — Милана дёрнула щекой, я уже успел запомнить

этот жест досады. Рыжая, которую я ещё на третий день пребывания в герцогстве попросил не распространяться обо мне, если будут спрашивать — ну так, чисто на всякий случай, против бывшей госпожи держалась молодцом. Впрочем, младшая Пэра бывшую фрейлину особо не доставала — подбить глаз кому угодно дочке рыцаря было что плюнуть. Особо голосистый мелкий купчик из делегации финансовых воротил Сплава уже распробовал это «угощение». А вот нефиг было сходу пытаться наезжать на слуг и служанок поместья. — Если что, твои горничные не всегда умеют понижать голос насколько нужно… особенно когда обсуждают *любимого* господина.

Увидев лёгкий румянец на щеках «наречённой», я почувствовал, что и сам краснею: понял, в каком контексте горняшки со второго этажа, в полном составе включённые в торговое представительство, обсуждали моё «здоровье». Надо будет ночью постараться аккуратно расспросить Ле о «себе»-молодом — чем, интересно, таким болел маленький Арн, что его, одарённого Жизни, пришлось выхаживать целому магистру той же Стихии? Однако, похоже я всё-таки был несколько худшего мнения о Лилиане, чем она того заслуживала: и как о человеке, и как о маге. Чем бы там не болел младшенький Бертран, на момент моего попадания проблем уже не было…

— Книги, Мила. Просто много книг — и невозможность побегать по улице в своё удовольствие, — пожал плечами я. — А ещё ежедневное общение с родительницей-магессой. Когда хорошо умеешь *слушать, услышать* и запомнить получается много чего интересного… мне ли тебе объяснять?

— Ну да, ну да, — поковыряла ложечкой в серебрянной салатнице, неведомо где раскопанной для привередливой клиентки владельцем трактира, девушка. Сложно сказать, поверила ли она мне, или просто засчитала как шпильку в ответ на её намёк, но желание пикироваться дальше у блондинки, похоже, наконец пропало. — Ладно. Я думаю… стой! Это же Сэм! И Стивен Бюсс с ним!

Я резко обернулся, проследив за рукой собеседницы — и действительно увидел в окно несколько всадников, среди которых выделялись двое с серыми гербовыми плащами: такой колер фона, как я понял, был у всех феодалов герцогства Берг. Чёрт! Этих-то чего сюда занесло?! Что-то мне подсказывает — не к добру.

* * *

— Ваше благородие, — поклонился я, подойдя к сыну Эдмонда. Пусть он мне и «даровал» право по-дружески называть себя по имени, я решил, что момент сильно не подходящий.

— Милорд, — рядом со мной сделала книксен Милана.

— А-а, а вот и наш герой дня! — будущий герцог, похоже, искренне веселился, но я всё равно напрягся. К слову сказать, сегодня я впервые увидел кобылу Сэма, до того мы как-то не выезжали никуда вместе — и обнаружил, что это химера скоростного типа, вроде моей Вспышки, только классом пониже, примерно как Милка. Светло-серого цвета. Проклятье, надо было обладать какой-то совершенно особой везучестью, чтобы вот так точно оттоптать все мозоли наследнику де Берга.

Если по химере Сэмюэля было совершенно незаметно, какая скачка осталась позади, то по лошадям спутников это было видно прекрасно: животные до сих пор тяжело вздымали лоснящиеся, кое-где в клочьях пены бока, схрапывали и усиленно тянули удерживающих их людей в сторону корыта-поилки с водой. Кроме самого барона Берга в Сплав прибыла его самая малая свита — уже упомянутый мною Бюсс и неизменной молчаливой тенью сопровождающий высокого покровителя благородный Купа в простом синем плаще. Ещё Джока не хватало, но, видимо, рыжего лесничего за границу подконтрольной территории решили не тащить.

В принципе, четырёх завтраков и одного званого обеда в обществе Сэма мне хватило, чтобы окончательно разобраться, кто в его окружении есть кто. Про Стивена я уже упоминал раньше, а вот Купа оказался ни кем иным, как приставленным к сыну Эдмондом телохранителем. Самый старший по возрасту из всей молодежной дворянской тусовки герцогства Берг, Купа, как мне успели насплетничать, был довольно известным бретёром сначала в Балоте. Потом, как это водится при такой профессии, проткнул шпагой кого-то сильно не того, кого надо — и едва успел перебраться в Зар. Именно шпагой — это оружие он постоянно таскал при себе, и длинная кочерга у пояса молодому мужчине ничуть не мешала. В столице Зара дела у наёмного решателя чужих проблем путем проделывания лишних дырок в организме не задались: свою территорию Зар Шестой держал в крепкой узде, и некоторых обыденных в других землях вещей не привечал. Вроде подставных дуэлей за деньги, ага.

И гнить Купе в тюрьме, но повезло: попался на глаза Эдмонту, и тот забрал этого типа на поруки — и придал в свиту отпрыску. Не самый плохой исход для всех сторон: бретёр получил постоянную работу, как раз входивший в пору

совершеннолетия Сэм — довольно действенную защиту (драться со всякой подзаборной шелупонью в линялой накидке — это не его уровень), а его отец — постоянные «глаза» рядом с наследником. Как мне рассказали, пока Сэмюэль служил, его денщику пришлось поработать своим клинком не один раз, а по возвращению — зарезать на поединках аж троих приблудных аристо, решивших показать местным провинциалам свою молодецкую удаль. Судя по взглядам, которые я на себе иногда ловил, экс-бретёру я не нравился. Впрочем, на остальных дворян, кроме непосредственного сюзерена, он смотрел не менее мрачно — словно рассматривал исключительно с позиции потенциального «заказа». Неприятная такая для окружающих профессиональная деформация.

— Герой дня — это про меня? — осторожно переспросил я Сэма. Судя по состоянию лошадей, тот прискакал сюда прямо из герцогства: если нет еле плетущегося обоза, то сделать это можно за несколько часов верхами, переходя с рыси на галоп и назад. Но тогда вопрос: как я мог стать «героем дня» там, если я уже третий день уже *тут*?

— Отец прислал мне гонца с запиской. Спрашивал, не знаю ли я, почему крестьяне манора Бертран словно с ума посходили и по всем соседям выменивают, а иногда даже покупают корзины? А заодно почему бароны Пэр и Бюсс запросили выделить им моих лесничих, причём срочно и одновременно — и едва не переругались, кому я должен оказать милость первому? — нарочито-недоумённо пересказал мне наследник герцога. — Вот я думаю: дай спрошу у умного человека. Ты как Арн, случайно не знаешь?

— Знаю, — я приложил пальцы к вискам, с усилием потёр, совсем как Милана недавно. — Думаю, что знаю. Мы сняли несколько комнат в трактире, давайте пройдём туда…

Практически всех крестьян я отпустил домой в первый же день — во-первых потому, что тащиться назад со скоростью самой медленной повозки у меня не было никакого желания, а во-вторых потому, что охранять пустой караван от возможных нападок «личностей с активной гражданской позицией» из числа ангажированных городским купечеством ещё не требовалось — средневековье-с, тут так быстро дела не делаются. А чтобы людям было не так волнительно возвращаться с пустой мошной, гадая, нормально расторгуется их феодал или потом вернётся домой и разведёт руками, типа, «не фортануло», сразу выдал деньги. И за топливо, и за транспортировку. Золота в кошельке едва хватило

— в смысле, пришлось разменять практически все красивые жёлтые приятно-тяжёлые монетки на медь, но зато мои землепашцы… в смысле, баронства Бертран землепашцы — смогли сразу закупить, чего хотели.

Лавки и запасы у ремесленников окончательно подрастрясли слуги поместья — скупая нужное нам и то, на что мы взяли у населения деньги под заказ. Кроме того, мы же должны были забрать то, на что городские мастера взяли заказы: я предвидел, что условия сделок на производство из-за нашей деятельности некоторые хитрозадые личности могут попробовать поменять задним числом, и потому заранее озаботился… централизованной работой с контрагентами. Группа слуг поместья при поддержке рыцаря — не одинокий крестьянин: послать нахрен или выдурить лишние медяки не выйдет…

Я к чему: пока я занимался народно-хозяйственной бизнес-деятельностью в точности соблюдая заветы де Берга о народном процветании, бертрановцы-простолюдины добрались в родные деревни… и, судя по всему, понарассказывали там с три короба. Причём не только своим родственникам, а вообще всем подряд. Любой пиарщик расскажет: самая эффективная реклама — когда твой клиент самостоятельно (и бесплатно, что характерно) хвастается приобретением перед друзьями и знакомыми. Я в какой-то мере рассчитывал на подобный эффект — но не так быстро (я ведь по сути выполнил пока только половину обещаний своим не-подданным) и не так массово. Тем более, что дату следующего визита к городским я не назначал (потому что вообще не собирался). Но, кажется, народный энтузиазм подобные «мелочи» ничуть не смутили. «Средневековый серв — забитое, бесправное существо» — так, кажется, в школе нам учитель истории рассказывал? Ага, верю, блин. Да такую социальную активность да горожанам, например, Москвы — пиарщики от счастья массовый инфаркт схватили бы!

* * *

Прекрасно понимаю, почему Лид процветает. Раз сев на химеру, на обычную лошадь пересесть сродни пытке: трясёт, постоянно надо следить, чтобы не загнать животину, строго следить за сытостью и чистотой. А главное — скорость. Полтора часа — именно столько потребовалось Вспышке и химере Сэма, чтобы довезти нас до замка Эдмонта. Причём Вспышка привычно уже несла на своей спине двойной груз: кроме меня ещё и Милану. Сэмюэлю пришлось бросить свою свиту в городе — тем

предстояло возвращаться самим. Я исключительно ради самоуспокоения забрал у Маши своё эльфийское копье: мне без привычной лёгкой охотничьей брони встревать в неприятности было чревато, но мало ли что попадётся по дороге? Всё-таки не шоссе Москва — Санкт-Петербург… хотя, говорят, и на Ленинградке можно найти себе приключений мгновенно и без всяких проблем — было бы желание. Но — повезло: доехали очень быстро и без эксцессов. Уже в замке барон Берг развил бурную деятельность, в результате которой меня и баронетту Пэр приняли буквально через пятнадцать минут, даже не дав освежиться с дороги. С корабля на бал, точнее — на обед у его светлости. Сразу скажу: спокойно поесть мне так и не дали.

— …Таким образом, на текущий момент это — ваша доля, милорд, — я снял с изрядно оттянутого пояса и передвинул по столу плотно набитый кошелек-калиту. Налоговые отчисления я заставил Карину делать сразу же, после каждой инкассации, одновременно с внесением записей в приходно-расходную книгу, которую тоже взял с собой в город, потому я просто прихватил всю сумму с собой. Как знал. Но жест получился эффектным, что скрывать. Под взглядами баронов Пэра и Бюсс, Сэма и Миланы и ещё одного сильно пожилого мужчины в синем плаще, представленного мне как «Гораций, управляющий манора Берг» Эдмонт пододвинул к себе мешочек и аккуратно высыпал горку серебра перед собой. Горка получилась очень приличной — в золоте всё это выглядело бы значительно скромнее.

— Оптимизация издержек, — медленно повторил герцог, слегка разворошив блестящую металлическую горку перед собой. — И ты считаешь, что эти самые «издержки» есть в любой… как там ты выразился, «сфере деятельности»?

— Скорее всего есть, — подтвердил я. — но чтобы их отыскать и ликвидировать — нужно хорошо разбираться в деле, которое собираешься… оптимизировать. Милорд.

Получив деньги, проведя некие действия на земле феодала, лучше сразу начинать говорить «мой лорд». Дабы у того не возникло ненужных мыслей на счет того, достаточно ли ты его уважаешь. В этом плане «тыканье» за столом от старшего нужно было воспринимать как хороший знак — типа, у нас тут неформальная обстановка, просто обед в тёплой и дружной компании.

— И тебе хватило четырёх дней, чтобы разобраться в лесном хозяйстве, — всё так же не глядя на меня, неторопливо подытожил Эдмонд. Я заметил, что Трамонт смотрит на кучу денег не отрываясь, словно загипнотизированный, а вот со стороны старика Горация поймал откровенно неприязненный

взгляд.

— Не мне, милорд. Джок, лесничий, взял на себя работы, связанные с лесом, а расчёты по сбору древесины на продажу проделал сэр Матиас и его дочь Карина, — про участие слуг, отнюдь не маленькое, и самих земледельцев мне пришлось промолчать. Увы, не поймут, только удивятся ненужному выгораживанию простолюдинов, которым и так по умолчанию полагается всеми силами помогать устремлениям благородных.

— Здесь примерно пять золотых, — продемонстрировал совершенно неожиданный для меня навык визуальной оценки герцог. — Налог на прочие доходы баронства — шестая доля. То есть общий доход составил около тридцати золотых. После четырёх дней подготовки и трёх дней торговли в Сплаве. Я ничего не упускаю, баронет?

— Всё абсолютно точно, милорд, — привстал и поклонился я.

— У меня под рукой *пять* баронств, — как-то даже отстранённо проговорил де Берг, — если *каждое* из них будет раз в неделю приносить мне по пять золотых *дополнительного* дохода, общий доход манора Берг *удвоится*. Я правильно сосчитал, Гораций?

— Да, ваша светлость, — пришлось с поклоном согласиться старику. Даже не знаю, с чего получилось больше виртуального, но отлично слышного скрипа: от плохо гнущихся из-за возраста суставов или от интонации в голосе. Кажется, я нажил себе врага: готов поставить золотой из своего заработка, что управляющего герцогством ждёт тот ещё разнос. Потому что потеря пяти потенциальных золотых в неделю — это обидно, но со своей территории Эдмонт терял все тридцать — ему-то двадцатипроцентные налоги платить было некому. Кроме короля, конечно, но сюзерену вряд ли герцог выкладывал из своего собственного кармана. Ну и потом, держу пари, полковник в запасе точно не забыл перемножить число тридцать на число сфер деятельности — и получил результат как минимум с тремя нулями, а то и четырьмя. У кого угодно после этого появится желание хорошенько взбучить своего исполнительного директора, возможно даже ногами. Распространённая ошибка собственников бизнеса: по одному удачному результату впрямую масштабировать прогноз на все ветви хозяйствования сразу — но это, конечно, я рассказывать герцогу не стал. А вот Милане скажу, и намекну поговорить с батей, потому как Трамонт явно математику уважал, в уме считал хорошо и теперь едва слюну не пускал, глядя в пустоту и глупо улыбаясь!

— Что ж, полагаю, наш юный *друг* всё исчерпывающе нам объяснил, — подчеркнув длинной паузой свои последние слова,

закрыл беседу Эдмонт. — Думаю, мы уже достаточно узнали баронета Арна Бертрана, чтобы собрать суд о признании его наследником одноимённого манора… скажем, через четыре дня. А чтобы уважаемым благородным вассалам и гостям герцогства Берг было *легче собраться* и не смогли помешать *неотложные дела*, своей волей объявляю через три дня Большую Зимнюю Охоту.

* * *

— Арн, подожди, — я подождал, пока бароны покинут обеденный зал и вышел только после этого: расшаркиваться ещё и с ними сил не было. Устал. Аж завидно, как Сэм держится, а ведь он полдня в седле провёл — и как огурчик. Гвозди бы делать из этих людей…

— Мила? — я дождался, пока блондинка меня догнала. На обеде она обменялась с отцом парой взглядов, но, видимо, стремление немедленно отыскать все издержки и обратить в звонкую монету временно затмило в голове Трамонта отцовский долг. Или его вполне устраивало то, что происходит, уж не знаю. В любом случае, как только кончился обед, любитель белого цвета очень быстро откланялся — и был таков.

— Сюда, — девушка потянула меня к оконной нише, а потом практически втолкнула меня туда, сама втиснувшись следом.

— Что… — договорить мне не дали, закрыв рот страстным поцелуем. Таким страстным, что те поцелуйчики после скоростных скачек показались мне детской забавой.

— Я тут подумала, — жарко прошептала мне девушка. — Жена мага — это не так уж плохо звучит!

И опять запечатала мне рот прежде, чем я успел хоть что-то ответить.

— К-хем!

Отстраниться в узкой нише друг от друга нам при всём желании не удалось бы. Впрочем, блондинка не очень-то и пыталась, да и я тоже: пышные складки юбки её дорожного платья неплохо скрывали, гм, естественную физиологическую реакцию, которую можно было разглядеть и через ткань брюк, и которую демонстрировать Сэмюэлю Бергу у меня не было никакого желания.

— Я только хотел сказать, что устраиваю этим вечером приём: надо же рассказать нашим последние новости. Так что Арн, Милана — жду вас.

Мне показалось, или говорил он с легкой натяжкой?

— Мы с *милым* будем непременно, — за нас обоих ответила баронетта.

— Сэмюэль, те наши договоренности… они *в любом случае* в силе, — с нажимом в голосе сообщил я было собравшемуся уходить парню.

Мы с Милой посмотрели друг на друга, и младшая Пэр мне кивнула. В силе.

— Я и не сомневался, — может, мне опять показалось, но теперь отпрыск герцога ответил с облегчением. — Жду вас.

* * *

Вечер выдался… нелёгким. В молодёжной тусовке барона Берга сложились вполне определенные правила, нигде не записанные, но «принятые» для общения. Потому теорию издержек, например, мне пришлось подавать в этаком юмористическом ключе — аля анекдот «трое крестьян работают: один носит мешки, двое плюют в потолок». И это ещё меня прикрывала баронетта, практически в одиночку рассказав наши приключения в городе. Когда надо, тихая и чуть ли не демонстративно-застенчивая на людях блондинка могла смешно и зло шутить, причём, как выяснилось, имена пытавшихся ставить нам палки в колеса городских купцов Сплава она запомнила все. И не преминула повторить раз этак по шесть — чтобы остальные точно запомнили, снабдив теми ещё характеристиками. Определённо не злопамятная девушка: просто память хорошая, и врагов она не прощает. Не дай свет такой попасть во враги…

Хотя… я поймал себя на мысли, что начал привыкать к такой жизни. Больше мне местное магическое средневековье не казалось мозаикой, собранной из антисанитарных и бандитских элементов. Немногим больше недели — и я уже не воспринимал как экзотику не парные танцы аристократов (обезличенная память, спасибо тебе за то, что хотя бы танцевать Арн умел!), ни особенности разновозрастных сборищ, только на первый взгляд кажущихся исключительно пустой тратой времени. Добираться куда-либо исключительно верхом, причём имея при себе хотя бы одного человека из свиты, постоянно таскать оружие и геральдическую накидку — даже если ночью собрался до ветра. Держать в голове все гласные и негласные договорённости, смотреть на представителей других сословий свысока… Не скажу, что я *хотел бы* и дальше жить дворянином — магом всяко быть перспективнее, и вообще… Но — такой образ жизни меня больше

не ужасал. Да что говорить: я даже с ночными вазами смирился. И к постоянной кислятине столового вина, которым тут разве что руки не мыли — привык.

С этими мыслями я взял со шведского стола очередной бокал: тут официанты не разносили вино на подносах, как на приёмах в фильмах на Земле. От меня наконец все отстали, разбившись по группкам со своими интересами, из угла залы для приёмов опять зазвучали гитары — теперь народ собирался не плясать, а петь. Сэм долго демонстрировал железную несгибаемость, но пятнадцать минут назад всё-таки сделал всем ручкой и отправился отдыхать: свою часть как хозяин приёма он выполнил, теперь гости могли развлекаться и без него. Честно говоря, мне тоже уже хотелось спать: то, что требовалось от меня и Милы, мы сделали — пора и честь знать. Надо только перед отъездом выцепить блондинку: статус у нас теперь в глазау у всех такой, что раздельный отъезд вызовет пересуды. Совместный отъезд, впрочем, тоже, но это уже будут правильные шепотки — только лишь работающие на официальный статус помолвленных.

Пришлось подождать, пока «наречённую» отпустит стайка девочек, старшей из которых было едва ли четырнадцать: старшие братья на молодёжных встречах выводили следующее поколение в свет. Ещё год-два, и Милана сможет выбрать среди этих пигалиц себе новых фрейлин… если, конечно, она решит остаться в баронстве Бертран. Надо это выяснить, а то за поцелуями баронетта так ничего конкретного мне и не сказала…

…Двери в зал были, как и в прошлый раз открыты, потому появление нового действующего лица я заметил только тогда, когда оно, это лицо, уже целенаправленно приближалось ко мне. Благородный Купа, судя по состоянию его одежды, скакал назад в герцогство весь остаток дня — хотя, по идее, должен был прибыть ещё часа два назад. Однако пятна грязи на штанах и сапогах дворянина, похоже, ничуть не смущали. Мне очень не понравился его взгляд — экс-бретёр смотрел только на меня, но при этом совершенно холодно, отстранённо, как на пустое место. К сожалению, сделать хоть что-то я уже просто не успевал.

— Арн…кхм, «Бертран», — а голосок у мужика оказался что надо, не хуже, чем у отсутствующего сейчас Валериана. Разговоры разом стихли, музыка прервалась. — Я имею честь усомнится в том, что вы тот, за кого себя выдаёте.

— Шуу! — зашептались, кажется, все вокруг.

— Мне доподлинно известно, что *настоящий* Арн Бертран был болезненным и слабым, не способным держать оружие. Ты не он.

Я краем глаза заметил, как Джок, до того недоумённо пялившийся в нашу сторону вдруг втянул голову в плечи. Ага, ну ясно, откуда такие «эксклюзивные сведения». Вот только почему телохранитель Сэма вообще на меня бочку покатил? Чёрт. Чёрт!

— Моя мать, Лилиана Бертран, магистр магии Жизни, меня вылечила, пусть ей и потребовалось на то несколько лет, — так же громко ответил я. Хотел сказать, что в зале есть как минимум один человек, способный подтвердить что я — это я, но с прострелом мигрени понял: не тех слов от меня ждут. На оскорбление, прямое, однозначное и столь сильное у *любого* дворянина может быть только один ответ. — А на счёт оружия… предлагаю оценить лично.

— Завтра, в полдень, — почти беззвучно прошептала за моей спиной Мила, и я повторил:

— Завтра. В полдень. Здесь.

— Только не забудьте вашу шпагу… «баронет», — мастерски выразив голосом сомнение в моем титуле, издевательски взмахнул рукой Купа. Всё правильно: оружие выбирает вызванная сторона… Проклятье! В опять спустившейся полной тишине он развернулся на каблуке, сделал несколько шагов…

— Решил укусить хозяйскую руку, *наёмник*? — Милана сказала это как бы негромко, но расслышали её все.

Слова попали в цель: бретёр сбился с шага… но всё же не обернулся и вышел вон.

Твою мать. Похоже, я *очень серьёзно* влип.

Глава 13

— Дамы, — поворот и поклон в сторону пигалиц, столпившихся испуганно-возбуждённой кучкой, — Господа. Прошу простить, но вынужден покинуть Ваше общество…

— *Мы* вынуждены, — обращаясь к молодым дворянам, поправила меня Милана. Если у меня тон вышел скорее спокойно-равнодушным, то от слов девушки, мягких, негромких и сопровождаемых улыбкой, добрая половина народа вздрогнула.

М-мать. Как неудачно-то. И ведь как подловил меня, скотина — перед самым герцогским судом! Хотя, конечно, «подловил» меня совсем не бретёр — без приставки «экс», как выяснилось…

Мила, идущая рядом со мной, оглянулась, убеждаясь, что мы достаточно далеко отошли от зала — и… Я не то, что сбился с мысли — вообще на несколько секунд забыл про всё, с отвисшей челюстью слушая закрученную матерную тираду, без запинки выдаваемую блондинкой-аристократкой!

— …Бабку твою козлом через задний проход оплодотворённую! — взмахнула куда-то в сторону дальнего крыла поместья девушка и резко переключилась на меня. — Я надеюсь, ты не собрался сделать мужественную глупость в духе романчика для впечатлительных дур, а, Арн?

— Нет, конечно, — с усилием подобрав челюсть, подтвердил я. То, что младшая Пэр — мягко говоря не нежный садовый цветочек, я уже успел убедиться, но столь резкое выпадение из образа вызывало натуральный ступор. — Только не говори, что не успела за время нашего знакомства заметить, что я не идиот.

— Сэм уже спит, и слуги не дадут его разбудить, — кивнув, деловито просветила «наречённая», с которой, судя по последним словам, смело можно было идти в разведку. — Утром встаёт рано, но может банально не успеть помочь. Если вообще захочет вмешаться.

— Не захочет, — обезличенная память, покалывая виски, настойчиво утверждала: оскорбление, нанесенное через публичное сомнение в дворянском достоинстве оскорбленного, смывается только кровью.

В рыцарских романах, что в земных, что в здешних, меня периодически раздражал один и тот же штамп: протагониста оскорбляют и он, кипя праведным гневом, кидает оппоненту перчатку. То есть, по факту, соглашается на поединок *на условиях врага* — потому что вызванный выбирает оружие. И тот, кто тебя облил помоями, ещё и пользуется правом подобрать наиболее

подходящие условия для твоего публичного убийства. Как вам? «Несправедливо» — это мягко сказано! Лично у меня всегда вставал такой вопрос: а что, собственно, мешает оскорблённому тоже что-нибудь этакое высказать, громко и чётко? Слова ведь всякие можно сказать, даже к самому матерому цинику и бретёру можно подобрать свой ключик и заставить сказать ритуальную фразу. Логично? Более чем. Увы, но только с точки зрения обычного человека, выходца из нормального общества, с твёрдо исполняемыми законами и гарантированными социальными нормами.

Я ведь уже говорил, что все иллюзии о феодальном обществе у меня полностью развеялись после пьянки с крестьянами и ремесленниками из Белой Лепки? Но могу и повторить: за красивым фасадом традиций рыцарства и культа дворянского благородства и чести скрываются вполне узнаваемые уголовные понятия. Точнее, скажем так — это явления одного порядка. Если какая сявка попеняла нормальному пацану, что он, пацан — фраер позорный, или, не дай бог, вообще пользователь дырявых ложек, переругиваться, ссылаться на общеизвестные доказательства и производить прочие ненасильственные методы воздействия на противника не только бесполезно — ни в коем случае нельзя. Стал оправдываться — виноват. И всё.

Сохранить или даже поднять свой авторитет, защитить уже занимаемое положение в сообществе есть только один способ — порешить болтуна. И не важно, кто твой противник — мелкий безмозглый идиот, бугай, которому хребет сломать человеку — одно движение пальцем сделать, или провокатор от целой банды: в бой ты *броситься* обязан. Даже если победить в принципе шансов практически нет. Ну или тебе немедленно вклеят статус изгоя и труса — с обнулением социального статуса и всеми сопутствующими последствиями.

Есть, конечно, и исключения: авторитет, уже давно всем всё доказавший и рулящий бригадой крепко сбитых ребят, сам марать кулаки или нож не пойдёт — ткнёт пальцем в своего приближенного громилу, и специально обученный подручный сделает всё максимально показательно и «красиво». С морем крови и переломанными костями. Собственно, Купа, если разобраться, именно на такой должности и состоит при Сэмюэле Берге… точнее, состоял. Самодеятельность вассалу, если она не одобрена свыше, сын герцога ни за что с рук не спустит. Даже если он где-то и не против подобного исхода в глубине души… м-да. Кто-то меня «заказал». Кто-то, кому я умудрился настолько оттоптать больную мозоль, что он не пожалел достаточно большой суммы — золота! — чтобы перевесить «преданность»

наёмника, давно и плотно сидящего на непыльной и хлебной должности. М-мать.

Вот только не надо думать, что я согласился на поединок ради какого-то там «сохранения чести» или потому что дорожил мнением дворянчиков из герцогства Берг. Будущему магу, в перспективе Повелителю Жизни из Лида, разборки благородных до лампочки. Репутационные потери, которые рано или поздно станут в какой-то мере достоянием широкой общественности — это немного неприятно, конечно, но смерть от идиотского шампура с ручкой — неприятнее во много раз. Было ровно два соображения, что заставили меня бросить вызов: это манор Бертран, уже практически упавший мне в руки… и Карина. Стоило мне начать пререкаться, отреагировать как-то иначе, чем вызов на дуэль — и всё, в глазах всех свидетелей я немедленно превратился бы из успешного аристократа, талантливого, богатого и идущего к успеху в… ну, лучшем случае — удачливого торгаша. Которому, вот досада, от папы достался плащ и герб, но не досталось дворянской чести. И тень моего падения неминуемо ляжет пятном на вассалов.

Я-то, конечно, могу свалить отсюда в любой момент: сменю геральдическую накидку на синюю без герба — и спокойно буду передвигаться по территории королевств никем не узнанный и никому особо не нужный, пока не найду себе мага-наставника. Маша — просто последует за мной, и пофиг, кто там что бросил в спину: она всегда на моей стороне. Милана, уверен, поднапряжётся и сможет отмазаться в стиле «я слабая женщина, не разглядела что за человека чуть не полюбила». А вот рыжей — деваться будет некуда. Да и не захочет она никуда «деваться»: если я всё брошу и уеду с территории Эдмонда, Кара за мной просто не последует. Она присягала баронету Бертрану, а не Арну из Миракии. И, разумеется, если я сбегу — сама полезет в драку. В драку, исход которой нетрудно спрогнозировать. Проклятье! Вроде «подруга детства» лично по большому счету мне никто, и знаю я её неделю с копейками, но… не брошу и не подставлю. Не смогу. Это значит, что мне без вопросов нужно победить — причем победить *до* боя, который в лоб мне не выиграть. Победить однозначно — права на ошибку и отступление у меня нет. Чёрт…

— Ты прав, у Сэма не хватит власти заставить вассала отказаться от дуэли, — после короткого напряжённого раздумья вынесла свой вердикт баронетта. — Нужно добиться решения герцога. Вот он может остановить любой поединок на своей земле. Утром я добьюсь аудиенции сразу во время завтрака, а ты

ещё до рассвета седлай химеру — думаю, твоя ненаглядная Вспышка способна утащить и сэра Марию со всеми его железками. Если у меня не выйдет, тогда придётся рискнуть отправить на поединок твоего рыцаря. Я понимаю, ты не сомневаешься в победе…

— Нет, — оборвал я собеседницу. Мила, похоже, решила, что разгадала мой план и от облегчения затараторила всё быстрее и быстрее. Приятно, конечно, что она сразу заняла мою сторону и даже вполне серьёзно разволновалась, но держать своего единственного здесь и сейчас однозначного союзника в неведении было нельзя.

— Что — нет? — не поняла блондинка.

— Ничего из перечисленного тобой — нет, — я поднял руку, не дав собеседнице ничего сказать. — Во-первых, герцог не станет прерывать поединок. Помнишь, что твой отец говорил? Он военный до мозга костей и при этом тщательно, демонстративно чтит дворянские традиции. Даже если живой я заработаю ему кучу денег — это не аргумент, чтобы не допустить дуэли. Потому что я дворянин. А во-вторых — я не поскачу за Маш… за моим оруженосцем.

— Почему… — младшая Пэр отлично держала удар: лицо закаменело, но голос не дрогнул. Запнулась немного — и всё. — В смысле, второе — почему.

— Не позволю какой-то швали убить моего вассала, — просто сказал я.

— В смысле — убить? — мой ответ удивил Милану настолько, что она совершенно по-девичьи захлопала ресницами. — Сэра Марию? Который на равных с Валом на поединках?!

— В поединках на *полуторных мечах*, — объяснил я. — Сомневаюсь, что Купа согласится на дуэль в броне, но даже если согласится — это ничего не изменит. Ни мой рыцарь, ни, тем более, Кара — бретёру не противники. Лучше пусть они будут… не здесь, когда всё произойдет.

То, что Маша, едва узнает о дуэли, от меня и на шаг не отойдет и просто бросится на Купу, едва того увидит, чтобы кончить на месте — я, разумеется, умолчал. Особого выбора, как поступить, у дочки кузнеца при этом не будет — вообще выбора никакого не будет. Потому что Печать подчинения его не даст. Защищать хозяина — это высший императив для магического раба.

— Объясни, — ещё немного подумав, коротко потребовала баронетта.

— Шпага, — для иллюстрации своих слов я вытянул из ножен

обсуждаемый предмет. — Это очень сложное для использования оружие. Требуются годы обучения и большая практика, чтобы им овладеть. Но если выполнить эти условия, в поединке что-то против тебя сможет предпринять только другой фехтовальщик, вооружённый аналогично.

Шпага, с которой я не расставался с момента пересечения границы Лида, досталась мне «в нагрузку» к Машиному мундиру и стрижке. Вот такие в республике салоны красоты, н-да… Разумеется, первое, что я сделал, едва мне в руки попал этот клинок — попытался им… ладно, что уж там — помахать. Да-да, я понимаю: полгода охоты на тварей с холодным оружием — отличный способ распрощаться с типичной мужской страстью «к ножикам», но… это шпага же! Д'артаньян и три мушкетёра, приключения, погони, скачки — и яркие мечты о себе на месте главного героя! Мечты, столь легко затмевающие скучную реальность, когда тебе восемь лет и удалось оторвать от ближайшего орешника более-менее тонкий и прямой прутик…

Короче, шпагой я помахал — в гостиничном номере. Ну а что — я ведь уже считал себя опытным пользователем «белого» оружия — и не без основания: ещё бы, столько практики. Причём *настоящей* практики, а не каких-то там шоу типа «танца с саблями». Может, потому и не поранился, пока игрался, и не поранил никого другого. А вот обивке кресла не повезло: просто прекрасный длинный разрез получился, ровный, чёткий — только вата наружу полезла. И знаете, как это получилось? Чуть-чуть кисть руки сильнее довернул, чем надо — и лезвие, изогнутое силой инерции в движении, прочертило другую траекторию, пересекшуюся с ничем не повинным предметом мебели. После этого мне всё-таки хватило мозгов шпагу в ножны убрать, и для начала хотя бы немного почитать про подобный тип предметов для убийства себе подобных — благо, вот в чём-чём, а в доступе к справочной информации в республике проблем не было.

Шпага — своего рода супероружие для боя один на один. Кажется, если я ничего не путаю, и на Земле её придумали для сходных целей — убивать *любого* одиночку в ближнем бою[19]. И никакой доспех не защитит — гибкий как змея клинок прекрасно пройдёт через сочленение, пробьёт за счет формы наконечника кольца любой кольчужной сетки под ним и глубоко рассечёт плоть из-за бритвенной заточки. Два-три удачных укола, и даже если критического поражения внутренних органов не было — враг просто истечёт кровью за пару минут. Я уже молчу про попадание в смотровую щель шлема — ни один другой длинный клинок в неё не пройдет. А вот против животных, даже обычных,

со шпагой лучше не выходить, будь ты хоть десять раз великий фехтовальщик. Что, собственно, и стало причиной появления корриды в Испании, я полагаю: изначально фокус был не столько в том, чтобы быка красиво убить, а в том, чтобы продемонстрировать класс своего мастерства, свалив максимально неудобного противника…

— Видишь, две трети лезвия — гибкая сталь, а треть у гарды — почти не гнётся? — кивнув в такт своим мыслям, осторожно покачал из стороны в сторону обнажённое оружие я. — Этой нижней третью можно парировать любой клинок, кроме тяжелого, при известной сноровке, конечно. А гибкая часть позволяет прямо в процессе нанесения удара изменять место поражения. Вот почему Купа так легко расправлялся со своими противниками и до того, как стал «тенью» Сэма, и после, охраняя покой сына Эдмонта. Предвосхищая твой вопрос, отвечаю: я шпагой не владею. Сэр Мария тоже.

— Арн, — в нарочито-спокойном голосе моей «суженой» отчётливо звякнул металл. — Мне кажется, или ты мне только что спокойно так признался, что у тебя *нет плана*, как решить *нашу проблему*?

— План есть… даже два, — помедлив, признался я. — Но они… ты точно считаешь, что это *наша* проблема?

— Знаешь, я много думала над тем, что ты сказал мне на холме, — отведя взгляд, глухо призналась девушка. — И… это было непростое решение, но я всё-таки поняла: превратиться из баронетты в баронессу, располнеть, рожать детишек и покрикивать на слуг и холопов — это вовсе не предел моих мечтаний. Ты… словно приоткрыл мне дверь в другой мир. И да, вся Тьма побери — без тебя я туда не попаду!

Что ж. Честно.

— А ещё ты мне правда нравишься… — у меня натурально глаза на лоб полезли, когда я увидел, как Мила до ушей заливается краской. — И не смотри на меня так! Лучше свои «планы» выкладывай давай.

— Перекупить. Мои деньги плюс задаток от тех, кто меня заказал — этого должно хватить, чтобы *наёмник* предпочел не связываться даже с небольшим риском поражения. Терять ему в герцогстве уже нечего — всё равно придётся после поединка спешно покидать манор де Берга, и уж точно «честь» бретёра явно особо не волнует. Тридцать золотых за баронство, как ты понимаешь, обмен очень хороший.

— А второй план какой? — подумав, кивнула блондинка. Идея отдать такие деньги ей явно пришлась не по душе, но свои мечты она оценила определённо больше.

— Если не получится — убить и спрятать труп, — с кривой улыбкой пришлось признаться мне. Да, не лучший план, что сказать. Хотя бы потому, что меня могут тупо застукать за процессом лишения жизни Купы, и это будет такой же слив репутации в унитаз, что и при публичной попытке пере-оскорбить оппонента. Тем не менее, не смотря на массу минусов, плюсов определённо было больше: нет человека — нет проблем. А ещё я не постесняюсь поспрашивать, кто это так меня невзлюбил. Моральные терзания? По отношению к подосланному убийце? Нет. А трупами людей меня уже не смутить и не напугать. Не после исследования остатков охотничьей партии, послужившей обедом нарийцу. Вообще, я заметил, как сильно изменилось моё мировоззрение в отношении некоторых вещей: на Земле мне планировать убийство и в голову не пришло бы. А если бы и пришло — то должно было бы произойти нечто по-настоящему экстраординарное, ломающее всю жизнь, чтобы я на подобное решился. Оно, в принципе, и произошло — семь месяцев назад. Всё-таки постоянное хождение под смертью даром не проходит — только это далеко не сразу замечаешь…

— Вот так просто, пойдёшь и убьёшь? — удивилась младшая Пэр. Удивилась, но шокировать её своим откровением мне ожидаемо не удалось. Что поделать — цена жизни тут совсем не та, что в развитых странах на Земле. Убью врага и убью, молодец, дело-то насквозь житейское и, прямо скажем, полезное. А верность идеалам дворянства у своей дочурки Трамонт, похоже, напрочь отбил.

— Возможно, оглушу сначала, — пожал плечами я. — А что?

— Ммм… — «наречённая» потёрла лоб, — извини, может я чего не поняла… но не ты ли пять минут назад утверждал, что фехтовальщик может справиться с кем угодно один на один?

— В *поединке* — сможет, — поправил я её. — Но я не собираюсь с ним *драться*.

— А как тогда? — неподдельно заинтересовалась блондинка. — Яд? Быстрый, медленный? Я очень надеюсь, что ты действительно *умеешь* с ним обращаться.

— Это… — я решил, что кое-что должно всё-таки остаться за кадром. — Артефакт.

Ну, ложь ведь лишь отчасти: плетение молнии в моей руке вполне можно считать артефактом. Встроенным, как бы. И с питанием от моей магии.

— Даже так, — «невеста» как-то по-новому на меня посмотрела. Так, словно не замечала во мне чего-то… Впрочем, она почти сразу же мотнула головой, рассыпав по лбу идеально

подстриженную чёлку. — Хорошо, принимается. Раз так — нужно нам с Купой переговорить. У него здесь, в поместье, своя комната: жди тут, я через кого-нибудь из прислуги передам предложение… о приватной встрече без лишних свидетелей.

— Погоди, — я тормознул уже развернувшуюся на каблуке девушку. — уверена, что это стоит делать *тебе*? Ты же его всё-таки сама оскорбила…

— Попыталась спровоцировать, чтобы он в ответ оскорбил *меня*, — посмотрела на меня через плечо Мила. — Я же не знала, что у тебя, гм, всё под контролем. Но, как видишь, на свою честь ему действительно плевать.

— А если бы было не плевать? — легкомысленный тон ответа меня слегка напряг.

— То тогда за меня *вынужден* был бы вступиться один из прихлебателей Сэма, — расчётливо и холодно улыбнулась Пэра. — Я ведь женщина, не воин, и я вассал их господина. Бретёр в ответ должен был бы хотя бы ранить вызвавшего… и вот тут его благородию барону Бергу пришлось бы просыпаться и вмешиваться. Не лучший план, согласна, но экспромтом больше ничего придумать не получилось.

* * *

— Уехал. Видимо сразу же, как вышел из банкетного зала — не останавливаясь прошёл до конюшни. Слуги сказали, что приказ оседлать подменного жеребца он отдал сразу же, как только прибыл. Причём лично проконтролировал всё, и только потом пошёл к гостям, — отчиталась Милана.

— Наш недруг, похоже, решил исключить малейшую возможность хоть как-то воздействовать на себя со стороны бывшего руководства, — вывод напрашивался сам собой. Как и следующий. — Возможно… даже скорее всего он наблюдал за званным ужином, пока не удостоверился, что Сэм отправился спать. Окна тут огромные, а занавеси — чисто символические, через них всё видно.

— Ну и конечно, телохранитель знает, где в поместье окна его сюзерена, — согласилась со мной баронетта. — Вот урод!

— Предусмотрительный урод, — дёрнул уголком губ я. — Но смотри: сейчас уже темно, ехать куда-то сильно не сподручно… если, конечно, под седлом не химера, но у Купы обычный, пусть и хороший, конь. Можно, конечно, заночевать в лесу, или заплатить пару медяков за ночлег в деревне — до которой ещё тоже нужно добраться… но мне кажется — это несколько не те условия, чтобы

выспаться перед поединком и привести себя в порядок. А ещё, вот ведь прям так *удачно совпало*, совсем близко есть место, где у «тени» сына герцога совершенно *точно* есть комната.

— Резиденция де Берга, — кивнула блондинка. — Разумно. Как ты и сказал — ночью никто не поедет вслед за ним. Но ведь у тебя же, как «*удачно совпало*», как раз химера.

— Именно, — я вспомнил, как бродил по дворцу ночью, петляя по бесконечным тёмным и пустым коридорам, и недобрая улыбка сама собой коснулась моих губ. — Заглянем в гости, поговорим…

— Меня волнует один момент, — уже привычно устроившись передо мной на Вспышке, спросила младшая Пэр. — Что мы будем делать с трупом?

Я едва не поперхнулся воздухом: вопрос был, что называется, на пять баллов.

— *Если* у нас будет труп, — с нажимом произнёс я. — *Если*. То тогда… заверну его в ковёр, наверное, обвяжу, дотащу до крыши — и там спущу на верёвке вниз. А ты подведёшь химеру и примешь. Потом отвезём в лес и… ну, не знаю, зароем. Или в речной омут скинуть — я читал, что если живот пропороть — покойник не всплывёт.

Говоря всё это, я чувствовал себя донельзя глупо: отвечать пришлось экспромтом, неожиданно, и потому я просто повторил то, что первое пришло в голову — то есть вспомнилось из прочитанных и просмотренных детективов.

— Лучше в штору завернуть, — спокойно откликнулась милая и женственная собеседница, будто мы говорили о розах или там о погоде. — Хотя нет, ты прав: если будет много крови, ткань пропитается и останется след из капель: какая уж тут скрытность. Ковёр — отличный выбор. Значит, нужно взять из конюшни герцога достаточно верёвки. А ты… предусмотрительный, Арн.

— С-спасибо, — с некоторым трудом выдавил я из себя. Блондинка и так не особо щедра была на по-настоящему уважительный тон, а тут… да ещё и по *такому* поводу!

— Ты меня действительно впечатлил, — правильно поняла причину моего замешательства она. — Не часто у человека есть *заготовленные решения* на подобные жизненные ситуации. Мне определённо повезло с будущим мужем и *партнёром*.

Последнее было сказано этаким характерным медовым тоном, который у баронской дочки обычно прорезался после скачки на полной скорости на Вспышке, отчего меня едва не передёрнуло — от контраста ощущений. Вот ведь… личинка

Екатерины Медичи на мою голову нашлась!

— И как ты здесь ориентируешься только? — я шёл следом за Миланой, и лампы были у нас обоих, так что я мог позволить себе крутить головой по сторонам. Хотя конкретно сейчас осматривать было особо нечего: узкий коридор, даже скорее тоннель с низким потолком и стенами из кое-как отёсанного камня хоть и поворачивал то вправо, то влево каждые двадцать шагов, но нигде не ветвился. От сопровождения сонного слуги при конюшнях баронетта высокомерно отказалась, и теперь вела меня сама. Довольно уверенно вела, должен признать.

— Да тут не сложно, на самом деле, — отмахнулась девушка, не оборачиваясь. — В детстве поездки во дворец «дяди Эдмонта» для меня были любимейшими из дней: отец в компании с другими взрослыми занимался какой-то лабудой, а я, подгадав момент, обычно сбегала от наших слуг. Няньку со мной не брали, а вчерашние деревенские мужики… сам понимаешь, какой с них спрос, если заставить приглядывать за маленькой благородной госпожой. Одного попить холодненького принести попросить, другого — за куклой отправить, которую я, само собой, в карете забыла… ну ты понял. Разумеется, они пытались меня вернуть — это и было самое весёлое! Это дома пятнадцать комнат, и всё, а здесь, мне казалось, можно бесконечно прятаться. Главное было вернуться до того, как отец вернётся: лупить он меня никогда не лупил, а вот без сладкого оставить — это было его любимое наказание. Месяц без конфет — представляешь какой ужас? Ты просто не представляешь, на что мне приходилось идти, чтобы добыть их раньше срока.

— Да уж, — хмыкнул я. Всё-таки блондинка нервничала, хоть и не так уж сильно: опять её пробило на разговор.

— Кстати, я тут ещё подумала… будешь отвозить труп — топи. И не сразу, а по воде вдоль берега проедь сначала. Я вспомнила, у лесничих есть несколько кобелей, выдрессированных на поиск по запаху. Эту вашу мужскую забаву с охотой я не очень понимаю, но в больших всегда участвовать приходится… Так вот, однажды в лесу пропал вассал барона Вероны. Все вернулись, его нет. Оказалось, лошадь понесла, да так неудачно, что слуги и лесничие найти не смогли. Уже и кобылу нашли по следам копыт, а где сбросила седока — нет. Только с собаками и сыскали на следующий день…

— Думаешь — придётся убивать? — поинтересовался в спину девушки я. Сейчас, когда эмоции после выходки Купы в поместье Сэма чуть улеглись, я уже не был так уверен, что хочу хладнокровно сходу порешить человека. Пусть и врага. С другой

стороны — в огромном дворце, где все спят, незаметно провести атаку будет куда проще.

— Я бы убила, — честно призналась блондинка. — Сам посуди, что бретёру мешает взять твои деньги, демонстративно уехать, а потом в полдень вернутся? Так золота больше получится.

Дальше мы шли молча. Ход, кстати, невозбранно привёл нас прямо в герцогское крыло.

— Закрыто, — одними губами прошептал я. Не то, чтобы я ожидал другого, но… люди иногда делают самые идиотские ошибки. Особенно в ответственный момент. Что ж, по простому не получилось, придётся пробовать по-другому. Я набрал в грудь побольше воздуха и занёс руку, чтобы постучать… но тут баронетта перехватила мой кулак. Молча покачав головой, она прижала лампу к самой щели между косяком и створкой, что-то с минуту напряжённо рассматривала — и потом, ощутимо расслабившись, кивнула сама себе.

— Его тут нет, — сообщила Милана уже просто тихо и пояснила. — Дверь заперта на ключ, не на засов.

— То есть Купа всё-таки оказался ещё более предусмотрительным, чем мы думали. Неприятно, — новость меня, мягко скажем, не порадовала. План, и так не самый надёжный, уверенно летел в задницу. Так, а это что? — Смотрика.

— Грязь? — с сомнением посмотрела на меня девушка.

— Она самая. А осталась она под дверью потому, что слуги в темноте, при свете масляной лампы не смогли нормально протереть пол в коридоре. Это *свежая* грязь.

— То есть он тут был до того, как приехал к Сэму, — тоже поняла дочка Трамонта. — Ладно, ради этого пожалуй стоит.

Ножны с тонким узким стилетом, больше похожим на кортик, судя по всему оказались подшиты под подол юбки платья девушки — иначе не знаю, откуда она клинок вытащила. А вот спица была безжалостно выдернута из причёски. Под моим натурально офигевшим взглядом баронетта сунула и то, и другое в прорезь замочной скважины, повернула, надавила, нажала, ещё раз повернула… и замок с щелчком открылся.

— Я же сказала, я люблю сладкое, а папа очень любил меня его лишать. Пришлось освоить… кое-какие фокусы, — в ответ на моё красноречивое молчание пояснила она.

— Я просто поражаюсь числу твоих скрытых талантов, — кое-как вернув себе дар речи, объяснил я.

— Кто бы говори… Н-да.

В комнате Купы было шаром покати. Точнее, не так: он забрал с собой вообще всё, что мог, не особо заботясь о порядке. Бретёр сюда возвращаться явно не собирался. Что ж, надо признать — вполне логично.

— И где теперь этого ублюдка искать? — вслух озвучила вертящийся у меня на языке вопрос Мила. Если бы я зна…

— Не важно, где, — я наклонился, аккуратно подхватывая извлечённой из кармана перчаткой использованный носовой платок. — Важно, *как*. Ты ведь в курсе, что нюх у химер ничуть не хуже собачьего?

— Вспышечка, ты кого-то нашла? — я нежно погладил кобылу по боку, пытаясь всмотреться в темноту. — Нет, скорее… что-то, так?

— Ффырк, — тихо подтвердила моя четвероногая умница. Говорить кобыла по понятным причинам не могла, но разум у моей напарницы по нелёгкому охотничьему ремеслу явно был не чета лошадиному. А лошади, надо сказать, и сами по себе далеко не глупые животные. Разумеется, я в первую очередь научился понимать её сигналы, обращенные ко мне, а она — мои, в том числе и те, что передавались через связь Печатей: от слаженности нашей боевой пары зависело слишком многое, чтобы налаживанием контактов пренебречь. Причём, у меня создалось устойчивое впечатление, что чем дальше, тем лучше мы понимаем друг друга — вообще без команд и без слов.

— Я уже почти ревную, — сонным голосом сообщила мне со спины химеры Милана. Когда мы, двигаясь по следу, вошли в лес, девушка, пусть и позже, чем я ожидал, всё-таки начала сдавать. Не удивительно: середина ночи, причём ночи после двух-с-половиной часовой скачки и нескольких часов приёма у Сэма. Пришлось усадить её в седло, точнее, практически уложить: если сначала след Купы следовал по какой-никакой, но тропе, то потом мой противник двинулся прямо через чащобу. Как он тут ориентировался ночью — бог весть. Лично мне пришлось идти буквально на ощупь, крепко держась за повод: в отличие от Вспышки я в темноте не видел, а запнуться тут было нефиг делать. Милана же просто уткнулась в гриву кобылы лицом, отчасти от усталости, отчасти — спасаясь от веток. Время от времени её дыхание, отлично слышное в тихом зимнем лесу, переходило в умиротворённое сопение. Ну а что: тепло, мягко, пахнет приятно, а ходить белая химера умела плавно, словно кошка.

— Что там? — судя по голосу, блондинка не только проснулась, но и опасно свесилась со спины кобылы. — Ничего не

вижу.

— Сейчас… глаза зажмурь и смотри в сторону, — предупредил я. Алхимлампа была при мне, но включать её отчаянно не хотелось: такой яркий источник света в ночном лесу был равносилен огромной мишени, да ещё и с подписью «стреляй сюда». После всего того, что продемонстрировал бретёр, я практически не сомневался в наличии у него хорошего и точного арбалета. Но, судя по реакции Вспышки, слишком спокойной, рядом врага не было. Зато было что-то, что он оставил. Ладно… была не была. В любом случае пройти и не проверить нельзя: вдруг капкан или волчья яма? Я уже ко всему готов.

— По прежнему ничего не вижу, — проморгавшись, подала голос Мила.

— Самое странное, я тоже, — область, куда показывала морда кобылы была… ну, просто куском лесной подстилки. Может, если опуститься на корточки и рассмотреть… да ну, нафиг. Лучше эльфийским копьём потыкаю — благо, как я забрал его утром у Маши, так оно и провисело на боку Вспышки все это время. А ну-ка…

Я ткнул, и лезвие наконечника послушно вошло в землю. Ткнул ещё раз рядом. И ещё. Гм… кажется, или острие входит *слишком* легко? А тут? Пятка копья ударилась мне в ладонь, когда лезвие вошло во что-то твёрдое. Нашёл! Только вот что?

Знал бы — взял бы с собой лопату, а не «пальму»! Час. Мне потребовался час, чтобы откопать и окопать по периметру деревянный ящик, завёрнутый в плотную ткань. Дул на воду, что называется, но умирать или пораниться, напоровшись на «сюрприз» матерого профессионала и перестраховщика, каким, очевидно, и был битый жизнью наёмник, мне тоже *очень* не хотелось. Но нет, всё было чисто. Даже замка не было: видать, мужик посчитал, что принятых мер безопасности и так достаточно. В принципе, логично: если кто сможет проследить за хозяином зарытых вещичек незаметно, того замок не остановит. Единственное, что меня смущало — это вес ящика: на тычки копьём он практически не реагировал. Ну ладно. Аккуратно поддеваем крышку остриём…

— Ну и что там? — баронетта всё-таки сползла со спины химеры не дожидаясь, пока я ей помогу.

— Куча кожаных свёртков и мешочков, — разочаровал я её, аккуратно разглядывая содержимое. — Хорошо перевязанных свёртков и мешочков, ещё и навощённых от влаги.

— Я в детстве читала роман, в котором один бедный молодой рыцарь нашёл разбойничий клад! — сна у блондинки не осталось

ни в одном глазу, а вот азарт горел так, что хоть лампу выключай. — Бедным он после этого быть сразу же перестал.

По-моему, Мила слегка позабыла, отчего мы с ней оказались вдвоём ночью среди леса.

— Скорее, это просто тайник с личными вещами. Чтобы смотаться после дуэли налегке и потом, незаметно и уже не торопясь, их забрать, — спустил я девушку с небес на землю. — Вот, смотри.

Я подцепил ещё утром прекрасно отточенным, а сейчас уже порядком затупленными от земляных работ остриём один из мешочков за завязки и потянул вверх: лезть в чужой «тревожный чемоданчик» руками я до сих пор опасался. Сейчас… К моему удивлению, поддеть поклажу не удалось, вместо этого слетел шпагат с горловины упаковки. Та наклонилась на бок, рассыпая содержимое…

— Золото, — завороженно глядя на блеск монет, прошептала моя «наречённая».

Иногда, оказывается, и сюжеты рыцарских романов не врут.

* * *

По местным благородным «понятиям», вызывающий мог определить место и время дуэли. Причём поединок, если уж ты про него заикнулся, нельзя было отложить на месяц, максимум — до полудня следующего дня[20]. Погода словно решила по такому поводу исправиться: ветер растащил тучи, и с безоблачного синего неба ярко светило солнце. И даже пригревало самую малость. Судя по показанию моей Печати, до полудня оставалось пятнадцать минут, то есть ожидать моего противника можно было в любой момент.

Я вот уже добрых два десятка минут торчал во дворе поместья барона Берга, и за это время вокруг успела собраться небольшая толпа. Гости Сэма на ночь глядя, разумеется, не разъехались — сначала небось до хрипоты обсуждали вызов, потом расползлись спать, и вот теперь практически в полном составе вышли поразвлечься. Откуда-то уже и знакомые мне по бою между Машей и Валерианом лавки вынесли: то ли слуги сами догадались, то ли после пинка хозяина расшевелились. Разве что в этот раз навесы не стали собирать — в середине пусть бесснежной, но зимы всем хотелось тепла.

Ко мне никто не подходил, не пытался перекинуться парой слов — словно ото всех остальных отделял незримый барьер. Исключений было два: Сэмюэль, который лично поинтересовался,

не нужно ли мне чего, и Милана. Блондинка стабильно подходила и отходила раз в пять минут, пользуясь своим статусом моей официальной невесты, вызывая шепотки среди зевак, но на реакцию общества ей сегодня было откровенно пофиг. Девушка не выспалась, под глазами впервые на моей памяти появились еле заметные тёмные круги — однако энергия у неё буквально била через край. Если бы не привычка быть на людях кроткой и тихой, блондинка уже подпрыгивала бы на месте. Ну ещё бы — завершение *такой* истории. Причём истории, в которой она лично поучаствовала. Всё равно что в книгу попасть.

Вчера, точнее уже сегодня ночью, мы не стали дальше преследовать Купу. Брони на мне не было, я ведь сначала не собирался принимать участие в загонной ночной охоте. Да и моя спутница в её неизменно-светлом платье была защищена не лучше. А после обнаружения тайника риск поймать болт, когда мы выйдем к месту ночёвки бретёра, по моему скромному мнению приближался к ста процентам. За свои почти семь сотен золотых даже святой убьёт!

Да-да, после того, как мы, под утро вернувшись в поместье, в комнате баронетты пересчитали содержимое, сумма оказалась именно такой: семьсот одиннадцать золотых монет и ещё немного серебра. То-то ящик едва шевелился от тычков — такая куча металла. Даже я всего раз одновременно держал в руках половину суммы — когда за Вспышку расплачивался. Из денег клада, поднапрягшись, можно было единовременно снарядить четверых таких рыцарей, как Маша — начиная от покупки ездовой химеры и заканчивая доспехами. Как образно и экспрессивно донесла до меня «наречённая», если отобрать у крестьян условно-среднего баронства не только налоги, но и вообще весь урожай, ничего не отдать герцогу и как-то сохранить собранное до зимы, то продав зерно и прочие плоды труда земледельцев, можно было выручить примерно столько же. То есть в сундуке у наёмника лежал доход феодала за несколько лет. Бережливого, я хочу отметить феодала, сэкономившего на ремонте поместья, своих обедах и обновлении гардероба, разогнавшего всех слуг и дружину. Не удивительно, что с такими средствами за душой бретёр без сожалений решил расстаться с текущей карьерой. Удивительно, что он вообще решил рискнуть, напоследок громко хлопнув дверью. Впрочем, я же не знаю, *сколько* за меня предложили…

Деньги мы сразу договорились поделить пополам. То есть поровну от той половины, что мы решили оставить себе. Вторую часть суммы придётся вернуть Купе… за убедительные публичные

извинения, конечно. Даже мне было жалко так быстро размотать клад, но как известно — загнанная в угол крыса нападает и на льва. Моя баронетта упирала на то, что за найденные в ящике бумаги и просто отпустить бретёра — уже милость великая, и вообще, нужно утром поспешить пробить аудиенцию у де Берга, но я всё же убедил её в обратном. Обозлённый наёмник, потерявший *всё*, может доставить больших проблем. А ещё, скорее всего, в таком случае придётся отдать все наши деньги, это раз, и два, сохранялась вероятность, что де Берг всё равно разрешит поединок чести. Окружит дуэльную площадку своими солдатами — и даст мне благородно «отомстить за оскорбление». По крайней мере, нечто подобное я слышал от самого Сэма, когда тот травил байки о своей службе в гвардии Зара — уже приговорённому трибуналом офицеру дали «отдать долги чести». И двоих он забрал с собой в могилу — терять-то пойманному на оскорблении Его Величества (по пьяни) младшему командиру было уже нечего…

Стук копыт заставил меня напрячься, но как только всадник показался, я понял — это не мой противник. Тёмно-алая мантия могла принадлежать тут только одному человеку. Пиромант неторопливо спешился, кинул поводья подскочившему конюху и присоединился к хозяину поместья, что-то негромко спросив. Судя по всему, сын де Берга озаботился, чтобы во время поединка рядом присутствовал кто-то, кто сможет оказать более-менее квалифицированную экстренную медицинскую помощь. Что ж, разумно — в плане раневой медицины боевой маг всяко лучше здешних знахарей или коновалов без дара и обучения. И да, отдельный респект Сэму: какие бы подспудные чувства у наследника герцога я не вызывал, он всё же позвал мастера Марата понаблюдать за дуэлью. Учитывая специфическую славу Купы, хозяин поместья позаботился явно не о своем бывшем вассале.

Опять приближающаяся галопом лошадь — и опять не мой оппонент. К поместью на взмыленном, роняющем пену жеребце вылетел Валериан, завертел головой, нашёл взглядом меня, кивнул, увидел барона и направил коня прямо к нему, заставив попавшегося по пути молодого дворянчика из свиты баронета Паллера отпрыгнуть в сторону. Светлый рыцарь был без шлема, потому я без проблем разглядел на его лице… гм, смесь волнения и некоего разочарования, что ли? К сожалению, недопаладин орать тоже не стал, и о чем они коротко переговорили с Сэмюэлем и магистром, осталось для меня загадкой… а, нет. Рыцарь-клирик, уже пешком, направился ко мне.

— Ваше благородие, позвольте выразить Вам своё почтение, — Вал даже не поленился коротко поклониться — насколько позволял его доспех. — Выйти против оскорбившего Вас лично — истинный пример мужества и дворянского достоинства. Да пребудет Свет на Вашей стороне.

И что это было? Я правильно понял, что Белый похвалил меня за то, что я никого из своих вассалов не выставил против обидчика, а как идиот (глядя со стороны того, кто не в курсе ситуации) сам попёрся подставлять шпаге убийцы собственное пузо? Н-да. С такими воззрениями, неудивительно, что на юге у Церкви наблюдаются определённые проблемы взаимопонимания с властями.

Купа объявился неожиданно и с той стороны, откуда его никто не ждал — выехал из-за угла здания поместья. Очевидно, специально так рассчитал — нагло, уверенно и заранее: иначе незаметно по голому полю до горизонта ему было не проехать. Причём, сволочь такая, рассчитал всё очень точно: передо мной он остановился *ровно* в полдень. Свою лошадь он при этом не отвёл в сторону, чтобы отдать конюху или самому стреножить, а просто легонько хлопнул по крупу — и та, сторожко косясь на людей вокруг, отступила ему за спину. Манёвр незамеченным не остался, по крайней мере Сэмом — точно. Барон, теперь уже с сопровождающим его рыцарем-клириком, вновь подошёл ко мне, и по его лицу было отлично видно, что он желает задать своему доверенному человеку массу вопросов, включая неудобные. Но протокол поединка чести наследник Эдмонта нарушать не стал.

— Господа, не смотря на события, повлекшие за собой вызов, я, как хозяин на этой земле, *вынужден* спросить: существует ли иной путь примирения для вас, нежели пролить кровь? — Сэмюэль и Валериан встали так, чтобы оказаться между мной и бретёром, но не на прямой линии, а чуть в стороне, так, чтобы не пришлось вертеть головой.

— Если благородный Купа принесёт искренние извинения и откажется от своих слов — этого будет достаточно, — заверил я. Судя по дёрнувшимся вверх бровям Берга, барон подобных слов с моей стороны не ожидал. А вот наёмник не прореагировал вообще, чёртов профессионал. — Мне позволено будет переговорить с моим оппонентом? Всего лишь минуту. Думаю, предъявленных мною доказательств будет достаточно…

— У вас есть минута. Мы будем следить, — переглянувшись друг с другом, ответил за двоих светлый рыцарь.

Я двинулся навстречу убийце, и тому ничего не оставалось, как сделать тоже самое. Напряжённым бывший вассал Сэма не

выглядел, в сторону самовольно оставленного сюзерена даже не смотрел, и лицо ничего не выражало. Только это меня и спасло. Я заготовил целую небольшую речь, полную довольно прозрачных иносказаний «меняю извинения на монеты», но стоило мне вытащить из-за спины распоротый кошелек (тот самый, который разрезал копьем), в который я словно в обложку завернул свёрнутые трубочкой найденные бумаги (разумеется, не все) — и маска спокойствия дала трещину. Всего на долю мгновения — но мне хватило, чтобы успеть отшатнутся.

Что там перемкнуло в голове у противника? Свет знает. Очень может быть, что понимание потери на какое-то мгновение отключило мужику мозги и заставило действовать импульсивно? Ведь если бы Купа не ошибался раньше — не попал бы в темницу к Зару шестому, а до того — не бежал бы из Балота. Да не важно уже. Важно, что убийца промахнулся. Совсем чуть-чуть, но этого мне хватило.

Когда твоя работа — день за днём переигрывать смерть, невольно учишься без задержки реагировать на чувство опасности, и только потом думать, «а что случилось?» Выпад я даже не заметил — так стремительно он был нанесён, а прореху в ткани и царапину поперек груди не почувствовал. Может, потому, что инстинктивно разогнал Жизнь по своему телу, одновременно воздействуя на свою печать? Время привычно немного замедлилось, эмоции ушли, оставив звенящую пустоту, потому второй замах я разглядел. Правда, что-то сделать, кроме как выставить ладонь перед лицом — не смог.

Это очень, очень неприятное зрелище — видеть, как из твоей кисти руки вырастает окровавленное лезвие. К счастью, кинжал был не очень предназначен для метания — а то клинок без гарды мог бы и пройти преграду насквозь. Но — повезло. И вдвойне повезло, что рядом был Вал

Рыцарю Церкви было некогда выхватывать меч, да и расстояние было всего ничего, потому он так же, как и противник, сорвал с пояса кинжал и, продолжая движение, ринулся на нарушителя правил поединка. Я почувствовал знакомое давление стихии Света, уже уходя в перекат через спину назад и вбок: вбитые десятками боёв рефлексы требовали немедленно разорвать близкий контакт. Большинству тварей достаточно наступить на человека, чтобы убить на месте, а остальным — чтобы нанести смертельную рану: быстро сместиться — залог выживания и победы. Поражённую руку прострелило болью: акробатические трюки с пробитой нафиг рабочей конечностью — то ещё удовольствие. Только выдернув клинок из раны, я снова

поймал взглядом врага — в тот момент, когда он пропорол будущему паладину щеку. Тяжёлые доспехи и отсутствие шлема сыграли с Белым злую шутку — инерция увлекла мимо извернувшегося фехтовальщика, а изливающаяся во все стороны Стихия никак влияла на Купу. Более того, экс-телохранитель ещё и умудрился пнуть Вала в ногу, обрекая на неминуемое падение после выхода из рывка.

Сэму повезло больше: он на рожон не полез. Видно, сыграло роль то, что при одетом лишь в брюки, рубаху и удобные ботинки бароне был только короткий кинжал: этакий минимальный домашний вариант для дворянина. Тем не менее, пока Белый отвлекал бывшего вассала на себя, он сделал выпад… который Купа отбил свободной рукой, просто сбив замах в сторону. От ответного кругового режущего движения на уровне груди будущий герцог успел отшатнуться — только, в отличие от меня, вообще без потерь.

Да, это всё было долго рассказывать, а в реальности заняло несколько секунд. Четыре-пять, где-то так. Зрители только начали вскакивать со своих мест, а нарушивший правила дуэли убийца уже расшвырял троих: меня ранил, выведя из строя правую руку, уронил рыцаря-клирика и отогнал Сэма. А потом бретёр… просто побежал к своей кобыле. Никто даже сделать ничего не успел, а он уже вскакивал на лошадь… которая в следующее мгновение завалилась на бок, болезненно и тонко заржав. Ну ещё бы: *нечто*, выглядящее для меня как огненная лента, перечеркнуло её наездника — и заставило *взорваться,* натурально разорвав на куски верхнюю половину тела предателя. Наука боевого пиромanta в очередной раз доказала свою эффективность. Всё, что ли? Это было быстро… Краем глаза уловив стремительное движение, я развернулся туда… и едва успел ухватить здоровой рукой за оборванный конец повода Вспышку. Химера, почувствовав грозящую мне опасность и повинуясь программе Печати, примчалась меня спасать. Чёрт, я же специально выбрал место поединка так, чтобы оказаться вне радиуса действия магической связи! Остаётся надеяться, что никто не понял, что произошло…

Додумать у меня эту мысль не получилось: ещё несколько секунд — и место поединка захлестнула волна бывших зрителей. Причём практически все бежали, обнажив оружие, хотя сражаться было уже не с кем. Любимая забава посторонних — помахать кулаками после драки… Ко мне подбежала Милана и порывисто обняла — и тут же испуганно отпрянула: я не сдержал тихий стон. Несколько раз я и на охоте получал повреждения, но менее больно от этого не становилось, а я ещё как раз отрубил через

Печать самодельный «боевой режим»…

А уж какие «неземные» ощущения я испытал, когда до меня добрался Марат — не в сказке сказать, не бульдозером убрать. Края разрезов, спасибо покойному, следившему за своими средствами производства, были идеально-ровными, потому магистр Огня, попросив мою «суженую» проассистировать, сведя края раны… *сварил* кожу на месте поражения. Как сваркой два листа металла — только по живой плоти[21], оставив три жутко выглядящих и воняющих палёным шрама! Один поперёк груди, два — на кисти. М-медицина, мать его! Правда, кровь сразу же остановилась — без всяких швов и длительного перевязывания.

* * *

— О таком нужно было сразу говорить, а не… — впервые я видел Сэмюэля *злым*. Причем мы с Милой его и разозлили. По большей части — светлый рыцарь тоже свою лепту вложил.

— Это было моё решение, моя невеста не при чем, — надеюсь у меня получилось изобразить достаточно упорот… упрямый взгляда — как у настоящего бара… барона. — Сдав документы, я бы в глазах общества выглядел так, словно попытался уклониться от поединка! А ещё, как благородный человек, я надеялся, что хоть капля чести осталась и у моего противника. И этой капли хватит, чтобы ему самому чистосердечно во всех совершённых преступлениях раскаяться перед лицом сюзерена, а не принять наказание по навету.

Интересно, хоть кто-нибудь из присутствующих в кабинете Сэма воспринимает тот бред, что я несу, серьезно? Но с точки зрения благородных «понятий» я кругом прав и прямо-таки лопаюсь от чести и благородства — потому сказать в ответ барону Бергу нечего.

— Судя по тому, что на кинжал предателя был нанесен алхимический яд, сомневаюсь, что слово «честь» вообще имело к объекту обсуждения хоть какое-то отношение, — флегаматично вставил комментарий мастер Огня.

— Нам всем повезло, что сэр Валериан был с нами… и с самим собой, — не до конца удержал дипломатичный тон наследник герцога. Как я понял, Вал только недавно похвастался своему приятелю, что научился ударом Света как-то нефатально выводить противника из строя… и тут такой облом. У раскиданных в радиусе пяти метров кусков обугленной плоти как-то сложно что-либо спросить. А вот Мила смерти Купы откровенно радовалась: ну ещё бы, теперь деньги можно было не

отдавать. Почти не отдавать. — Даже не знаю, *как* я покажу *это* отцу. Он мне не раз рассказывал, как самолично одел геральдический плащ Горацию, шутил, что нашёл единственного интенданта, достойного стать благородным. Ведь он верит ему до сих пор, как себе. И тут — такое! Воровство, подлог документов, манипуляции с налогами, коррупция… и — заказные убийства!

Похоже, что Купа не очень верил, что ему за меня отдадут деньги. Наёмник решил — и, вполне вероятно, небезосновательно, — что его после такого задания хотят тупо «слить». Вот и подготовился к отступлению — по своему: раздобыл где-то копию ключа от кабинета управляющего герцогством и вчера ночью вынес оттуда кое-какие бумаги. Не те, что официальные, а относящиеся к «черной бухгалтерии»: видимо как-то узнал, где управляющий их прячет. Вынес не всё — надергал там и сям, но и этого было вполне достаточно, чтобы понять масштаб происходящего. Когда мы с Милой разобрали, ЧТО попалось нам в руки — у нас едва волосы дыбом не встали! За годы свободного доступа к финансам сюзерена Гораций развернулся так широко, что легко ворочал *левыми* трёхзначными суммами в золоте. Но этого ему, видно, показалось мало, и он решил заиметь *своё баронство*. Ну, не лично, но контролируя подходящего наследника. Да-да, манор Бертран, вы правильно догадались. Вот кем мне грозил двоюродный дядя, оказывается — своим тайным покровителем. Зря тогда я решил, что это была пустая болтовня.

Я, мало того что одним своим появлением стал престарелому вору-хозяйственнику поперёк горла, сломав уже почти сработавшую схему с продвижением нужного «баронета» в бароны, так ещё и чуть не каждым своим движением делал кошельку Горация всё больнее и больнее. Раз — и буквально на следующий день «окрутил» дочку барона Пэра. А ведь у Трамонта нет сыновей, дочь, если она только не служит своему монарху как воин, наследовать землю не может. По некоторым намёкам в записях можно было сделать вывод, что в будущем управляющий не прочь был и этот манор под контроль взять.

Не успел подпольный манипулятор нашептать другу-герцогу, что, мол, младшенький Кристиана Бертрана просто не может быть хорошим бароном — а я уже сдружился с наследником самого Эдмонта (никто ж не сказал Горацию, как и о чём *договорились* с Сэмом). Заикнулся о ведении хозяйствования — и вот на тебе, операция по снижению издержек. Даже фрукты, подаренные мною Сэмюэлю, и те не ко двору пришлись: сынок отложил из подарка деликатесов для отца, а тот, скушав десерт и

облизнувшись, пошёл выяснять у своего управляющего, а почему, собственно, такой натурпродукт не закупается на его стол, благо, до Лида — почти что рукой подать. Почему-почему… потому что слишком хитроушлый экс-интендант рассорился с Торговой Гильдией — видно, не сошёлся по тарифам или ещё почему. Из-за этого караваны вроде того, что вёл Рамон, не заходили на территорию де Берга — что, правда, не помешало хитрой пузатой сволочи сделать через меня непрямую рекламу. Как итог, в подборке Купы оказалось свежее письмо из Сплава — тамошние купцы отвечали на вопрос, смогут ли они достать премиальные продукты из республики в обход монополии Гильдии. А заодно ненавязчиво так интересовались, с чего это их давний партнер так прокинул своих городских контрагентов, пропустив огромный караван с топливом без предупреждения и подготовки? Видно, совещание, где я рассказывал герцогу и компании про борьбу с издержками, стало последней каплей для старика. Уж не знаю, на эмоциях ли или из расчета, но он решил вопрос со мной закрыть. Любой ценой, только чтобы срочно! Не пожалел давно внедрённого, верного и полезного агента, морковку побольше решил приложить — аж целых сорок золотых, пятнадцать в задаток! А Купа решил, что его собираются слить — и уверился полностью и окончательно, когда увидел тот самый кошелёк из-под задатка у меня в руках в виде обложечки для бумаг из компромата. Н-да, нарочно ведь не придумаешь…

— Вот что, — наконец решил Сэм. — Я повёз отцу бумаги, а ты, Арн, отвези свою невесту к отцу, и отправляйся в свой манор. Большая герцогская охота через два дня, папа её любит, только редко себе позволяет… Короче, держись так, чтобы пореже попадаться ему на глаза до конца мероприятия — он к тому моменту уже отойдёт, и с ним можно будет поговорить. Сами понимаете, лично рубить голову тому, кого много лет считал другом… ладно. В любом случае, обещаю: без награды *полковник* де Берг тебя, Арн, и вас, леди Милана, не оставит. На счёт суда, баронет, тоже можешь не переживать.

— Все понял, — кивнул я.

Вроде и победа, и деньги мне и Миле полностью достались (минус пятнадцать золотых задатка — придётся сдать, раз записаны. А остальное ищите сами, мы не в курсе, куда покойник свои монетки припрятал). И всё равно словно какой-то привкус во рту остался…

* * *

Первой, кого я увидел около мрачной глыбы поместья Бертран, была Карина. Слуги куда-то все попрятались, а у рыжей был такой вид, что можно было войско неприятеля пугать. И смотрела она на меня. Рядом мялась и отводила взгляд Маша.

— Мне просто любопытно, ЧТО ты можешь сказать в своё оправдание, — едва я спешился, ткнула в мою сторону пальцем вассал. Ну, хоть не мечом.

— Стечение обстоятельств, — я вдруг почувствовал, как устал. Скачки, смертельно опасная драка, расследования, копка ямы копьём… спрашивается, и чем это отличается от рейдов на границу Шрама? Ах, ну да — наверняка Кара всё-таки не может плеваться кислотой на два кэмэ.

— Стечение обстоятельств? — кажется, я сумел дочку рыцаря удивить. — Стечение обстоятельств?! Заставить девушку изображать из себя парня — это стечение обстоятельств?!

— Что? — я даже сразу не врубился в обвинение.

— А ты что имел в виду? — подозрительно уставилась на меня «подруга детства».

Я покосился на две чресседелные сумки на боках Вспышки. Сто семьдесят четыре монеты в каждой — как ни крути, неплохой доход. И отдельно ещё те двадцать четыре, что я привёз из Сплава…

— Да так, ерунда, — покачал головой я. — Маша, а ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Я… не нарочно, — глядя в сторону, негромко призналась разоблачённая девушка. Призналась глубоким, мягким грудным голосом, однозначно женским. И никаких хрипов! Я проверил её печать: так и есть, воспаление прошло. Уж не знаю как, но Свет на литургии разрушил… или, правильнее сказать, очистил? — многочисленные, давно зажившие и потому неподвластные Жизни шрамы на голосовых связках дочки кузнеца. Повышенная регенерация плюс контроль от Печати сделали своё дело: повторно открытые раны зажили — но уже правильно, без вторичных повреждений.

…Твою ж мать! Теперь мне ещё и всему герцогству объяснять, как сэр Мария поменял пол?

— Я жду объяснений, — напомнила мне о себе рыжая.

— Объяснений, — я посмотрел на неё, и Кара вдруг вздрогнула. Странно, и почему это? Может, потому что я вспомнил про свою почти-жену Милану. За последние несколько дней мы с блондинкой столько прообщались и во столько всего вместе влипли, что мне теперь казалось: знакомы уже не один год. — Изволь. Это её наказание. Она, как и ты, не хотела учиться разбираться в женских тряпках и причёсках. Ещё вопросы?

Дочка сэра Матиаса на удивление звучно сглотнула и молча помотала головой. Отлично, минус один вопрос. А теперь — я, наконец, пойду спать…

Глава 14

Проваляться двое суток в постели, предаваясь попеременно благородной дворянской меланхолии и сну, у меня не вышло. Хоть я честно и попытался. Свет, выпущенный Валерианом во время стычки с Купой, вычистил алхимяд с кинжала убийцы и из моих ран, кровотечение в своей радикальной манере остановил магистр Марат, одновременно закрыв разрезы, но повреждения под свежими шрамами на руке никуда не делись. Организму, даже усиленному собственной Стихией Жизни, нужно было побольше времени, чем пара часов, чтобы полноценно восстановить пробитую насквозь кисть. Точнее, я так думал.

— Ах! — прижала руку ко рту Лейла. Потом несмело протянула руку — и провела пальчиками поперёк моей груди, касаясь длинной тонкой белой отметины. Тонкой. Белой. Едва-едва ощутимой при касании! Ни следа воспаления, ни страшно выглядящего бугрящегося багрового ожогового рубца, оставленного магией Огня! То же самое на ладони: полоска из более светлой, нежной молодой кожи — и небольшое уплотнение под ней. И совершенно никакого дискомфорта, когда сжимаешь кулак. То есть перевязка, ради которой я и позвал служанку, мне просто не требовалась. Чудеса, блин. Впрочем, раз я уже оторвал горняшку от суеты по хозяйству…

— Ле, скажи, шрамы украшают мужчину? — вкрадчиво спросил я.

— Нуу… — девушка честно задумалась. — А? Ум! Угу! Умм!

А вот нечего так долго решать.

— Это что? — с некоторым подозрением спросил я.

— Самострел. Охотничий, — рыжая тоже смотрела с подозрением, но уже на меня.

— А это тогда что? — продемонстрировал я ей один из арбалетов, привезённых из республики.

— Тоже самострел, — приняла из моих рук стреляющую машинку дочка рыцаря. — Очень хороший и… я таких и не видела никогда, — запнулась она. — Но не охотничий — точно!

— Почему это? — я слегка обиделся за свой проверенный и надёжный инструмент.

— Он же косулю насквозь пробьёт, — Карина попыталась согнуть плечо арбалета рукой, но смогла прожать только на несколько миллиметров. — И волка. Может и кабана. А если в голову попасть — череп зверю разобьёт!

— Так уж и разобьёт, — усомнился я. Во время рейдов мне

приходилось стрелять не только в тварей, но и в обычных животных, вполне себе неплохо научившихся жить вблизи границы Шрама. Волки мне как-то не попадались на прицел: умные сволочи летом и осенью предпочитали обходить хорошо вооружённого человека по большой дуге, не показываясь на глаза. А вот в оленей я стрелял: при классическом многодневном хождении в рейд добытое мясо позволяет существенно растянуть взятые с собой припасы. Первые разы приготовить на костре добычу получалось так себе, но потом мы с Машей приноровились. А вот Роне продукты в руки лучше было не давать, что дичь, что консервы и крупы. Думаю, будь у меня чайный пакетик с Земли — и его эльфийка смогла бы заварить так, что потом пол дня будешь мучаться поносом и запором одновременно! Как там моя остроухая красавица без меня… — Иногда болт уходил в тело зверя по самый хвостовик, но так и должно быть: это же не лук, а арбалет.

— А ты с какого расстояния стрелял? — ещё раз попробовав многослойную сталь на изгиб, с какой-то странной интонацией спросила меня девушка.

— Метров со ста пятидесяти, — пожал плечами я. — Один раз с двухсот с лишним подстрелил, но это уже повезло — олень удачно стоял, можно было прицелиться спокойно… А что?

— На охоте стреляют с тридцати-сорока шагов, — пояснила Кара, задумчиво глядя на меня.

— Это в упор, что ли? — поразился я. — Тогда да, череп можно и расколоть при попадании. Только всё равно не понимаю, чем это плохо.

Вот кто осенью не прочь пообщаться с людьми, заглянувшими в лес, так это мишки. Косолапые нагуливают жирок на зимний сон, и обязательно, если учуют, пойдут проверять: чем это таким вкусным тянет от котелка над костром? При этом, сволочи, подбираются с подветренной стороны и так тихо, что Милка не всегда могла засечь вторженца заранее. Отличная дополнительная тренировка стрельбы «на рефлекс», ага. Арбалет, *гарантированно* пробивающий череп как бы всеядного гостя под любым углом — реально необходимая вещь. Не для меня, понятное дело — Медведь не тварь, его и разрядом электричества убить можно — но для спутников Охотника точно.

— Трофей.

— Что — трофей? — воспоминания нахлынули, и я слегка потерял нить беседы. Вроде бы было всё совсем недавно, а думаю о своих первых рейдах — и как будто много лет назад было…

— Череп — трофей, — терпеливо повторила рыжая и, качнув головой, добавила: — Ещё можно голову целиком над камином

повесить.

— Да уж, «трофей», — хмыкнул я. Для меня это слово, теперь уже наверное навсегда, ассоциировалось с тёплым, истекающим кровью, иногда пульсирующим куском мяса или внутренним органом, желательно минимально повреждённым при извлечении. Вспоминаю, с каким отвращением и брезгливостью я потрошил первых убитых самостоятельно свиней — домашних, на которых тренировался перед первым в жизни выходом. Какими же неумехами мы тогда были — что я, что Фирониэль. Ирви, хозяин бойни в Эрсте, небось себе жизнь продлил лет на сто, ухахатываясь над нашими первыми потугами. А вот теперь вспоминаю совершенно спокойно, с толикой лёгкой ностальгии и грусти…

— А ещё концевики охотничьих болтов красят в цвета манора, — видя мою странную реакцию, Кара, видимо на всякий случай, решила проговорить и другие очевидные для неё вещи. — Если его не будет видно, сложно будет понять, кто первым подстрелил добычу и в чью пользу лесничему герцога записывать трофей, если в зверя попали несколько охотников.

— *Записывать?* — аж умилился я. Это надо было умудриться — и на охоте развести бюрократию! Лучше б за финансами и налогами своими так следили, а то некоторые коррупционеры на местах без пригляда так отожрались, что готовы баронства себе присваивать без зазрения совести.

— Да, до того, как туша не будет описана и записана за кем-то, слугам её запрещено разделывать. И болты из ран вынимать запрещено, — добила меня рыжая. — Всё это тщательно фиксируется в записях, чтобы потом, если возникнет спор, герцогский суд мог его решить… Что-то не так?

— Нет-нет, продолжай, — я некоторым трудом оторвал руку ото лба. — Герцогский суд. Чтобы решить, кто подстрелил кабанчика. Вопрос того же уровня, что и передача права наследования манора. Кстати, очень удобно: если что, можно совместить, раз уж все собрались.

— Герцогский суд нужен в вопросах, которые король повелел не признавать решёнными по итогам дуэлей, — неуверенно сообщила дочка рыцаря. — Мне Джок рассказывал, что однажды два герцогства сошлись войной, потому что пограничные бароны не смогли поделить лань, подстреленную на границе. Была стычка, сюзерены вынуждены были вмешаться…

— Ты права, лучше уж суд, — согласился я. — Вот что, Кара… а расскажи-ка мне про охоту всё, что знаешь. На всякий случай.

* * *

Кара завидовала. Кара невероятно, безумно завидовала — и так как скрывать свои мысли не умела от слова совсем, это чувство было просто-таки аршинными буквами написано на её лице. Правда, не сказать, чтобы объект зависти был тоже счастлив.

— А может, я лучше в доспехах поеду? — робко предложила Маша, потупившись: у неё с этим комплектом одежды уже сложились определённые воспоминания, которые сейчас, я уверен, всплыли в её памяти. То-то мой вассал то и дело непроизвольно тёрла шею сбоку над тугим воротничком и краснела — именно туда работницы одного интересного заведения проставили «*печать*» об успешно проведённом *тренинге*… М-да.

Выглядела попытка улизнуть от демонстрации парадной формы широкой публике в исполнении Мариши до невозможности *мило* — как, впрочем, и сама рыцарь сейчас. Уж не знаю, то ли смена рациона с республиканского на принятый у дворян в герцогстве так повлияла на девушку, то ли отсутствие регулярных стрессов в виде смертельно опасных вылазок к валу Шрама, а может — просто физические нагрузки упали, но именно сейчас, когда дочка кузнеца в кои-то веки сменила броню на мундир, стало заметно, как приятно смягчилось её лицо, сгладив острые очертания скул. Да и одежда на груди оказалась натянута чуть сильнее, чем раньше. Там «чуть», здесь едва заметно, волосы немного отросли, плечи округлились — и теперь в моём рыцаре *не* увидеть девушку стало гораздо сложнее, чем раньше. Особенно если откроет рот и чего-нибудь скажет… очередная проблема на ровном месте. Хотя по сравнению с бретёром, решившим сутки назад меня прикончить — всегда бы только такие проблемы иметь!

— Ты же слышала Карину: охота *здесь* — аналог бала, только на природе, — вздохнул я. — На приём можно заявиться во всеоружии и в доспехах, а на бал — нет: форма одежды — строго парадная. Кавалеры будут в лучших своих костюмах, дамы — вообще в платьях, боком на лошадях скакать[22]. В доспехах только Валериану позволено рассекать — у Церкви свой этикет. А единственная альтернатива для тебя — это парадный костюм для верховой езды, дозволенный *леди* служащей своему сюзерену мечом. Но ты ведь не променяешь на него *честно заслуженный* знак отличия и доблести?

Я посмотрел на своего второго вассала, заставив рыжую отвести взгляд и покраснеть. Как и предупреждала меня Милана, у дочки сэра Матиаса платья просто не было: ни бального, ни для верховой езды, вообще никакого, даже домашнего. И она этим

ещё и гордилась! Костюм для верховой езды был. У меня хватило опыта и мозгов сразу после рассказа Кары о правилах проведения Большой герцогской Охоты начать проверять, всё ли в наличии. В общем, когда девушка по моей просьбе надела на себя *это* и вышла показаться — я понял, что кошелёк в очередной раз придётся растрясти. Так эта гордая дур… рыжая начала меня убеждать, что и так всё в порядке. Ну заплата на колене, причём по цвету отличается, и что такого? И штаны потёрты о лошадиные бока до блеска — но ведь не до дыр же? Можно было надавить и заставить выполнять приказ сюзерена: в конце концов я в своём праве — обеспечивать обмундирование и вооружение своим вассалам. Но я решил для наглядности продемонстрировать, что я считаю *нормальной одеждой* — просто чтобы кое-кто увидел, наконец, контраст, сравнив себя с кем-то более-менее равного статуса. Ещё и вслух сказал — «нормальной одеждой»…Эффект превзошел все ожидания.

Мундир, как я уже сказал — это ведь не какой-то там *просто* костюм, хоть какой дорогой. Мундир — признак статуса, награда за заслуги от сюзерена, причем — за *боевые* заслуги. То есть сакральный для военного человека предмет — до концепции орденов и медалей тут ещё пока не додумались. Получается, я, сам того не желая, со всего маха макнул носом рыжую в тот факт, что она для меня *сейчас* толком ничего как бы пока и не сделала. Хотя это конечно было не так: без Арновой подруги детства я бы не познакомился с Миланой и её отцом, без Пэров — не получилось бы сверхскоростной интеграции в молододворянскую часть благородного сообщества герцогства, ну и так далее. Опять же, при подготовке торгового крестьянского каравана с топливом львиная доля заслуги в том, что люди охотно откликнулись и пошли участвовать в непонятном сначала господском начинании не из-под палки, а добровольно, была в кредите доверия, ранее заработанном рыжей «хозяйкой». И Джока она замотивировала мне помогать, и лень отца продавила, и на самом торжище очень хорошо отработала, защищая наших слуг от нападок сплавовских торгашей… Н-да, нехорошо получилось.

— Кара, — как можно более проникновенным тоном вновь привлёк к себе внимание рыжей я. — Ты первой меня здесь признала. Ты *очень хорошо* выполняла все эти дни свои обязательства передо мной — уж поверь, я не мог этого не заметить. И про то, что было между нами раньше — не забыл. *Пока* я не могу отметить тебя, как леди Марию — ты сама знаешь, почему. Так позволь своему сюзерену сейчас наградить тебя хотя бы так, как он имеет право себе позволить. Пожалуйста.

Рыжая молча взяла у меня из руки золото. Чисто по-женски

спрятав лицо за волосами, но даже руки у неё были такого цвета, что, пожалуй, земные индейцы признали бы её за свою.

* * *

Я открыл глаза и уставился в чернильную темноту. Три часа ночи. Опять. Только в этот раз меня разбудили не естественные физиологические потребности — банально успел выспаться днём. В комнате было совсем не жарко — протопленные печи уже отдали большую часть своего тепла, и теперь зима за окнами медленно пробиралась внутрь. Впрочем, замёрзнуть мне не грозило, под одеялом и с такой-то грелкой: уткнувшись носиком мне в плечо, Ле умиротворенно посапывала во сне. Пришла она ко мне сегодня вечером совершенно вымотанной: днём я воспользовался её отзывчивостью, отняв порядочно времени, а ведь рабочую нагрузку с горняшки никто не снимал. Но всё равно пришла, доверчиво улыбаясь. Пришлось укладывать девушку в постель совсем не за тем, что хотелось, и засыпать самому — и вот итог: ещё даже не утро, а уже сна ни в одном глазу. С другой стороны — есть время спокойно подумать, тоже хорошо.

Вся эта поездка за наследством — она с самого начала пошла кувырком. Вместо более-менее продуманных планов — примерные прикидки, вместо нормального сбора информации — скупая вводная от Рахмана и надежда на обезличенную память. На Земле бывали похожие ситуации по работе: пойди туда, не знаю куда, продай то, не знаю что или кому, но чтоб — срочно! Разумеется, хорошим результатом подобное поручение заканчивалось редко — но сколько не предупреждай, начальству же виднее… И рисковал я, по большому счету, лишь своим временем и чужими деньгами. А тут я — сам влез.

Ничего удивительно, что вместо нормальной, скучной процедуры получения наследства получилось, прости Свет, Приключение. С драками, скачками, жаркими поцелуями (единственный положительный момент!), взломом дверей, поиском клада, неведомым тайным врагом, наёмным убийцей… и свалившейся на голову невестой, ага. «Почувствуй себя героем рыцарского романа», блин. Просто удивительно, как у меня вообще получилось достичь первоначальной цели — при таком-то раскладе. Ну, почти получилось, но я не сомневался: раз уж Сэм сказал, что Эдмонт всё для себя решил, стоило поверить. И Мила обязательно выбьет из папочки причитающееся нам с ней золото. Сделка для всех выгодная, как ни крути, и при этом никакого

нарушения традиций — всё как любит Трамонт. Просто любящий отец отдаёт с заневестившейся дочерью неожиданно хорошее приданое. А слёзы величиной с кулак и перекошенная от жадности физиономия — так это от чувств нахлынувших! Впрочем, не сомневаюсь, старший Пэр отобьёт свои расходы достаточно быстро. Бертрановские крестьяне Карину, при которой им несколько лет жилось так спокойно и привольно, ещё долго вспоминать будут чуть ли не как живую святую… м-да. Карина. Милана. Да и Лейла тоже. Что мне с вами делать-то, а? Да и старый алкоголик Матиас мне пусть и на крохотную долю, но уже не совсем чужой. Да и земледельцы, с которыми топливные издержки утрясали…

Ладно, с Карой, допустим, всё ясно. Рыжая спит и видит, как она сделает военную карьеру. Уверен, ей будет не по нутру, что я уезжаю и оставляю «на хозяйстве» тестя, но тут такое в порядке вещей. Тем более это её отец всячески тормозил устремление младшенькой податься в гвардию Зара Шестого — сильно подозреваю, не столько из желания защитить, сколько потому, что дочка взяла на себя львиную долю обязанностей управляющего. Но теперь-то я её сюзерен, и могу отпустить вассала совершать ратные подвиги в любой момент. И нормальное оружие с бронёй я для этого Карине уже подарил. Так что к гадалке ходить не надо: едва я разрешу — и дочка рыцаря тут же сорвётся в столицу, вступать в гвардию Зара Шестого. Не самый плохой вариант — местный монарх хотя бы гоняет свои войска не против соседей, а наоборот, помогает прикрывать приграничные к Шраму области.

С Ле тоже вроде понятно — никаких планов относительно меня она не строит, может, погрустит чуток, да и примет всё как должное. Получив доступ в мой манор, барон Пэр наверняка не пройдёт мимо выдающихся достоинств (ещё как выдающихся — платье так и топорщится!) скромной служанки. Может, и до бастардов дело дойдёт — просто удивительно, что у блондинки с таким темпераментом и внешними данными до сих пор нет детей. А может, попросить Карину взять горничную с собой, в столицу? Всё-таки рыжая — девушка, негоже, чтобы прислуживал ей солдат, взятый в денщики. Тоже вариант. Ведь среди пехоты, на которую как пить дать поставят крепко обученную собственным герцогским инструктором рыжую, наверняка будут сержанты, выслужившие пенсию, но не плащ. Чем не партия для красотки — уже состоявшийся ветеран, прошедший горнило средневековой армии: и защитит, и крепко нацелился на семью, потому что пора уже…

Милана… Мила. Всё сложно. Или… нет? Баронетта мне

определенно нравилась — что там скрывать. Она — красивая, умная. Мы мыслим примерно одними и теми же категориями в рамках системы «хорошо — плохо», что очень ценно. Девушка в меру осторожная, но готовая, когда необходимо — рискнуть. Причём не только там деньгами или положением в обществе, но и собой. Вторая ценная для меня черта личности Милы — это договороспособность. То есть блондинка-аристократка вполне понимает разумные доводы, и ими её можно *убедить*. Правда, младшая Пэра уже продемонстрировала, что когда ей нужно — может и «включить блондинку». Но… честно говоря, у неё и на четверть хорошо не получалось, как у землянок, решивших вдруг, что «мужчина должен». А ещё — я впервые встретил *тут* девушку, способную быть со мной *на равных*.

Рона и Маша готовы были меня поддержать чуть ли не в чём угодно. Я *добился* их доверия, они мне верили, и верили *в меня*… и потому с чистой совестью свалили на сюзерена и господина принятие всех ключевых решений. Может, это влияние Печатей подчинения, повелители жизни могли сунуть в структуру резидентного плетения что угодно, включая подавление излишней самостоятельности и инициативы. С другой стороны, общение с химерами-пограничницами свидетельствует об обратном: та, что предупреждала меня о борделе в Нессарии, явно прикалывалась надо мной (в рамках задания, но ведь прикалывалась же!) по своей воле, просто от скуки. Да и маниакальная страсть к чистоте у Ланы из той же оперы — сама себе придумала, сама себя заняла. Может, конечно, вмешательство в работу сознания тоньше… но предположу другое. Эльфийке и дочке кузнеца просто комфортнее, когда я ломаю голову за нас всех. Если нужно будет — попрошу совета, они попробуют помочь, а нет — так примут уже готовое решение.

Милане же определенно нравилось думать и действовать самой. Придумать *план*, реализовать его, расчётливо рискнуть и победить — вот что заставляло её глаза гореть, а грудь — чаще вздыматься. Трамонт в меру собственного разумения учил дочь тому, что умел, блондинка была в курсе, как работает папино баронство — но вот к реальному управлению у неё доступа не было. И не было опыта, подобного тому, что я вынес с Земли. Вот этим я и зацепил баронетту: прямо на её глазах сделал то, о чём она только мечтала. За пять дней провернул масштабную торговую операцию, разом подняв на ней четверть сотни золота только себе в карман. Именно потому она сначала согласилась с моим планом с фиктивным браком — поверила, что сработает именно так, как я и говорю, а позавчера и вовсе намекнула, что решилась сделать наш союз полноценным.

Честно говоря, не было бы у меня вдвое большего жизненного опыта за плечами, чем сейчас *биологических* лет — начал бы серьёзно волноваться. То есть я и начал, но быстро припомнил кое-что из «прошлой жизни» и… грустно стало. Грустно — но легко. Не каждый болезненный опыт становится легче при повторении, но этот, к счастью, из таких. Понятно, что молодая жена мягко говоря не обрадуется, узнав, что у меня есть как минимум одна любимая женщина. Понятно, что я могу держать этот факт в тайне… некоторое время. Маше я тоже совершенно чётко и конкретно сказал, что считаю её своей семьей — и не важно, когда мы окажемся в одной постели. И от своих слов, планов на будущее и обещаний я отказываться не собираюсь — в том числе и от тех, что дал самой Милане. То есть вывезти из герцогства в «большой мир» и помочь там устроиться. А что до брачного союза…

…На Земле ни одни мои отношения никогда не длились больше двух лет. Да и два года получилось лишь однажды. Если так подумать, то она была похожа на баронетту: совсем другой тип красоты, другие манеры, другие привычки — и такое же желание жить, не прячась за чьей-нибудь спиной. Отца, брата, мужа. Я влюбился без памяти, а потом, узнав её поближе, ещё и зауважал как партнера. Ту, на кого действительно можно положиться, разделить по-настоящему совместное решение. Наверное, мало кто из мужчин в таком добровольно признается, но перед собой надо быть честным: и научился я у неё многому, в том числе и по работе. Всё записывать, например, и через записи вести анализ.

Расстались мы тоже примечательно: спустя два года после знакомства и полтора — как мы съехались, она меня позвала за стол, выложила бумаги, как уже не раз делала, обсуждая бытовые проблемы. И за пятнадцать минут показала, почему она считает, что со мной не добьётся своих жизненных целей. Годы идут, ни она, ни я не молодеем, вот кривая роста доходов семьи, вот — сколько не хватает для содержания ребёнка, пока она будет в декрете, вот ещё, ещё и ещё… Впервые я увидел у человека *план жизни*, составленный на годы вперед. И в этом плане места мне не было. Влюблённость уже ушла, приязнь осталась, но — для неё этого было недостаточно. Она честно спросила меня, согласен ли я, фигурально выражаясь, рвать жилы на работе и подсиживать непосредственное начальство, прыгать от фирмы к фирме, чтобы как можно скорее пролезть в руководители. Я подумал… подумал ещё раз… и понял — не потяну. Не столько даже потому, что придётся отдать уйму сил и времени. Просто — мне придётся

сознательно *обманывать своих* на постоянной основе. Немного. Обещать *своимподчиненным* чуть лучшие условия, чем давать на самом деле, завышать свои показатели за счёт *своих коллег* соседних отделов, играть в иные «традиционные офисные игры». Ведь так делают. Почти все. Не я. И дело не в том, что я не хотел — а я не хотел. Нужно было переступить через себя, сломать нечто базовое в собственном характере. В себе. Мы пожали друг другу руки — и расстались.

Другие женщины в моей жизни уходили ещё раньше. Некоторые — потому что рассмотрели во мне что-то, чего на самом деле не было. А остальные… Люди — меняются. Особенно в молодости это происходит быстро. Полгода, год — и ты вдруг удивляешься, как мог быть в восторге от этого человека? Нужно что-то большее, чем обоюдная приязнь, чтобы *жить* вместе долго и счастливо. Уверен, с Миланой, если она не передумает ещё раньше сама — случится то же самое, что с моими земными «предыдущими попытками».

Восемнадцать лет — время открывать мир, и время заново открывать себя. Сейчас Пэр увидела во мне… даже не знаю, кого. Человека её возраста, но при этом — гениального комбинатора, способного достать золото даже из навозной кучи. А на самом деле — это просто мой опыт. Блондинка наверняка ждёт продолжения феерических приключений а-ля последняя неделя (восемнадцать лет, да-да) — а я нацелился на надёжную поэтапную карьеру, позволяющую в итоге занять такое место в жизни, что не каждая сволочь даже просто посмотреть косо сможет. Итог нашего брака немного предсказуем, не правда ли? Вопрос лишь во времени, как скоро мы друг другу начнём мешать. Грустно немного: Мила мне действительно пришлась по душе. Но… я уже сделал свой выбор. И дал обещание аж двум девицам, связанным со мной «чем-то большим». Печать — это *гораздо* больше, чем кольцо на палец…

Ле что-то пробурчала во сне, завозилась под одеялом — и прижалась ко мне сбоку животом и грудью, попутно закинув на меня ногу. И всю «светлую грусть» вместе с картинками давно пережитых воспоминаний словно метлой из головы вымело. Нет, я всё же сдержался, и не разбудил красотку — ведь это была хоть чуть-чуть, но *моя* красотка. Просто лежал и глупо улыбался в темноту… а потом незаметно для себя снова уснул. Магия-магией, но заживление ран требует в том числе и здорового сна. А утром смущённая и очень благодарная блондинка показала мне, что прекрасно запомнила лучший способ для пробудки утром мужчин.

* * *

— Успокойся, — тихо порекомендовал я, подъехав поближе к Маше, движущейся верхом на Милке. — И оставь в покое арбалет.

Девушка прижимала к своей груди стреляющую машинку так, словно это было полотенце, а она сама вдруг оказалась голой в мужской бане.

— Чувствую себя голой, — слово в слово повторила мои мысли оруженосец, с явно видимым усилием опуская руки… которые так и остались лежать на ложе самострела. Одна под дугой сейчас не натянутого лука, другая — под рычагом заряжания. Местные охотничьи деревянные игрушки, в отличии от наших стреломётов, можно было взвести хоть руками, в одно движение, не слезая с седла: упереть приклад в живот — и двумя руками потянуть на себя тетиву. Для любителей комфорта был предусмотрен специальный зацеп для стремени и крюк в руку.

— Профессиональная деформация, — посочувствовал я. — Но у нас хотя бы копья есть, в отличии от других гостей де Берга.

Рыцарь скосила глаза на закреплённую у седла рогатину и беззвучно вздохнула. Ну да, вовсе не тот инструмент, которым можно сходу пробить, например, Болотного Секача: короткое древко, остриё скорее режущее, чем колющее, ещё и перекладина-ограничитель есть — предполагается, что добыча на рогатину насаживается своим собственным весом. И вообще, это оружие пешего, а не всадника. Увы, но если бы мой вассал потащил на увеселительное мероприятие свою боевую оглоблю, нас бы, мягко говоря, не поняли. Пришлось брать, что нашлось в поместье. Мне самому было легче: верная эльфийская «пальма» отлично вписывалась в заявленный формат времяпрепровождения.

Как и было условлено с Сэмом, мы тащились почти в самом конце растянувшейся колонны аристократов, чтобы лишний раз не мозолить глаза Эдмонту. Как мне тут уже донесла система трансляции новостей «одна бабка сказала», управляющий герцога только сегодня утром расстался с жизнью. И не от меча, как предполагал Сэмюэль, а через повешение. Через аккуратное повешенье, медленное, без рывков — чтобы, не дай Свет, не сломать шею казнимому и не подарить лёгкую смерть. Думаю, не надо объяснять, что настроение после этого у де Берга действительно было как минимум «не очень».

А вот Трамонта предупреждение барона Берга ничуть не смутило, даже наоборот. Сейчас он двигался впереди, рядом с Эдмондом, и Милана держалась при нём. Правда, моя наречённая выбрала минутку оттянуться к концу колонны, найти нас, чтобы

быстро пересказать, что происходит. По её словам, сын герцога, как и обещал, объяснил отцу, кто и как нашёл бумаги, и старший Пэр немедленно решил на этом сыграть. Вот теперь и заливал в уши сюзерену, какая у него умница дочь, сразу поняла ценность документов и намекнула жениху тут же доложить-куда-надо. А всё потому, что именно он, Трамонт Пэр, свою кровиночку всему лично учил — и управлению, и хозяйствованию. И вообще, вся операция по продаже первой партии собранного топлива тоже не обошлась без его способной девочки…

На самом деле любитель белого цвета таким вот нехитрым образом пиарил себя самого, прозрачно намекая, *кто* у Милы такой крутой наставник. А блондинке пришлось подыгрывать: в процессе ожесточённого торга за откуп на манор Бертран в виде приданого ей пришлось пообещать папе всяческую поддержку, пока она ещё тут. Кстати, баронетта утверждала, что после торга её отец действительно натурально расплакался — и вовсе не от жадности, как я себе воображал, а оттого что «вот моя маленькая Мила и стала взрослой». Ну-ну.

Утро, в редких разрывах туч изредка показывается солнце — и сразу же пропадает. Лошади и химеры движутся шагом, иногда переходя на неспешную рысь. Это, кстати, ещё не начало Большой Охоты — только подготовительная часть, что-то вроде сбора гостей на бал, когда кареты подъезжают, высаживают гостей — и те неспешно дефилируют в общий зал, ожидая выхода устроителя торжества. Официально мероприятие открывает герцог: на специально подготовленной поляне гости слушают сюзерена, разбиваются на партии (чтобы не стрелять по одному кабану или оленю залпами по двадцать болтов), за каждой группкой закрепляется свой егерь и несколько слуг из числа специально обученных простолюдинов с рогатинами и разделочным инструментом — и вот только тогда начинается, собственно, охота. Или, скорее, ненапряжное развлечение вроде любительского биатлона, примерно столь же напоминающее *настоящую* охоту, как стендовая стрельба — боевые действия.

С тяжёлым стуком копыт меня и Машу наконец-то догнали остальные дворяне манора Бертран: Кара, с взлохмаченной шевелюры которой едва молнии не слетали, Джок с выражением дикой усталости на лице, и сэр Матиас… м-да. Сэр Матиас не иначе как многолетней практикой держался на своей кобыле, потому что осознанных усилий он не прикладывал. Иначе говоря спал, клюя носом, а поводья его лошади держала его дочь. Не удивительно, что рыжая была так зла.

— Каждый раз одно и то же, — тихо пожаловался мне сын

рыцаря, используя меня и Вспышку как щит от сестры.

— Каждый раз всё хуже и хуже, — прошипела Карина. — В следующий раз отца придётся к седлу привязывать, чтобы не выпал. Лучше сразу поперёк!

— Можно его вино в чрезседельных сумках спрятать, — едва не вывихнул себе челюсть от душераздирающего зевка лесничий. — Тогда не пришлось бы папу тащить через полдома…

— Если бы ты мне вчера помог его убедить, а не заснул, едва сел, может, всё бы нормально получилось, — немедленно окрысилась девушка.

— Я чо виноват, что всех лесников гоняют с этими прореживающими вырубками? — даже возмущение у приближённого вассала Сэма вышло каким-то вымученным. — Все с этой затеей с дровами и щепой словно взбесились. У Вероны вон крестьяне вдоль реки весь ивняк на корзины извели, теперь диким уткам гнездиться негде будет, а у Бюссов — наткнулись у внешней границы на неразрешённую вырубку. Эдмонд и так сама знаешь как крут на расправу, а тут такое — как раз когда с его управляющим мутки всплыли. Вот нас двое суток и гоняли без передыху, едва вместо кобелей не заставили следы вынюхивать! Толком даже угодья перед Большой Охотой осмотреть некому было.

— То есть с дичью сегодня будет облом? — хмыкнул я.

— Да нет конечно, — ещё раз зевнул Джок. — Волков недавно стаю как раз выбили, новые набежать ещё не успели, медведей ещё в конце осени отследили всех, нашли берлоги и вытравили, подлесок прорежен, соль каменную оставляем, даже прикорм иногда бросаем. Где косулям да кабанам ещё быть?

— Серьёзная подготовка, — с уважением в голосе поддержал я. Мне, если честно, было бы интереснее послушать лесничего денёк, а не пытаться изобразить из себя «азартного охотника». На самом деле, тут и местным любителям добыть дичь из числа благородных должно быть скучно: мероприятие ведь по большому счету не охота никакая, а обычный корпоратив «на природе» с заявленной в качестве развлечения стрельбой из пневматических пистолетов по банкам. Зато потом любой аристо в герцогстве, включая дам, будет бить себя пяткой в грудь и восклицать «я — охотник»! И даже голову лося над камином покажет собственноручно пристреленного. — Если не секрет, за сколько месяцев начинает готовиться участок леса под Большую Охоту?

— Да какой там секрет, — отмахнулся Джок. Надо сказать, разговорившись на любимую тему, он изрядно приободрился. — В одном месте уже много лет проводим. Там, если дальше на север, аккурат где граница манора Берг проходит — непролазные

Чёрные болота, где-то там среди них речка течёт. Ни зверю не перебраться, ни человеку, что пешком, что на лодке. И добыче сбежать некуда, если с юга загонять, и посторонних не встретить. А то на охотах разное бывает: говорят, поехал герцог Ланс — это наш сосед с юга — косулю добыть, оторвался от свиты — а потом находят его со стрелой в глазу. Собственной. Пришлось Зару Шестому сына его из гвардии воротить срочно. Так тот, говорят, теперь без десятка латников на конях в леса не ногой, а вместо охоты южную забаву приспособил: рыбу особо дурным способом ловить. Не как крестьяне, сетью, а уд*о*м…

— Удочкой, придурок! — прорычала Кара. Она, пока мы болтали, в очередной раз решила заставить отца хотя бы глаза открыть, но тщетно: ответом было только тихое бурчание да потёкший во все стороны кисловатый запах употреблённого вина. — Прекрати бредни своих помощничков-простолюдинов пересказывать, которые новое слово, не перековеркав, запомнить не могут. Или *тоже* хочешь на дуэль нарваться? Лично я слышала, что герцог Ланс у южан не только рыбу удочкой ловить учился, но и фехтованию!

Разумеется, рыжая не могла не узнать о столь резонансном событии, как моя дуэль с Купой — об этом только все и говорили, ну и о печальной участи вора и предателя Горация. Хотя про героев спонтанного расследования Сэм и его отец не стали особо распространятся, только тупой не связал бы поединок и арест управляющего герцога — благо, последовали они практически без перерыва один за другим. Потому слухи ходили самые фееричные в том числе и по поводу самого боя. Мол-де «против одного профи со шпагой не справились ни далеко не новичок с мечом в руках Сэмюэль Берг, ни сам почти-паладин сэр Валериана, и если бы не мастер Марат с его огненной магией…» Разумеется, рассказчики напрочь игнорировали тот факт, что никто из участников спонтанно возникшей потасовки оружие кроме кинжалов тупо вытащить из ножен не успели, в том числе и сам бретёр. Вот так и рождаются легенды, н-да.

— Я это, поеду, меня там Сэм ждёт, наверно, ага, — поняв, что ничего не добившись от отца, Кара падёт на его голову, втянул голову в плечи Джок и хлопнул пятками своего коня, заставляя чуть отдохнувшее животное вновь сорваться в галоп. Теперь можно было поставить золотой, что вечером лесничего ждёт «дружеский поединок» ака избиение мечом и щитом от любящей младшей сестрёнки. Повезло всё-таки рыжему увальню вырасти таким громилой, а то его, думаю, уже прихлопнули бы «по-родственному».

Поле, с которого стартовала, гм, охота, должно было стать, оказывается, и точкой финиша. И партии должны были двигаться по территории герцогского заказника не абы как, а по большой дуге параллельно друг другу на манер гребёнки, вспугивая и гоня оленей, ланей, лесных свиней и прочую живность перед собой. Верх дуги оказывался аккурат у границы топей, оттуда вся толпа «охотников» поворачивала назад и двигалась к лагерю новым маршрутом, прочёсывая ещё нетронутый участок территории. Таким образом, все те трофеи, которых благородным подстрелить не удалось, выгонялись прямо на лагерь, где их уже ждали слуги с рогатинами, помощники лесничих с луками, булькающие водой котлы и исходящие жаром угли. У меня было возникло сомнение по поводу качества мяса копытных в середине зимы — здесь, южнее Шрама, где снег в принципе не держался дольше суток, если выпадал вообще, с едой у травоядных было получше, но всё равно хуже, чем летом и осенью. Но потом вспомнил про подкормку и понял, что об этом волноваться не надо.

Разумеется, чтобы всё получилось по задуманному, движение партий нужно было более-менее синхронизировать, но аристократам париться об этом было не нужно — на то им и были приданы лесники. Знай себе скачи да стреляй, испытывай азарт и гордость от того, какой ты офигенный добытчик дичи. Собственно, когда я увидел, *во что* одеты бароны, их супруги и все прочие более-менее состоятельные плащеносцы герцогства — понял, что подобную замену бала можно вполне, без малейшей натяжки, считать карнавалом. Как вам, например, *охотничье платье* с подолом ниже пяток — причем ощутимо так ниже, где-то до середины ноги лошади, на которой участница празднества восседала? Или вот барон Верона в *чём-то* в гербовых цветах, настолько гротескно искажающем вид костюма для верховой езды, что без смеха смотреть было тяжело? На их фоне барон Пэр в своём почти-белом одеянии и на почти-белой лошади смотрелся исключительно серьёзно и представительно.

Сам де Берг в мундире и с отличной выправкой выглядел настоящим командиром парада. Только очень грустным, потому что вместо парада ему подсунули этот… даже не знаю, то ли бордель, то ли балаган. В пользу первого говорили совершенно нескромных размеров декольте у некоторых дам, причём собственный возраст многих из этих некоторых ничуть не смущал. И как только простудиться по такой погоде и времени года не боялись? Хотя, судя по отдельным пробивающимся запахам и тону разговоров — «лекарство» самые продвинутые заранее принимали внутрь. Исключительно для сугрева и азарту. Балаган же отлично воплощали собой шатры, крытые павильоны

и многочисленные навесы, превращавшие часть луга в походный вариант банкетной залы. В общем, для безудержного веселья было всё готово — и люди собирались отдаться ему с полной самоотдачей. Ещё бы, столько денег выкинуто на организацию (хотя и намного меньше, чем бала), причём всеми участниками…

— Так и знала, что тебя здесь найд… Ого, Арн заставил тебя переодеться?! Не платье, конечно, но куда лучше, чем тот ужас, что ты так трепетно отказывалась менять. — вытаращилась на Карину подъехавшая к нам Милана и пояснила мне. — Отец наконец отпустил. Отпустишь со мной нашу рыжую, а? А то я оказалась в компании Вала, Джока, Сэма и Стива Бюсса, а это значит битых три часа буду слушать о стрелах, луках, правильных перьях и сравнении процесса добычи болотных и лесных петухов…

— Куропаток, — хмуро поправила Кара блондинку. — И с чего-это я «наша»?

— С того, что твой сюзерен — мой жених, — хмыкнула девушка. — Ну что, спасёшь меня? Когда ты рядом, твой братец становится похож на рыбу: пучит глаза и молчит. А я тебе последние новости перескажу…

Увидев, что подруга колеблется, баронетта, понизив голос, коварно добила:

— И подробно опишу, как мы с Арном вдвоём Горация и Купу уделали!

— Наёмника не мы уделали, — покачал головой я.

— Мы-мы. Он ведь правила поединка не просто так грубо нарушил.

— Ладно, езжай уже, — я забрал поводья лошади сэра Матиаса из руки вассала. — Группа Сэма ведь прямо рядом с группой отца двигаться будет? Ну вот, нам пока туда нельзя.

Как выяснилось немного позже, «нам» на сэра Матиаса не распространялось: его приехал искать его коллега-инструктор новобранцев. Понимающе поулыбался, забрал поводья и пообещал позаботиться о друге наилучшим образом. Кажется, они просто решили жертву алкоголя и нездорового режима дня в один из малых шатров спать уложить. Ну да, вояки себе всё давно доказали, и для них эта забава всё равно что в куличики в песочнице играть.

В итоге я и мой оруженосец прибились к компании приятелей-музыкантов баронета Паллера Вероны — тех самых гитаристов. Нам в итоге даже лесничий-дворянин не достался, так и поехали в сопровождении простолюдина-помощника.

Впрочем, творческие люди не оскорбились, им вообще до одного места были и арбалеты, и охота, и окружающий лес — они песню новую складывали. Песня отчаянно сопротивлялась, провожатый пытался держать лицо, но страдальческая гримаса то и дело прорывалась. К счастью, мы могли просто отстать и поехать чуть в стороне. И ещё чуть. И ещё чуть-чуть… фу-ух, больше не слышно этого треньканья!

— Маша, — мы неспешно двигались через лес, очень-очень отдалённо напоминавший пограничные заросли между лесозащитной полосой перед Эрстом и валом Шрама. Тихо, только ветер лениво шевелит листья над головой да цвикают какие-то мелкие пичуги, похожие на синиц. А вот следов копыт, что оленьих, что свиных местами было в достатке. Что ж, самое время кое-что прояснить. — Что ты думаешь по поводу Миланы?

Вопрос застал моего оруженосца врасплох.

— Она… хорошая девушка? — наконец осторожно предположила дочка кузнеца.

— Возможно, — я вздохнул. — Вот только узнать это *точно* за полторы недели нельзя. Но мне она *кажется* по крайней мере *неплохим* человеком. В любом случае, я хотел тебя спросить не совсем об этом. Ты ведь помнишь, ради чего мы тут?

— Продать баронство, — Мариша явно не понимала, к чему я клоню.

— Именно. Так уж вышло, что брак с баронеттой идёт в нагрузку… к основным средствам. Понимаешь? Я женюсь не потому, что *хочу* жениться. Лишь потому, что это самый простой, быстрый и безопасный способ выполнить то, к чему я стремлюсь. Выполнить то, что я *тебе* и Роне обещал. А не потому, что твоему сюзерену захотелось приударить за первой встречной красивой девчонкой.

— Я… понимаю, — может, мне и показалось, но в голос моего рыцаря всё-таки прокралась нотка облегчения. И ещё щёчки слегка запунцовели.

М-да.

— Маш, если тебе покажется, что я делаю что-то странное или неправильное, пожалуйста, просто скажи мне, — попросил я. — Твоя позиция «я просто выполняю свой долг вассала, чтобы не случилось» мне очень импонирует, я *невероятно ценю* твоё доверие. Но… ты — больше чем вассал. Ты — часть моей *семьи*!

Вот теперь девушка покраснела куда сильнее. И ничего не ответила — только кивнула. Ладно, тогда — дальше.

— Есть очень небольшой, я бы сказал *крохотный* шанс, что в будущем Милана тоже захочет стать частью нашей семьи, — Я в

это не верю, но… вдруг. Всякое бывает. Лучше заранее подстраховаться. — Потому, прошу: приглядывай за ней, и приглядывайся. Составь своё мнение. Потому что решение о расширении семьи мы будем принимать вместе. Все вместе — ты, я и Фирониэль.

— Хорошо, — едва ли не после минуты раздумий согласилась моя напарница. При этом она продолжала о чём-то напряжённо размышлять. Мне даже показалось, что у неё есть, что мне сказать, вот только кое-кто опять сомневается. Эх.

— И ты в любой момент можешь сказать мне всё, что хочешь, — подведя Вспышку бок-о-бок Милке, ободрил девушку я.

— А… — почему-то опять полыхнула щеками дочка кузнеца, потом зажмурилась и быстро выдала: — Можешь меня п-поцеловать?

— Маша?! — вот уж не ожидал такой просьбы.

— Я… — взгляд девушки заметался из стороны в сторону. — Я в-видела… Как вы с М-миланой… В-вот и…

Я аккуратно взял повод из враз ослабевших пальцев рыцаря и натянул одновременно со своим. Химеры послушно замерли, касаясь боками. Положил одну руку на талию моей красавицы, вторую — ей на затылок, коснулся губ губами…

Мы уже целовались с Маришей — скорее спонтанно, чем по расчёту. Вообще, попав в этот мир я перецеловал тут девушек чуть ли не больше, чем в своём за всю предыдущую жизнь… если, конечно, считать девочек в борделе в Нессарии. Так вот, этот поцелуй не был похож на другие. Он был не жадный, не зовущий, не извиняющийся, не… Весь мир растворился, исчез, и только наши губы в этом безвременье имели значение. Губы, их соприкосновение, робкая встреча языков…

Вспышка тихо всхрапнула — и это разбило иллюзию. Мы отпустили друг друга, мгновенно напрягаясь. Этот звук… может, химера ошиблась?

— Фррх.

Не ошиблась. Моя белая четвероногая напарница как всегда первой учуяла Изменённого. Тварь.

* * *

Мы летели сквозь лес, не оглядываясь по сторонам. Ну, как летели: моя кобыла выжимала всего треть максимальной скорости, но Милка быстрее просто не могла. Будь я в окрестностях Эрста, скорее всего решил бы идти на разведку один: если что, моя лошадка меня вытащит из какой угодно

неприятности. Но когда поверх рубашки лишь куртка, а не привычная лёгкая броня, а из оружия — только эльфийская резалка и обычный арбалет… и, главное, отсутствует привязная седельная сбруя. Эта система из ремней и карабинов позволяет химере проделывать маневры, недоступные никакому мотоциклу, а наезднику — удержаться при этом в седле. Хотя, скажу я, при резких остановках и поворотах на полной скорости с малым радиусом чувствуешь себя пилотом самолета-истребителя: можно и сознание потерять. Однако, при всех своих достоинствах привязная система в быту, когда нужно просто продвигаться по дорогам общего пользования и без *мешает.* Только чтобы слезть — нужно отстегнуть четыре карабина, а чтобы выпутаться из разгрузки — верных пять минут. А выпутываться приходится, потому что защита надевается поверх всего остального. В общем, ременная система с того момента, как мы покинули Эрст, так и лежала в дальнему углу седельной сумки — собственно, и сейчас лежала. В поместье Бертран. А без этой штуки, разгоняясь или тормозя так, чтобы я не выпал, Вспышка просто может не успеть вытащить меня (и себя) из-под удара лапой или клыком.

С оружием у Маши было ещё хуже, чем у меня: она-то привыкла полагаться на броню, которой не было, и рыцарское копьё, сделанное специально против тварей: с наконечником особой заточки, со специальным зацепом для седла. Не было и кабаньего меча — полуторника близкого боя, а рогатина на обычной деревянном древке (даже без колец оковки) была, прямо скажем, никакой им заменой. Надежды же на арбалет особой не было — вот был бы осадный стреломет, модифицированный для Охотников Лида…

Разумеется, я пытался прикинуть, что за тварь влезла так далеко от своего ареала обитания. Судя по всему, скачем мы к болоту. Увы, но тварей, спокойно проходящих (проплывающих, проползающих) там, где нормальному животному кранты, было в количестве. Особенно редких, но гадких вроде мутировавших змей: увеличить анаконду в десять раз, дать ядовитые клыки и способность к плевку. Прибавить теплокровность и нормальное зрение, но не лишить теплового — и вот получится очередной уничтожитель деревень и опустошитель королевств. На границе республики таких тварей почти нет, не успевают вырасти, а вот к соседям, судя по «справочнику», они иногда заползают. Ещё бы вспомнить, где у такого чудовища уязвимые места…

Запах вёл нас чётко к берегу болота. Мы «подрезали» сначала одну охотничью группу, потом вторую, потом влетели на пересекающихся курсах в стадо из пяти оленей, из которых один

был ранен. Милка кого-то из них снесла широкой грудью и стоптала, даже не заметив. А вот и просвет впереди: берег. Звук ударов копыт изменился, стал чавкающим: земля пропитана водой. А вот и запах сырости и гнилой тины ударил в ноздри, как таран.

Берег оказался широкой, почти свободной от деревьев полосой, поросший высокой, а сейчас прибитой к земле осокой. Дальше, где начиналась вода, стояла сплошная стена сухого камыша, уходящая куда-то вдаль… и в этой стене был проделан широченный пролом, заполненный перемешанной с водой торфяной грязью. И нет, проделал его не змей-перерестоk, к счастью ли, или к сожалению. Это был хорошо известный мне и Маше Болотный Секач.

Я сразу понял, как тварь сюда добралась, миновав заселенные места: тупо двигалась по течению по заболоченной реке, сжирая все на своем пути. Вдоль кромки течения куча гниющей, но более-менее свежей органики — всякие там водоросли, клубни камыша (да, волей-неволей мне всё же пришлось чуть-чуть разобраться в местной ботанике), личинки насекомых, которые всё это жрут, заодно пережидая в незамерзающей воде опасные для них заморозки сверху. Прекрасный, накрытый стол для всеядного мутанта.

Кто знает, куда бы унесло гостя дальше, но, видать, он повернул не в тот затон. Случайность. Я с высоты седла видел, что камыш обрывается в каких-то десятке метров от леса: живая смесь плавающего бульдозера и экскаватора планомерно выедала экосистему, не особо разбирая, что попадается под бивни и пятак. Болото было немаленьким, пробыла свинья тут не меньше пары дней и, проверь лесники герцогские угодья перед охотой — наверняка бы заметили присутствие твари. Но проверить было некому. На берег же порождение Шрама заставил выбраться то ли подраненый олень, в тщетной надежде оторваться от загонщиков прыгнувший в трясину перед носом у секача, то ли свин тупо услышал звук множества копыт и поплыл познакомиться с новыми калориями. И познакомился, выйдя в аккурат на несколько сбившихся в процессе погони за добычей охотничьих партий. Надо ли говорить, что «повезло» в том числе герцогу и его сыну?

Одно из свойств измененных — их панически боятся обычные животные. Лошади — не исключение. Пытаясь вырваться с внезапно ставшего смертельно опасным берега болота кони частично посбрасывали, частично унесли на себе седоков. Лишь три человека не лишились управляемого транспорта: Эдмонд,

Сэм и магистр Марат — счастливые владельцы химер. Собственно, так я и узнал, кому «повезло» влипнуть. В тот момент, когда мы вылетели из-за деревьев, знакомая огненная лента врезалась в нацелившуюся на людей тушу… и магический снаряд, вместо того, чтобы пробить плоть и разорваться изнутри, лишь обдал монстра мгновенно потухшим пламенем. Вот так, знаменитая устойчивость тварей к магии в действии. Эффект был только один: боров возмущенно всхрюкнул и чуть быстрее порысил к пытающимся встать с земли людям.

Я уже как-то упоминал: секач бегает не слишком быстро. У человека даже есть шанс оторваться от твари… на некоторое время, пока усталость не возьмет своё. Залезать на дерево бесполезно, кабан пройдет по следам и просто снесет ствол. А вот крепкая каменная стена, вроде той, что вокруг замка — вполне подойдет, чтобы укрыться. По уму, де Бергу, столкнувшись с такой бедой практически безоружным, нужно было разворачивать химеру и удирать ставить дружину и новобранцев «в ружьё». По крайней мере, он понимал, что метатель магии в его руке полезен против такого противника не более, чем заклинание пироманта — собственно, потому он и не стрелял, хоть оружие и направил во врага. Но, видимо, у бывалого полковника, который тоже с тварями имел дело близ границы Шрама, были какие-то иные соображения… впрочем, лично мне было не до них.

Всё, что выше, пронеслось в моей голове в мгновение ока — и сгинуло, оставив короткий вывод: если кто и мог быстро уничтожить тварь здесь и сейчас — так это были мы с оруженосцем. Без большей части оружия и брони это было опасно… опаснее, чем обычно — но вполне выполнимо. Это была наша *работа,* а я и моя напарница были в ней профессионалами. И знакомая, можно сказать *любимая* дичь была знакома нам досконально.

— Через затылок! — я крутанул рукой над головой, одновременно отбрасывая взведенный арбалет. Увы, но стрелять в тварь в боковой проекции было бесполезно — даже не почувствует. А выбивать глаза было слишком долго: я успел заметить, что среди сброшенных с седел ездоков светлое (раньше, теперь в основном грязно-зеленое) женское платье, и до её владелицы мутант успеет добраться раньше. — Держи его.

— Поняла, — успела мне крикнуть рыцарь. Милка, не тормозя, с грацией тепловоза понеслась прямо на хряка, а вот моя Вспышка понесла меня по длинной дуге, быстро, но плавно ускоряясь. Умница-кобыла помнила, что хозяин не пристегнут, и из-за этого ей пришлось закладывать гораздо более широкую

петлю. У магического свина на шее было ещё одно уязвимое место — загривок. Если ударить со стороны спины под правильным углом, то лезвие «пальмы» пройдет выше поперечных отростков шейных позвонков и воткнется между первым из них и черепом, перебив спинной мозг. Единственный и фатальный удар. Проблема была в том, что его нужно было наносить на полной скорости Вспышки — а то у копья не хватит кинетической энергии (я ведь говорил, что физику тоже пришлось подучить по лидовским справочникам?) прорезать слои шкуры, сала, сухожилий, мышц и межпозвоночного хряща.

Всё было бы проще, будь у Маши её копье: таранный удар Милки нанизал бы изменённую свинью на него как на вертел, повредив внутренние органы и разом в несколько раз снизив мобильность. А если бы у дочки кузнеца были доспехи и полуторник — то спешившись, девушка разделала бы тварь в одиночку, минуты за полторы прорубившись до сонных артерий на шее… Но у моей напарницы не было копья. А рогатину она сама отбросила перед столкновением — сразу после того, как освободила ноги из стремян и подобралась в седле.

Секач весит раза в четыре больше грузовой химеры, зато Милка разогналась до четверти сотни километров в час. Этого хватило, чтобы снести тварь с копыт. Дочка кузнеца, в последний момент оттолкнулась от седла и перелетела через измененного. Не тот трюк, который можно сделать где угодно, но ровная мокрая луговина для этого подходила. Маше пришлось гасить инерцию кувырком, её здорово протащило по мокрой жухлой траве — но через секунду она уже была на ногах. Я всё это прекрасно видел, пока Вспышка всё быстрее разгонялась по дуге.

Черная химера с жалобным ржанием встала на ноги первой — и успела отскочить, уклонившись от удара клыком. Без лошадиного нагрудника у бедной Милки будет огромная гематома во всю грудь — но лошадь бы на её месте переломала бы все ребра. Пусть. Травма далеко не первая — а заживает на магически сконструированным скакуне всё куда лучше, чем на собаке. Зато супер-свин забыл, куда бежал. Теперь у него был новый враг — или новый обед, как он считал. До тех пор, пока выхватившая воткнувшуюся в грунт неподалеку рогатину дочка кузнеца не врубила лезвие наконечника ему в шею. Стоило твари повернуться в другую сторону, как Милка, встав на дыбы, долбанула в бок твари копытами. А Вспышка уже вывозила меня на траекторию удара. Ещё пара секунд — и все. Мой оруженосец успеет вовремя отскочить, пропуская белую химеру, а я — не промахнусь.

Знакомое ощущение давящего невидимого Света хлынуло, кажется, со стороны леса — сбоку и сзади от меня. Я почувствовал, как кобыла, до того живым механизмом несущая меня к цели задрожала, болезненно вскрикнула совсем не по лошадиному — и скорость начала падать! Оказавшаяся чуть дальше от эпицентра воздействия Милка тоже дернулась в сторону, так и не ударив мутанта. Но сильнее всех отреагировал как раз хряк. В первый раз я услышал, как это туша испуганно *вякает*. А потом кабан наверняка в первый раз в жизни *загалопировал*.

Эмоции я к тому моменту приглушил, потому для себя отстраненно отметил: зрелище было в какой-то мере, наверное, смешным. А еще успел подумать, что Светлый Рыцарь наверняка думал, что сможет прогнать чудовище… в общем, он был прав. Секач рванул, но не в болото, а вдоль по берегу — видимо, инстинктивно сообразив, что так будет быстрее. Прямо на так и не успевших убраться людей, среди которых была женщина в платье.

Я сжал коленями бока химеры — ещё сильнее, чем раньше, через Печать направляя её на ускользающую цель. Скорость удалось сохранить приличной — километров пятьдесят в час, и стоит мне убраться из-под удара церковника, Вспышка опять разгонится. А монстр, наоборот, замедлится: уж не знаю, каким образом он перешёл в такой режим движения, но он был для него явно за гранью возможного, то есть надолго свиньи не хватит. Ну а жертвы…

Люди порскнули в стороны, словно тараканы — лишь женщина так и не смогла встать. Один человек попытался ей помочь, даже вздернул на ноги за локоть, второй рукой опираясь на рогатину, такую же, как у Маши. В следующее мгновение защитник оттолкнул спасаемую в сторону и упёр копье пяткой в землю. Глупо. С таким же успехом можно было остановить танк. Через бьющий в уши ветер я расслышал похожий на выстрел треск — древко словно взорвалось облаком щепы, и маленькая по сравнению с чудовищем фигурка отлетела в сторону. Но эффект, на удивление, был: тварь сбилась с неестественного аллюра, резко потеряла скорость. А Вспышка, болезненно заржав, наконец поднажала.

— Чвак! — копье вошло в загривок. До предела напитав руку зеленью Жизни и сжав что есть силы пальцы, я держал, сколько мог, и выпустил, лишь когда наконечник вошел в кость. Химера пронесла меня мимо, я, прильнув к её шее, краем глаза успел увидеть, что ноги у секача заплетаются, и порождение Шрама падает на бок. Победа.

Эмоции вернулись, болезненно отдавшись откатом в висках. Вспышка тормозила гораздо быстрее, чем разгонялась, и теперь поворачивала, без команды возвращая к поверженному монстру. Всё верно: органы нужно добыть как можно скорее… нужно было бы. Какое-то чувство кольнуло мне сердце… что-то такое я пропустил. На скорости, когда цепляешься глазами за цель все остальное словно размывается. Но… Химера, послушная команде, пронесла меня мимо агонизирующей твари и осадила у отброшенного с дороги мутантом копейщика. Не показалось. При падении с коня Кара приложилась головой, запачкав яркую рыжину и до неузнаваемости изгваздав раздавленной травой и грязью новенький костюм, а повторный полет и падение только усугубили ситуацию, зато мягкая почва опять сработала как демпфер.

— А теперь я заслужила мундир? — я скорее разобрал слова по движению губ, чем услышал.

— Да, — я через силу улыбнулся. Потянулся мысленно к своей Печати, снова врубить блокировку эмоций… и не стал включать. Карина была тренированной девочкой и успела в последний момент увернуться. Почти. Перевела удар в скользящий, который её отшвырнул, но не раздробил кости. Проблема была в другом. Длинная острая щепка, фрагмент разбитого древка рогатины, пронзил грудь девушки справа, ниже ключицы. Из-под торчащей деревяшки толчками выплескивалась кровь.

Все млекопитающие устроены примерно одинаково. Охотнику надо в некоторых пределах знать анатомию — иначе нужный орган добыть не получится. От сердца у зверей и у людей отходит магистральная артерия — аорта. От нее к голове идут сонные артерии, а сама она закладывает дугу и проходит все туловище к ногам, где в районе таза распадается на почечные артерии и бедренные. Именно дугу аорты и пропорола проклятая деревяшка: выплескивание крови толчками указывает на повреждение артерии. Единственная причина, по которой рыжая еще была жива — этот же инородный предмет не давал крови вытекать со всей возможной скоростью. Была бы на девушке купленная мною кольчуга — и Кара отделалась бы ушибами, трещинам в костях и испугом. А сейчас единственным шансом был…

— Магистр Марат! — облегчённо выдохнул я. Мои руки без участия сознания сжали рану вокруг щепы, уменьшая, насколько возможно, кровопотерю. Попутно я выдавливал из ладоней быстро рассеивающиеся потоки своей Стихии — может хоть чуть-

чуть, да поможет. Нужно ведь только время — удержать на границе жизни и смерти еще несколько секунд…

— Маг, бухнувшийся на колени, лишь кинул один взгляд на рану и коротко выдал:

— Без шансов.

Мне потребовалась целая секунда, чтобы осознать ответ.

— Что? — тихо переспросил я.

— Если я прижгу рану, то она умрёт. Если повезет — от болевого шока, а если нет — от отравления продуктами распада, минут за двадцать.

— Но… — у меня в голове никак не укладывалось услышанное.

— Твой вассал, но… Лучше дай ей уйти так, без боли. Далеко не худшая смерть, — спокойно сказал маг. К этому моменту сознание уже покинуло Кару, а лицо побелело, как мел. — Она это заслужила. Пока измененного выловили бы — полегло бы много народа.

Она заслужила.

Я на мгновение поднял голову, успел охватить взглядом все вокруг. Машу, где-то потерявшую китель от мундира, грязную с ног до головы. Сэма и Эдмонта верхом на химерах у поверженного секача. Бегущую от леса фигуру в серебристых доспехах и белом плаще — пользователя Стихии Света грязь не взяла.

Она заслужила.

Я встретился взглядом с Машей — и тут меня окончательно накрыло. На короткое мгновение я словно увидел, что вот так вот, умирая, лежит мой другой вассал.

Она это заслужила?! Ну нет!!!

Я не знал, что и как делать — никто меня не учил. Но я уже умел вкладывать все силы в один-единственный удар. Спасибо за «науку» нарийцу. Точно так же я собрал всю свою магию — и ударил, только без удара. В последний момент я вспомнил наш разговор с пиромантом на крыше: что мания только инструмент, что ей нужно *объяснить,* что делать. Что? Всего лишь срастить края раны. Десять раз видел, как порезы на тварях затягиваются прямо на глазах. На некоторых мутантах — и после смерти. *Восстановить целостность. Стать, как раньше.*

…Я обнаружил, что лежу на спину, пялясь в серое низкое небо над головой. Попытался машинально сесть — и пришлось отталкиваться локтями от земли. Стоп, от земли? Я рывком сел, не обращая внимания на адское головокружение, и уставился на деревяшку в руке. Покрытая бурым застывшим налётом налетом

здоровенная щепка. Перед глазами все плыло, потому я никак не мог понять…

— Она жива, — мастер огня тёмно-красным пятном вращался вокруг меня вместе с остальным миром. — Как ни удивительно, но у тебя получилось.

— Что — получилось? — давя подступившую тошноту, с трудом переспросил я.

Тут перед моим мысленным взором развернулась, перемигиваясь зелеными всполохами, Печать гражданина. И сразу прочистилась голова, вернув доступ к памяти. Чёрт, я что, умудрился израсходовать *всю* свою магию?!

— Первое заклинание, — пробился ко мне голос мага. — Среднее исцеление, судя по всему, в варианте «затворить раны». Я не *видел,* как это произошло, не та Стихия… но по косвенным признакам — коэффициент полезного действия был процентов пять.

— А? — я наконец нормально разглядел магистра, вновь склонившегося над рыжей. Приложив руку к шее девушки, он считал пульс.

— Под ноги посмотри.

— А… — я рефлекторно перевел взгляд ниже, и до меня наконец дошло: мы все: я, дочка рыцаря, пиромант — находились в круге *изумрудно-зеленой* травы. — Охренеть!

— Не то слово, — фыркнул собеседник. — Ты ведь не в курсе, а постороннего не одаренного таким выплеском Силы можно спокойно покалечить или убить. Меня сейчас защитил мой огонь, но помни — Жизнь ведь не только лечить способна.

— Ага, — только и кивнул я. До меня ме-едленно доходило, что же я такое сотворил.

— В любом случае, поздравляю, с манифестацией, — выпрямившись, подал мне руку Марат и помог встать. — *Неофит* Арн.

Глава 15

По комнатам магистра Марата можно было сразу сказать, что тут живёт и работает человек, постоянно имеющий дело с огнём. Каменный пол, облицованные шлифованными каменными панелями стены, а свод потолка полностью обмазан рыжей огнеупорной глиной, из которой делают печи для обжига посуды. Мебель, слава Све… н-да, слава богу — деревянная, но самая простая. И её было очень мало — самый-самый минимум. А ещё — оцените — у человека, умеющего возжигать и тушить пламя силой мысли в каждой комнате стоял противопожарный ящик с песком!

Вообще, надо сказать, дизайн помещений мага выглядел на взгляд землянина крайне стильно. Никаких финтифлюшек, нежно любимых местной аристократией, прямые линии, ровные поверхности — словно маг своими стульями, столами и открытыми стеллажами в Икее закупался. И очень-очень чисто. Один минус — эти каменные хоромы под крышей герцогского дворца тепло держали откровенно плохо. Пиромант, понятное дело, не мёрз, а вот мне приходилось терпеть…

Я вздохнул, покрутил в руках вишнёвую ветку, распустившую одновременно листья и цветы, и сунул в медную вазу ведёрного размера в кучу точно таких же. Взял из вороха прутьев, лежащих по соседству, следующий. По комнате плыл одновременно свежий и сладкий запах, весенний настолько, что просто не верилось, что за окном зима… Интересно, что Марат с этим цветущим веником будет делать? Потому что место в ёмкости кончается, а ветки ещё нет — кто-то сад герцога обкорнал с завидным энтузиазмом. Может, пора уже прерваться? Магистр сказал «пока не устану» — и, честно говоря, я уже изрядно устал. Только не колдовать, а сидеть по-турецки на этой жёсткой тонкой циновке!

Впрочем, пока я решал, прерваться или нет, пиромант пришёл ко мне сам.

— Как успехи? — мастер Огня обошёл импровизированный бело-зелёный куст по кругу, по-птичьи склонив голову на бок.

— Честно говоря, я не очень понял, что тут было трудного, — пожал я плечами. — Главное — понять принцип… и повторить достаточное число раз. Мне кажется, я уже во сне смогу эти ветки проращивать.

— Во сне — точно не надо, — серьёзно посмотрел на меня магистр. — Давай проверим результат.

Марат опустился рядом со мной, легко и непринуждённо повторив позу со скрещенными ногами, которую я за пять

прошедших с Большой Охоты дней уже успел тихо возненавидеть. Маг наугад выудил необработанную ветку, и протянул мне, не отпуская руки. Я взялся за черенок у места обреза, и мужчина положил мне ладонь на руку. Та ещё поза, если смотреть со стороны, н-да. Но — ничего не попишешь: магию чужой стихии невозможно увидеть, только ощутить. Кстати.

— Марат, можно вопрос? — спросил я, одновременно напитывая Жизнью ветку. Оказалось, направлять магию в живой объект было проще простого. Правда, понял я это только на третьи сутки тренировок, в очередной раз пытаясь не допустить рассеивания энергии в пространстве. Даром что у меня получался теперь не туман, а едва ли не визуальный (для меня) аналог джедайского меча — расход Силы в пустоту был колоссальный. Благо, на голых камнях энергии было впитываться некуда. Соответственно, я пытался вместить поток в толщину прута — а заодно и изогнуть… и вдруг внезапно понял, как проводить *напитку*. После чего дело пошло бодрее. Собственно, я уже утром добился полного отсутствия паразитных потерь, по крайней мере, на глаз, но тренировать ещё было что.

— Если тебе не мешает, давай поболтаем, — легко согласился владелец бордовой мантии.

— Свет, — медленно и аккуратно проговорил я, следя за реакцией собеседника. — Почему мы его *видим*?

— Причём и одарённые, и нет, — договорил за меня магистр и немедленно переспросил. — А сам как думаешь?

— Из того, что я *знаю,* напрашивается только один ответ, — за пять дней я уже усвоил некоторые правила, по которым работал «режим наставника» у пироманта. Отвечая вопросом на вопрос, он никогда не предполагал ответ «даже не догадываюсь». А если предполагал — либо рассказывал сам, либо честно и прямо объяснял, почему рассказать не может. — Мы *все* одаренные светом. Но…

— А почему тебя вообще смущает подобная ситуация? — прислушиваясь к своим ощущениям, закрыв глаза, отозвался огневик. — Есть очень-очень слабые одарённые других стихий, почему не быть так же со светом? Просто распределение другое: абсолютное большинство людей одарены Стихией Света очень слабо, но достаточно, чтобы *видеть* её применение.

— То есть одарённые двух других стихий тоже бывают? — ошеломленно пробормотал я. Сюрприз! На ветке тем временем лопнули почки, и из них полезла нежно-салатовая зелень пока ещё малюсеньких листочков, росших прямо на глазах.

— Нет, не бывают, — маг раскрыл глаза и посмотрел на меня. — Есть несколько теорий, почему так происходит, приведу

тебе одну из популярных, которая мне больше нравится. По ней Свет — *базовая* Стихия, а то, чем одарены и владеем ты и я — это, можно сказать, надстройка. То есть Огонь, Воздух, Вода, Молния и Жизнь — это всё *светлая* магия. Хорошая гипотеза, по которой получается, что овладевшие своей стихией люди-одарённые не предатели Света, как считают некоторые иерархи Белой Церкви, а наоборот, фавориты. Избранные.

— Стоп, — факты, доведённые до меня сейчас Маратом, внезапно сложились у меня в голове, как куски мозаики. — Ты сказал: «абсолютное большинство людей» чувствительны к Свету? А эльфы?!

— А эльфы — нет, — подтвердил мою догадку магистр. Охренеть. У ксенофобной платформы учения Белых о превосходстве человеческой расы есть вполне конкретный, можно сказать *материальный* базис. Охренеть! Я в шоке… — Но и к созданиям *Тьмы* их отнести тоже нельзя.

— Тьмы? — открытие несколько выбило меня из колеи.

— На изменённых Свет оказывает очень мощное, я бы сказал сокрушительное деструктивное воздействие, — направил мою мысль по новому руслу мастер Огня. — Следуя терминологии клириков Белых, которая меня по сам понимаешь каким причинам не очень устраивает, тёмных магия Света *жжёт*. Ты сам мог видеть, как не боящийся никого и ничего мутант так *испугался* слабой атаки Валериана, что немедленно бежал без оглядки.

— А ещё он едва… не сорвал мою атаку, — я скривился, и лишь усилием воли удержался от парочки более крепких выражений. Болезненный вскрик Вспышки, падение скорости — и как результат Карина, умирающая прямо на моих глазах! Так, проехали… проехали, я сказал. Магия — это всего лишь инструмент, и любой инструмент можно применить криво и неправильно. А Вал — недообученный боевой маг Церкви, которого, как я теперь понимаю, в герцогство Берг засунули за тем же, зачем я пять дней мучаю несчастные вишнёвые ветки: набить руку на практическом применении Стихии. Увы, но восприятие магии строго индивидуально, и каждый пользователь магии, неважно какой, ищет собственный путь для контроля над ней. Отсюда, например, и манера обучения Марата, как я понимаю, общепринятая для магов-наставников: учитель задаёт наводящие вопросы, а ученик ответить на них должен сам. — Получается, Повелители Жизни с точки зрения Белых — страшные еретики и предатели, плодящие новых тёмных созданий, включая разумных?

— Не без того, — хмыкнул мужчина. — Но с другой стороны

— чтобы победить врага, его сначала надо *понять*. Церковь — достаточно большая организация, и в ней хватает радикалов, но достаточно и тех, кто мыслит рационально. Без химер невозможна ни быстрая почта, ни быстрое перемещение людей и грузов на большие расстояния. А ещё «темные создания» под контролем республики помогают удерживать значительную часть границы Шрама. «Если тьма побеждает тьму, то тьмы в любом случае становится меньше».

— Ясно, — я прекратил подачу Силы. — Готово, магистр.

Марат придирчиво осмотрел черенок со всех сторон, но так и не нашёл, к чему придраться. Если поток Жизни передержать, то вместо красивой цветущей ветки с молодыми листочками получится жухлая, некрасивая хворостина с увядшими жёлто-коричневыми листьями и опавшими лепестками цветов. Как я уже убедился за прошлые дни, если поместить комель обрабатываемой палки в воду, то эффект сгладится, проявится позднее, позволив листьям вырасти больше — но и только. Думаю, дело в свете — солнечном, а не Стихии — с которым в хоромах мага туговато, ибо зима и узкие окна-бойницы, и, скорее всего, в микроэлементах. Отсечённая часть растения при раскрытии почек и росте листьев-цветов тупо расходует накопленные с осени запасы: первой кончается вода, а потом — питательные вещества. Что такое «фотосинтез» я в общих чертах представляю, ну и кто из землян не слышал про удобрения?

— Хорошо. Очень хорошо, — констатировал пиромант, засовывая ветку в вазу и критически разглядывая получившуюся экибану. — Я так ничего и не почувствовал, даже когда ты испытывал не самые приятные эмоции и разговаривал. Больше тебе не нужно у меня тут торчать и держаться подальше от неодарённых.

Подавить облегчённый вздох стоило большого труда. Наконец-то.

* * *

«Госпиталь» в резиденции де Берга находился буквально в двух шагах от покоев пироманта — это очень хорошо говорило о том, *кому* именно Эдмонд больше доверяет в плане оказания медицинской помощи: боевому товарищу или своим *врачам.* Рыжая держалась из последних сил — в смысле, более-менее лежала под одеялом, а не бежала куда-нибудь сломя голову, размахивая мечом. Увы, но к несчастью для дочки рыцаря, медицина уже сказала ей «в морг» и теперь очень недоверчиво

отнеслась к результату выздоровления.

— Арн! — девушка едва не выпрыгнула из постели, когда я вошёл. К счастью, она вовремя вспомнила, что, мягко говоря, не совсем одета — и тут же натянула одеяло едва ли не по самый нос. — Ты уже!.. Прости меня!

— Позови сэра Марию, — попросил я служанку-сиделку, проводил взглядом суетливо удалившуюся из комнаты простолюдинку и мягко улыбнулся вассалу. — Всё в порядке, я знаю. И повторил бы то, что сделал, даже если бы знал заранее.

Герцогский суд состоялся по расписанию — де Берг был не большим любителем переносить свои планы в угоду жизненным коллизиям. Я на него попасть не смог, разумеется, но моё присутствие там ничего бы и не изменило. Манифестация магии Жизни произошла на глазах у кучи людей, у Эдмонда не было и шанса закрыть на это глаза. Маг, как и бард — это отдельная социальная категория. Такой человек может быть благородным — титула лишить нельзя, но отдавать землю под контроль тому, у кого, мягко скажем, совсем другие заботы…

— Я… Я… — ресницы рыжей подозрительно задрожали.

— Ты жива, и это — главное, — всё так же мягко сказал я ей, садясь рядом с ней на край кровати. Сказал чистую правду. Когда рядом с тобой умирает человек, не враг, не противник — что-то меняется в голове. Оттого совершенно посторонние люди бросаются спасать из воды утопающих, причём иногда даже сами не умея плавать, оттого прохожие бросаются в горящий дом спасать чужих детей, оттого становятся врачами скорой помощи. А Кара уже стала для меня *не* посторонней. Черт с ним, с баронством. Как-нибудь ещё заработаю. В конце концов, триста сорок восемь золотых, половина заначки из тайника Купы — отличный результат за две с небольшим недели командировки. Причём жизнью за всё это время я рискнул всего один раз — и не во время драки с болотным секачом: даже по сравнению с Охотой в Эрсте экономическая эффективность очень достойная. Не зря съездил.

Я машинально положил руку на растрёпанные рыжие прядки и провёл рукой раз, другой. Покачал головой и аккуратно стёр пальцами мокрые дорожки на щеках девушки. В критической ситуации человек всегда показывает, кто он на самом деле. С того момента, как Вспышка учуяла тварь, мне ни разу даже в голову не пришло подумать, *зачем* я делаю то, что делаю. Без доспехов, без большей части оружия, не зная, кто противник, с урезанной возможностью к манёврам бросаться очертя голову в сторону врага… м-да.

А ведь можно было вернуться в поместье, довооружиться,

найти герцога, узнать разведданные, и только потом поехать «совершать подвиг», который бы смотрелся в таком случае гораздо более выпукло. Трупы невинно убиенных жертв разом придают работе по устранению чудовища веса в золоте в глазах заказчика. Так работают профессионалы: расчётливо, цинично, без лишней суеты, взвешивая и просчитывая каждый шаг. И обязательно максимально окупаемо. Когда-то я думал, что и мне нужно так поступать. Что ж, попадание расставило всё по местам: не быть мне «профессионалом». Для этого нужно считать людей расходным материалом, не кого-то конкретного, а априори — всех. Видеть вместо людей — шахматные фигурки, юнитов из компьютерной стратегии. Спасибо — но нет.

— Я не знаю, что мне теперь делать… — тихо призналась мне Кара.

— Ждать награды от герцога, — опять улыбнувшись, посоветовал я, снова погладив болезную по голове. — И поправляться, конечно. Ты ведь не хочешь, чтобы получилось, что я зря старался?

Кара отчаянно замотала головой. Рыжая, уверен на сто процентов, тоже не думала, вставая на пути у порождения Шрама. Она и в обычной жизни сначала делала, а потом думала, а тут счёт шёл буквально на мгновения. Но когда молодые здоровые парни, все дворяне, не помня себя задали стрекача от приближающейся твари, она пошла навстречу опасности. И, пусть скорее случайно, совершила подвиг. Именно такие люди поворачивают ход войн и выигрывают битвы там, где рациональные и циничные спасают собственную шкуру. Уверен, де Берг уже оценил: на войне, пусть это и война против лишённых разума чудовищ, некоторые вещи быстро становятся насквозь очевидными.

Дверь в палату тихо скрипнула, я повернул голову на звук… и сообразил закрыть рот только секунды через три.

— Я… п-пришла, — Маша под моим взглядом запнулась и начала стремительно краснеть, сцепив в замок руки за спиной и старательно глядя в сторону. Ох… Вот это да!

Мой рыцарь сегодня была без доспехов: брюки от мундира, новая рубашка вместо пострадавшей во время приземления после прыжка с Милки. Всё то время, пока мы находились на территории королевств, дочка кузнеца практически не расставалась с бронёй: мне пришлось заставлять её переоблачиться к Большой Охоте. И вот, о чудо — условно-гражданская форма одежды выбрана *добровольно*! Впрочем, чудо вполне объяснимое.

— Отлично выглядишь, — с чувством сказал я.

Маше досталось относительно счастливое детство, по крайней мере по меркам королевств: она не голодала, более того, всегда ела досыта. Ну а что с младых лет выполняла вполне серьёзные, взрослые работы — так в деревнях это норма. Потому, скорее всего, девушка и пережила все те испытания, что выпали на её долю: предательство, далеко не комфортное путешествие с караваном будущих рабов, роль «груши» для отработки ударов на Арене.

Такое прошлое не могло пройти бесследно: усиленное питание и ускоренная магически регенерация делали своё дело, но с последствиями истязаний так и не смогли справиться до конца. Видимо, требовалось нечто большее, чтобы организм девушки вспомнил наконец, что хозяйке нужны не только стальные мускулы, но и женственная плавность в линиях тела, те самые «волнующие изгибы», которые так любят приписывать всяким таинственным незнакомкам рыцарские романы. Наверное, хватило бы просто времени — я уже начал замечать положительные изменения. Но тут у меня произошла манифестация, а Маша, как я только сейчас осознал, в этот момент стояла практически рядом со мной!

Магистр Марат не зря предупреждал об опасности слабо контролируемой Стихии для неодарённых. Энергия, способная во много раз ускорить и усилить процессы жизнедеятельности в клетках организма, способна натворить таких дел, что представить страшно. А представлять надо — так, и только так можно вместо опасной для всех способности получить полноценный инструмент.

Чёрт. Пиромант не мог не заметить, что под заклинание попал ещё один человек. Правда, сделать он с этим тоже ничего не мог, а мне нужно было не дёргаться, а тренироваться, брать под контроль дар. А может, просто догадался о причине, почему с рыцарем не случилось того, что случалось с вишневыми ветками, на которых я передержал воздействие Жизни. Догадался, но тактично промолчал. Печать подчинения, наполненная моей магией, сработала как аккумулятор: поглотила импульс и не дала Силе бесконтрольно воздействовать на тело где попало, израсходовав излишек энергии там, где нужно. И это «где нужно» теперь прекрасно было заметно даже сквозь одежду.

Грудь девушки больше не *угадывалась*, она являла себя во всей красе, натянув ткань — вот теперь пол моего оруженосца у стороннего наблюдателя сомнения вызвать не мог в принципе. Бёдра тоже заметно округлились, настолько заметно, что плечи

девушки больше не казались чересчур широкими. Лицо окончательно помягчело, щёки обзавелись милыми ямочками. И волосы — волосы вновь отросли, да настолько, что Маше пришлось заплести короткую толстую косу! Дела-а… Дочка кузнеца, пока я её зачарованно разглядывал, дико смущалась — но при этом выбрала такую позу, чтобы мне все перемены были как можно лучше заметны. А ещё я наконец заметил лёгкие-лёгкие штрихи косметики: чуть подведённые брови, подкрашенные ресницы… а вот на помаду кое-кто не решился. Похоже, не только её тело смогло окончательно себя исцелить — Маша снова не только хотела, но и перестала наконец подспудно *бояться* быть женщиной.

— А вот и я, — с новым скрипом в дверь заглянула Мила, и я немедленно понял, кто моему оруженосцу с косметикой помог. Баронетта как всегда выглядела безупречно: в светлом, полностью закрытом зимнем платье, со своей любимой сложной прической, полной художественно свисающих прядок… в этот раз зачёсанных на один глаз. Когда она повернула голову, я успел разглядеть уже изрядно выцветший «фонарь». Марат, когда я отошёл от итогов боя достаточно, чтобы начать соображать и задавать вопросы, рассказал: когда лошади при виде болотного секача понесли, блондинка пострадала больше всех. То ли из-за конструкции женского седла, то ли по стечению обстоятельств, с землёй она повстречалась сначала головой. Влажная и мягкая почва берега не дала сломать наезднице шею, но от сотрясения мозга не спасла. Вот почему она не смогла убраться с дороги напуганного Валом суперкабана. Н-да, а я во время боя её даже не узнал… — Представляешь, я и второго твоего вассала не смогла запихнуть в платье. Признавайся, ты ведь их просто коллекционируешь?

— Рад, что с тобой тоже всё в порядке, — я не стал отвечать на дурацкие вопросы, просто встал и обнял девушку. Секунду мы смотрели друг другу в глаза… а потом блондинка разрыдалась навзрыд, громко и отчаянно, прижавшись лицом к моему плечу. Утешали Милану втроём: отпаивали водой, обнимали по очереди и вместе, говорили ей всякую ласковую чушь, лишь бы успокаивающе звучало. В итоге Кара просто утянула бывшую госпожу к себе под одеяло, прямо в платье, и там обхватила руками, прижавшись к спине, а я держал невесту за тонкие холодные пальчики, периодически гладя по голове. *Бывшую* невесту, конечно же — это за богатого и ушлого барона Трамонт Пэр был готов выдать свою дочь, а вот за какого-то там даже не мага пока, а неофита…

— …В тот день… хлюп… я упала… и всё как в тумане…

хлюп… а утром проснулась — и вдруг всё поняла-а-а! И испуга-а-алась! И теперь боюсь!

У Милы оказалась поистине стальная выдержка: она позволила себе разреветься и показать слабость только сейчас. Из сбивчивых, прерываемых всхлипами фраз я понял, что девушка попыталась отстоять свой брак, пусть уже на обычных условиях и в процессе в первый раз в жизни по-настоящему, а не демонстративно вусмерть разругалась с отцом.

— Д-думала, может с-смогу сбежать с тобой… хлюп… как глупая девчонка из романа… хлюп… но не могу! Мне страшно! Боюсь будущего… Даже за ворота замка выйти страшно!

Страшно… Страшно — не то слово. Я сам в первый раз без особых колебаний пошёл на секача только потому, что не совсем понимал, с *чем* мне придётся столкнуться — ну и потому что выбора не было. Собственно, и после победы не до конца понял. Только обнаружив следы лёгкого завтрака нарийского тигра, до меня дошло, насколько твари более опасный противник, чем обычный, пусть самый большой и хищный зверь. Но к тому моменту я разобрал уже столько изменённых, что открытие мало на что повлияло. А для человека, ни разу в жизни не державшего копьё, монстр, способный раздавить человека походя, как букашку — более чем оправданный повод обзавестись фобией на всю жизнь.

— Я научусь убивать этих проклятых тварей, — задеревенев лицом, пообещала рыжая. — Арн, которого я от разных придурков защищала в детстве, смог — и я смогу. Ни одно чудовище до тебя не доберётся. Вообще ни до кого не доберётся, там, где я.

— Будешь защищать меня? — сквозь слёзы улыбнулась баронетта.

— Арн *стал* магом, чтобы меня спасти, — всё так же твёрдо припечатала Кара. — Моя вина, прости. Хоть так искуплю.

И ведь это она серьёзно: успел убедиться — если рыжей что-то в голову втемяшилось — молотом не выбить. Ну что ж… наверное, так даже лучше. Для всех. Я ведь понял, чего ещё испугалась Мила, отчего предпочла остаться дома, а не броситься в неизвестность с человеком, который так напугавшего её мутанта и завалил. Нет, дело не в манифестации дара, и даже не в том, что убежав против воли отца баронетта лишится всех прав на наследство и той доли с доходов манора, что выделял дочке Трамонт. Можно было бы кивнуть на неуверенность во мне, но, думаю, дело в другом: девушка решила, что станет мне обузой. Иждивенкой, в отличие от Маши ничего не умеющей из по-настоящему нужных спутнице будущего мага и истребителя тварей вещей. Высший же свет любой из столиц королевств

беглянку-смутьянку, пошедшую наперекор родителю и *лично* за душой имеющую теперь лишь титул и герб, но не земли, просто не примет за свою. Тем более, если она ещё и жена мага! Не в чести здесь и сейчас такое. Что ж, повторюсь: наверное, так даже лучше. Пусть и мне, и Милане будет грустно, но… жизнь продолжается. Лучше легкая грусть и светлая память о закончившемся хорошо приключении, чем сожаление на всю жизнь.

* * *

Де Берг вызвал меня к себе где-то часа через два. Что интересно, присланный за мной слуга повёл меня не в тот пафосный зал, где Эдмонд меня в первый раз принимал, а куда-то в сторону личных покоев. Да, я, похоже, уже начал немного ориентироваться во дворце герцога. Когда передо мной распахнули тяжёлую дверь, я удивился ещё больше: по центру относительно небольшой комнаты с камином стоял массивный стол, на котором паром исходили многочисленные блюда, а вот кресел с высокими спинками стояло всего два. По местному этикету приглашение разделить приём пищи — чуть ли не вершина благорасположения, недаром Сэм регулярно устраивал званые обеды, но к завтракам своим допускал лишь немногих избранных. А тут… совсем уже высший пилотаж гостеприимства.

— Моя малая трапезная, — из другой двери появился и сам герцог, знаком выставляя слуг наружу. — Ты и не представляешь, Арн, как иногда хочется поесть спокойно, не под десятком заглядывающих тебе в рот взглядов.

— Ваша светлость, — я поклонился.

— Можешь звать по имени, — походя отвалил мне ещё одну жирную плюшку де Берг, и пояснил. — Я видел, как ты и твой оруженосец снесли тварь… и снесли бы вообще без жертв, не реши Валериан так не вовремя вмешаться. Я оценил.

— С-спасибо, — вот так, рядом с этим далеко не молодым мужчиной я волей-неволей чувствовал себя немного скованно.

— Знаешь, — Эдмонд подвинул себе кубок, тарелку с кусками жареного мяса и бутыль с вином, небрежным жестом предлагая мне проделать те же процедуры и самому. — Твой отец, когда он в последний раз приезжал в поместье Бертран, уже будучи ван дер Хортом, очень скептически отзывался о тебе. «Маменькин сынок» — это было самое вежливое, что я услышал от Кристиана в твой адрес. Мы тогда всё ещё считали друг друга близкими

друзьями, несмотря на… На то, что выбор жизненного пути развёл нас уже очень, очень далеко. Крис не любил жаловаться попусту, слабостей он не терпел прежде всего в себе, вообще был человеком резких суждений. С Лили они отлично друг друга дополняли — с этой парочкой боялись связываться даже короли и Церковь. Жаль, что именно твоё рождение в какой-то мере стало началом их размолвки. Оно — и то, что примерно тогда же Крис поставил для себя службу выше всего остального. Выше семьи, выше детей, выше любимой… выше себя самого.

Герцог пригубил вино, закусил мясом. Я молча внимал этим неожиданным откровениям.

— Ты не помнишь его другим, — Эдмонд бросил на меня короткий острый взгляд. — Но я — я помню. Добрым семьянином, заботливым отцом, надёжным, самым верным товарищем, которому без оглядки можно доверить спину в бою. Не знаю, когда всё изменилось. В тот, последний раз, когда он приехал сюда *сам*, я ещё видел в Крисе тень его прежнего. Дальше — уже нет. Уничтожить как можно больше изменённых, уничтожить их всех — единственное желание, которое у него осталось. Кого другого давно заклеймили бы безумцем, но только не Кристиана Бертрана ван дер Хорта, Героя Рубежа. Когда он объявил поход к центру Шрама, не нашлось никого, кто сказал бы слово против. Я тоже смолчал. И многие, я уверен, вздохнули с облегчением…

Де Берг вновь посмотрел — в этот раз внимательным, долгим взглядом. Не знаю, чего он именно ожидал увидеть, но никакой определённой реакции от меня не дождался. В отличии от Лилианы, заочно познакомиться с которой мне удалось через записи на полях справочника, Кристиан Бертран так и остался для меня чужим, совершенно посторонним человеком.

— Я *знаю*, тот Крис, который когда-то стал моим другом, гордился бы тобой, — наконец произнес герцог. — На берегу болота в тебе я наконец-то разглядел его наследника: непреодолимая для других преграда для тебя, совсем как для него, стала лишь досадной помехой. И я, если ты не понял сейчас, не о твари. С Маратом мы тоже давно дружим, и я немного представляю себе, что такое манифестация в восемнадцать лет. Не для сопливого мечтателя-восьмилетки, смотрящего в рот наставнику, а для молодого воина, способного за секунды составить и реализовать единственно верный план атаки. Зря Марат мне не поверил, что «месяц по самым оптимистичным прогнозам» для тебя пройдёт за неделю. И не думай, что я забыл, как ты буквально на пустом месте организовал торговую экспедицию. Лили, вижу, тебя многому научила — она тоже на

подобные фокусы была мастерица. Если её, конечно, получалось заинтересовать проблемой.

— Я… — надо было что-то сказать в ответ: Эдмонд, похоже, пытался исправить за погибшего друга его родительскую ошибку — ну, как умел, и реагировать на это равнодушно было… неправильно. Вот только и эмоций по-прежнему никаких не было. В итоге я через силу выдавил из себя только слово «спасибо».

— Не благодари, — мужчина поморщился. — Ты и без всех твоих личных заслуг перед моим герцогством должен был стать бароном. А уж после победы над секачом я мог суд вовсе не собирать: за глаза одного факта хватило бы, даже будь ты Кристиану не сыном, а двоюродным племянником. Но нет, именно сейчас я вынужден следовать самым тупым традициям, потому что иначе тупые идиоты и до Зара Шестого не постесняются дойти. Ну как же — мага поставили бароном, а если у того хозяйствовать лучше, не дай Свет, получится? Тьфу!

Полковник в отставке хватанул кулаком по столу, заставив подпрыгнуть тарелки, но тут же взял себя в руки.

— Прости. Ты просто не представляешь, что тут было, когда Крис объявил о свадьбе с Лилианой. Местные клуши под предводительством двух главных куриц — баронесс Бюсс и Верона — объявили, видите ли, бойкот «наглой простолюдинке». Ещё и в лицо, собравшись толпой для храбрости, ей это сказали. Счастье, что твоей матери всегда было плевать на чужое мнение, и она над идиотками просто посмеялась. Хотя, может и не просто — потому что за двадцать пять лет только у Пэра дочка и родилась, у остальных исключительно сыновья… С Лили сталось бы, «чтоб своё неполноценное восприятие мира дальше не передавали».

Де Берг прервался, вздохнул, налил себе ещё вина, залпом выпил.

— Потом, после того, что твоя мать на пару с отцом сотворили в Горловине Шрама, а наши, вернувшись, поделились впечатлениями, даже до самой последней идиотки дошло: рот лучше держать на замке. Но ты — не она. Пока что, во всяком случае. Но я-то — всё-таки герцог здесь, потому… если у тебя есть что просить — не стесняйся.

— Да, — медленно проговорил я. — У меня есть одна просьба…

* * *

— Будь щитом для слабых и нуждающихся, да не дрогнет

твоя рука.

Левое плечо.

— Будь мечом карающим, и да не дрогнет никогда твоё сердце при виде врага.

Правое плечо.

— Будь верным опорой — и да не дрогнет и дальше твоя душа в час испытаний!

Аккуратно коснуться плоской стороной острия «пальмы» склонённой рыжей головы.

— Сим нарекаю тебя рыцарем, *леди* Карина.

Сейчас, заполненный народом, большой зал с возвышением для герцогского трона производил совсем иное впечатление. Яркий свет множества ламп разогнал тени до самого потолка, а на помосте дополнительно были установлены факелы — уже не столько для освещения, сколько для создания атмосферы сакрального действия. Мой голос в гулкой, звенящей тишине отражался от старинных сводов, отчего каждое слово казалось весомым, словно вытесано из камня. Мне пришлось слегка изменить слова рыцарской присяги в угоду ситуации, но вот оружие осталось прежним: эльфийское копьё, сразившее монстра, было в таком ритуале куда как почётнее, чем какой-то там, пусть самый дорогой и красивый меч. Знали бы они, сколько на самом деле пробило шей и сердец тварей подаренное мне Сатарой оружие — небось кое-кто из присутствующих в обморок бы грохнулся. От зависти.

Пока шло торжественное действо, я поймал на себе с десяток недобрых взглядов: в основном от тех, кто так браво бежал от секача. На берегу болота в тот момент, когда изменённый проломил стену камыша, собралось четыре охотничьих группы. Половину народа, включая Джока, унесли обезумевшие кони — и не сказать, что им так уж повезло: это в полугнилую осоку, стянувшую корнями верхний слой полужидкой грязи, падать было практически безопасно, а вот в лесу хватало корней и прочих твёрдых и опасных для жизни предметов. Эти тоже смотрели, но уже на дочку сэра Матиаса, и в их глазах аршинными буквами читалась фраза «а вот я бы на её месте!!!» Хорошо, что Кара пребывала в таком благоговейном состоянии, что напрочь ничего не замечала. И это я её заранее предупредил, когда принёс новенький синий плащ и обещанный мундир. Эх, замковым мастерам иглы и раскроечных ножниц до лидовских портных всё-таки далеко… Ладно, пора приступать ко второй части — и вот о ней рыжая была не в курсе. Ничего, от положительных эмоций, вроде как, умерло куда меньше народа, чем от отрицательных. Да и уже почти поправилась она.

— Леди Карина, твоё служение мне было кратким, но верным. Исполненным истинного следования ценностям благородного человека, — дочка управляющего подняла на меня глаза, печально улыбнулась. — Я освобождаю тебя от обета: отныне лишь честь — твой господин. Следуй за ней, или найди достойного вести тебя далее, если таковой найдётся.

— Найдётся, найдётся, — не дал эху моих слов умолкнуть де Берг, поднимаясь со своего кресла. Я увидел, как расширяются от удивления глаза девушки и одними губами прошептал: «награда». — Сочтёшь ли ты меня достойным сюзереном, о благородный рыцарь?

— Д-да, — только после моего незаметного одобряющего кивка смогла выдавить из себя рыжая.

— Тогда — на колено! Я, лорд Эдмонд де Берг, милостью короля нашего Зара Шестого герцог земель этих, говорю: отныне ты — мой вассал. Твоя оружная рука — продолжение моей воли, твой голос — мой голос. И дабы тебе нести с честью груз долга сей и учтя совокупность заслуг, нарекаю тебя, Карина, дочь рыцаря Матиаса, *баронессой* Бертран. Владей землёй, правь людьми, суди с честью, преумножай богатство — будь мне опорой во всём.

Если и до этого в зале было тихо, то сейчас повисла какая-то просто запредельная тишина. Кажется, народ на несколько секунд просто забыл, как дышать. Кара вообще превратилась едва ли не в изваяние — чего-чего, а вот такого она точно не ожидала. Вообще, почти доставшийся мне манор после всех этих инцидентов теперь должен был отойти либо моей здешней сестре Жанне (формально — её малолетнему сыну), чей представитель до сих пор болтался где-то во дворце герцога, либо жалкому ничтожеству Васту. Двоюродному дяде, разумеется, после вскрытия сговора с Горацием не грозило ровным счётом ничего хорошего, передавать манор младенцу и его мамаше, ещё и замужней за рыцарем из другого королевства, Эдмонду тоже было как-то не с руки. В иных обстоятельствах герцог попытался бы удержать землю под своей властью, но сейчас, оставшись без управляющего, готов был передать решение о передачи актива сюзерену — чай, тех, кого можно наградить землёй, всегда целая очередь стоит. Но тут вмешался я.

Юридически, для его величества, всё было оформлено следующим образом: в права наследства я всё-таки вступил — помните, де Берг мог больше не спрашивать герцогский суд даже формально. Правда, я немедленно и добровольно вынужден был отказаться от манора, как действующий волшебник, и права перешли наследнику. Честь по чести оформленному посредством

завещания.

Собственно, к моменту принесения присяги герцогу Кара уже была фактически баронеттой и в возведении сначала в рыцарское достоинство не нуждалась. Точнее, нуждалась, но раньше: я должен был назначить достойного наследника, то есть как минимум рыцаря, и потому процедура была нужна… Короче, кому интересны скучные процессуальные подробности? Если среди королевских чинуш найдётся самоубийца, решивший проверить легитимность документов — то он даже до герцогства не доедет: ретивого простолюдина грохнут сотрудники тайной службы Зара. Что ещё за мода такая лезть внаглую на лучших дворян королевства, опору трона?

…Эдмонд взял из рук Сэма сложенный серый плащ, расправил его, заодно демонстрируя всем герб Бертран на фоне зелёного поля, и лично накинул на плечи рыжей. Правда, для этого мне пришлось помочь бывшему вассалу встать… честно говоря, я просто вздёрнул её на ноги и поддержал, помогая сохранить равновесие. А Маша помогла справиться со ставшей вдруг такой непослушной застёжкой на старом плаще.

— А теперь, друзья мои, приглашаю разделить со мной праздничный обед, — громко объявил де Берг. — Столь радостное событие просто нельзя не отметить!

Определённо, Эдмонд — сам тот ещё маг. Только что застывшие словно ледяные статуи подданные немедленно подали признаки жизни, заговорили и потянулись к широким дверям. Я сам всё ещё стоял на возвышении, и потому заметил, что Валериан не последовал за всеми, двинулся к боковым дверям. Там он на мгновение оглянулся, ища кого-то глазами, увидел, что я за ним слежу, зло сплюнул под ноги и, взмахнув белой накидкой, вышел вон. М-да.

* * *

— Уезжаешь завтра? — для проформы спросил меня Марат, когда я пришёл в его покои за немногочисленными своими вещами. Когда я покидал большой трапезный зал — здоровенную квадратную комнату со столами, составленными буквой «П» — веселье там только набирало обороты. По своеобразному регламенту таких мероприятий, они продолжались, что называется, «до последнего человека»: герцог через час-два тусовку покидал, после чего её можно было покинуть и остальными, но можно было и остаться, есть и пить можно было

сколько влезет. Слово «халява», написанное гигантскими горящими буквами, так хорошо отражалось в глазах большинства сумевших попасть на тусовку дворян, что масляные лампы в зале можно было вообще не зажигать!

— Раз я теперь спонтанной опасности для оказавшихся рядом людей не представляю, то нет смысла ещё чего-то ждать, — пожал плечами я. Пиромант после моего разговора с герцогом с глазу на глаз заставил меня ещё трое суток прожить у него. Довольно забавно было засыпать и просыпаться за своеобразным забором из бутылок и другой подходящей посуды, в которую были воткнуты всё те же вишнёвые ветки. Сам магистр тоже несколько раз резко будил меня, проверяя, не будет ли первой реакцией рефлекторный удар магией Жизни. Но нет, контроль я держал надёжно. — Поеду искать наставника.

Магистр поморщился. Последние три дня я не столько тренировался, сколько выслушивал различные наставления и объяснения касаемо жизни магического сообщества. Обычно у наставника неофита было как минимум несколько лет, чтобы вложить в голову подопечного нужные знания, да и сам ребёнок, находясь всё время подле учителя, быстро схватывал бытовые «мелочи» и запоминал неписаные правила и традиции. Рассказать всё это за три дня… недовольство мастера Огня можно было понять. Кроме того, по принятой внутренней этике колдунов, считалось, что если уж ты взялся кого-то наставлять — так уж доделай до конца, пока не пристроишь неофита в одно из четырёх высших учебных заведений для одарённых. Марат же, по сути, научил меня контролировать одно-единственное воздействие моей Стихии на окружающий мир — и отпускал в свободное плавание.

— Помнишь, я тебе говорил, что никогда не учил восемнадцатилетних неофитов? — наконец словно через силу произнес он. — В контроле над магией ты прогрессируешь куда быстрее, чем ребёнок. Проблема в том, что манифестация у ученика обычно происходит после того, как наставник медленно и постепенно помогает ему осознать и почувствовать свою Стихию. Учитель *знает*, что происходит в голове его подопечного, оттого необязательно, чтобы стихии совпадали. Наоборот, специалисты-педагоги *рекомендуют* подбирать по возможности наставника другой стихии, дабы неофит максимально самостоятельно развивал свой дар, а не копировал не совсем подходящие для него наработки старшего товарища. Но… у тебя совсем другой случай. Ты по Силе, Арн, уже полноценный маг, но при этом нулевой базис в навыках, которым обучают до манифестации. И взрослое, сформировавшееся сознание, отчего

ты волей-неволей будешь находить пути овладения той или иной областью своих сил по своему пути. *Я* это знаю, я видел сам, как ты справляешься с первым своим проявлением силы, но другой наставник этого знать не будет. Даже если ты ему подробно расскажешь… Кроме того, люди, даже если они и маги, разные. Уровень ответственности, интеллекта, педагогические способности, кругозор наконец… Это лично моё мнение, но не думаю, что тебе подойдёт *любой* наставник. Особенно из тех, кто с удовольствием обменяет своё поручительство перед нессарийскими Повелителями Жизни из Университета на золото.

Теперь настала моя очередь морщиться. Свои планы на будущее Марату я пересказал достаточно подробно: каждый совет мага уровня магистра был реально на вес золота, а мне он давал их бесплатно. Кроме того, став неофитом, я попал под корпоративную солидарность сообщества обученных одарённых и теперь чего лишнего посторонним немагам мастер огня про меня просто не скажет. Что ж, я подозревал, что легко не будет.

— Виталистов за пределами Лида живет мало, и все они сидят на королевских контрактах, как я, — как и раньше, высказав несколько тезисов, пиромант принялся подробно их мне объяснять. — Кроме того, я выпускник Академии Арлонда, а в подготовке к поступлению в Университет Нессарии, разумеется, есть своя специфика…

Это он так мягко о милой такой подробности, как подготовка абитуриента к поступлению. В отличии от трёх других маго-ВУЗов, в Университет мог прийти абсолютно необученный одарённый любого возраста — и стать магом. Вот только золота за это нужно было отдать *столько*, что за такой бюджет можно было построить баллистическую ракету с нуля! Ну или *купить* взвод разумных химер и потом, между делом, захватить какое-нибудь соседнее королевство. От скуки, потому что если у тебя есть такие деньги, то грабить нищих соседей смысла вообще никакого нет. Для подготовленного неофита цена пути в полноценные маги была на порядок ниже, но если в подготовке были пробелы — устранять их предполагалось за свой счёт. Точнее, обычно за счёт наставника — как правило именно он спонсировал своего протеже, а не семья и не сам неофит, но это явно не мой случай.

— Я написал своим ученикам, своему наставнику, нескольким знакомым, — у герцогства была на балансе почтовая летающая химера, как оказалось, и Марат, похоже, без зазрения совести воспользовался своим служебным положением ради меня. Приятно, что сказать. — Нашёлся… только один более-менее приемлемый вариант. Пиромант, но, как мне написали, во-

первых, учился в Лиде, а во-вторых — хорошо знает специфику Стихии Жизни. Сейчас постоянно проживает в Варнаве, это столица Эпии, отсюда примерно дня три-четыре пути на юг. Выбор, конечно, за тобой…

— Я с огромной радостью последую Вашему совету, — поклонился я.

Дураков нет от такого подгона отказываться!

* * *

— Уже вернулась? — обрадовался я, застав Машу у двери своей комнаты в гостевом крыле дворца. В руках оруженосец сжимала холщовый вещмешок. — Все забрала? Сделала, что я просил?

— Всё, — почему-то девушка упорно не хотела встречаться со мной взглядами. — Сделала…

— Были проблемы? — я подошел ближе и рыцарю волей-неволей пришлось поднять глаза. Во время герцогского обеда, который правильнее было бы назвать пиршеством (и вовсе не духа, о нет!), я успел хорошо разглядеть, как прихлебатели из свит баронов Бюсса и Вероны вовсю перешептываются, глядя на меня. Определенно, Эдмоду повезло, что Трамонт Пэр такой жмотище, что свиту просто не держит — а то пришлось бы разоряться, чтобы накормить на треть большее число ненасытных ртов. Дочке кузнеца, которая на глазах у всех превратилась из «парня» в красивую девушку, внимания доставалось гораздо меньше — но тоже доставалось. Пожалуй, она была на третьем месте после героини дня — Кары, которую де Берг не просто возвёл в достоинство барона и вассала, но и усадил рядом с собой.

— Н-нет! — запнувшись и покраснев, та замотала головой.

— Тогда что случилось? — решил разобраться я. В баронстве Бертран для нас оставалось лишь два дела, которые я скинул на оруженосца, пока сам общался с пиромантом. Оба простых: забрать наши вещи, ничего не забыв, и… кое-что передать. И это второе поручение было для меня не менее важно, чем первое.

— Ле… Лейла… Когда я отдала ей тот свёрток, что ты мне для неё передал, и она его открыла… И когда прочла ту записку… — Маша с такой силой вцепилась, что прочная ткань затрещала под её пальцами. — Она… расплакалась… А потом сказала, что завидует мне! Я такая молодая и красивая, и могу быть с тобой!

Вот ведь… Кажется, я зацепил блондинку-горняшку куда сильнее, чем мне казалось. Ляпнуть в глаза благородной *такое*! Не будь мой оруженосец сама выходцем из народа — розги на конюшне были бы самым мягким вариантом… Хорошо, что я заморочился, подготовив прощальный подарок. И, наверное, правильно сделал, что не поехал прощаться с ней лично. Не потому, что боялся сцен, а… Одно дело — валять служанку походя, просто потому что она под рукой, и другое — специально вернуться именно к ней перед отъездом. В тайне подобный визит точно не останется ни для кого, а учитывая мою тут репутацию, один Све… одна Тьма знает, к каким последствиям для одной красавицы это всё привело бы. Лучше уж так.

Свёрток, а, правильнее сказать, тюк тоже собирала для моей любовницы Маша: как бывшая деревенская жительница она знала, что должно входить в приданое, без которого по идиотским на мой земной взгляд обычаям ни один, даже самый паршивый крестьянин ни одну девушку замуж не возьмет. В том числе и ослепительно красивую. Думаю, Ле уже собрала кое-что из числа необходимых вещей — всё-таки молодость, как она сама сказала Марише, проходит, а с ней и красота постепенно перестанет быть такой яркой.

Господская служанка — место хлебное, но ведь любому человеку для нормальной жизни не только работа, но и своя семья нужна. Вот теперь горничная точно могла сосвататься в любой момент, и от оставшихся в деревне родственников (которым наверняка продолжала помогать, тратя собственные невеликие сбережения) не зависела. Кроме того, подобные предметы (отрезы тканей, кружева, нитки, всякие полезные и дорогие в здешних условиях «мелочи» вроде иголок-напёрстков-ножниц, украшения) в отличие от просто денег хрена-с-два кто-нибудь из старшей прислуги отберёт в свою пользу — это считалось сильно неправильным поступком. Пусть даже в грубоватом праздничном женском традиционном местном наборе из ожерелья и серег, заколок и бляшки на головной убор серебра было на три полновесные *золотые* монеты, не считая стоимости работ.

— Было что-то ещё? — все-таки я очень хорошо уже знал свою напарницу по охотничьим рейдам.

— Ну… я… ну… — почему-то слова у отважного рыцаря окончательно перестали связываться.

— Просто скажи как есть, — порекомендовал я.

— Она почему-то поняла, что мы с тобой еще никогда не… и я вообще никогда не… не спала с мужчиной! — выпалила

наконец Маша и попыталась провалиться сквозь землю. К счастью, она сама магией не владела, и попытка не удалась. — И она… она…

— Ле тебе что, *советы* начала давать? — охренел я.

— И ещ-щё в-вот, — протянула мне многострадальный сидор оруженосец. Развязав шнур, я обнаружил внутри пыльную оплетенную глиняную бутылку где-то на полведра объемом. Похоже, гоняшки раскопали в подвале заначку то ли молодого Кристиана, то ли вообще пред-предыдущего владельца поместья Бертран. И, сообразив, что нашли неучтёнку, как и положено профессиональным слугам, не выпили и не продали, а припрятали на чёрный день. Ну и ну. Надеюсь, блондинке не сильно влетит от товарок за такой вполне соответствующий моему статусу подарок. — Сказала, т-так проще будет…

— Идем, — я забрал мешок и за руку завел девушку в комнату, захлопнул дверь. — Аккуратно поставил ценную поклажу на пол, нежно притянул к себе красную как вареный рак дочку кузнеца, мягко, без напора поцеловал в губы. Раз, другой — пока она не начала мне отвечать. — Тебе чтобы завлечь меня в свою постель не нужно ничего, кроме твоего собственного желания. Если помнишь, я тебе об этом уже говорил.

— А… — желание определённо было, но нервное напряжение заставило мышцы девушки буквально задеревенеть. Нет, так дело не пойдет.

— Но сначала — попробуем подарок Ле, — решил я. Масляная лампа сойдёт вместо свечи, тем более здесь свечной огонь вовсе не считается романтичным. В конце концов, пара бокалов легкого столового вина — это не стакан семидесятиградусного рома. Поболтаем о чём-нибудь постороннем, расслабимся… блин, надо было вишнёвых черенков у Марата подрезать, самому-то ему они нафиг без меня не нужны. И не забыть запереть две…

— Я всё знаю! — безапелляционно заявила Милана, возникая на пороге. Судя по тому, что створка грохнула о стену, баронетта хорошенько пнула её ногой — тот ещё фокус в платье с длинным подолом.

— Расстояние отсюда до Солнца? — скорее от неожиданности, чем из-за осмысленного желания пошутить выдал я. Блондинка запнулась, и стоящая за её спиной смущенная Карина подтолкнула девушку в спину, вынуждая всё-таки зайти в комнату.

— Де Берг сказал ей, что его разрешение пригласить *дворянку* на должность управляющего в поместье — это твоя идея, —

смущенно призналась рыжая.

— Вот! — словно очнувшись, подняла указательный палец вверх Пэр. — Я иду такая к себе в комнату, предаваться грусти и печали в одиночестве, потому почти-муж подался в маги, моя лучшая и единственная подруга стала баронессой, и только я — жалкая неудачница… и тут меня тоже зовут к герцогу! Что, предупредить было нельзя?! Я бы… хоть план самый примерный подготовила!

— Я просто предложил Эдмонду дать возможность тебе проявить себя, герцог не ответил ни да, ни нет, — попытался отмазаться я, одновременно пытаясь сообразить, что не так. Кара… тихая она какая-то, да еще и этот румянец, что я принял за смущение… А Мила наоборот — слишком уж нарочито-грокая… — Эй, вы что? Напились?!

— Нмножко, — баронетта практически упала на мой стул. — О, а это что? Ещё винишко? Живем!

Похоже, далеко не «нмножко»!

— Де Берг позвал меня после обеда, — призналась Кара. — Поговорить о баронских обязанностях… потому что ты меня тоже не предупредил!

— Ты так говоришь, как будто это *я* сделал тебя баронессой, — покачал я головой.

— Ты! — влезла Милана, уже успевшая сковырнуть сургучную пробку с бутылки-подарка и теперь ищущая, во что налить напиток. — А меня — её управляющей!

— Могла бы и отказаться, — хмыкнул я.

— Я чо, я дура, что ли? — искренне возмутилась блондинка.

— Ну вот и хорошо, — успокоился я. — Твоему отцу, Кара, тоже будет полезно пожить поближе к рекрутам в казарме и подальше от бутылки… и на двойном окладе.

— Интриган! — немедленно ткнула в меня пальцем баронетта. Уверенно ткнула: видать, предыдущая порция спиртного помогла только сбросить напряжение и слегка расслабиться. Думаю, это девушки так на посиделках с герцогом набрались: в королевствах переговоры между благородными не принято проводить на сухую, но у двух молодых леди оказалось недостаточно опыта, чтобы соразмерить свои силы. Думаю, Эдмонд это тоже понял — и вовремя выставил. И, разумеется, парочка подружек попёрлась ко мне. — Хм… откуда такая вкуснятина?

— Я не интриган, — пришлось доставать дополнительные стаканы и сдвигать кресла и стулья к столу. — Я — хороший.

— Хороший? — едва не пролила вино Милана. — А кто, оказывается, собрался завтра уезжать?

А вот это точно герцог меня сдал.

— Я собирался попрощаться…

— Виновен! — договорить мне не дали. Рыжая и Маша молча сдвинули стаканы, наблюдая за этим балаганом.

— Даже от самого лучшего вина, если его перепить, на утро будет болеть голова, — предупредил я, подливая девушкам в подставленные ёмкости. Вино и вправду пришлось по вкусу.

— Ничего, как заболит — так и вылечишь. Ты же у нас теперь *маг Жизни*, — последние два слова Мила едва ли не пропела.

— Я не…

— Виновен!

Кажется, последний вечер в герцогстве Берг будет у меня *весёлым*…

* * *

Темнота. Три часа ночи. Тишина, но не полная — уютная такая, разбавленная еле слышным сопением девичьих носиков. Живое тепло со всех сторон — никакая зима не страшна. И только одна мысль в голове: не зря я, оказывается, когда-то ради любопытства заглянул в «Камасутру». Не зря. А то ведь… мог бы и оплошать. Н-да.

Эпилог

Я честно попытался попрощаться.

— Езжай уже, куда ты там собрался, — сонно напутствовала меня Мила, даже не пытаясь открыть глаза, не говоря уже о попытке оторвать голову от подушки. Кара и вовсе на попытку её разбудить прореагировала только тихим невнятным бурчанием.

— Я вам напишу, как только определюсь хоть на какое-то время с адресом, — пообещал я. Курьерская почта в королевствах по сравнению с доставкой сообщений летающими химерами медленная и не особо надёжная, но в целом вполне работает. Другое дело, что корреспонденция может идти несколько месяцев даже до соседнего королевства и почтовые трекеры владельцам сервиса не снятся и в самых страшных снах… но другого доступного варианта всё равно нет… Оставил в итоге на столе записку с той же информацией, что пытался передать вслух — не был уверен, что спящие красавицы вспомнят хотя бы то, что их кто-то там утром пытался растолкать. Ну хоть голова болеть у них после пробуждения точно не будет.

Вчера мне всё-таки пришлось пускать в ход магию — очень-очень осторожно и по чуть-чуть. Алкогольная «анестезия» неплохо справилась и сама по себе — Ле была права на счет «проверенного способа», но я всё-таки постарался, чтобы от плавно перешедшего в ночь вечера у пришедших поблагодарить меня девушек остались только самые приятные впечатления. Кто бы знал, как мне сильно хотелось, когда герцог предложил выполнить мою просьбу, тупо взять деньгами. Тем более, де Бергу досталась заначка его бывшего друга-управляющего Горация, и я точно знал из доставшихся нам с Миланой фрагментов переписки, что сумма с четырьмя нулями там точно есть. Однако запросив золото в глазах герцога я перечеркнул бы все свои предыдущие достижения, скатившись до уровня простого наёмника — и, мало того, бросил бы некоторую тень на «моих» людей в лице Карины и, в какой-то мере, Миланы. Вот выверт дворянского менталитета. Спасибо обезличенной памяти, которая помогла мне не мучаться с выбором. А так, благодаря мне дочка рыцаря и баронетта сорвали настоящий джекпот — благодарность герцога, выраженная в его поддержке моим идеям, была реально большой. Что интересно, выбрав награду для других и не попросив ничего для себя, я в итоге тоже оказался не в накладе. И я имею в виду не только фееричное окончание вчерашнего вечера.

Для понимания: почему две приличные благородные девушки пришли выказать мне благодарность в такой, мягко говоря, *откровенной* форме? С рыжей всё просто: я протащил её по сословной лестнице сразу через четыре ступеньки — большей части благородных и за всю жизнь такого прогресса не совершить. Просто потому, что для этого надо верно служить, совершать заметные для сюзерена поступки в процессе, и нигде не накосячить. И не сложить при этом голову, пав смертью храбрых, что сложнее. Баронессу же никто уже не поставит сержантом в первом ряду пехотного построения среди мяса для копий противника — в гвардии она только по факту наличия титула и герба получит сразу звание лейтенанта. Впрочем, если для Кары в теории был шанс самостоятельно в некотором обозримом будущем и при определённой удаче повторить карьерный рост самостоятельно, то вот для Милы…

Разрешение Эдмонда для младшей Пэр поступить *на службу* к бывшей своей фрейлине содержало гораздо больше подводных камней, чем могло показаться постороннему. Для дворян в королевствах *в принципе* не было предусмотрено другой службы, кроме военной. Тот же самый управляющий входил в дружину феодала как, условно говоря, интендант, в мирное время занимающийся схожими гражданскими обязанностями. Но в армии воюют все — и солдаты и офицеры служб тыла обычно лишь только реже оказываются на передовой. Будет нужда — в строй встанут все. А то и враг обойдёт с тыла армию и ударит по обозу — тоже самая что ни на есть рядовая ситуация. Потому дочку сэра Матиаса тот же де Берг легко мог признать достойной службы, а вот женственную и не имеющую боевых навыков Милу…

Женщине, позиционирующей себя женщиной, а не рыцарем, магессой или клириком, возможность для продвижения вверх на социальном лифте в местном феодальном обществе была только одна: вместе с мужем. Требовалось совершить что-то поистине выдающееся, чтобы заслугу признал сюзерен и в качестве исключения дал возможность и дальше себя проявлять, закрепив своей волей новый статус. Который, на минутку, теперь давал возможность блондинке больше не зависеть от воли отца в ранее ключевой, как я выше уже объяснил, позиции «семья и брак». Кстати говоря, подозреваю, что такое эмоциональное начало нашей прощальной пьянки-гулянки со стороны Миланы было вызвано именно этой темой: девушка сообразила, что благодаря мне отцовский запрет на брак с внезапно ставшим магом баронетом больше не действует. Только вот одно дело герой войны на Рубеже и близкий друг герцога-сюзерена Кристиан

Бертран, и другое — получившая чужим ручительством и огромным авансом возможность проявить себя дочка барона Пэра.

В общем, девушки меня отблагодарили со всем пылом и энтузиазмом не просто так: ничего бо́льшего они мне дать просто не могли. Правда, Милана порывалась ещё и отдать мне свою часть денег из клада Купы, но я, конечно, её переубедил. Уговорил считать инвестициями с моей стороны в её несомненно успешное управленческое будущее. Заодно и понятие «инвестиция» объяснил… и ещё кое-что по поводу экономики. А ещё рыжая и блондинка очень помогли Маше окончательно почувствовать себя женщиной… женщиной, у которой наглые конкурентки прямо *на глазах* уводят её мужчину! Теперь я точно был уверен: все последствия психологической травмы остались для дочки кузнеца в прошлом. Мне было невероятно приятно видеть, как на обычно сосредоточенное лицо оруженосца то и дело прорывается непрошенная улыбка. Ну вот и хорошо. Всё хорошо, что хорошо кончается.

* * *

Дворец и замок герцога мы покидали с рассветом — благо, Печать подчинения вернула Маше растраченную вчера бодрость. На улице неожиданно потеплело градусов этак до плюс пяти, и землю, и строения укутал густой туман, отчего голоса и звуки просыпающегося квартала ремесленников доносились как через вату и немедленно стихли за спиной, едва мы миновали ворота укрепления. Над полями белое марево сгустилось ещё сильнее, дорога под копытами химер скорее угадывалась, чем была видна, но Вспышку и Милку подобные мелочи не смущали. Разве что разгоняться до полного хода чёрной кобылы мы всё-таки поостереглись, выдерживая аллюр, вполне доступный и обычной лошади.

Сегодня мы опять были полностью снаряжены, как в рейд: даже я, подумав, распаковал свою так и лежащую ещё с момента выезда из Миракии в чресседельных сумках лёгкую броню. Правда, ещё раз прикинув что к чему, ограничился пока только композитным нагрудником. Стоило же тёмной громаде замковых стен окончательно раствориться в тумане, как мы оба совершенно синхронно лязгнули взводными рычагами арбалетов. Встреча с болотным секачом в глубине человеческих территорий меня и моего рыцаря равнодушной не оставила. Кстати, раз уж начали повышать боеготовность…

— Маша, де Берг просил передать тебе, что он восхищён

твоим мастерством во владении оружием, — из той же сумки, где лежало наше золото, я достал сверток, туго перетянутый мотками шпагата. — Но *отдельно* наградить тебя не может.

Или я ничего не понял, или это мне так *намекнули*, что герцог догадался о природе нашей с дочкой кузнеца связи. Уж больно тщательно он обошёл такие слова как «доблесть» и «бесстрашие» — а ведь именно их продемонстрировала мой рыцарь, с одним неудобным копьём бросившись на мутанта. Но у раба под Печатью нет выбора, проявлять доблесть или нет — он не может не выполнить приказ.

— Когда я попросил в качестве поощрения место баронессы для Кары и разрешение Миле стать её управляющей, Эдмонд посмеялся, и сказал, что это он меня должен благодарить за такие назначения, а не я — его, — разворачивая ткань, продолжил рассказывать я. — Потому — вот *наша общая* награда.

Я протянул девушке сильно потёртую кобуру, из которой выглядывала пистолетная рукоять.

— Метатель! — дочка кузнеца с расширяющимися от удивления глазами вытянула тускло блеснувшее оружие. Больше всего магомеханический стреляющий прибор был похож на пистолет «Маузер», которому ствол заменили на трубу диаметром сантиметра три. Отдачи у магомёта не было, потому, в отличии от земного Маузера, кобуру оружия нельзя было использовать как приклад.

— По словам Де Берга, Зар Шестой наградил его метателем за тот же подвиг, что и он — нас, — прокомментировал я. — Эдмонд потерял двадцать человек из своей роты, но тварь, на которую наткнулся его отряд, к близлежащим деревням не пропустил, уничтожил на месте.

«Слабая сторона стихии Жизни — дистанционные воздействия,» — сказал мне тогда герцог, протягивая «пистолет». — «Оружие должно *служить*, а не болтаться бесполезной побрякушкой у пояса. Владей, Арн Бертран.»

— Накопитель на тридцать выстрелов, — я постучал пальцем по тому месту, где у Маузера должен был быть магазин. — Детонация огненного сгустка, которым он стреляет, даже мощнее того, что «на рефлексе» запускает магистр Марат. К сожалению, против тварей с высоким сродством к воде, вроде секача, как ты видела, эффективность поражения очень низкая. Зато многим другим степным и лесным монстрам мало не покажется.

А ещё эту штуку можно продать, и выручить как бы не в полтора раза больше золота, чем сумма, которую я мог бы рассчитывать получить у герцога, запросив деньги вместо помощи Каре и Мире. Конечно, я десять раз подумаю, прежде чем

продавать такую полезную штуку. Денег от продажи всё равно скорее всего не хватит полностью оплатить обучение в Университете, значит, мне опять придётся летом пойти в рейды. А там оружие последнего шанса, пусть и не совсем универсальное, мне ещё как пригодится. По крайней мере, с метателем у меня был бы шанс хотя бы *достать* долбанную гидру…

Мы ехали. Туманная хмарь, провисев в воздухе без движения и особых изменений добрых полтора часа, наконец-то начала медленно рассасываться, оседать. Химеры бодро тащились по уже хорошо знакомой им дороге, не особо требуя нашего участия в управлении: после проводки торгового каравана в Сплав, заблудиться было трудно. Хотя бы потому, что десятки телег основательно так разбили зимнюю грунтовку. Да и сама дорога была не в пример более наезженной, чем тот дикий проселок, по которому мы попали в герцогство в первый раз. Кстати, на счёт Сплава: городок, пожалуй, стоит миновать галопом на максимальной скорости Милки. Учитывая, что я сначала хорошо так нагнул местное купечество, а потом и их покровителя и лоббиста Горация чуть ли не лично сдал Эдмонду на расправу — лучше не проверять местное гостеприимство.

Я достал атлас: к ненавистному сборнику «карт» местности волей-неволей пришлось обратиться опять, выстраивая новый маршрут. Примерно я уже представлял себе, как надо двигаться: минуя упомянутый Сплав на юг, по тракту, который ниже раздваивался у стен столицы королевства Зар. Свернуть требовалось теперь на запад, там ещё несколько часов пути — и будет юго-западная граница королевства. Чтобы попасть в Эпию, мне придётся пройти наискосок угол другого королевства, причем не по тракту, который делает огромную петлю, а срезать через территорию тамошнего герцогства, название которого я даже не стал запоминать. Выйти к пограничному мосту на ещё одной реке, пройти его, и уже по землям Эпии добраться до столицы. Три-четыре дня на обычных лошадях, как и сказал Марат, или чуть меньше двух суток пути для двух химер, если двигаться ещё и в темноте, на манер купцов используя алхимлампу… Если не наткнёмся в процессе движения ещё на какую-нибудь «случайно пропущенную незначительную деталь рельефа» вроде горного массива, оврага величиной с Большой Каньон, или какой другой «мелочи». После стольких косяков в обозначении уже пройденного пути — прямо вот вообще не удивлюсь. Что-то мнится мне, если я ещё пару месяцев поболтаюсь по королевствам, то список моих претензий

бракоделам-«картографам» можно будет отдельно издавать книгой листов этак на пятьсот! Хм. А это ведь — идея…

У Вспышки ровный, гладкий ход, потому я без проблем потратил два часа, не отрываясь и не особо сдерживаясь перенося на поля свои заметки алхимическим карандашом. Лилиана знала, что делала, исписывая свою книгу, и мне по её примеру, пожалуй, не стоит полагаться только на память: программ-органайзеров с облачным хранением информации тут нет и не предвидится. И, как я подозреваю, куда проще записать обнаруженные проблемы для себя, чем достать более точные карты. Интересно, они вообще существуют, хотя бы у местных вояк и разведчиков? Или все местные стычки-набеги на соседей тоже проходят на глазок и с различными «элементами неожиданности», причём даже на собственной территории? Пфф, вспоминая дороги в Балоте, и, особенно, стратегический «мост», почему-то именно в последнее больше всего верится. Зар в этом плане едва ли не светоч цивилизации: кое-где на тракте даже башни-форты местных королевских вояк расставлены. Толку, правда, от них, когда от одного укрепления до другого километров тридцать…

Узкая дорога позволяла ехать бок-о-бок только едва ли не касаясь друг друга. Потому, когда Маша немного изменила позу на более напряжённую, я совершенно бездумно выхватил взведённый арбалет из седельной кобуры, другой рукой придерживая захлопнутую книгу, и только после этого коротко поинтересовался:

— Что?

— Уши. Химеры, — коротко по-боевому пояснила рыцарь.

Вспышка и Милка никаких тревожных сигналов не подавали, но их чуткие подвижные ушные раковины сейчас смотрели чётко вперед, отслеживая неслышимый нам источник звука. Не классифицированный умными кобылами как опасность — иначе они как минимум притормозили бы как у помянутого разрушенного моста в Балоте, но чем-то химер всё-таки насторожившийся.

— Мы уже где-то рядом с королевской дорогой, — я оглянулся по сторонам. Уже минут сорок как пропали поля и нас окружали только деревья. — Может, очередной торговый караван мимо идёт?

Или не торговый. Или не караван, а, скажем, рота солдат: должны же гарнизоны в башнях сменяться. В любом случае, одиночная телега или несколько всадников внимания наших кобылок не привлекли бы. Я подумал, пытаясь вычленить из тишины леса хоть какой-то посторонний звук, потом решительно

сунул арбалет в кобуру и вытянул из-за пояса метатель. Паранойя, конечно, но… мало ли что? Последнего изменённого, по информации Марата, до эффектного появления из болота «нашего» кабана в Заре тоже видели лет эдак с пятнадцать назад. И к тому моменту, когда та тварь пробилась на территорию королевства, её уже несколько дней пытались загнать и прибить гвардейцы двух соседних восточных королевств. А вот поди ж ты: именно нам повезло нарваться на незаметно просочившуюся так далеко на юг сволочь. И вообще, бережёного Све… бог бережёт. Главное, не фигануть взрывающимся сгустком пламени себе или химере под ноги с непривычки.

Приближающийся чавкающий перестук копыт я всё-таки расслышал, всего пять минут спустя. До тракта добраться мы не успели — кто-то ехал навстречу. Лошадей где-то около десятка… на торговый обоз не похоже. В принципе, я даже догадываюсь, кого это там несёт: разумеется, о нападении порождения Шрама (и успешном уничтожении чудовища) де Берг немедленно отписал «наверх». Если бы опасную тварь не убили, в герцогство уже часов через шесть стали подтягиваться войска из ближайших гарнизонов, прискакала бы королевская гвардия на химерах и вообще пошла движуха.

А так, получается, полковник запаса своими силами угробил почти гарантированные повышения и награды массе страждущих, готовых рубиться с противником и совершать подвиг до последнего своего солдата. Ну не зараза ли старина Эдмонд? Впрочем, уже случившуюся победу тоже можно было использовать в подковёрных придворных играх… если, конечно, она была. Вассалу, разумеется, нужно верить на слово, вот только королю, беда-беда-огорчение, по должности не положено быть доверчивым. Так что, пока собрали комиссию для подтверждения факта подвига, пока поделили теоретические гешефты, пока пропихнули своих людей для освещения ситуации в нужном свете, пока доехали… Так что метатель тоже в кобуру на пояс и морду повежливее: пусть столичные штучки спокойно проедут мимо. Ага, вот и поворот грунтовки: сейчас мы их уви…

Я не угадал: вместо предполагаемой группы аристо в мундирах и броне навстречу двигался отряд церковников. Перепутать снежно-белые, словно светящиеся на фоне по-зимнему чёрных стволов деревьев сутаны-мантии с чем-то ещё очень сложно. Впереди группы, поравнявшись с первым из всадников, двигался Светлый Рыцарь Валериан. Разумеется, нас он тоже узнал. И по тому, как изменилось выражение его лица, я понял: спокойно не разъедемся. Проклятье!

— Сам Свет свёл нас, нечестивец! — первоклассно обученный светло-серый жеребец, повинуясь едва заметным движениям колен всадника вынес будущего паладина перед вынужденной затормозить группой белых и преградил и нам, и им дорогу. — Бесчестное республиканское отродье! Ты смог одурачить де Берга и его дворян, но не меня!

— Это вызов? — на всякий случай деловито уточнил я, быстро прокачивая ситуацию. Чёрт, вот ведь неудачно нарвались: что-то мне подсказывает, что эта святая консерва в герцогстве вела бы себя куда скромнее. Собственно, и вела: после нашего с дочкой кузнеца триумфа, моей манифестации и минимальной информации о происхождении Лилианы Бертран, сложить два и два было уже совсем просто. Но кроме незаметного плевка в сердцах вчера днём, я по отношению к себе никаких действий не увидел.

— Много чест!..

— Ты продолжай, продолжай, — покачал я стволом опять выхваченного метателя в сторону выпучившего глаза идиота. Идиота, настолько уверенного в своей безнаказанности, что даже оружия не обнажившего. Кстати говоря, оружия я в принципе ни у кого из белых, кроме рыцаря, не видел, однако под их балахонами можно было много чего спрятать. Одни капюшоны чего стоят: лиц не разглядеть. Зато Вал без шлема, потому, даже если огненный сгусток детонирует на его доспехе, а не под ним — голову придурку всё равно оторвёт. — Уважаемые *коллеги*, не могли бы вы пока спешиться и отвести коней в лес шагов на двадцать? Уверяю, *временные разногласия* с сэром Валерианом мы сейчас решим.

— Коллеги?! — едва не захлебнулся от захлестнувших его эмоций Белый. — Да ты!..

— Я слушал магистра Марата. Внимательно слушал, — перебил я. — *Неофит* Жизни — такой же *светлый* одарённый, как и ты, и любой другой клирик. Я просто не могу быть *нечистым*.

— Чушь! Ересь!

— А ещё я баронет по праву рождения, которому, оскорбив его родителей, ты отказал в праве на поединок чести *при свидетелях*, — с нажимом добавил я.

Сомневаюсь я, что эти «свидетели» станут на мою сторону… с другой стороны, зарядов в оружии у меня больше, чем людей и коней у противника вместе взятых. Скорее всего всех положу — рука не дрогнет. Но вот чего мне меньше всего сейчас хотелось бы — доводить дело до конфликта. Пропажа целой группы Белых — это очень плохо, даже если убитых не найдут. Учитывая, что мой отъезд по той же дороге, по которой они должны были

прибыть, секретом долго не пробудет — мне лучше не стрелять. Но и не доставать пистолет я не мог: чего бы не хотел сделать недопаладин, вряд ли мне бы это понравилось. А так получился долбанный пат, и, держу пари, старший группы — не Вал, а тот, кто возглавляет отряд на самом деле, прекрасно это понимает. Надо было сразу в лес самим уйти, стоило только химерам шум услышать. Можно и сейчас попробовать, но среди деревьев преимущество метателя быстро сойдёт на нет…

Держащаяся впереди остальной группы молчаливая фигура в белом, рядом с которой ехал Валериан, подняла руки и аккуратно откинула капюшон с головы. И тут же рядом ахнула Маша, едва не заставив меня выжать спусковой крючок.

— Отче Митчелл?!

— Мой *подопечный* Валериан скор на язык и суждения, но в одном он прав: сам Свет свёл нас на этой дороге.

* * *

— Я… прошу… прощения… за свои слова, — такое впечатление, что рыцарю пришлось выдавливать самому себе внутренности, чтобы выговорить эту простую фразу. Поклон, которым должно было завершаться извинение, и вовсе вышел марионеточно-деревянным.

— Очень хорошо, — прокомментировал Митчелл. Клирик с абсолютно седой шевелюрой, белыми бровями и белой, аккуратной бородкой клинышком, смотрелся кем угодно, но только не грозным магом своей Стихии. Однако, был им — я ведь хорошо запомнил рассказы своего оруженосца. — Я также прошу прощения за этот инцидент, баронет. Мне, как куратору будущего паладина, нужно было удостовериться, как проходит этап самостоятельной практики у Вала… вижу, некоторые проблемы при принятии самостоятельных решений есть.

— Извинения приняты, — как можно более любезно ответил я. И куртуазно склонить голову не забыл. Когда разговор пошёл по конструктивному руслу, пришлось вслед за оппонентами спешиться и убрать оружие. Да, то, что я юридически успел побыть бароном и передал свои права на манор согласно завещанию, я решил пока опустить. Тем более, на плаще остался старый, не правленный герб: дополнять эльфийскую вышивку человеческими руками означало полностью испортить рисунок. — Так мы можем ехать?

Белый очень натурально изобразил сожалеющий вздох.

— Боюсь, пока нет.

Б…ть. И почему я не сомневался?

— Лично к Вам, Арн Бертран Миракийский, у меня никаких претензий, — тон и манера ведения разговора у клирика чем-то мне напоминала таковую у Марата, вот только я чувствовал под каждой фразой, образно говоря, тонкий лёд. — Судя по письму моей… воспитанницы вы очень достойно проявили себя в деле уничтожения Тёмных и собираетесь продолжать в том же духе. Похвально, и не может не радовать. Ваше желание поставить силу Жизни на борьбу против изменённых тоже находит у меня только одобрение. Опять же, я очень признателен, что вы смогли не только спасти Маришу, но и дать ей возможность выполнять принесённую клятву, несмотря на все печальные обстоятельства…

Если бы я только знал, что чудаковатый клирик-отшельник, решивший пожить в отдалённой деревне, внезапно может оказаться во главе спецотряда Церкви, направляющегося расследовать нападение твари — язык бы себе откусил, но не стал уговаривать Машу написать письмо в родную деревню! Отец волнуется, как же… тьфу! Идиот! Впрочем, не исключено, что мы бы встретились тут всё равно, только у меня не было бы этого своеобразного «алиби» в глазах одарённого чиновника Белых.

— Порядки республики Лид не вызывают у меня восторга, но и переделать их не в моих силах, — степенно продолжал Митчелл. — Но наша вера учит нас: даже если не можешь сделать великое, делай малое, то, что тебе по силам. Если каждый будет трудиться так, то благодать Света снизойдёт на человечество сама собой… Не считаете ли вы, Арн Бертран, что держать в рабстве человека, низведённого до статуса *вещи* — неправильно, противоестественно?

— Считаю, — пожал плечами я, краем глаза заметив, как встрепенулся Вал. Только что этот… моральный опущенец переживал фантомные боли пониже спины из-за собственноручно принесённого извинения, и вот пожалуйста, оживился. Плохо! — И со своей стороны сделал всё, чтобы это исправить…

— Как я и сказал, сам Свет свёл нас сегодня здесь, — степенно сложил руки на животе белобородый. — Осталось сделать последний шаг: снять Печать подчинения с чистой человеческой души…

— А это вообще возможно? — от удивления перебив клирика, брякнул я.

— Возможно, — спокойно кивнул церковник. — Свет может очистить *всё*.

* * *

— Нет!

— Ты понимаешь, от чего отказываешься, дочь моя?

— Да!

— Не слушайте его, наставник. Нечестивец просто приказал ей так думать!

— А ты вообще заткнись!!!

Видели когда-нибудь истерящего рыцаря в полной броне? Я вот сподобился.

— Маша…

— Нет! Не приказывай мне этого! Пожалуйста, Арн!!!

Напряжённая дорожная разборка стремительно перерастала в какой-то дурной фарс. Настолько дурной, что даже держащую языки за зубами, а морды — кирпичом свиту Белого пробрало.

— Давай отойдём и поговорим с глазу на глаз, — предложил я, кивая в сторону химер. Двинувшегося было вслед на за нами Валериана притормозил, положив руку на плечо, Митчелл. На самом деле соблазн вскочить на химер и вихрем помчаться назад в герцогство у меня действительно был: все проблемы решить разом. И да, я идиот: это и нужно было сразу делать, едва я понял, что мы вляпались в Белых. Чёрта с два они на своих конях нас догнали бы, а пробиться к королевскому тракту можно было по второй дороге. Но сейчас уже поздно: проклятый клирик зацепил уже *меня*.

— Ты понимаешь, от чего отказываешься? — тихо спросил я её. — Мы думали, что Печать снять нельзя, потому даже не пытались…

— И не надо, — глаза у девушки были на мокром месте. — Не хочу… не хочу с тобой расставаться!

М-да.

— Ты думаешь, что нас удерживает вместе только твоя Печать? — когда я проговорил это вслух, мне вдруг стало даже как-то обидно. — Маша? Серьёзно? Ничего, что ты мой вассал? Хорошего же ты обо мне мнения… И о себе — тоже.

— Но Кару ты не взял с собой, а меня — взял!

— Ма-ша, — я с силой потер лоб рукой. — Кару я месяц назад в первый раз в жизни увидел… ну хорошо, не в первый, но из детства я её толком и не помню. Мы же с тобой через столько прошли, сколько раз вместе жизнью рисковали… И я сказал тебе, что ты — моя семья. Вот как можно сравнивать?

— Без Печати я не смогу жить с тобой и Роной в Лиде, — уже не так уверенно привела новый довод дочка кузнеца.

— Вот уж не проблема — нанести Печать раба заново, — попенял я ей. — Но это уже будет твоё собственное решение, понимаешь? Не предателя-клирика, не какого-то там Повелителя

Жизни, для которого жизнь и свобода обычного человека давно ничего не значат, а твоё.

На самом деле, в глубине души я бы тоже предпочёл оставить всё как есть — к девушке-рыцарю я привязался и совсем не хотел её терять. Но… если я действительно хоть немного люблю её — нужно дать ей сделать этот выбор. Дать сделать выбор человеку, с которым собрался связать жизнь, а не таскать за собой любимый, но бесправный *предмет*! Ну и ещё одна ма-аленькая проблемка: похоже, клирик не собирался выпускать нас, пока он не проделает с Машей желаемую процедуру. Причём, несмотря на задекларированную «просто помощь ближнему», у меня сложилось впечатление, что ему зачем-то втемяшилось в голову провести ритуал именно над Машей. Будь со мной кто другой — и нас после неудачной демонстрации Валом умения вести переговоры действительно отпустили бы.

— Ты ведь написала в письме домой именно то, о чём мы говорили? О церковнике-работорговце, о том, что у тебя сейчас всё нормально — и просьба передать отцу, что ты жива, так? Ничего более?

— Ничего, — подтвердила девушка.

М-мать. Ладно, придётся поговорить ещё раз.

— Насколько снятие Печати Светом безопасно? — вновь подойдя к терпеливо ждущему Митчеллу, спросил я.

— Свет *очищает*, и ничего более, — пожал плечами мужчина. — В отличии от других Стихий, Первостихией нельзя нанести *побочный* ущерб. Таково её свойство. Будь иначе, Церковь не отправляла бы своих пробудивших дар послушников *практиковаться* на людях. Бояться нечего.

— Я бы не сказал, — поморщился я. — Ваш ренегат, про которого Маша… Мариша писала — он вполне смог использовать свою Силу не по назначению.

— Отступник уже понёс своё наказание, — ровным голосом отчитался клирик. — После многократного Очищения ни капли *скверны* в его голове не осталось.

Ну и фразочка. Получается…

— Он что, всё забыл? — догадался я.

— Свет может очистить что угодно. В том числе и голову человека от мыслей и памяти, — всё с той же интонацией сообщил Митчелл. Он заметил, как меня перекосило от такого признания, вздохнул, и уже нормальным голосом сказал. — Арн… можно на ты? Спасибо. Я понимаю, что ты неофит всего восьмой день, и твой вынужденный учитель просто не успел тебе толком ничего рассказать. Но — подумай вот о чём: если

одарённый может управлять своей Стихией, а люди — все одарённые Света, то что происходит, когда Свет вливается в человека?

— Попадает под контроль реципиента? — недоверчиво переспросил я.

— Да. Нужно обладать невероятно сильной волей, чтобы причинить другому вред Светом… или нарочно ослабить волю и дух противника заранее.

Понятно. Именно это с Машей и проделали.

— Люди, приходящие на Литургии, именно потому получают от света желаемое, что он выполняет их волю. А клирик — лишь играет роль генератора, элемента силовой накачки.

— И если перед воззванием к Свету была прочитана проповедь… — дошло до меня.

— То наш мир после становится чуточку лучше, — устало улыбнулся церковный маг. — Вот почему для успешного снятия Печати необходимо твоё желание и согласие, Мариша. А то иной раз доходит до смешного: люди идут к клирику чтобы *отстирать* одежду без стирки и лишний раз *не мыться*. Или молодые дуры избавляются от нежелательной беременности, попросив об этом Свет.

Жесть. Нет слов.

— И всё-таки, почему мой рыцарь вам так важна, — поколебавшись, всё-таки напрямую решил спросить я.

— Если я тебе скажу, что для меня важен любой мой воспитанник, ты мне не поверишь? — переспросил Белый. — А зря. Я ведь не просто так выделил её и некоторых других деревенских детей, возился с ними, учил. Чистота души так легко уходит, стоит только маленькому человеку соприкоснуться с грубой прозой жизни. И Свет тоже уходит. Возвращается на краткий момент Литургии — и тухнет вновь. Один из нескольких тысяч сохраняет свой Свет и способен его приумножить, стать не просто одарённым, но клириком. Можешь считать это экспериментом, можешь — блажью, но я хотел дать им шанс. Мариша, несмотря на те страшные испытания, что выпали на её долю, не озлобилась, не разочаровалась в своих идеалах, прошла до конца… Вот почему я, как и ты, хочу, чтобы она *сама* сделала свой выбор — каким бы он ни был.

— А у вас на редкость тонкий слух, — неприятно удивился я. Очень мне хотелось сказать, как Маша «не разочаровалась», и как мне пришлось в буквальном смысле слова отпаивать её вином после нервного срыва в Нессарии. Но упёртый клирик ведь всё равно не успокоится.

— Шумы и голоса, — хмыкнул церковный маг. — Свет может

очистить *что угодно*.

* * *

Поскольку Белым в этот раз было не перед кем особо выделываться, вроде кучи людей на церковной проповеди, подготовка к ритуалу Очищения (вот я и узнал, что это такое) получилась довольно простой. А именно: я отвёл химер ещё метров на десять дальше от места применения Силы Света, дабы их не зацепило, а за это время Митчелл повторил для дочки кузнеца краткий инструктаж: сосредоточится на желании избавится от Печати, чтобы Свет из внешнего источника смог вытеснить чужую магию из организма. Генератором предстояло выступить всё тому же Валериану: похоже, экзамен после полевой практики для него ещё не кончился.

Судя по поведению белобалахонной свиты церковного чиновника, процедура вроде этой для них была совершенно рядовым событием: пока один, не чинясь, нашёл на дороге место посуше и почище, остальные отвели, наконец, своих лошадей под деревья и привязали рядом с выбранным местом для ритуала, задав корм. Кто-то вооружился скребком и щёткой, но спешить с обслуживанием не стал: видно, использовать изливающийся Свет для чистки лошадей служителям всечеловеческой Стихии вовсе не казалось кощунством… ну а если что-то там не сработает до конца — тогда можно и руками поработать будет. А что такого-то, главное, работает.

Сам бывший деревенский клирик внимательно следил за действиями Валериана, иногда задавая уточняющие вопросы, чем изрядно того нервировал, а это, признаться, нервировало уже меня. Одно дело, когда капельницу в больнице ставит врач или хотя бы опытная медсестра, и другое — когда студент-медик, которого пинками загнали проходить клиническую практику. И ведь уже знаю из объяснений, что в работе с магией Света напортачить практически невозможно, но всё равно. Ещё я немного волновался на счёт того, как изменится поведение Маши, но… именно что немного. Было бы обидно узнать, что её хорошее отношение ко мне, её доверие было результатом лишь работы магии Жизни… Однако, учитывая, что я насмотрелся на рабов, которые были мягко скажем не в восторге от своих хозяев, шанс на подобный исход был мизерный.

Наконец, всё было готово: Светлый Рыцарь, поколебавшись, вытащил свой клинок, повторяющий святой символ Церкви, воткнул его в середину дороги, сам положил руки на рукоять и

попросил Машу сделать то же самое. Один из Белых занял позицию за спиной у моего оруженосца, другой — сбоку, когда я покосился на Митчелла, тот коротко объяснил:

— Визуальный контроль. Мы не сможем *увидеть* магию Жизни, но мы сможем увидеть, где Света *нет*.

Учитывая, что Свет, судя по всему, может *напитывать* какой угодно предмет, вроде того, как я заполнял Жизнью вишневые ветки, возможность охренительно полезная: главное — глядеть во все глаза. Особенно для всяких там монархов, которым под видом безобидной херни могут подсунуть амулет на основе Огня — этакую бомбу, а то и подослать убийцу под Печатью. Водой и Воздухом, подозреваю, напакостить можно ничуть не хуже — ещё одна причина венценосцам усиленно привечать Белых…

— Я начинаю, — предупредил рыцарь, как будто кто-то из присутствующих этого мог не заметить. — Очищение!

Свет хлынул во все стороны, в этот раз ощущение давления было такое, словно меня пытались *целиком* завернуть в пищевую целлофановую пленку — и это, как я догадываюсь, при том, что Вал концентрировал всю доступную ему Силу в мече. И опять Печать Маши вспыхнула, чётко расчерчивая линии, наливаясь неоново-зелёным свечением…

— Что-то не так? — вполголоса спросил я, когда картина спустя три минуты ничуть не изменилась.

— Твой оруженосец на самом деле не уверена, что хочет свободы, а у Валериана не хватает убеждённости и силы воли, чтобы *навязать* нужный результат, — так же негромко ответил мне Белый. — Если бы Свет сам по себе мог *делать выбор*… то в нашей организации не было бы такого прискорбного явления, как известный тебе одаренный ренегат.

— Магия — только лишь инструмент, — в очередной раз повторил я слова магистра Марата.

— Верно, — согласился клирик. — Во зло или для добра использовать доставшийся Дар — решать только самому одарённому. И что такое добро и зло. Даже Тьма не является абсолютным злом, пусть и по самой природе своей антагонист Свету, природный враг человека. Будь иначе — и республика Лид уже перестала бы существовать. Пусть это и стоило бы нам половины всех мужчин в королевствах… Не беспокойся, если мой подопечный не справится, я проведу Очищение сам. Мне силы воли хватит.

— Маша! Сосредоточься на Печати. Мы же договорились, — уже в полный голос напомнил я, заставив девушку вздрогнуть. Ну его нафиг этого Митчелла, лучше пусть рыцарь сама справится. Хотя, раз до этого не получилось, всё равно…

…Прямо на моих глазах линии Печати подчинения истаяли, словно растворились в потоке невидимого света. Моя собственная Печать неприятно дрогнула, потеряв энергетический контакт со связанной структурой, и тут же один из клириков-наблюдателей поднял скрещенные руки над головой. Получилось.

— Ну как?! — я первым подскочил к девушке, растерянно убравшей руки с навершия чужого меча, переставшего излучать Свет. — Что чувствуешь?

— Я… на самом деле, ничего такого… — вслушиваясь в себя, сообщила дочка кузнеца. — А…

— А ну отойди от неё! — Валериан неплохо так выложился, судя по всему, он даже качнулся, когда прервал свою магию, но спустя несколько секунд пришёл в себя. — Не смей даже касаться…

Маша повернулась в его сторону и без замаха врезала рукой в бронированной перчатке по щеке, с лёгкостью снося и так не очень твёрдо стоящего рыцаря с ног. По глазам словно ударила невидимая вспышка.

— Я сказала — заткнись, — процедила она. — Я больше не позволю *вам*, Белым, сломать мне жизнь!

И ещё вспышка, более сильная, на секунду высветившая контур меча-татуировки на спине девушки.

— Что? — заметила наконец дочка кузнеца общую реакцию. Словно в ответ на её слова лежаший на земле недопаладин машинально провел рукой по щеке и губам, куда пришлась способная кого другого нокаутировать пощёчина… и с недоумением, переходящим в откровенный страх уставился на широкую полосу ярко-алой крови. Попытался что-то сказать, но тут же схватился за горло, а из уголка рта вниз потянулась, расширяющаяся на глазах красная дорожка.

— Вот так и выглядит манифестация Света, — совершенно спокойным голосом прокомментировал бывший сельский клирик. Он подошёл, без всякой суеты подхватил подопечного за бронированный локоть… и словно не чувствуя веса вздёрнул на ноги. Не обращая внимания, что чужая кровь пачкает ему рукав мантии, другой рукой бесцеремонно оттянул вниз челюсть Светлого Рыцаря, заглянул в горло. — Боюсь, я вынужден попросить твоей помощи, Арн, иначе Валериан может лишиться возможности произносить звуки навсегда.

— А? — до Маши только теперь начало доходить, *что* она натворила. — Это… я?!

— Я неофит без опыта, — буквально полчаса назад я реально хотел пристрелить Вала… и, будь у меня возможность сделать это *без последствий* — ещё неизвестно, как прошла бы беседа. Но

теперь… — Магистр Марат предупреждал, что Жизнь при таком неумелом применении может… вырастить что-нибудь лишнее.

Например, раковую опухоль, брр.

— *Лишнее* — как раз не проблема, Свет справится. Можешь действовать смело.

* * *

Крепость-монастырь Белой Церкви выглядела охренеть как внушительно: очень сильно улучшенная и прокачанная версия замка Эдмонда. И, в отличии от резиденции герцога тут ворота запирали даже днём. Два самоходных металлических горшка с обнажёнными, упёртыми в настил подвесного моста полуторниками изображали то ли стражу, то ли почётный караул — довольно идиотское занятие, учитывая, что монастырь, он же учебный центр белого рыцарства стоял в прямом смысле в глухом лесу, и посторонних тут тупо не было. Мало дураков разъезжать по территории, от который до границы Шрама буквально рукой подать — примерно на той же широте располагался полис Эрст. В общем, стены и ров вокруг замка лишними точно не были, а вот «почётный караул»… Может, у них тут вместо карцера такое наказание?

Я спрыгнул на окованные доски, попытался отряхнуть забрызганный грязью геральдический плащ: вотще. С другой стороны, если четверо суток скакать только с остановкой на короткий ночлег — ещё и не так перепачкаешься. Маша выпрыгнула из седла вслед за мной, взяла Милку под уздцы: теперь чёрная химера понимала свою всадницу гораздо хуже, приходилось пользоваться теми же способами, что и при взаимодействии с обычной лошадью. Мы остановились друг напротив друга, глядя в глаза: все слова уже были сказаны, слёзы — пролиты, один из двух туго набитых кошелей на последнем привале перекочевал на пояс моему рыцарю.

— Я — вернусь, — уже не знаю в какой раз пообещала мне дочка кузнеца. — Буду учиться, что есть сил, и вернусь как можно скорее!

— Главное — просто вернись, время не так уж важно, — я прекрасно понимал, что провожал девушку отнюдь не в пионерский лагерь. Пусть у неё есть опыт уничтожения тварей, пусть в наличии первоклассная броня и оружие, химера, превосходящая любого простого коня, Свет, в конце концов, которого так боятся твари… Свет, которым нужно *лицензировано* овладеть — иначе церковники будут носом землю рыть, но рано

или поздно найдут потенциального ренегата. А ещё республику критикуют, лицемеры. И в Лиде Маше теперь не спрятаться. А всё из-за того, что одной благообразной сволочи стукнуло проверить, видите ли, свою *теорию* на сумевшей выжить воспитаннице. Проверил, б. ть!

Девушка больше не стала ничего говорить, просто притянула меня к себе. Целоваться, упираясь броней в броню — это, хочу сказать, отдельное «удовольствие», но мы уже успели привыкнуть, растянув процесс прощания на несколько коротких ночей…

— Вы ещё прямо тут…аться начните! — донёсся до нас от ворот искажённый шлемом голос молодого парня. Не вынесла, видать, душа поэта. Да уж, сразу чувствуется по лексикону: воин Света, мать его.

Дочка кузнеца аккуратно от меня отстранилась… и невидимый свет волной разбежался от нас во все стороны, сметая грязь с одежды, смывая лучше всякой воды пот с тела. Химеры тихо всхрапнули: кроме контролируемых выбросов у девушки случались и спонтанные активации Стихии, доставившием нашим кобылкам немало неприятных минут. Под ногами оказался широкий круг тускло-желтого, словно свеженапиленного дерева.

— Мне показалось, я что-то слышала? — в пространство громко спросила она. Милка послушно процокала копытами вслед за моим бывшим оруженосцем, кося глазом на сжатый свободный от поводьев кулак хозяйки, в котором, словно пойманная звезда, бился комок Света. Готов поклясться, что услышал судорожный «ик!» из под одного из бронированных горшков? — М-м, неужели показалось?.. Мне сегодня откроют ворота или нет?!

Металлические болванчики с дребезжащим звоном бросились к тяжёлым кольцам, вделанным в полотно ворот, потянули, напрочь забыв, что вообще-то должны были потребовать документы или, хотя бы, назвать себя. Если внешний пост и впрямь наказание, то залётчики только что продлили его себе дней на пять.

Ладно. Полдела сделано. Теперь нужно заняться своим будущим. Благо, Вспышку теперь больше ничего сдерживать не будет.

* * *

Я уже говорил, что ненавижу средневековые города? Так вот: я ненавижу. Долбанные. Средневековые. Трущобы! Ну ладно, не трущобы, а очень даже «серебряный город»… который местным

дебилам исходя из фортификационных соображений взбрело построить на довольно высоком и крутом холме. Вершина — «золотой город», внутри которого, в самой середине дворец-резиденция короля Эпии, а вокруг — особняки верных дворян, всё это за стеной. Ниже как раз «серебряный» город: вотчина зажиточных купцов, более мелких дворян… и одного мага, приравненного к ним по доходам и статусу. И всё бы ничего, но эти спиральные улицы без названий, и адрес без номера дома, только с описанием типа «белые стены — красная черепичная крыша»… Не-на-ви-жу. Вот, кстати, и шестой по счёту особняк, прилепившийся словно кособокое ласточкино гнездо, и как бы когда-то белый. И крыша такая, с намеком на красный.

На раздражённый стук в дверь сначала долго никто не открывал, хотя со двора определённо доносились приглушённые голоса. Я терпеливо ждал, попутно наслаждаясь пейзажами окрестностей: чёрными рогатками сбросивших на зиму листья деревьев, отсутствием весёлого щебета гостящих в тёплых краях по той же календарной причине птиц и звонким, воистину весенне-оптимистичным журчанием ручья в обводной канаве, откуда остро несло нечистотами. Почти что рай, правда? Наконец, дверь скрипнула.

— О! — вместо приветствия сказал мне мужчина с растрёпанной шевелюрой в тёплом домашнем халате и войлочных тапочках на босу ногу. — Знакомое лицо! Я… сейчас-сейчас… хм… плохая память на лица, что б её!

— Может, это поможет? — я сунул ему под нос полу перекинутой на плечо накидки.

— *Обожаю* геральдику, — с такой интонацией, что поверить в утверждение было попросту невозможно, сообщил… не знаю, кто он, но явно не маг-пиромант. Марата я в принципе без его огнеупорной робы не видел даже в собственных покоях ночью. — Так, красная булава и ветка дуба… чего-то такое вроде было у манора Бертран, а так убей не помню, уж извини, парень.

— Всё верно, я Арн Бертран, — со вздохом представился я.

— Ну это даже не смеш… — разочарованно было отмахнулся мужчина и замер на половине движения. — Арн? Ты — Арн?!

— А мы знакомы? — не менее подозрительно переспросил я его. Чёрт, опять какая-то лажа, что ли?

— Знакомы? — мне достался неожиданно острый взгляд от отбросившего рассеянную расслабленность мужика. — Ну можно и так сказать, Арни. Я ведь твой дядя, Мартин.

Ну да, опять. Здравствуй, лажа. Кто ж сомневался-то?

notes

Примечания

1

Жизненную силу можно конвертировать в магию Жизни, а её, в свою очередь, в магию любой другой Стихии. Подробнее об этом см. в книге «Гражданин».]

2

Лошади для длительного активного движения нужен калорийный корм. В сене калорий не так уж много, потому, если предполагается на следующий день ехать дальше — то будь любезен калории транспорту предоставить. Прикормка и сено/силос для скотины примерно как для человека мясо с гарниром — то есть хорошо сбалансированный обед. Можно питаться одним мясом или налопаться пустой кашей до сытости — но по возможности лучше питаться правильно. В современных условиях у нас, на Земле, обычно не заморачиваются ручным смешением компонентов рациона и используют готовые комбикорма.

3

Ваше благородие — обращения к барону. Обычно представители неблагородных сословий так обращаются еще и ко всем носителям плащей без герба: с них не убудет, а рыцарю или «просто» благородному приятно.

4

Мельхиор — серебристый твёрдый сплав меди и никеля. Столовые приборы из него выглядят немногим хуже, чем из столового серебра, и не подвержены коррозии, в отличие от стальных.

5

Калита — кошелёк для монет в виде мешочка, подвешиваемого на пояс.

6

***«Всем миром» — устаревшее выражение, подразумевающее участие всех членов крестьянской общины в каком-то деле. Да, раньше «миры» были существенно меньше, ведь теперь под словом «мир», если оно используется в значении места, а не понятия, понимают ни много, ни мало — планету.

7

Котта — накидка, прикрывающая доспехи (обычно пехотинца). Обычно просто широкая лента ткани с дырой для головы, на которую спереди и сзади нанесены опознавательные знаки, иногда — подобие длиннополой рубахи без рукавов. На теле солдата К. дополнительно фиксируется поясом, надеваемым поверх. Кроме, собственно, идентификации свой-чужой на поле боя котта несёт защитные функции — не даёт доспехам сильно нагреваться на прямых солнечных лучах и защищает металл от атмосферных осадков и загрязнения.

8

Лесозащитные полосы — очень эффективная мера борьбы с выветриванием почв. Кроме того, деревья создают естественную преграду ветру и зимой, задерживая снег на полях, отчего достигается нужный уровень влажности почвы. Особенно подобные посадки актуальны в степной зоне, но и в средней полосе России востребованы. Кроме того, подобными посадками от сельхозугодий отсекают автомобильные и железные дороги, снижая вредное влияние выхлопов на посадки.

9

Умбон — металлическая накладка, размещенная в центре щита. Функция — дополнительная защита кисти руки бойца.

10

Чтобы понять, как работает двуручный или полуторный меч против латной брони, посмотрите на топор типа колун. Лезвие тупое, просто металлическая чушка, формирующая весьма условное и совсем не острое «лезвие». Тем не менее, брёвна и пни он раскалывает только в путь за счет концентрации кинетической энергии замаха по линии удара. А дальше переданная на объект атаки энергия справляется сама.

11

Резкий удар поперёк сонной артерии вызывает потерю сознания. Этот не самый простой приём был очень популярен одно время в боевиках — всякие там Рембо и Крепкие Орешки косили им врагов как траву. Вот только сильным ударом по шее гораздо проще эту самую шею сломать или, «хотя бы», вызвать сдвиг позвонков — тоже ничего хорошего по последствиям.

12

Обращение «сэр» в королевствах справедливо и к женщине, если она в рыцарском звании. Тонкость в том, что женщина, в отличие от мужчины-дворянина, может выступать как в роли собственно рыцаря, так и в роли благородной дамы. Тут важно не перепутать, иначе нанесение оскорбления гарантировано.

13

Имени, оканчивающиеся на «-ия» и «-ая» на местном диалекте не идентифицируются как именно женские (Как пример — Гарсия, мужское имя). В принципе, в королевствах (и в республике, соответственно, тоже) используется очень большое количество вариантов имен, гораздо больше, чем у отдельных этносов на Земле. Именно потому часть имен так похожи по звучанию на земные из разных языков. С одной стороны, это связано с тем, что фамилии практически не в ходу, с другой — что центральная человеческая религия преклоняется перед Стихией Света, а не перед человекоподобным божеством (и культа святых как персонификаций исполнителей конкретных молитв и покровителей определенных деяний тоже нет), с третьей… ну а вот это вы, дорогие читатели, вы узнаете из сюжета.

14

Милорд — то же самое, что и «мой лорд», но в разговорной фразе звучит привычнее и благозвучнее. Словосочетание «господин милорд» означает, что Карина признает конкретно этого баронета главнее себя (не выше — это понятно из иерархии само собой, а именно главнее — в составе вот их конкретного коллектива) — раз, и что она вассал представляемого — два.

15

Оперативно выдернуть из ножен длинное оружие человеку мешает длина собственных рук — её попросту не хватает без перехватывания. Кроме того, носить длинный клинок у пояса удовольствие так себе, а из-за спины вытаскивать такое оружие ещё более проблематично. В принципе, для конного рыцаря длинный клинок тоже скорее помеха — в любом случае короче копья, что не дает использовать его при сшибке на скорости, но столь же неудобен в бою, когда скорость потеряна. Собственно, так называемый «полуторный клинок», или иначе «барстард», был попыткой создать «универсальное оружие», объединяющее преимущества длинных и коротких клинков, пригодный для работы с седла и в пешем строю. И в какой-то мере это даже удалось сделать.

16

На самом деле, экология — наука, которая переплетается практически с любой сферой деятельности человека. Экономика — не исключение, так как потребление (и производство, и финансовая система) завязаны на социологию, в которой отнюдь недаром есть раздел социальной экологии.

17

См. главу 2 книги «Гражданин».

См. там же.]

19

Арн ошибается: шпага — целый класс клинков, некоторые были предназначены для использования именно в бою (см. т. н. «Боевые шпаги»), и, более того, верхом! Кроме того, шпагу никто не «придумывал» — этот тип клинков является итогом последовательной эволюции одноручных мечей, с течением времени и сама Ш. сильно изменялась. Ну и на закуску: то, что описывает ГГ, вообще скорее всего вообще рапира. Но — я осознаю, что большинству читателей различия холодного оружия до лампочки, потому продолжу пользоваться «классификацией» от Арна.

20

Если кому интересно, то по части языческих верований Божий Суд, то есть судебный поединок, нужно было начинать в полдень — во время верховенства в мире светлых сил. Не удивительно, что на территории, где лидирует религия поклонения Стихии Света, подобная традиция сохранилась. Кроме того, в мире, где часы — редкость и роскошь, полдень — одно из немногих регулярных астрономических событий, к которому легко привязаться.]

21

Прижигание биологических тканей, включая сварку соединительно-тканных волокон сейчас используют при лапароскопических операциях брюшной полости. Фокус в том, чтобы правильно подобрать температуру, при которой белок, входящий в состав структурных элементов биотканей не сгорал, а коагулировал, склеивая место разреза. Для примера, тот же процесс превращает жидкий белок в курином яйце в плотное твердое тело при варке вкрутую.

22

Средневековое дамское верховое седло действительно предполагает посадку боком. Как можно сколько-нибудь долго таким образом держаться на лошади, движущейся хотя бы рысью — для автора не меньшая загадка, чем для вас.